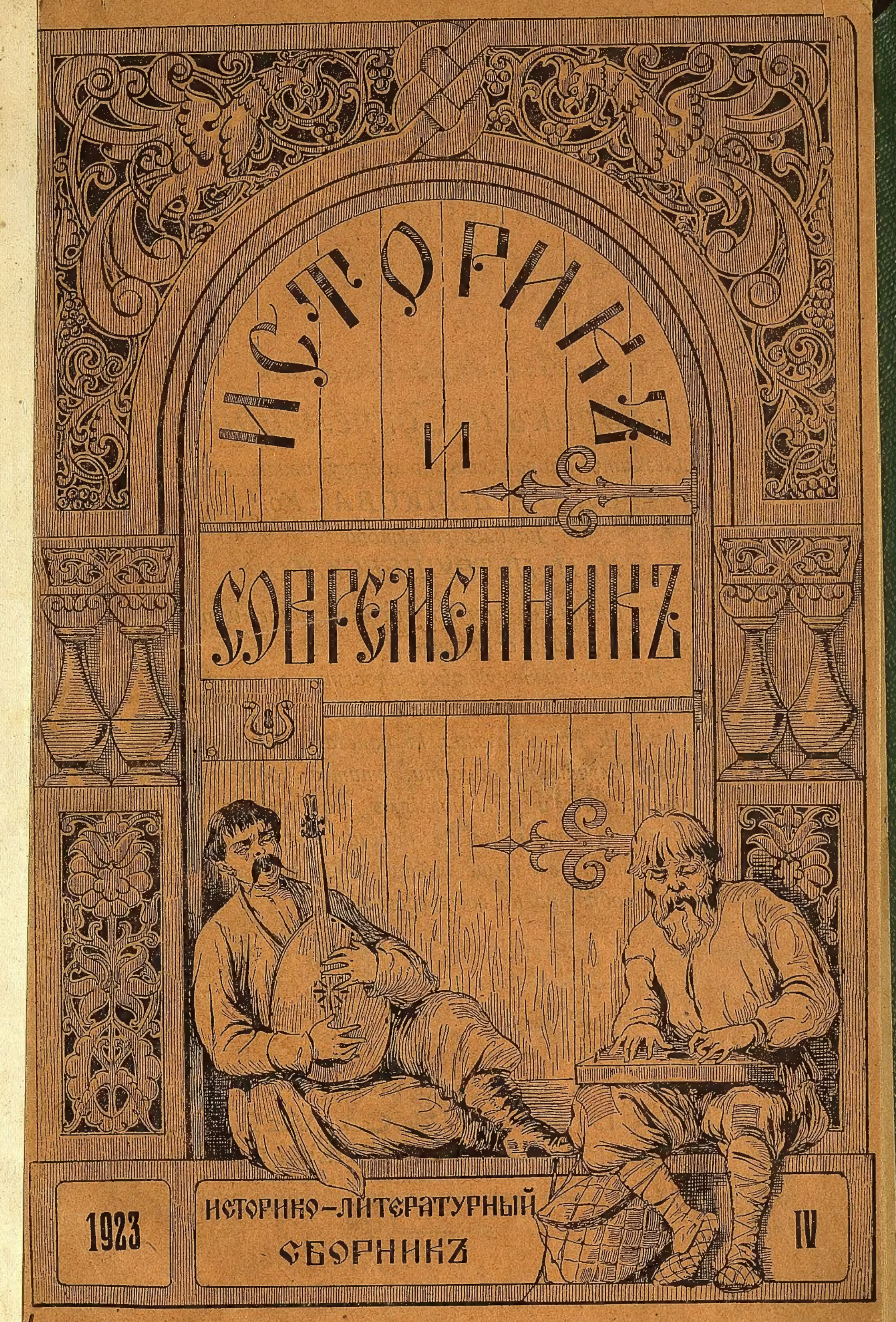

ИСТОРИКЪ
И
СОВРЕМЕННИКЪ
1923
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИКЪ
IV

Редакція и контора сборника

„ИСТОРИКЪ И СОВРЕМЕННИКЪ“

помѣщается въ Берлинѣ при издательствѣ

ОЛЬГА ДЬЯКОВА и КО.

Статьи для помѣщенія въ сборникѣ

Историкъ и Современникъ

надлежитъ направлять по адресу издательства

ОЛЬГА ДЬЯКОВА и Ко.

на имя редактора

И. П. ПЕТРУШЕВСКАГО.

Къ статьямъ могутъ быть прилагаемы портреты, рисунки и документы.

При присылкѣ рукописей просятъ г. г. авторовъ обозначать фамилію и точный адресъ, безъ коихъ рукописи не принимаются къ напечатанію.

Въ случаѣ надобности, статьи подлежатъ исправленіямъ и сокращеніямъ по усмотрѣнію редакціи. Непринятыя къ напечатанію рукописи сохраняются не дольше шести мѣсяцевъ и возвращаются обратно по востребованію.

Главный складъ изданія:

OLGA DIAKOW & Co., VERLAG

Berlin W 62, Kleiststrasse 21.

Историкъ и Современникъ

Историко-литературный сборникъ

IV.

Содержанiе:

БЕРЛИНЪ 1923

Оглавленіе:

М. И. Смирновъ

Адмиралъ Александръ Васильевичъ Колчакъ во время революціи въ Черноморскомъ Флотѣ.

Моя служба въ Россійскомъ флотѣ въ теченіе многихъ лѣтъ протекала въ совмѣстной работѣ съ Александромъ Васильевичемъ Колчакомъ. Впервые я помню его въ бытность мою въ младшей ротѣ Морского Кадетскаго Корпусъ, когда гардемаринъ Колчакъ былъ фельдфебелемъ этой роты. Мы, тринадцатилѣтніе мальчики, уважали и слушались его иногда даже больше, нежели нашихъ ротныхъ командировъ и офицеровъ-воспитателей. Въ немъ уже тогда чувствовались качества вождя и начальника.

Затѣмъ я встрѣтился съ А. В. Колчакомъ послѣ русско-японской войны, въ 1906 году, въ Петербургѣ, гдѣ, съ разрѣшенія морскаго министра, былъ основанъ Петербургскій Военно-Морской Кружекъ, въ которомъ участвовали молодые офицеры, занимавшіеся вопросами возсозданія флота. Лейтенантъ Колчакъ былъ однимъ изъ руководителей кружка; я также принималъ участіе въ его работахъ.

Весной 1906 года былъ образованъ Морской Генеральный Штабъ — новое учрежденіе, на которое была возложена разработка вопросовъ по подготовкѣ флота къ войнѣ. Начальникомъ штаба былъ назначенъ капитанъ 1 ранга, Левъ Алексѣевичъ Брусиловъ и ему было предоставлено выбрать изъ флота 12 офицеровъ для назначенія въ первый составъ Морскаго Генеральнаго Штаба. А. В. Колчакъ былъ въ числѣ выбранныхъ и занялъ должность начальника одного изъ главныхъ отдѣловъ Штаба. Я также былъ назначенъ въ Штабъ. Съ тѣхъ поръ, съ нѣкоторыми перерывами, до 1920 года, т. е. почти до трагической кончины А. В. Колчака, моя служба, какъ въ строю, такъ и въ штабахъ и въ Морской Академіи, проходила въ совмѣстной работѣ съ А. В. Колчакомъ, преимущественно подъ его начальствомъ. Долгіе годы совмѣстной службы установили между нами полныя довѣрія отношенія, обратившіяся затѣмъ въ личную дружбу.

Настоящія мои воспоминанія касаются одного изъ періодовъ дѣятельности А. В. Колчака — періода революціи въ Черноморскомъ флотѣ.

Современникамъ и ближайшимъ сотрудникамъ трудно давать характеристику лица — это задача историковъ, вооруженныхъ обширнымъ матеріаломъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ событій и составляющихъ безпристрастное сужденіе вдали отъ людскихъ страстей и личныхъ интересовъ. Задачей современниковъ является дать матеріалъ для историка.

Отличительными чертами А. В. Колчака были — прямота и откровенность характера, чистота убѣжденій, горячій патріотизмъ и довѣріе къ сотрудникамъ. Презрѣніе къ личной опасности и ненависть къ врагу, выдѣляли его на войнѣ среди окружающихъ. Въ отношеніи къ подчиненнымъ, адмиралъ былъ строгъ, вспыльчивъ и, въ то же время, безконечно отзывчивъ. Онъ являлся кумиромъ молодыхъ офицеровъ, старшіе же не всегда его любили, т. к. системой его управленія военными частями была требовательность и взыскательность по отношенію къ старшимъ начальникамъ и возложеніе на нихъ отвѣтственности за состояніе ихъ частей. Вспыльчивость его характера иногда переходила въ рѣзкость, не стѣсняясь положеніемъ лица, съ которымъ онъ говорилъ.

Адмиралъ не принадлежалъ ни къ какимъ политическимъ партіямъ и всей душей ненавидѣлъ партійность; онъ любилъ дѣловую работу и презиралъ демагогію. Онъ готовъ былъ работать со всякимъ, кто хотѣлъ и умѣлъ практически работать для пользы отечества и для достиженія поставленной адмираломъ цѣли.

А. В. Колчакъ былъ преданъ престолу и отечеству. Извѣстіе объ отреченіи Государя его крайне огорчило и онъ считалъ, что отечество идетъ къ гибели. Особенной ненавистью съ его стороны пользовались соціалисты-революціонеры; онъ считалъ ихъ опаснымъ болѣзненнымъ наростомъ на здоровомъ организмѣ народа. Керенщину и Керенскаго онъ сталъ презирать послѣ перваго свиданія съ послѣднимъ въ началѣ революціи.

Когда адмиралъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ очаровывалъ своихъ собесѣдниковъ. Его слова были полны знаній, наблюдательности и юмора. Любимымъ занятіемъ его было чтеніе; онъ обладалъ обширными познаніями въ области исторіи, военной литературы и географіи.

А. В. Колчакъ, любя Россію до самозабвенія, служилъ ей со всѣмъ пыломъ своей души; за нее же и погибъ. Имя его, какъ горячаго патріота, отдавшаго жизнь за Родину, сохранится въ исторіи. Страданія отечества наложили грустный отпечатокъ на выраженіе лица адмирала и его скорбный взглядъ никогда не исчезнетъ изъ памяти людей его знавшихъ.

Въ началѣ іюля 1916 года, будучи командиромъ эскадреннаго миноносца «Казанецъ» и находясь въ дозорѣ въ Рижскомъ заливѣ, я получилъ радіотелеграмму: «Казанцу къ утру прибыть въ Ревель». По приходѣ въ Ревель я ошвартовался въ гавани вблизи эскадреннаго миноносца «Сибирскій Стрѣлокъ», на которомъ держалъ свой флагъ началь-

никъ Минной Дивизіи Балтійскаго флота, контръ-адмиралъ А. В. Колчакъ. Вскорѣ ко мнѣ на миноносецъ прибылъ штабъ-офицеръ морского штаба Верховнаго Главнокомандующаго, капитанъ 2 ранга А. Д. Бубновъ и сообщилъ мнѣ, что А. В. Колчакъ произведенъ въ чинъ вице-адмирала и назначенъ командующимъ Черноморскимъ флотомъ, меня же вызвалъ, чтобы предложить мнѣ ѣхать съ нимъ въ Черное море на должность флагъ-капитана оперативной части. Вскорѣ адмиралъ самъ прибылъ на мой миноносецъ, прошелъ ко мнѣ въ каюту и, дѣйствительно, сдѣлалъ мнѣ это предложеніе, упомянувъ, что считаетъ необходимымъ, чтобы флагъ-капитаномъ оперативной части былъ офицеръ, имѣющій одинаковые съ нимъ взгляды на веденіе войны на морѣ, что ему извѣстны мои взгляды, поэтому онъ избралъ меня на эту должность. Я съ охотой согласился, поблагодаривъ адмирала за оказанное довѣріе.

Капитанъ 2 ранга Бубновъ сообщилъ мнѣ, что, по ходу войны, дѣйствія на Черномъ морѣ пріобрѣтаютъ особо важное значеніе, т. к. въ результатѣ успѣшнаго наступленія нашей Кавказской арміи, предполагается нанести окончательный ударъ Турецкой арміи путемъ высадки войскъ на побережьи, въ тылъ турокъ, въ районѣ Самсуна. Вслѣдствіе же развитія успѣшнаго наступленія на нашемъ юго-западномъ фронтѣ, предполагается выступленіе на нашей сторонѣ Румыніи, которой необходимо будетъ оказывать поддержку съ моря. Кромѣ того, недалеко время, когда предстоитъ завладѣніе нами Босфоромъ и Дарданеллами, къ чему необходимо подготовляться. Командующій Черноморскимъ флотомъ, адмиралъ А. А. Эбергардъ, чрезвычайно усталъ, поэтому Его Величество рѣшилъ назначить на его мѣсто молодого и активнаго адмирала Колчака.

Сдавъ командованіе «Казанцемъ», на которомъ я пробылъ около 15 мѣсяцевъ, вновь назначенному командиру, капитану 2 ранга Якубовскому, я, въ тотъ же день, отправился сопровождать адмирала Колчака въ Гельсингфорсъ на эскадренномъ миноносцѣ «Орфей»; адмиралъ рѣшилъ идти туда, чтобы проститься съ своей семьей. Черезъ сутки мы вернулись въ Ревель и отбыли, черезъ Петроградъ, въ Могилевъ для представленія Государю и начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ-адъютанту М. В. Алексѣеву.

Въ Ставкѣ адмиралъ былъ нѣсколько разъ принятъ Государемъ, отнесшимся къ адмиралу съ исключительнымъ вниманіемъ и напутствовавшимъ его иконой. Адмиралъ говорилъ мнѣ, что Государь произвелъ на него чарующее впечатлѣніе. Я также имѣлъ счастье быть представленнымъ его величеству.

Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ принялъ адмирала и меня, подробно разсказалъ обстановку на всѣхъ театрахъ міровой войны и поставилъ задачу Черноморскому флоту. Меня поразило детальное знаніе генераломъ Алексѣевымъ обстановки не только на русскихъ фронтахъ, но и на союзныхъ и вражескихъ. Генералъ по памяти перечислялъ номера дивизій и давалъ характеристику начальниковъ.

Начальникомъ Морского штаба Верховнаго Главнокомандующаго былъ Адмиралъ А. И. Русинъ, который посвятилъ насъ въ подробности обстановки на морскихъ театрахъ войны.

Высочайше утвержденная директива Черноморскому флоту, насколько я могу возстановить по памяти, состояла въ слѣдующемъ:

1. Уничтоженіе или заблокированіе въ Босфорѣ Турецко-Германскаго флота.

2. Борьба съ подводными лодками противника на Черномъ морѣ.

3. Подготовка десантной экспедиціи въ тылъ Турецкой арміи, въ раіонѣ Самсуна.

4. Содѣйствіе Кавказской арміи подвозомъ продовольствія и снабженія моремъ изъ Новороссійска и Батума въ Трапезундъ.

5. Содѣйствіе юго-западному фронту подвозомъ хлѣба изъ Хорлы и Скадовска и угля изъ Маріуполя въ Одессу.

6. Подготовка къ овладѣнію Босфоромъ. Для этой цѣли-развитіе способности боевого и транспортнаго флотовъ одновременно поднять и высадить десантъ въ составѣ трехдивизіоннаго корпуса.

7. Имѣть въ готовности для сбора въ двухнедѣльный срокъ транспорты для посадки и перевозки двухъ пѣхотныхъ дивизій съ артиллерійской бригадой.

Въ морскомъ Штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго намъ были даны свѣдѣнія о составѣ силъ и снабженіи Черноморскаго флота и о боевой подготовкѣ флота. Обстановка слагалась слѣдующимъ образомъ: въ составѣ непріятельскаго флота были два нѣмецкихъ крейсера, «Гебенъ» и «Бреслау». Первый — типа Дредноутъ, съ ходомъ 25 узловъ, второй — легкій крейсеръ, съ ходомъ 27 узловъ, одинъ старый легкій крейсеръ и около 12 миноносцевъ. Подводныхъ лодокъ у противника было отъ 10 до 12; изъ нихъ въ морѣ постоянно находилось 3—4.

Наши силы состояли изъ двухъ современныхъ кораблей типа Дредноутъ («Императрица Марія» и «Императрица Екатерина»), съ ходомъ 21 узелъ, трехъ старыхъ кораблей («Іоаннъ Златоустъ», «Св. Евстафій» и «Пантелеймонъ»), съ ходомъ 16 узловъ, двухъ старыхъ крейсеровъ, съ ходомъ 18 узловъ, 9 новыхъ миноносцевъ, съ ходомъ 30 узловъ, 6 подводныхъ лодокъ и около 150 транспортовъ (пароходовъ). Превосходство силъ на нашей сторонѣ было большое, но непріятельскіе крейсера превосходили скоростью хода всѣ наши корабли, поэтому имъ всегда удавалось внезапно выходитъ изъ Босфора въ море, производить нападеніе на наши транспорты и прибрежные города и затѣмъ, пользуясь превосходствомъ своего хода, избѣгать преслѣдованія нашихъ кораблей. Подводныя лодки непріятеля хозяйничали въ морѣ и топили наши транспорты. Между тѣмъ, вслѣдствіе чрезвычайнаго напряженія промышленности для снабженія арміи, постройка новыхъ пароходовъ на Черномъ морѣ не производилась. Такимъ образомъ, транспортный флотъ постепенно

уменьшался, что вредно отзывалось, какъ на подвозѣ снабженія для армій, такъ и на способности флота къ предстоящей десантной операціи крупнаго размѣра.

Оперативный планъ адмирала Эбергарда состоялъ въ защитѣ минными загражденіями и противолодочными сѣтями подходовъ къ нашимъ портамъ. Активныхъ операцій по блокадѣ непріятельскихъ портовъ въ широкомъ размѣрѣ онъ не велъ.

Отбывъ изъ Ставки въ Севастополь, въ пути мы обсуждали съ адмираломъ Колчакомъ основныя предположенія о дальнѣйшихъ операціяхъ. Адмиралъ намѣтилъ коренное измѣненіе плана — блокаду непріятельскихъ портовъ, Босфора и Варны, путемъ постановки на подходахъ къ нимъ минныхъ загражденій въ такомъ количествѣ, чтобы скорость постановки нами минъ превышала способность непріятеля къ вытраливанію ихъ и — прекращеніе мѣропріятій по защитѣ нашихъ береговъ, стѣснявшихъ мореплаваніе нашихъ же собственныхъ судовъ. Для того чтобы не стѣснять себя въ случаѣ необходимости бомбардировки непріятельскихъ приморскихъ укрѣпленій, что предстояло дѣлать при взятіи Босфора, предположено было ставить мины возможно ближе къ непріятельскимъ берегамъ и не дальше пяти морскихъ миль отъ нихъ.

По прибытіи въ Севастополь, начали принималъ дѣла по командованію флотомъ отъ адмирала Эбергарда и его штаба. Штабъ помѣщался на старомъ кораблѣ, «Георгій Побѣдоносецъ», стоявшемъ на мертвыхъ якоряхъ. Такъ какъ весь штабъ флота не могъ помѣститься на боевомъ кораблѣ, то, когда командующій флотомъ не находился въ морѣ, онъ жилъ со штабомъ на «Георгіѣ Побѣдоносцѣ», въ море же ходилъ на лин. кор., «Императрица Марія», съ малымъ походнымъ штабомъ. При всѣхъ выходахъ въ море, я сопровождалъ адмирала, становясь начальникомъ его походнаго штаба.

Въ день пріемки дѣлъ, около 6 часовъ вечера, было получено извѣстіе отъ нашей тайной развѣдки, (кстати сказать—прекрасно организованной), что германскій крейсеръ «Бреслау» вышелъ изъ Босфора въ море въ неизвѣстномъ направленіи. Адмиралъ Колчакъ рѣшилъ тотчасъ же выйти въ море для его преслѣдованія, но оказалось, что наша система охраны рейда не допускала выхода въ море въ ночное время. Поэтому, лишь на слѣдующее утро, на кораблѣ, «Императрица Марія», съ крейсеромъ «Кагулъ» и 7 миноносцами мы вышли въ море. Въ морѣ встрѣтили «Бреслау» и преслѣдовали его, но онъ, пользуясь преимуществомъ своего хода, ушелъ въ Босфоръ.

Я не буду подробно описывать боевую дѣятельность Черноморскаго флота, т. к. это не входитъ въ задачи моей статьи; я коснусь ихъ только въ общихъ чертахъ, болѣе же подробно остановлюсь на періодѣ революціи. Описаніе вышеприведеннаго выхода въ море адмирала Колчака мною сдѣлано для опроверженія существующей легенды о томъ, будто, прибывъ въ Севастополь, адмиралъ сказалъ, что онъ приметъ

флотъ въ морѣ и немедленно приказалъ выйти въ море.

Новый оперативный планъ загражденія Босфора и Варны минами и блокады этихъ портовъ былъ настойчиво и последовательно приведенъ въ исполненіе. Не обошлось безъ значительныхъ треній, т. к. прежняя система обороны своихъ береговъ имѣла сильное вліяніе на старшихъ начальниковъ и укоренилась въ ихъ сознаніи. Одинъ изъ старшихъ начальниковъ подалъ командующему флотомъ докладную записку, въ которой излагалъ, что новый планъ не только безполезенъ, но и спасенъ, ибо онъ поведетъ лишь къ потерѣ миноносцевъ. Нѣсколько позже, вслѣдствіе противодѣйствія новому оперативному плану, онъ былъ смѣненъ съ должности.

Проведеніе въ жизнь новаго плана очень скоро дало блестящіе результаты. Непріятель потерялъ нѣсколько подводныхъ лодокъ на нашихъ минахъ *), а, черезъ четыре мѣсяца послѣ начала выполненія плана, непріятельскія подводныя лодки перестали выходить въ Черное море и плаваніе по морю нашихъ транспортовъ совершалось столь же безопасно, какъ въ мирное время. За все время командованія адмираломъ Колчакомъ Черноморскимъ флотомъ, линейный крейсеръ «Гебенъ» ни разу не пытался выходить въ море, а «Бреслау» выходилъ только одинъ разъ — въ первый день вступленія адмирала въ командованіе.

Изъ ближайшихъ мѣропріятій, имѣвшихъ важное значеніе для ускоренія движенія транспортнаго флота, было измѣненіе системы охраны портовъ, дабы суда могли входить и выходить, какъ днемъ, такъ и ночью, тогда какъ раньше они могли проникать въ порты и оставлять ихъ лишь днемъ. Съ первыхъ же дней командованія адмирала Колчака, стали приходить телеграммы отъ Главнокомандующаго Кавказской арміей, великаго князя Николая Николаевича и начальника тыла этой арміи, генерала Янушкевича, о томъ, что транспортный флотъ не подвозитъ въ Трапезундъ достаточнаго количества снабженія для Кавказской арміи. Увеличеніе количества транспортовъ, работающихъ для Кавказской арміи, было невозможно, т. к. требованіе о военныхъ перевозкахъ по Черному морю превышали наличіе имѣвшагося тоннажа. Улучшить дѣло можно было только измѣненіемъ организаціи. Для объединенія командованія всѣми судами и портами, въ которыхъ производилась работа по снабженію Кавказской арміи, была создала должность начальника Отрядовъ и Портовъ восточной части Чернаго моря; на эту должность былъ назначенъ контръ-адмиралъ, князь Путятинъ, много потрудившійся для этого дѣла.

Предположенный Верховнымъ Командованіемъ планъ нанесенія окончательнаго удара Турецкой арміи путемъ высадки войскъ ей въ тылъ, въ районѣ Самсунскаго залива, былъ отмѣненъ, вслѣдствіе вступленія Румыніи въ войну,

---

*) Изъ опубликованныхъ послѣ войны потерь германскаго флота видно, что втеченіе этого періода въ Черномъ морѣ погибли на нашихъ минахъ слѣдующія подводныя лодки: U.-B. 7, U.-B. 45, U.-B. 46, U. C. 15.

такъ какъ пришлось послать значительное количество войскъ для поддержки Румынской арміи. Такимъ образомъ, вслѣдствіе неподготовленности Румыніи къ войнѣ, ея выступленіе на нашей сторонѣ не только не усилило насъ, а явилось источникомъ нашей слабости, но, въ морскомъ отношеніи, оно дало намъ возможность пользоваться портомъ Констанца, какъ базой для судовъ, оперирующихъ противъ Варны. На линіи Одесса—Констанца производился подвозъ моремъ снабженія и пополненій для нашей арміи, дѣйствующей въ Добруджѣ.

Осенью 1916 и въ началѣ 1917 годовъ производились настойчивыя работы по закрѣпленію достигнутыхъ результатовъ на морѣ по усиленію минныхъ загражденій и средствъ блокады портовъ и по подготовкѣ къ Босфорской операціи. Верховное Командованіе дало указанія, что весной 1917 года предполагается нанести окончательный ударъ на Германо-Австрійскомъ фронтѣ и, затѣмъ, завладѣть Босфоромъ и Дарданеллами путемъ высадки десанта въ районѣ Босфора. Судьбѣ не угодно было дать намъ долгожданную побѣду, вслѣдствіе происшедшей революціи. Описанію событій въ Черномъ морѣ въ періодъ революціи я посвящу дальнѣйшее изложеніе.

Періодъ революціи въ Черномъ морѣ.

По должности флагъ-капитана оперативной части, мнѣ было подчинено также развѣдывательное отдѣленіе, въ составъ котораго входила и контръ-развѣдка. Во главѣ этого отдѣленія стоялъ капитанъ 1 ранга, А. А. Нищенковъ. Будучи всецѣло занятъ оперативной и организаціонной работой, я мало вникалъ въ работу контръ-развѣдки, всецѣло довѣряя капитану Нищенкову, выдающемуся работнику въ области развѣдки и контръ-развѣдки. Изъ докладовъ его я видѣлъ, что никакого революціоннаго движенія и никакой революціонной подготовки ни въ командахъ Черноморскаго флота, ни среди рабочихъ портовъ не существуетъ и что команды и рабочіе проникнуты патріотическимъ духомъ и усердно работаютъ для побѣднаго завершенія войны. Продовольственный вопросъ стоялъ прекрасно, команды и рабочіе не испытывали ни въ чемъ недостатка. Поведеніе командъ было отличное. Серьезныхъ случаевъ нарушенія дисциплины не было. Среди офицеровъ было замѣтно недовольство правительствомъ, вслѣдствіе недостаточной его энергіи въ веденіи войны, но это недовольство дальше обычнаго брюзжанія не шло.

Въ началѣ февраля я былъ вызванъ въ Могилевъ, въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, для совѣщанія по разработкѣ оперативной директивы Черноморскому флоту. По пути въ Могилевъ, я остановился на два дня въ Петроградѣ, гдѣ мнѣ необходимо было переговорить въ различныхъ учрежденіяхъ Морскаго Министерства по вопросамъ, касающимся Черноморскаго флота.

Въ Петроградѣ и въ Могилевѣ я былъ пораженъ ростомъ оппозиціоннаго настроенія по отношенію къ правительству, какъ среди петроградскаго общества, такъ и среди гвардейскихъ офицеровъ и, даже, въ Ставкѣ. Вернувшись въ Севастополь я доложилъ объ этомъ адмиралу Колчаку, высказавъ мнѣніе, что ростъ оппозиціоннаго настроенія мнѣ представляется весьма опаснымъ.

Главнокомандующій Кавказской Арміей, Великій Князь Николай Николаевичъ, пригласилъ адмирала Колчака прибыть къ 25 февраля ст. ст. въ Батумъ для обсужденія вопросовъ, касающихся совмѣстныхъ дѣйствій арміи и флота на Малоазійскомъ побережьи. Адмиралъ вышелъ въ Батумъ на эскадренномъ миноносцѣ; я сопровождалъ его. Послѣ совѣщанія съ Великимъ Княземъ, мы были приглашены завтракать къ нему въ поѣздъ, а затѣмъ вернулись на миноносецъ, гдѣ была получена шифрованная телеграмма изъ Петрограда отъ и. об. Помощника начальника морскаго генеральнаго штаба, капитана 1 ранга, графа Капниста, съ надписью: «Адмиралу Колчаку, прошу расшифровать лично».

Телеграмма гласила: «Въ Петроградѣ произошли крупные безпорядки, городъ въ рукахъ мятежниковъ, гарнизонъ перешелъ на ихъ сторону».

Обсудивъ со мной содержаніе этой телеграммы, адмиралъ рѣшилъ не сообщать о ней никому во флотѣ до полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній. Чтобы нежелательные слухи не проникли во флотъ и не произвели смятеніе умовъ, адмиралъ немедленно послалъ секретное телеграфное приказаніе коменданту Севастопольской крѣпости (комендантъ былъ подчиненъ командующему флотомъ) прекратить почтовое и телеграфное сообщеніе Крымскаго полуострова съ остальной Россіей и передавать только телеграммы и почту, адресованные командующему флотомъ и въ его штабъ. Вечеромъ адмиралъ и я обѣдали у Великаго Князя. Послѣ обѣда адмиралъ прошелъ въ личный вагонъ Великаго Князя и, наединѣ, показалъ ему полученную телеграмму. Великій Князь сказалъ, что онъ пока не получилъ никакихъ извѣстій.

Въ тотъ же день, ночью, мы вышли въ Севастополь, куда шли полнымъ ходомъ. Въ Севастополѣ адмиралъ получилъ телеграмму отъ предсѣдателя Государственной Думы, Родзянко, сообщавшую о томъ, что, вслѣдствіе произведеннаго возставшими ареста членовъ правительства, Государственная Дума образовала временный комитетъ, взявшій на себя возстановленіе порядка въ столицѣ. Телеграмма заканчивалась призывомъ къ флоту соблюдать спокойствіе и продолжать боевую работу и выражала надежду, что все скоро войдетъ въ нормальное русло.

Для выясненія обстановки, я пошелъ на прямой телеграфный проводъ и вызвалъ къ аппарату въ Могилевѣ изъ Ставки капитана 1 ранга, Бубнова, какъ завѣдывающаго въ Ставкѣ дѣлами Черноморскаго флота. Капитанъ Бубновъ сообщилъ мнѣ, что Государь выѣхалъ въ Царское Село, въ

Ставкѣ же обстановка не ясна, поэтому пока директивъ не дается. Я доложилъ объ этомъ командующему флотомъ.

Адмиралъ собралъ совѣщаніе старшихъ начальниковъ, которымъ сообщилъ полученныя извѣстія. Выслушавъ мнѣніе присутствовавшихъ, адмиралъ рѣшилъ отдать приказъ по флоту, въ которомъ изложить полученныя извѣстія съ призывомъ къ флоту, портамъ и населенію районовъ, подчиненныхъ командующему флотомъ, напречь всѣ силы для исполненія патріотическаго долга — успѣшнаго завершенія войны, соблюдать спокойствіе, вѣрить начальникамъ, которые будутъ сообщать всѣ полученныя вѣрныя свѣдѣнія и не вѣрить постороннимъ агитаторамъ, желающимъ произвести смуту, чтобы не допустить Россію до побѣды.

На совѣщаніи адмиралъ далъ указаніе начальникамъ частей — сообщать подчиненнымъ о ходѣ событій, чтобы извѣстія о нихъ приходили къ командамъ отъ ихъ начальниковъ, а не со стороны, отъ смутьяновъ и агитаторовъ; при этомъ начальники должны разъяснять подчиненнымъ смысль событій и влiять на нихъ въ духѣ патріотизма. Всѣ важныя свѣдѣнія, получаемыя въ штабѣ флота, должны немедленно сообщаться старшимъ начальникамъ. Редактированіе этихъ свѣдѣній и сообщеніе ихъ дальше было возложено на мою обязанность. Прекращеніе почтовой и телеграфной связи Крымскаго полуострова съ остальной Россіей не могло быть полезно долгое время; наоборотъ — это могло внести подозрительность и дать почву для агитаторовъ; поэтому связь была снова возстановлена.

Опубликованіе первыхъ извѣстій не произвело замѣтнаго вліянія на команды и на рабочихъ. Служба шла нормальнымъ порядкомъ, нигдѣ никакихъ нарушеній не происходило. Это явилось новымъ доказательствомъ того, что революціонной подготовки въ районѣ Чернаго моря не было.

Черезъ два дня пришли первыя газеты изъ Петрограда и Москвы. Появилось много новыхъ газетъ соціалистическаго направленія, призывавшихъ къ низверженію государственнаго строя и разложенію дисциплины въ арміи и во флотѣ. Во мгновеніе ока настроеніе командъ измѣнилось. Начались митинги. Изъ щелей выползли преступные агитаторы.

На лучшемъ линейномъ кораблѣ, «Императрица Екатерина II), матросы предъявили командиру требованіе убрать съ корабля офицеровъ, имѣющихъ нѣмецкія фамиліи, обвиняя ихъ въ шпіонажѣ въ пользу непріятеля. Мичманъ Фокъ, прекрасный молодой офицеръ, былъ дежурнымъ по нижнимъ помѣщеніямъ корабля; ночью онъ обходилъ помѣщенія и провѣрялъ дневальныхъ у артиллерійскихъ погребовъ. Матросы предъявили ему обвиненіе, будто онъ собирался взорвать корабль. Горячій молодой офицеръ счелъ себя оскорбленнымъ и застрѣлился у себя въ каютѣ. Узнавъ объ этомъ, адмиралъ Колчакъ отправился на этотъ корабль, разъяснилъ командѣ глупость и преступность подобныхъ слуховъ, въ результатѣ которыхъ погибъ молодой офицеръ, храбро сражавшійся втеченіе всей войны. Команда просила

прощенія и больше не поднимала вопроса объ офицерахъ съ нѣмецкими фамиліями.

Въ тотъ же день адмиралъ приказалъ прислать въ помѣщеніе Севастопольскихъ казармъ по два представителя отъ каждой роты съ кораблей, береговыхъ командъ и гарнизона Севастопольской крѣпости. Этимъ представителямъ адмиралъ сказалъ рѣчь, указавъ на необходимость поддержанія дисциплины и продолженія войны до побѣднаго конца. Рѣчь произвела желаемое впечатлѣніе, хотя одинъ матросъ пытался выступить съ рѣзкими возраженіями, которыя произвели тяжелое впечатлѣніе на адмирала.

По возвращеніи его на корабль, я доложилъ ему только что полученную телеграмму объ убійствѣ матросами командующаго Балтійскимъ флотомъ, вице-адмирала А. И. Непенина. Это извѣстіе еще ухудшило состояніе духа А. В. Колчака и онъ высказалъ мысль, что, при такомъ настроеніи командъ и крушеніи дисциплины, нельзя продолжать вести войну и онъ не можетъ нести отвѣтственности за боевыя дѣйствія на морѣ.

Къ вечеру съ нѣкоторыхъ кораблей поступили извѣстія, что настроеніе командъ улучшается, команды завляютъ о необходимости воевать и безпрекресловно подчиняться офицерамъ. Казалось, что рѣчь адмирала делегатамъ отъ командъ оказала хорошее вліяніе.

Изъ Ставки стали поступать подробныя сообщенія о ходѣ событій. Аппаратъ Бодэ, соединявшій прямымъ проводомъ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго съ штабомъ Черноморскаго флота, помѣщался на «Георгіѣ Побѣдоносцѣ» въ отдѣльной каютѣ; я ходилъ въ эту каюту, отпускалъ телеграфныхъ чиновниковъ и лично принималъ сообщенія изъ Ставки съ той цѣлью, чтобы извѣстія попадали къ флоту непосредственно изъ сообщенія штаба, а не черезъ телеграфистовъ; хотя, долженъ сказать, что во все время войны и революціи, я не имѣлъ случая замѣтить проникновенія секретныхъ свѣдѣній черезъ телеграфныхъ чиновниковъ штаба; они честно выполняли свой долгъ и усердно работали. Тѣмъ не менѣе, въ революціонное время, трудно на кого либо положиться и я считалъ необходимымъ соблюденіе такой предосторожности.

Вскорѣ пришло извѣстіе объ отреченіи Государя отъ престола и его прощальный приказъ арміи и флоту, повелѣвающій повиноваться новому правительству. При этомъ произошелъ слѣдующій случай: я находился въ телеграфной каютѣ, когда принимали манифестъ объ отреченіи Государя Императора Николая II; по окончаніи передачи манифеста слѣдовали слова: «сейчасъ передадимъ вамъ манифестъ Михаила Александровича» и, въ этотъ моментъ, гдѣ то на линіи порвался проводъ. Сообщеніе было прервано на нѣсколько дней. Черезъ сутки извѣстіе объ отреченіи Государя стало проникать къ командамъ. Создалось опасное положеніе, дававшее поводъ къ обвиненію, что начальство скрываетъ извѣстіе объ отреченіи Государя. Такъ какъ послѣднія слова

телеграфной передачи сообщали о манифестѣ Михаила Александровича, то адмиралъ Колчакъ рѣшилъ отдать приказъ о приведеніи командъ къ присягѣ на вѣрность Государю Императору, Михаилу Александровичу. На нѣкоторыхъ корабляхъ уже начали приводить къ присягѣ, причемъ присяга происходила безъ всякихъ осложненій. Въ это время было возстановлено дѣйствіе прямого провода и полученъ манифестъ Великаго Князя Михаила Александровича, но объ отреченій отъ престола. Дальнѣйшее приведеніе къ присягѣ было пріостановлено — это также не вызвало никакихъ внѣшнихъ осложненій.

Итакъ, не было больше Императора, а было Временное Правительство. Необходимо было рѣшить, что дѣлать офицерамъ. Манифестъ объ отреченіи и прощальный приказъ Государя не только освобождали воинскихъ чиновъ отъ присяги ему, но и повелѣвали служить новому правительству. Въ сознаніи морскихъ офицеровъ твердо сидѣла мысль о необходимости довести войну до побѣднаго конца и остаться вѣрными союзникамъ, съ которыми мы были связаны кровными узами на полѣ брани. Нѣкоторая, меньшая, часть офицеровъ даже поддалась мысли, что Временное Правительство поведетъ войну болѣе энергично, чѣмъ прежнее. Надо сказать, что послѣдніе составы правительства, со Штюрмеромъ и Протопоповымъ, были крайне непопулярны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, паденіе дисциплины и сознаніе, что отъ офицеровъ фактически отпала возможность примѣненія какихъ либо мѣръ принужденія по отношенію къ подчиненнымъ, дѣлали продолженіе войны невозможнымъ, если не совершится перемѣна къ старому.

Мнѣ, по должности флагъ-капитана оперативной части, работавшему въ реальной обстановкѣ и постоянно занимавшемуся учетомъ имѣемыхъ силъ и средствъ и соотвѣтствіемъ ихъ съ боевыми задачами — было особенно ясно, что чѣмъ дальше идетъ война, тѣмъ необходимо большее напряженіе силъ и средствъ, слѣдовательно — тѣмъ строже должна быть дисциплина и отвѣтственность. Поэтому, съ первыхъ дней революціи и съ паденіемъ дисциплины, для меня было ясно, что войну вести нельзя и что она проиграна. Свое мнѣніе я доложилъ командующему флотомъ. Адмиралъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ его раздѣляетъ, но считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать послѣднюю попытку къ оздоровленію командъ, если-же она не удастся, то сложитъ съ себя командованіе флотомъ.

Психологія морскихъ офицеровъ въ это время можетъ быть обрисована слѣдующимъ образомъ. Офицеры присягали и служили царю и отечеству. Царь отрекся отъ престола и повелѣлъ служить новому правительству. Царя больше не было, но оставалось отечество. Большинство офицеровъ флота считало, что безъ царя отечество погибнетъ. Что оставалось дѣлать? Могло быть два рѣшенія: одно — оставить свои корабли и должности и уйти. Было ясно, что, при такомъ рѣшеніи, часть офицеровъ останется, но корабли

потеряютъ боеспособность. Это отечества не спасетъ, а, наоборотъ — дастъ соціалистамъ оружіе для дальнѣйшей агитаціи и приблизитъ наступленіе анархіи. Другое рѣшеніе — оставаться и, во имя родины, исполнять служебный долгъ — противодѣйствовать агитаціи и стараться влiять на команду, несмотря на сознаніе безнадежности этого.

Адмиралъ Колчакъ рѣшилъ встать на второй путь. Сомнѣнія въ томъ, что офицеры за нимъ не пойдутъ — не было.

Сознавая громадную нравственную отвѣтственность за флотъ и не считая возможнымъ ее нести, если флотъ откажется исполнять боевые приказы, адмиралъ послалъ оффиціальное письмо или телеграмму (точно не помню) Верховному Главнокомандующему и Морскому Министру, въ которомъ донесъ, что онъ будетъ командовать флотомъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ одно изъ слѣдующихъ трехъ обстоятельствъ: 1 — отказъ какого-либо корабля выйти въ море, или исполнить боевой приказъ, 2. — смѣщеніе съ должности безъ согласія командующаго флотомъ кого-либо изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, вслѣдствіе требованія сверху или снизу, 3. — арестъ подчиненными своего начальника.

Въ случаѣ если наступитъ одно изъ этихъ трехъ обстоятельствъ, адмиралъ сложитъ съ себя командованіе флотомъ и спуститъ свой флагъ.

Дисциплинарная власть и мѣры принужденія по отношенію къ подчиненнымъ отъ офицеровъ отпали. Совершилось это само собой, безъ всякаго приказанія, силой событій, въ числѣ которыхъ однимъ изъ главныхъ былъ знаменитый приказъ № 1, совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Было ясно, что еслибы офицеръ попробовалъ наложить дисциплинарное взысканіе на матроса, то не было силъ для приведенія этого наказанія въ исполненіе. Для поддержанія, хотя бы, внѣшняго порядка, необходимо было приложить всѣ старанія для усиленія нравственнаго вліянія офицеровъ на команду.

Адмиралъ приказалъ всѣмъ офицерамъ флота, Севастопольскаго порта и Севастопольской крѣпости собраться въ морскомъ собраніи. Тамъ А. В. Колчакъ произнесъ рѣчь, въ которой очертилъ офицерамъ положеніе, указалъ на паденіе дисциплины и на фактическую невозможность вернуть офицерамъ дисциплинарную власть. Но — необходимо продолжать войну. Въ цѣляхъ воздѣйствія на команду и поддержанія въ ней патріотическаго духа, адмиралъ призывалъ офицеровъ удвоить работу, тѣснѣе сплотиться съ матросами, разъяснять имъ смыслъ событій и удерживать ихъ отъ занятія политикой. Послѣ рѣчи адмирала, произнесъ рѣчь Командующій Черноморской (пѣхотной) дивизіей, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Свѣчинъ (нынѣ находящійся на службѣ у большевиковъ). Онъ сказалъ, что, вслѣдствіе отсутствія императорской власти, долгъ патріота обязываетъ его исполнять приказанія новой единой россійской власти — Комитета Государственной Думы и что, во имя блага родины, офицеры не должны допустить появленія какой-либо другой государствен-

ной власти, стоящей рядомъ и не подчиненной первой. Поэтому, если образовавшійся въ Петроградѣ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ будетъ претендовать на власть, не подчиняясь правительству, то онъ со своей дивизіей пойдетъ въ Петроградъ и разгонитъ совѣтъ. Послѣ генерала Свѣчина говорилъ начальникъ штаба его же дивизіи, подполковникъ генеральнаго штаба А. И. Верховскій (впослѣдствіи — военный министръ въ кабинетѣ Керенскаго, нынѣ — на службѣ у большевиковъ и сторонникъ совѣтской власти). Онъ очень витіевато говорилъ, что совершилось великое чудо — единеніе всѣхъ классовъ населенія, что рабочій (!) — Керенскій и помѣщикъ — князь Львовъ, стали рядомъ для спасенія отечества, что совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ состоитъ изъ такихъ же русскихъ патріотовъ, какъ и всѣ мы и т. п.

Двѣ эти рѣчи были характерны, какъ выразители міровоззрѣній двухъ группъ офицеровъ. Я наблюдалъ за впечатлѣніями каждой изъ этихъ группъ. Свѣчину выражали одобреніе кадровые офицеры, изъ которыхъ состояло огромное большинство морскихъ офицеровъ и — меньшинство сухопутныхъ. Верховскому выражали одобреніе офицеры военнаго времени. Послѣ рѣчи Верховскаго, появились на эстрадѣ Морского Собранія матросъ, солдатъ и рабочій и заявили, что они выбраны на митингѣ и уполномочены заявить офицерамъ, что матросы, солдаты и рабочіе считаютъ необходимымъ энергичное продолженіе войны съ непріятелемъ, что будутъ повиноваться офицерамъ и соблюдать дисциплину. Они просятъ офицеровъ выбрать своихъ представителей и прибыть на совѣщаніе съ выборными представителями матросовъ, солдатъ и рабочихъ для выработки мѣропріятій къ поддержанію дисциплины. Рѣчи этихъ трехъ человѣкъ были привѣтствуемы собравшимися и тутъ же были произведены выборы по одному офицеру отъ каждой части флота порта и крѣпости для переговоровъ съ представителями командъ и рабочихъ. Къ этому времени на площади передъ морскимъ собраніемъ собралась большая толпа, состоящая преимущественно изъ матросовъ и солдатъ; толпа устроила шумную овацію адмиралу Колчаку и офицерамъ. Казалось, что нѣкоторое, временное спокойствіе и порядокъ установлены.

Здѣсь я нахожу умѣстнымъ сдѣлать отступленіе отъ моего разсказа и коснуться вопроса о состояніи корпуса морскихъ офицеровъ къ моменту революціи.

Въ печати и въ разговорахъ часто высказываются мнѣнія лицъ, совершенно незнакомыхъ съ состояніемъ флота и съ условіями морской службы о томъ, что морскіе офицеры являлись привиллегированной кастой, что они жили припѣваючи и мало работали и не имѣли связи съ матросами. Къ сожалѣнію, такое мнѣніе высказано даже генераломъ А. И. Деникинымъ. Оно основано на полномъ незнакомствѣ съ флотомъ и съ условіями морской службы.

Да, морскіе офицеры представляли изъ себя касту, но касту въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Касту отличавшуюся

преданностью долгу, проникнутую традиціями доблести и чести, сплоченную духомъ взаимной дружбы, любящую море и службу, отдававшую все свое время для работы и для обученія подчиненныхъ. Касту — культурную и образованную. Я съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаю, что между морскимъ офицеромъ и матросомъ было больше близости, чѣмъ между сухопутнымъ офицеромъ и солдатомъ. На всѣхъ занятіяхъ и при всѣхъ работахъ, даже самыхъ черныхъ, выполняемыхъ матросами, неизмѣнно участвовали морскіе офицеры; они руководили занятіями и работами. Нельзя было увидѣть такой сцены, чтобы матросы работали, а офицеры отсутствовали, или стояли въ сторонѣ, не принимая участія въ работѣ. Грузили ли уголь на корабль, чистили ли, или красили трюмы — офицеры всегда были съ матросами, въ угольной пыли или ползая на животѣ въ междудонныхъ пространствахъ корабля.

Почему же тогда наибольшія жестокости во время революціи проявились во флотѣ и матросы были самыми яростными революціонерами? Причины этого лежатъ отчасти въ общихъ свойствахъ морской службы, отчасти исходятъ изъ географической обстановки, въ которой былъ расположенъ русскій флотъ.

Служба на морѣ требуетъ привычки къ ней съ дѣтства. На морѣ человѣкъ живетъ въ условіяхъ стихіи, не свойственной его натурѣ. Въ темную ночь, въ штормовую погоду, среди тумановъ, человѣку кажется, что жизнь его въ рукахъ враждебной стихіи. Корабль качается, людей тошнитъ, но они должны не замѣчать этого и работать. Въ морѣ сыро и не уютно. Морской законъ установилъ, что всѣ офицеры и матросы на кораблѣ каждую минуту находятся на службѣ и никогда не могутъ считать себя свободными, считать, что можно отдохнуть и развлечься и что никто не потревожитъ. Морская стихія каждую минуту дня и ночи можетъ потребовать на работу и нарушить покой.

По техническимъ условіямъ, свойственнымъ морю, люди живутъ въ крайней тѣснотѣ и скученности, у нихъ нѣтъ своего угла, нѣтъ постели, нѣтъ стола, нѣтъ табуретки. Постелью служитъ койка; связанная на день и уложенная въ рундукъ, она выдается только на ночь, столы и скамейки ставятся только на время ѣды, остальное время они высоко подвѣшены подъ потолокъ. Въ палубахъ, гдѣ живутъ матросы, сыро, не уютно, воздухъ насыщенъ электричествомъ. На берегъ матросъ можетъ сходитъ только въ рѣдкіе свободные часы — разъ въ недѣлю, а то и рѣже. Всѣ эти условія не являются результатомъ прихоти, они истекаютъ изъ сущности морской стихіи.

Сухопутный человѣкъ, попадающій на морскую службу въ зрѣломъ возрастѣ, слышавшій раньше о поэзіи морской службы, быстро разочаровывается, но выноситъ ея тяжести и, если имѣетъ право, то покидаетъ ее. Только люди, съ дѣтства привыкшіе къ морю, могутъ любить морскую службу, только имъ понятна ея прелесть и поэзія. На современномъ боевомъ кораблѣ примѣнены всѣ изобрѣтенія техники, все что

дала человѣчеству научная культура. Корабль является сложнѣйшей машиной. Чтобы умѣть имъ управлять, люди должны безпрерывно учиться и практиковаться. Эту технику изучаютъ и обучаютъ ей матросовъ высокоразвитые въ техническомъ отношенiи морскiе офицеры. Если въ пѣхотѣ, или въ кавалерiи опытный фельдфебель, или вахмистръ можетъ замѣнить офицера, то во флотѣ его замѣнить некому; только высоко-образованный въ техническомъ отношенiи офицеръ стоитъ на уровнѣ быстро прогрессирующей морской техники. Офицеру все время приходится обучать людей — это создаетъ такую близость между морскими офицерами и матросами, какой въ лучшихъ частяхъ армiи не бываетъ.

То обстоятельство, что, вслѣдствiе стихiйныхъ условiй, любить и съ легкостью переносить службу на морѣ могутъ только люди, песвятившiе себя ей съ дѣтства, является однимъ изъ труднѣйшихъ условiй организацiи морской вооруженной силы. Какъ ни учи, какъ ни влiяй на матроса, взятаго насильно въ зрѣломъ возрастѣ на короткiй срокъ по всеобщей воинской повинности, онъ всегда будетъ враждебно смотрѣть на море и полюбить его втеченiе 3—4 лѣтъ службы не сможетъ. Вотъ почему всѣ военные флоты всѣхъ государствъ организуютъ школы «юнговъ», въ которыя берутъ мальчиковъ, прiучаютъ ихъ къ морю и стремятся удержать ихъ на службѣ возможно дольше. По той же причинѣ стремятся удержать лучшихъ изъ матросовъ, окончившихъ обязательный срокъ службы, на сверхерочную службу.

Въ Англiи, могущество которой основано на флотѣ, всѣ матросы добровольцы, три четверти которыхъ служатъ по контракту 12 лѣтъ, остальная четверть — 5 лѣтъ. Въ Русскомъ флотѣ школы юнговъ были основаны только за 4 года до начала войны и не могли дать результатовъ. Процентъ сверхсрочно-служащихъ доходилъ только до 7—8. Для насъ особенно трудно было получать добровольцевъ-сверхсрочнослужащихъ, т. к. развивавшаяся въ странѣ промышленность предоставляла матросамъ, получившимъ въ школахъ морского вѣдомства техническую подготовку и окончившимъ срокъ службы, хорошiя должности съ высокими окладами и возможностью хорошей жизни въ спокойной береговой обстановкѣ.

Сверхсрочнослужащiе являлись лучшимъ элементомъ среди команды, который поддерживалъ дисциплину и порядокъ въ нашемъ флотѣ. И вотъ, на пользу непрiятеля, однимъ изъ первыхъ шаговъ революцiонеровъ явилось уничтоженiе кадра сверхочнослужащихъ — мѣра проведенная закономъ Временнаго Правительства при военно-морскомъ министрѣ, Керенскомъ, несмотря на протесты старшихъ и опытныхъ офицеровъ флота. Однимъ изъ наиболѣе сильно протестовавшихъ былъ адмиралъ Колчакъ.

Другимъ неблагопрiятнымъ условiемъ организацiи морской вооруженной силы является то обстоятельство, что корабли базируются на порта, гдѣ сосредоточена масса рабочихъ, ремонтирующихъ корабли. Во всѣхъ странахъ рабочiе

настроены въ духѣ соціалистическихъ и интернаціональныхъ идей и общеніе съ ними дурно вліяетъ на матросовъ; и, такимъ образомъ, не смотря на всѣ мѣры противодѣйствія, разрушительная пропаганда проникаетъ во флотъ.

По вышеуказаннымъ причинамъ во всѣ времена и во всѣхъ государствахъ наиболѣе активными и кровавыми участниками революціи были матросы, изъ числа призванныхъ по принужденію. Такъ было во Франціи, въ Англіи, такъ было и въ Россіи, и въ Германіи. Офицеры въ этомъ не повинны, это создается условіями службы среди морской стихіи для непривычныхъ къ ней людей.

Въ частности, въ русскомъ Балтійскомъ Флотѣ, существовало обстоятельство, способствующее революціи. По географическимъ условіямъ, Балтійскій флотъ базировался на порта Финляндіи, страны враждебной Россіи, въ которой велась усиленная работа непріятельскихъ агентовъ по революціонированію матросовъ. Борьба съ этой пропагандой въ Финляндіи была особенно трудна. Этимъ и объясняется, что въ Балтійскомъ флотѣ даже начало революціи сопровождалось кровавыми эксцессами, тогда какъ въ Черномъ морѣ революціонной подготовки не было и, въ началѣ революціи, убійствъ не было.

Возвращаюсь къ разсказу о событіяхъ въ Черномъ морѣ. Представители офицеровъ и командъ собрались на совѣщаніе. На немъ было установлено, что примѣненіе дисциплинарной власти офицерами фактически невозможно, но всѣ сознавали необходимость поддержанія дисциплины и исполненія приказаній начальниковъ.

Тутъ же было выработано положеніи о комитетахъ въ морскихъ и береговыхъ частяхъ, подчиненныхъ командующему Черноморскимъ флотомъ. На каждомъ кораблѣ, въ каждой береговой части флота, а также въ каждомъ полку долженъ былъ быть избранъ комитетъ, въ который офицеры выбирали своихъ представителей, а матросы и солдаты — своихъ. Задачами комитетовъ являлись: 1. поддержаніе дисциплины въ частяхъ, 2. заботы о продовольствіи и обмундированіи, 3. заботы о просвѣщеніи людей. Никакими оперативными и боевыми вопросами комитеты не имѣли права заниматься.

Постановленія комитетовъ вступали въ силу только послѣ утвержденія ихъ командиромъ части. Въ случаѣ неутвержденія, постановленіе передается для разсмотрѣнія въ центральный исполнительный комитетъ совѣта депутатовъ флота, арміи и рабочихъ Черноморскаго флота и, затѣмъ, восходитъ до командующаго флотомъ. Вышеуказанный центральный исполнительный комитетъ занимается тѣми же вопросами, но въ отношеніи всего флота; его рѣшенія не приводятся въ исполненіе безъ утвержденія командующимъ флотомъ.

Этотъ проэктъ былъ представленъ на утвержденіе адмирала Колчака и утвержденъ имъ. Въ разговорѣ со мной онъ высказалъ мнѣніе, что утвердить проэктъ необходимо, какъ временную мѣру, ибо, въ противномъ случаѣ, внезапно вы-

росшая пропасть между офицерами и командой еще больше расширится. Въ тоже время адмиралъ считалъ, что вести войну при постоянномъ существованіи комитетовъ нельзя и если не наступитъ такое событіе, при которомъ возможно будетъ распустить комитеты и вернуть дисциплинарную власть офицерамъ, то продолженіе войны будетъ невозможнымъ.

На слѣдующій день утромъ въ Севастополь прибылъ Членъ Государственной Думы, соціалъ-демократъ Туляковъ. По его словамъ онъ пріѣхалъ, чтобы «устроить» революцію въ Черноморскомъ флотѣ, т. к. до него дошли слухи, что Черноморскій флотъ не признаетъ Временнаго Правительства. Это былъ не «интеллигентъ», а настоящій рабочій. Увидѣнный имъ порядокъ и спокойствіе поразили его и онъ объѣзжалъ всѣ части и говорилъ патріотическія рѣчи, призывая матросовъ слушаться своихъ офицеровъ. Вскорѣ изъ Севастополя отправились въ Петроградъ выбранные офицеры, матросы, солдаты и рабочіе съ цѣлью заявить Временному Правительству о своей вѣрности. Среди нихъ были — капитанъ 1 ранга Немитцъ и подполковникъ генералнаго штаба Верховскій — оба они мгновенно сдѣлались «преданными революціи».

Черезъ нѣсколько дней адмиралъ Колчакъ вышелъ въ море съ частью флота; я сопровождалъ его. Въ морѣ на корабляхъ все было въ порядкѣ, будто революціи не было. Служба неслась исправно.

Въ судовые комитеты и въ центральный комитетъ были выбраны лучшіе, наиболѣе патріотичные люди изъ команды. Предсѣдателемъ центральнаго комитета былъ избранъ летчикъ, вольноопредѣляющійся Сафоновъ — человѣкъ хорошо настроенный, стремившійся къ порядку и къ поддержанію дисциплины. Онъ обладалъ краснорѣчіемъ и хорошо вліялъ на остальныхъ.

Въ первый періодъ своего существованія, комитетъ дѣйствительно содѣйствовалъ поддержанію порядка. Члены его вели пропаганду за продолженіе войны, устраивали процессіи съ плакатами «Война до побѣды», «Босфоръ и Дарданеллы Россіи» и т. п. Красныхъ флаговъ въ Севастополѣ не было поднято. Съ самаго перваго дня революціи въ городѣ были подняты національные флаги, но почему то перевернутые, т. е. верхняя полоса была красной, а нижняя бѣлой.

По возвращеніи депутаціи, ѣздившей въ Петроградъ, выяснилось, что нѣкоторые ея члены посѣтили не только Временное Правительство, но привѣтствовали и совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Вернувшись въ Севастополь они восхваляли этотъ совѣтъ.

Капитанъ 1 ранга Немитцъ побывалъ у военнаго и морского министра Гучкова. Изъ словъ Немитца было видно, что Гучковъ принялъ какія то рѣшенія относительно состава старшихъ начальниковъ въ Черноморскомъ флотѣ. Какъ я узналъ впослѣдствіи, Немитцъ говорилъ Гучкову, что адмиралъ Колчакъ пользуется большимъ вліяніемъ и любовью

во флотѣ, но остальные старшіе начальники никуда не годятся и необходимо ихъ смѣнить.

Дѣйствительно, почти одновременно съ возвращеніемъ Немитца въ Севастополь, пришла телеграмма отъ Гучкова адмиралу Колчаку, въ которой Гучковъ настойчиво просилъ замѣнить начальника штаба флота, Свиты Его Величества контръ-адмирала Погуляева, другимъ офицеромъ. Мотивировалось это тѣмъ, что оставленіе на отвѣтственныхъ должностяхъ офицеровъ свиты невозможно и можетъ вызвать нежелательныя послѣдствія. Адмиралъ отвѣтилъ, что находитъ мотивы для смѣны Погуляева недостаточными. Тогда пришла вторая телеграмма отъ Гучкова съ указаніемъ, что въ совѣтѣ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ имѣются документы, дѣлающіе невозможнымъ оставленіе Погуляева на отвѣтственной должности. Адмиралъ Колчакъ принужденъ былъ согласиться на смѣну адмирала Погуляева и предложилъ мнѣ принять должность начальника штаба.

Я доложилъ адмиралу, что съ самаго перваго дня революціи считаю, что вести войну невозможно, что въ революцію не вѣрю и не могу занимать столь отвѣтственную должность. Въ качествѣ флагъ-капитана, я занимаюсь только оперативными и боевыми вопросами и политики не касаюсь, но, какъ начальникъ штаба, принужденъ буду войти въ занятіе политикой, между тѣмъ не считаю для себя возможнымъ заниматься дѣломъ, въ которое искренно не вѣрю. Адмиралъ сказалъ мнѣ, что и онъ вполнѣ раздѣляетъ мои взгляды, но все же продолжаетъ оставаться въ должности только во имя долга, съ цѣлью, по возможности, предохранить офицерскій составъ отъ насилій; когда же онъ увидитъ, что и этой цѣли нельзя достичь, то оставитъ должность — поэтому проситъ меня принять дольжность начальника штаба на то время, пока онъ самъ останется командовать флотомъ; — я считалъ своимъ долгомъ согласиться.

Съ этого времени для меня началась тягостная работа. Ни о какой организаціи, или боевой работѣ нечего было и думать. Флотъ постепенно разлагался. Постоянно днемъ и ночью приходили извѣстія о непорядкахъ въ различныхъ частяхъ флота. Обычнымъ пріемомъ успокоенія являлась посылка въ часть, гдѣ происходять непорядки, дежурныхъ членовъ центральнаго исполнительнаго комитета для «уговариванія». Результаты, обычно, достигались благопріятные. Наиболѣе частая причина непорядковъ заключалась въ желаніи матросовъ раздѣлить между собой казенныя деньги, или запасы обмундированія и провизіи. Члены комитета, въ большинствѣ случаевъ, лѣйствовали добросовѣстно. Съ каждымъ днемъ члены комитета замѣтно правѣли, но, въ то же время, было очевидно паденіе ихъ авторитета среди матросовъ и солдатъ, все болѣе и болѣе распускавшихся.

Въ серединѣ марта, министръ Гучковъ вызвалъ адмирала Колчака въ Петроградъ и, затѣмъ, въ Псковъ на совѣщаніе главнокомандующихъ и командующихъ арміями, состоявшееся подъ предсѣдательствомъ генерала Алексѣева. Въ Петро-

градѣ адмиралъ былъ во время первой демонстраціи гарнизона противъ Временнаго Правительства, вслѣдствіе ноты Милюкова о цѣляхъ войны. Во время демонстраціи адмиралъ находился въ засѣданіи Временнаго Правительства, куда онъ былъ приглашенъ.

Въ Севастополь адмиралъ вернулся съ убѣжденіемъ, что россійская армія уже тогда совершенно потеряла боеспособность, а Временное Правительство фактически не имѣетъ никакой власти. Члены его безсильны и неспособны для управленія государствомъ. Особенно плохое впечатленіе у него осталось о Керенскомъ, котораго адмиралъ коротко охарактеризовалъ: «болтливый гимназистъ».

Немедленно по прибытіи, адмиралъ рѣшилъ подѣлиться своими впѣчатленіями съ офицерами и командой, съ цѣлью вызвать въ нихъ патріотическій подъемъ. Адмиралъ произнесъ двѣ рѣчи, полныхъ вдохновенія, сжатыхъ, яркихъ, заставлявшихъ сердце сжиматься отъ ужаснаго положенія, въ которомъ находится Россія. Одну рѣчь онъ произнесъ въ Морскомъ собраніи для офицеровъ, другую — въ помѣщеніи цирка, куда были собраны представители командъ. Позже эти рѣчи были напечатаны Московской Городской Думой въ нѣсколькихъ милліонахъ экземпляровъ и распространены по всей Россіи.

Слова адмирала произвели громадное впечатлѣніе. Многіе слушавшіе рыдали. Команды рѣшили выбрать изъ своей среды лучшихъ людей въ числѣ сначала 500 чел. (впослѣдствіи дополненныхъ еще 250 чел.) для посылки на фронтъ, чтобы воздѣйствовать на солдатъ, какъ словами, такъ и личнымъ примѣромъ. Не знаю — имѣла ли существенное вліяніе на фронтѣ «Черноморская делегація». Слышалъ только, что нѣкоторые ея участники пали смертью храбрыхъ въ бояхъ на сушѣ.

Но на состояніе Черноморскаго флота посылка этой делегаціи, сравнительно небольшой, отразилась очень плохо. Уѣхали лучшіе, наиболѣе убѣжденные и патріотичные люди. Многіе изъ нихъ принадлежали къ составу комитетовъ, гдѣ они успѣли втянуться въ работу и поправѣть. Пришлось произвести добавочные выборы въ комитеты, послѣ чего составъ ихъ значительно ухудшился. Послѣ отъѣзда делегаціи, большевики обратили больше вниманія на Черноморскій флотъ и прислали своихъ спеціальныхъ агентовъ-разлагателей и разрушительная работа пошла ускореннымъ темпомъ. Хотя внѣшній порядокъ соблюдался, но чувствовалось, что все можетъ внезапно сокрушиться.

Не помню точно въ какой день, но кажется 20 мая вечеромъ, ко мнѣ въ каюту на «Георгіѣ Побѣдоносцѣ» безъ доклада вошли матросъ, солдатъ и рабочій, съ краснобѣлыми повязками на рукавѣ, означавшими, что они принадлежатъ къ центральнему исполнительному комитету. Одинъ изъ нихъ показалъ мнѣ письменное постановленіе комитета объ арестѣ помощника по хозяйственной части, капитана надъ

Севастопольскимъ портомъ, генералъ-маіора Петрова и потребовалъ отъ меня отдачи приказанія о производствѣ ареста. На вопросъ о причинахъ такого желанія комитета, мнѣ отвѣтили, что генералъ Петровъ отказался исполнить требованіе комитета о распредѣленіи запасовъ кожи между матросами. Я сказалъ, что не вижу причины для ареста, ибо за хозяйство порта несетъ отвѣтственность генералъ Петровъ и сложить ее, подчинившись требованіямъ комитета, онъ не имѣетъ права. Послѣ этого прибывшіе члены комитета потребовали, въ грубой формѣ, провести ихъ къ командующему флотомъ. Я отвѣтилъ, что адмиралъ не находится на кораблѣ. На это одинъ изъ нихъ сказалъ: «да что тутъ разговаривать, мы сами поѣдемъ къ командующему флотомъ на квартиру».

Всѣ трое вышли изъ моей каюты. Я сейчасъ же предупредилъ адмирала по телефону, что къ нему ѣдутъ эти три человѣка. Адмиралъ выслушалъ ихъ докладъ, отказался дать приказаніе объ арестѣ генерала Петрова и прогналъ ихъ отъ себя. Затѣмъ адмиралъ вызвалъ къ себѣ лейтенанта Левговта — члена комитета и предложилъ ему воздѣйствовать на комитетъ въ смыслѣ отмѣны рѣшенія.

Я же вызвалъ къ себѣ одного матроса и однаго рабочаго, извѣстныхъ мнѣ своимъ разумнымъ вліяніемъ на комитетъ и просилъ ихъ воздѣйствовать на своихъ коллегъ. Вскорѣ мнѣ сообщили по телефону, что комитетъ собрался для обсужденія вопроса и, послѣ принятія рѣшенія, нѣсколько его членовъ прибудутъ къ командующему флотомъ для доклада. Адмиралъ вызвалъ меня къ себѣ на квартиру. Около полуночи къ нему прибыли три члена комитета, во главѣ съ лейтенантомъ Левговтомъ и вторично потребовали ареста генерала Петрова. Адмиралъ отвѣтилъ, что онъ категорически не разрѣшаетъ арестовать генерала Петрова, а Левговту указалъ на его поведеніе, какъ недостойное офицерскаго званія.

Левговтъ до революціи былъ исправнымъ офицеромъ, болѣе пригоднымъ для штабной, чѣмъ для строевой службы. Онъ не обучался въ Морскомъ Корпусѣ, а, по окончаніи университета, былъ юнкеромъ флота, затѣмъ — произведенъ офицеры. Революціоннаго прошлаго, насколько мнѣ извѣстно, не имѣлъ. Послѣ начала революціи, за свое краснорѣчіе былъ выбранъ членомъ центральнаго комитета. Вначалѣ имѣлъ сдерживающее вліяніе на матросовъ, но затѣмъ замѣтно увлекся демагогіей.

Черезъ нѣкоторое время послѣ ухода отъ адмирала членовъ комитета, было получено извѣстіе, что генералъ Петровъ все же ими арестованъ.

До этого въ Черноморскомъ флотѣ не было ни одного случая ареста офицеровъ матросами. Адмиралъ сейчасъ же послалъ телеграмму Предсѣдателю Временнаго Правительства, Князю Львову, о томъ, что, вслѣдствіе самочинныхъ дѣйствій комитета, онъ не можетъ нести отвѣтственность за Черноморскій флотъ и проситъ отдать приказаніе о сдачѣ имъ должности командующаго флотомъ слѣдующему по стар-

шинству флагаму. Такая же телеграмма была послана Верховному Главнокомандующему, генералу Алексѣеву.

На слѣдующій день были получены двѣ телеграммы: одна, адресованная центральному комитету; въ ней приказывалось освободить генерала Петрова и сообщалось, что для разбора дѣла въ Севастополь ѣдетъ одинъ изъ членовъ правительства; дѣйствія комитета были названы контръ-революціонными. Телеграмма состояла изъ трескучихъ фразъ, столь милыхъ сердцамъ членовъ Временнаго Правительства. Другая телеграмма была адресована адмиралу Колчаку; въ ней заключалась просьба остаться въ должности и обѣщаніе Временнаго Правительства оказать содѣйствіе водворенію перядка. Обѣ телеграммы были подписаны Княземъ Львовымъ и Керенскимъ.

Генералъ Петровъ былъ немедленно освобожденъ. Чувствовалось, что телеграммы Временнаго Правительства все же возымѣли дѣйствіе на матросовъ, было замѣтно, что они присмирѣли и подтянулись. Я убѣжденъ, что если бы Временное Правительство въ тотъ моментъ воспользовалось этимъ случаенъ и уничтожило бы комитеты, или, хотя бы, сократило ихъ компетенцію, то это было бы проведено въ жизнь. Лучшіе изъ матросовъ понимали, что дѣло такъ продолжаться не можетъ и тяготились комитетами; если бы Временное Правительство выказало твердость, то эти лучшіе элементы безусловно одержали бы верхъ надъ худшими. Но Временное Правительства было въ рукахъ Петроградскаго совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ и дѣйствія его были парализованы.

Вскорѣ было получено извѣстіе, что въ Севастополь, черезъ Одессу, ѣдетъ Керенскій. Адмиралъ Колчакъ вышелъ на миноносцѣ въ Одессу, чтобы встрѣтить Керенскаго и, въ пути, настроить его на принятіе рѣшительныхъ мѣръ. Однако Керенскій не настроился.

По прибытіи въ Севастополь, Керенскій побывалъ на нѣсколькихъ корабляхъ, здоровался за руку съ матросами, стоящими въ строю, говорилъ имъ много рѣчей, призывая къ продолженію войны и сохраненію дисциплины во имя «защиты революціи». Былъ въ центральномъ исполнительномъ комитетѣ, гдѣ, вмѣсто того чтобы сократить его, онъ лишь похвалилъ членовъ комитета за исполненіе распоряженія временнаго правительства объ освобожденіи генерала Петрова.

Вечеромъ, въ морскомъ собраніи, Керенскій произнесъ нѣсколько рѣчей собравшимся офицерамъ. Надо отдать справедливость, что его рѣчи производили дѣйствіе на матросовъ и, всобще, на людей мало развитыхъ и не способныхъ къ самостоятельному и логическому мышленію. Но это дѣйствіе черезъ короткое время исчезало, такъ какъ слушатель забывалъ содержаніе рѣчи, потому что смысла въ ней было мало — былъ лишь фонтанъ трескучихъ фразъ. На меня Керенскій произвелъ впечатлѣніе неврастеника, человѣка неуравновѣшеннаго и увлеченнаго демагогіей.

Послѣ отъѣзда Керенскаго наступило временное спокойствіе, но чувствовалось, что оно кратковременно. Адмиралъ Колчакъ говорилъ, что связь и довѣріе между нимъ и командами пропали. Онъ выразился, что Керенскій просилъ его и комитетъ «забыть прошлое и поцѣловаться, но ни онъ, ни комитетъ цѣловаться не склонны». Предсѣдатель комитета, вольноопредѣляющійся Сафоновъ, во время происшествія съ генераломъ Петровымъ, въ Севастополѣ не былъ и вернулся туда уже послѣ происшествія; возможно, что при немъ комитетъ не всталъ бы на такой путь.

Въ началѣ Іюня въ Севастополь прибыли нѣсколько матросовъ балтійскаго флота съ «мандатами» отъ центральнаго комитета балтійскаго флота. Видъ у нихъ былъ разбойничій — съ лохматыми волосами, фуражками на бекрень — всѣ они почему то носили темные очки. Поселились они въ хорошихъ гостинницахъ и тратили много денегъ. Было ясно, что это большевистскіе агенты. Они стали собирать митинги и открыто вести убійственную пропаганду. Содержаніе ихъ рѣчей было таково: «товарищи-черноморцы, что вы сдѣлали для революціи? У васъ всюду старый режимъ, вами командуетъ командующій флотомъ, бывшій еще при царѣ! Вы слушаетесь офицеровъ! Ваши корабли ходятъ въ море и подходятъ къ непріятельскимъ берегамъ, чтобы ихъ анексировать. Народъ рѣшилъ заключить миръ безъ анексій, а вашъ командующій флотомъ посылаетъ васъ завоевывать непріятельскіе берега! Вотъ мы, Балтійцы, послужили для революціи, мы убили своего командующаго флотомъ и многихъ офицеровъ!»

Вначалѣ эта пропаганда не дѣйствовали, она казалась чрезмѣрно крайней. Члены черноморскаго комитета слѣдили за прибывшими, не допускали ихъ самостоятельно устраивать митинги и на митингахъ говорили рѣчи противъ балтійскихъ делегатовъ. Конечно, дѣйствительной мѣрой былъ бы арестъ ихъ, но въ нашемъ распоряженіи не было силы, которая смогла бы произвести арестъ. Я неоднократно вызывалъ къ себѣ членовъ Черноморскаго центральнаго комитета и убѣждалъ ихъ арестовать и выслать изъ Крыма балтійскихъ делегатовъ. Члены комитета увѣряли меня, что опасности нѣтъ, что матросы на митингахъ высмѣиваютъ ихъ и они скоро сами уѣдутъ. На дѣлѣ оказалось не такъ. Балтійскіе делегаты перемѣнили тактику — они сообщали комитету, что пріѣдутъ на митингъ, устроенный въ опредѣленномъ мѣстѣ, сами же ѣхали въ другое мѣсто, собирали толпу и тамъ говорили преступныя рѣчи. Эта новая тактика имѣла полный успѣхъ. Черезъ два-три дня положеніе круто измѣнилось, матросы окончательно развратились и центральный комитетъ потерялъ всякое вліяніе на нихъ.

8 Іюня во дворѣ Севастопольскаго флотскаго экипажа собрался митингъ, на которомъ присутствовало тысячъ 15 людей. Балтійскіе матросы агитировали и наэлектризовали толпу. Толпа требовала отобранія оружія отъ офицеровъ и

ареста ихъ. Вечеромъ пришло извѣстіе, что на берегу начались аресты офицеровъ.

Адмиралъ Колчакъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку повліять на команды. Утромъ 9-го іюня онъ поѣхалъ въ помѣщеніе цирка, гдѣ было назначено собраніе делегатовъ командъ. Адмиралъ намѣревался воззвать къ ихъ патріотизму. Когда онъ взошелъ на возвышеніе, гдѣ сидѣли члены комитета, никто не всталъ. Затѣмъ адмиралъ сказалъ предсѣдателю, что желаетъ обратиться къ командамъ, но предсѣдатель отвѣтилъ, что не можетъ предоставить слова. Адмиралъ считалъ дальнѣйшее пребываніе на собраніи для себя унизительнымъ и уѣхалъ на корабль.

Около 2 часовъ дня было получено извѣстіе, что на нѣкоторыхъ корабляхъ матросы отобрали отъ офицеровъ оружіе, а черезъ нѣсколько времени была принята радіотелеграмма, что делегатское собраніе приказываетъ судовымъ и полковымъ комитетамъ отобрать отъ офицеровъ оружіе. Стало ясно, что центральный комитетъ и делегатское собраніе плыли по теченію и подчинялись требованіямъ митинга, бушевавшаго въ помѣщеніи экипажа. Это былъ первый случай пользованія матросами радіотелеграфомъ безъ разрѣшенія начальства.

Адмиралъ рѣшилъ, что мѣръ борьбы больше нѣтъ, что, такъ какъ на половинѣ кораблей оружіе уже отобрано — сопротивленіе на остальныхъ корабляхъ поведетъ только къ убійству офицеровъ. Поэтому онъ далъ радіотелеграмму кораблямъ, находившимся на Севастопольскомъ рейдѣ, приблизительно слѣдующаго содержанія: «Мятежные матросы потребовали отобранія отъ офицеровъ оружія. Этимъ наносится оскорбленіе вѣрнымъ и доблестнымъ сынамъ родины, три года сражавшимся съ грознымъ врагомъ. Сопротивленіе невозможно, поэтому, во избѣжаніе кровопролитія, предлагаю офицерамъ не сопротивляться» (цитирую по памяти).

Затѣмъ адмиралъ приказалъ поставить команду «Георгія Побѣдоносца» во фронтъ и сказалъ ей вдохновенную, патріотическую рѣчь, въ которой указалъ гибельныя для родины послѣдствія поступковъ командъ, разъяснилъ оскорбительность для офицеровъ отобранія отъ нихъ оружія, сказалъ, что даже Японцы не отобрали отъ него Георгіевское оружіе послѣ сдачи Портъ-Артура, а они, русскіе люди, съ которыми онъ дѣлилъ тягости и опасности войны, наносятъ ему такое оскорбленіе. Но онъ своего оружія имъ не отдастъ.

Прекрасная рѣчь адмирала произвела мало впечатлѣнія на распропагандированныхъ людей. Лучшіе, изъ числа служившихъ въ штабѣ матросовъ, разсказывали мнѣ, что послѣ рѣчи адмирала матросы обсуждали ее, говоря: «чего онъ разсердился, зачѣмъ ему сабля, все равно она виситъ у него въ шкафу и онъ одѣваетъ ее только на парадахъ. Для парадовъ мы будемъ ее ему возвращать!» И съ такими людьми Керенскій и многіе другіе мечтали о какой то «сознательной дисциплинѣ» безъ наказаній, не существующей нигдѣ въ мірѣ!

Черезъ нѣкоторое время члены судового комитета «Георгія Побѣдоносца» пришли въ каюту къ адмиралу все же съ требованіемъ сдачи имъ оружія. Адмиралъ прогналъ ихъ изъ каюты, затѣмъ вышелъ на палубу и бросилъ свою саблю въ море. Послѣ этого онъ вызвалъ къ себѣ старшаго изъ флагмановъ, контръ-адмирала Лукина и сказалъ ему, что онъ передаетъ ему командованіе флотомъ. Свой флагъ командующаго флотомъ онъ приказалъ спустить, согласно морского обычая, въ полночь. А. В. Колчакъ послалъ телеграмму князю Львову, что, вслѣдствіе происшедшаго бунта, онъ не считаетъ возможнымъ продолжать командованіе флотомъ и передаетъ командованіе контръ-адмиралу Лукину.

Вечеромъ прибыла на корабль комиссія изъ 12 членовъ центральнаго исполнительнаго комитета и сообщила, что комитетъ постановилъ, что адмиралъ Колчакъ долженъ сдать должность командующаго флотомъ, а я—должность начальника штаба, а комиссія должна присутствовать при передачѣ должностей. Адмиралъ сказалъ, что онъ уже сдалъ должность контръ-адмиралу Лукину; я вызвалъ слѣдующаго по старшинству въ штабѣ флагъ-капитана распорядительной части, капитана 1 ранга Зарина и передалъ ему должность начальника штаба. При передачѣ присутствовали члены комитета — они искали какихъ то контръ-революціонныхъ документовъ. Конечно, въ присутствіи членовъ комитета я никакихъ оперативныхъ секретовъ своему замѣстителю не разсказывалъ.

Вскорѣ послѣ передачи должностей, адмираломъ была получена телеграмма за подписями князя Львова и Керенскаго, смыслъ которой былъ слѣдующій:

1. Вице-адмиралу Колчаку и капитану 1 ранга Смирнову, допустившимъ явный бунтъ въ Черноморскомъ флотѣ, немедленно прибыть въ Петроградъ для доклада Временному Правительству.

2. Контръ-адмиралу Лукину вступить во временное командованіе Черноморскомъ флотомъ и возстановить порядокъ.

3. Для разслѣдованія обстоятельствъ бунта и наказанія виновныхъ назначается комиссія, выѣзжающая изъ Петрограда въ Севастополь.

Адмиралъ считалъ себя оскорбленнымъ содержаніемъ телеграммы. Поставленное ему и мнѣ, предъ лицомъ всей Россіи, обвиненіе въ допущеніи бунта было явно нелѣпымъ и не свидѣтельствовало о сознаніи долга и чести лицами, подписавшими телеграмму. Съ самаго начала революціи Временное Правительство возглавило бунтъ и дѣлало все отъ него зависящее, чтобы этотъ бунтъ «углубить». Мы всѣми мѣрами боролись противъ распространенія этого бунта во ввѣренныхъ намъ частяхъ, но, безъ поддержки со стороны правительства, эта борьба была безуспѣшна.

Въ ту же ночь мы получили свѣдѣнія, что многотысячный митингъ, бушевавшій на берегу, требовалъ ареста адмирала Колчака и моего, но тамъ оказался одинъ изъ нашихъ

сторонниковъ — солдатъ Царскосельскаго гарнизона, Киселевъ, человѣкъ огромнаго роста, внушительнаго вида, умѣвшій говорить толпѣ. Видя, что на митингѣ страсти разгорѣлись, Киселевъ предложилъ передать вопросъ объ арестѣ на обсужденіе делегатскаго собранія, которое засѣдало въ это же время въ циркѣ. Делегатское собраніе постановило собрать на слѣдующій день, когда страсти успокоются, представителей отъ всѣхъ судовыхъ и полковыхъ комитетовъ для рѣшенія вопроса о нашемъ арестѣ.

На другой день утромъ адмиралъ Колчакъ переѣхалъ на берегъ въ свою квартиру, а я съѣхалъ съ корабля въ гостинницу Киста. Къ вечеру пришло извѣстіе, что собравшіеся представители комитетовъ большинствомъ голосомъ рѣшили насъ не арестовывать.

Около полночи, въ курьерскомъ поѣздѣ, адмиралъ Колчакъ и я выѣхали въ Петроградъ. На вокзалѣ насъ провожали — главный командиръ Севастопольскаго порта, вице-адмиралъ Васильковскій и многіе офицеры флота, устроившіе адмиралу при отходѣ поѣзда овацію. Одинъ изъ провожавшихъ крикнулъ: «Мужество и доблесть, сознаніе долга и чести во всѣ времена служили украшеніемъ народовъ. Ура!»

Адмиралъ былъ въ крайне подавленномъ настроеніи духа. Въ вагонѣ онъ мнѣ сказалъ, что обвиненіе, поставленное ему Временнымъ Правительствомъ, его глубоко оскорбило, что ему тяжко сознаніе, что онъ, которому было ввѣрено командованіе флотомъ, смѣщенъ по требованію взбунтовавшихся матросовъ, что онъ не можетъ примириться съ мыслью, что не будетъ принимать активнаго участія въ великой войнѣ, отъ исхода которой зависитъ все будущее Россіи. Я старался успокоить адмирала; мнѣ самому было тяжело за Россію, но Временное Правительство я глубоко презиралъ.

Въ томъ же поѣздѣ, въ которомъ мы ѣхали, ѣхалъ также въ отдѣльномъ вагонѣ американскій адмиралъ Глэконъ, прибывшій наканунѣ въ Севастополь, съ цѣлью переговорить съ адмираломъ Колчакомъ о возможномъ содѣйствіи намъ со стороны Американскаго флота, который могъ бы быть посланъ въ Средиземное море для дѣйствій противъ Дарданеллъ.

Глэконъ подъѣзжалъ къ Севастополю, когда тамъ уже произошелъ бунтъ. Увидѣвъ, что на вокзалѣ его встрѣчаютъ матросъ, солдатъ и рабочій, онъ сказалъ состоявшему при немъ русскомъ морскому офицеру, лейтенанту Д. Н. Федотову: «кажется намъ здѣсь нечего дѣлать; распорядитесь о прицѣпкѣ моего вагона къ поѣзду, уходящему вечеромъ».

Адмиралъ Глэконъ спросилъ адмирала Колчака, не согласится ли онъ прибыть въ Америку, т. к. возможно, что Американскій флотъ будетъ дѣйствовать противъ Дарданеллъ для открытія сообщенія съ Россіей; въ этомъ случаѣ опытъ адмирала могъ бы быть использованъ. Адмиралъ согласился на это.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія въ Петроградъ, адмиралъ Колчакъ и я были приглашены въ засѣданіе Вре-

меннаго Правительства въ Маріинскій Дворецъ для доклада о событіяхъ въ Черноморскомъ флотѣ.

Въ засѣданіи адмиралъ высказалъ, что вооруженныя силы, вслѣдствіе допущенной правительствомъ антигосударственной агитаціи, разлагаются и болѣе непригодны для войны, что имѣются только два выхода — или заключить миръ, или прекратить преступную агитацію, ввести смертную казнь и привести вооруженныя силы въ порядокъ.

Послѣ рѣчи адмирала, князь Львовъ предложилъ высказаться мнѣ. Я сказалъ, что правительство объвиняетъ насъ въ допущеніи бунта, но бунтъ допустили не мы, а само правительство и, въ частности, самъ военный и морской министръ, Керенскій. Я указалъ, что, по предыдущей службѣ, я имѣлъ случай плавать на Англійскомъ и Французскомъ флотахъ, принадлежащихъ, такъ называемымъ, демократическимъ странамъ; у нихъ дисциплина строже и наказанія жесточе, чѣмъ у насъ было при Императорскомъ режимѣ, что вооруженная сила основана на строгомъ законѣ и строгихъ взысканіяхъ за проступки. Сознательная же дисциплина, провозглашенная Временнымъ Правительствомъ, недоступна массамъ, она возможна только для единичныхъ высококультурныхъ людей. За столомъ, въ засѣданіи, противъ меня сидѣли Керенскій, Черновъ и Церетелли. Послѣ моихъ словъ князь Львовъ сказалъ, обращаясь къ адмиралу Колчаку и ко мнѣ: «благодарю васъ, мы обсудимъ». Мы вышли изъ засѣданія.

Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что Керенскій, въ наказаніе за дерзкія слова, произнесенныя мною въ засѣданіи Совѣта Министровъ, приказалъ сослать меня въ Каспійское море, но адмиралъ Колчакъ вступился за меня и это распоряженіе было отмѣнено.

Популярность адмирала Колчака въ Россіи была очень высока. Какія то неизвѣстныя организаціи разбрасывали по городу листки, съ призывомъ къ военной диктатурѣ, выдвигая въ диктаторы адмирала. Въ листкахъ писалось: «Суворовскими знаменами не отмахиваются отъ мухъ. Пусть князь Львовъ передаетъ власть адмиралу Колчаку и т. п.»

Вскорѣ состоялось постановленіе Временнаго Правительства о командированіи адмирала Колчака въ Соединенные Штаты Америки. Постановленіе это было вызвано просьбой чрезвычайнаго посла Америки, сенатора Рутъ. Многія общественныя организаціи патріотическаго направленія приглашали адмирала принять участіе въ ихъ работѣ. Надѣясь быть полезнымъ въ Россіи, адмиралъ не хотѣлъ ѣхать въ Америку и затягивалъ отъѣздъ насколько возможно. Однако Керенскому не нравилась популярность адмирала и онъ рѣшилъ отъ него избавиться. Однажды, придя домой, адмиралъ засталъ тамъ курьера съ собственноручнымъ приказомъ Керенскаго — немедленно отбыть въ Соединенныя Штаты Америки и донести, отчего онъ до сего времени не выѣхалъ.

27 іюля 1917 года адмиралъ Колчакъ отбылъ за границу.

Морисъ Палеологъ.

Императорская Россія въ эпоху Великой Войны.

Часть Вторая.

I.

Четвергъ 3 іюня.

Вслѣдствіе неустаннаго продвиженія австро-германцевъ на правомъ берегу Сана, русскія войска сегодня днемъ были вынуждены оставить Перемышль. Со времени майскихъ боевъ на Дунайцѣ, количество плѣнныхъ, оставленныхъ русскими въ рукахъ непріятеля, превышаетъ 300 000 человѣкъ.

Воскресенье 6 іюня.

Русское общественное мнѣніе тѣмъ болѣе удручено Галиційскими неудачами, что оно утратило надежду на быстрый и рѣшительный успѣхъ въ Дарданеллахъ.

Однако, во всѣхъ классахъ общества, въ особенности въ провинціи, наблюдается новое явленіе: вмѣсто пассивнаго примиренія съ всѣми послѣдними неудачами, общественное мнѣніе выражаетъ протестъ, возмущеніе, требованіе разслѣдованія и исправленія недочетовъ и ясно выражаетъ требованіе побѣды.

— Вотъ настоящій голосъ русскаго народа, — сказалъ мнѣ сегодня Сазоновъ. — Мы скоро будемъ свидѣтелями яркаго пробужденія національнаго чувства.

Всѣ политическія партіи, конечно за исключеніемъ крайне правыхъ, требуютъ немедленнаго созыва Государственной Думы, для того, чтобы положить конецъ самостоятельнымъ неумѣлымъ дѣйствіямъ военной администраціи и мобилизовать всѣ частныя силы Россіи.

Пятница 11 іюня.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Москвѣ царило возбужденіе. Въ народѣ усиленно циркулировали слухи объ измѣнѣ, совершенно открыто возводились обвиненія на

Государя, Государыню, Распутина и на всѣхъ, вліятельныхъ при дворѣ, лицъ. Вчера вспыхнули волненія, продолжающія-ся еще сегодня. Большинство магазиновъ, принадлежащихъ нѣмцамъ, или лицамъ, носящимъ нѣмецкія фамиліи, было разгромлено.

Суббота 12 іюня.

Въ Москвѣ возстановлено спокойствіе, но, все же, вчера вечеромъ войскамъ пришлось примѣнить оружіе.

Вначалѣ полиція не препятствовала погромщикамъ, для того, чтобы дать возможность излиться тому гнѣву и возмущенію, которое накипѣло въ народѣ вслѣдствіе Галиційскихъ неудачъ, однако, затѣмъ, безпорядки приняли такіе размѣры, что оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ для прекращенія ихъ.

Воскресенье 13 іюня.

Московскіе безпорядки носили на себѣ отпечатокъ весьма серьезнаго значенія, который, однако, почти не освѣщается прессой.

На Красной площади, на которой развернулось столько историческихъ событій, народныя массы порицали Государя, требовали заточенія въ монастырь Императрицы, сверженія Государя и возведенія на престолъ Вел. Кн. Николая Николаевича, повѣшенія Распутина и т. д.

Подобныя же шумныя манифестаціи произошли передъ Марфо-Маріинскимъ монастыремъ, настоятельницей коего состоитъ Вел. Кн. Елисавета Феодоровна, сестра Государыни и вдова Вел. Кн. Сергія Александровича. По адресу этой женщины, всѣ свои усилія направляющей на дѣла милосердія, со стороны московской толпы сыпались угрозы и поношенія, вслѣдствіе царящихъ слуховъ о томъ, что она занимается шпіонажемъ и даже укрываетъ въ монастырѣ своего брата, Великаго Герцога Гессенскаго.

Свѣдѣнія о безпорядкахъ вызвали въ Царскомъ Селѣ большое волненіе.

Государыня чрезвычайно недовольна московскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Юсуповымъ, который либо по непредусмотрительности, либо по слабости допустилъ подобныя оскорбленія по адресу Ихъ Величествъ.

Вчера Государь принималъ Родзянко, который весьма настойчиво указывалъ на необходимость созвать Государственную Думу. Государь сочувственно выслушалъ его, но не высказалъ своихъ намѣреній.

Понедѣльникъ 14 іюня.

Послѣ эвакуаціи Перемышля, русскія войска въ центральной Галиціи оказывали чрезвычайно упорное сопротивленіе между Саномъ и Вишней, для того, чтобы прикрыть Львовъ. Однако, вчера и эти позиціи были прорваны къ востоку отъ Ярослава. Германцы взяли 15000 плѣнными.

Вторникъ 15 іюня.

Предсѣдатель совѣта министровъ Горемыкинъ, не могущій вслѣдствіе преклоннаго возраста нести бремя власти, въ особенности въ такое тяжелое время, умолялъ Государя принять его отставку, однако получилъ отъ него уклончивый отвѣта. Вчера онъ по этому поводу говорилъ одному изъ своихъ друзей: — Государь не замѣчаетъ, что вокругъ моего гроба уже зажжены свѣчи и ждутъ только меня, чтобы начать погребеніе.

Среда 16 іюня.

На основаніи конфиденціальнаго разговора г-жи Вырубовой съ графиней Н. выясняется, что министръ внутреннихъ дѣлъ, Маклаковъ, оберъ-прокуроръ Синода, Саблеръ и министръ юстиціи, Щегловитовъ, прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы разубѣдить Государя въ его намѣреніи созвать Государственную Думу и, даже, доказать, что Россія не въ состояніи дальше продолжать войну. Намѣренія Государя относительно созыва Думы совершенно неизвѣстны, хотя Государыня всѣми силами поддерживаетъ мнѣнія министровъ. Что же касается продолженія войны, то Государь высказался по этому поводу съ непривычной ему рѣзкостью: — «Заключеніе мира теперь повлекло бы за собой и безчестье и революцію. Какъ осмѣливаются мнѣ дѣлать подобныя предложенія».

Государыня также высказала, что если бы Россія сейчасъ покинула своихъ союзниковъ, она бы покрылась несмываемымъ позоромъ, но, въ то же время, заклинаетъ Государя не дѣлать никакихъ уступокъ парламентаризму. — Не забывайте, — говорила она, — что вы самодержецъ волею Божьей. Богъ никогда не проститъ вамъ, если вы откажетесь отъ врученной вамъ власти. —

Пятница 18 іюня.

Встрѣтившись сегодня утромъ съ Бьюкененомъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, мы обмѣнялись мнѣніями и оба вспомнили, что сегодня столѣтняя годовщина битвы при Ватерлоо.

Однако, теперь не такое время, чтобы заниматься историческими параллелями; мы только что узнали важную новость. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Маклаковъ, уволенъ отъ должности и замѣщенъ главноуправляющимъ вѣдомствомъ государственнаго коннозаводства, княземъ Щербатовымъ.

Сазоновъ въ восторгѣ. Отставка Маклакова ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что Государь остается вѣрнымъ союзникамъ и рѣшилъ продолжать войну.

Что касается новаго министра, то онъ до сихъ поръ былъ мало извѣстенъ, но Сазоновъ говоритъ что это человѣкъ умѣреннаго направленія, разумный и горячій патріотъ.

Суббота 19 іюня.

Третьяго дня въ Павловскѣ скончался Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ. Покойный родился въ 1858 году, состоялъ въ супружествѣ съ принцессой Елисаветой Саксенъ-Альтенбургской; его сестра была въ замужествѣ за греческимъ Королемъ.

Сегодня въ шесть часовъ состоялось торжественное перенесеніе тѣла усопщаго въ Петропавловскій соборъ, находящійся посрединѣ крѣпости, являющейся одновременно и усыпальницей царствующаго дома, и мѣстомъ заключенія государственныхъ преступниковъ.

Государь и всѣ великіе князья слѣдовали пѣшкомъ за катафалкомъ. Въ соборъ гробъ былъ ими внесенъ на рукахъ.

Затѣмъ была отслужена панихида, открывающая собой цѣлый рядъ служеній, составляющихъ торжественныя похороны.

Справа находились Государь, Государыня, вдовствующая Императрица, великіе князья и княгини и всѣ члены императорской фамиліи; съ лѣвой стороны былъ расположенъ дипломатическій корпусъ.

Такимъ образомъ я находился въ трехъ шагахъ отъ Государя и имѣю возможность наблюдать за нимъ во время всей службы. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, со времени моего съ нимъ послѣдняго свиданія, онъ замѣтно измѣнился. Волосы нѣсколько порѣдѣли и мѣстами посѣдѣли, лицо похудѣло. Выраженіе лица его серьезно, взоръ устремленъ вдаль.

Слѣва отъ него стоитъ вдовствующая Императрица. Несмотря на ея 68 лѣтъ, она стоитъ неподвижно, высоко поднявъ голову и сохраняетъ величественную осанку. Рядомъ съ ней стоитъ Императрица, которая, видимо, напрягаетъ всѣ усилія чтобы выдержать церемонію до конца. Временами она совершенно блѣднѣетъ и неровное, прерывистое дыханіе приподымаетъ ее грудь. Съ другой стороны отъ Государыни, столь же величественно и спокойно, какъ вдовствующая Императрица, стоитъ Вел. Кн. Марія Павловна, а за ней четыре дочери Государя, изъ коихъ старшая непрестанно, безпокойнымъ взоромъ, слѣдитъ за матерью.

Въ изъятіе изъ правилъ православной церкви, за обѣими Императрицами и Вел. Кн. Маріей Павловной поставлено три кресла. Въ теченіе службы, Государыня Александра Феодоровна, не будучи въ состояніи прослушать всю службу стоя, четыре раза опускается въ кресло, подносся при этомъ каждый разъ руку къ глазамъ, какъ бы прося прощенія за свою слабость. Напротивъ, обѣ ея сосѣдки твердо выслушиваютъ всю службу стоя, какъ бы въ видѣ нѣмого протеста предыдущаго величественнаго царствованія противъ слабости и упадка нынѣшняго двора.

Въ продолженіе длинной и однообразной службы, мнѣ былъ представленъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Щербатовъ. Его открытое и умное лицо и теплый голосъ, призводятъ симпатичное впечатлѣніе.

— Моя программа весьма проста — сказалъ онъ — тѣ инструкціи, которыя будутъ преподаны мною подчиненнымъ мнѣ органамъ, можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: все — для того, чтобы война могла быть доведена до побѣднаго конца. Я не потерплю ни безпорядка, ни бездѣйствія, ни упадка духа. —

Поздравивъ его съ принятымъ имъ рѣшеніемъ, я посовѣтовалъ ему приложить всѣ усилія, чтобы въ самомъ ближайшемъ будущемъ пріобщить всѣ производительныя силы страны къ дѣлу снабженія арміи.

Между тѣмъ, служба приближается къ концу. Всѣмъ присутствующимъ раздаютъ свѣчи, символизирующія тотъ вѣчный свѣтъ, который узритъ душа покойнаго.

Вся церковь сверкаетъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Неподвижный, съ сосредоточеннымъ лицомъ, Государь устремляетъ свой взглядъ далеко передъ собой, къ невидимой цѣли, находящейся далеко за земными горизонтами и за границами видимаго міра.

Вторникъ 22 іюня.

Сегодня утромъ Государь присутствовалъ при спускѣ большого бронированнаго крейсера, «Измаилъ», водоизмѣщеніемъ въ 32 000 тоннъ, построеннаго на Василеостровскихъ верфяхъ.

Присутствовали члены правительства и дипломатическій корпусъ.

Вслѣдствіе яркой солнечной погоды, эта церемонія столь же внушительна, сколь и красочна. Однако, повидимому, это событіе никого не занимаетъ; въ различныхъ группахъ съ серьезнымъ видомъ, потихонько, передаютъ о томъ, что русскія арміи оставляютъ Львовъ.

Государь безучастно слѣдитъ за происходящимъ. Во время благословенія корабля, онъ снимаетъ фуражку и, подъ прямыми лучами солнца, на краяхъ его глазъ замѣтны двѣ глубокія морщины, которыхъ еще вчера не было.

Между тѣмъ, громадный корпусъ медленно и планомѣрно скользитъ по направленію къ Невѣ, на водѣ появляется сильное волненіе, наконецъ, канаты натянулись — «Измаилъ» величественно остановился.

Передъ возвращеніемъ во дворецъ, Государь посѣтилъ мастерскія, въ которыя спѣшно возвратились рабочіе. Онъ обозрѣвалъ ихъ около часа, часто останавливаясь для того, чтобы поговорить съ разными лицами, съ тѣмъ достойнымъ и величественнымъ спокойствіемъ и мягкостью, съ которыми онъ разговориваетъ со своими подданными.

Воодушевленныя привѣтствія неизмѣнно сопровождали весь его обходъ, а, между тѣмъ, здѣсь, на этихъ заводахъ и гнѣздится главный очагъ русскаго анархизма.

Прощаясь съ Государемъ, я поздравилъ его съ тѣмъ восторженнымъ пріемомъ, который былъ ему оказанъ рабочими.

— Ничто такъ не укрѣпляетъ меня, — сказалъ Государь, меланхолически улыбаясь, — какъ чувство сознанія моего единенія съ моимъ народомъ. Сегодня это мнѣ было совершенно необходимо.

Среда 23 іюня.

Сегодня ко мнѣ пришелъ издатель газеты «Новое Время», Суворинъ, чтобы подѣлиться со мною своимъ безотраднымъ настроеніемъ.

— Я больше ни на что не надѣюсь — сказалъ онъ — отнынѣ мы неминуемо будемъ подвержены катастрофѣ.

Я возразилъ ему, ссылаясь на тотъ подъемъ энергіи, который въ настоящее время встряхнулъ весь Русскій Народъ и выразился въ принятыхъ въ Москвѣ рѣшительныхъ «резолюціяхъ».

— Я хорошо знаю нашъ народъ — сказалъ Суворинъ. — Эта встряска будетъ очень непродолжительна и скоро мы снова впадемъ въ нашу апатію. Сегодня мы ополчились противъ чиновниковъ, мы ихъ обвиняемъ во всѣхъ тѣхъ неудачахъ, которыя съ нами произошли и мы правы, но мы не можемъ обойтись безъ нашего чиновничества и завтра же, по слабости и отсутствію энергіи, мы сами же снова отдадимся ему въ руки.

Четвергъ 24 іюня.

Гуляя сегодня по островамъ съ г-жей В., я передалъ ей то, что мнѣ говорилъ вчера Суворинъ.

— Будьте увѣрены — отвѣтила она — что тысячи и тысячи русскихъ разсуждаютъ такъ. Тургеневъ, который великолѣпно зналъ русскій народъ, писалъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, что русскіе обладаютъ удивительнымъ искусствомъ проваливать свои же начинанія. Мы стремимся взобраться на небо, но, едва поднявшись, замѣчаемъ, что оно очень высоко и тогда мы думаемъ только о томъ, какъ бы упасть возможно скорѣе и причинить себѣ возможно больше страданій.

Пятница 25 іюня.

Сегодня утромъ Государь отбылъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, въ Барановичи, въ сопровожденіи министровъ, ввиду предполагающагося важнаго совѣщанія съ Вел. Кн. Николаемъ Николаевичемъ. Мнѣ извѣстно, что министры Баркъ, Сазоновъ, Кривошеинъ и князь Щербатовъ, приложатъ всѣ усилія, чтобы добиться немедленнаго созыва Государственной Думы. Имъ будутъ возражать Горемыкинъ, Щегловитовъ, Рухловъ и Саблеръ.

Передъ отъѣздомъ изъ Царскаго Села, Государь, по собственному почину, принялъ рѣшеніе, необходимость котораго давно уже назрѣла. Онъ уволилъ отъ должности министра генерала Сухомлинова и замѣстилъ его членомъ Государственнаго Совѣта, генераломъ Алексѣемъ Андреевичемъ Поливановымъ.

На генералѣ Сухомлиновѣ лежитъ тяжелая отвѣтственность. Въ вопросѣ недостатка снарядовъ, его роль столь же пагубна, сколь и таинственна. 28 сентября, отвѣчая мнѣ на вопросъ поставленный ему отъ имени генерала Жоффра, онъ мнѣ отвѣтилъ оффиціальнымъ отношеніемъ, что приняты всѣ мѣры для того, чтобы снабдить русскую армію всѣмъ необходимымъ для затяжной войны. Сазоновъ, которому я сообщилъ объ этомъ, просилъ меня дать ему это отношеніе для того, чтобы онъ могъ представить его Государю, который, прочитавъ, былъ совершенно пораженъ. За это время не только не было принято никакихъ мѣръ для удовлетворенія все наростающихъ требованій артиллеріи, но генералъ Сухомлиновъ неуклонно прилагалъ старанія, чтобы провалить всѣ нововведенія, которыя ему предлагались въ смыслѣ развитія производства снарядовъ. Разгадку этого страннаго и загадочаго поведенія не слѣдуетъ ли искать въ той ярой ненависти, которую генералъ Сухомлиновъ питалъ къ Вел. Кн. Николаю Николаевичу, не будучи въ состояніи простить ему то, что онъ былъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ въ то время, какъ самъ Сухомлиновъ стремился на эту должность.

Генералъ Поливановъ образованъ, дѣятеленъ и трудолюбивъ. У него есть организаціонныя и администрытивныя способности. Кромѣ того, вслѣдствіе приписываемыхъ ему либеральныхъ взглядовъ, онъ пользуется симпатіями Государственной Думы.

Понедѣльникъ, 28 іюня.

Вернувшійся изъ ставки, Сазоновъ разсказываетъ мнѣ о вынесенныхъ имъ отличныхъ впечатлѣніяхъ, въ особенности въ томъ, что касается духа высщаго командованія.

— Русская армія, — сказалъ онъ, — будетъ продолжать отступленіе, по возможности медленное, пользуясь каждымъ случаемъ для того, чтобы атаковать противника и не давать ему успокоиться. Если великій князь узнаетъ, что Германцы снимаютъ съ нашего фронта части для отправки ихъ на западъ, онъ немедленно прикажетъ перейти въ наступленіе. Принятый имъ планъ операцій заставляетъ надѣяться, что войска смогутъ удержаться у Варшавы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Нравственное состояніе ставки великолѣпно...

Въ области политической, онъ сообщилъ мнѣ, что Государь обратится съ торжественнымъ рескриптомъ, призывая сплотиться всѣ производительныя силы страны, а также съ сообщеніемъ о скоромъ созывѣ Государственной Думы. Польскій вопросъ также подвергся обсужденію. Государь повелѣлъ образовать комиссію въ составѣ 6 членовъ русскихъ и 6 поляковъ, подъ предсѣдательствомъ Горемыкина, которая займется выработкой основъ автономіи, возвѣщенной манифестомъ 16 августа. Министръ юстиціи, Щегловитовъ, и оберъ-прокуроръ Синода, Саблеръ, умоляли Государя отказаться отъ этого рѣшенія, указывая, что автономія какой-бы то ни было части Имперіи несовмѣстима съ священнѣйшими

принципами самодержавія, однако ихъ настоянія, не переубѣдивъ нисколько Государя, чрезвычайно ему не понравились. Полагаютъ, что возможно увольненіе ихъ отъ занимаемыхъ должностей.

Вторникъ, 29 іюня.

Въ балканскихъ переговорахъ продолжаетъ царить полная неразбериха.

Нѣтъ никакой возможности согласовать соперничество и перекрестныя претензіи Сербіи, Румыніи, Греціи и Болгаріи.

Эта задача сдѣлалась еще болѣе неразрѣшимой съ тѣхъ поръ, какъ отступленіе русскихъ армій умалило престижъ Россіи, какъ въ Нишѣ, такъ и въ Бухарестѣ, Софіи и Аѳинахъ. Въ особенности это замѣтно въ Софіи. Я ясно себѣ представляю съ какимъ побѣдоносным довольствомъ, веселой и сардонической усмѣшкой, царь Фердинандъ отмѣчаетъ каждое утро на картѣ отступленіе русскихъ войскъ. Сколько разъ въ свое время онъ излагалъ мнѣ свою ненависть къ Россіи. Во времени второй балканской войны, эта ненависть превратилась въ какое то болѣзненное бѣшенство, такъ какъ, главнымъ образомъ, политикѣ русскаго правительства царь Фердинандъ приписываетъ окончательный разгромъ Болгаріи въ 1913 году. Я помню, что въ ноябрѣ того же году, встрѣтившись въ Вѣнѣ съ Испанскимъ Королемъ Альфонсомъ XIII, онъ сказалъ ему: Я отомщу Россіи и моя месть будетъ ужасна.

Среда, 30 іюня.

Сегодня въ газетахъ опубликованъ высочайшій рескриптъ на имя предсѣдателя Совѣта Министровъ слѣдующаго содержанія:

«Со всѣхъ концовъ родной земли до меня доходятъ призывы, свидѣтельствующіе о томъ, что весь русскій народъ хочетъ приложить всѣ силы къ дѣлу снабженія арміи. Въ этомъ національномъ единодушіи я черпаю непоколебимую увѣренность въ свѣтломъ будущемъ.

Затягивающаяся война требуетъ все новыхъ усилій, но воспринятое нами рѣшеніе продолжать борьбу съ Божьей помощью до полнаго торжества русскаго оружія, не ослабло въ душѣ нашей. Врагъ будетъ побѣжденъ, безъ этого миръ невозможенъ. Съ твердой вѣрой въ неисчерпаемое богатство Россіи, я ожидаю отъ правительственныхъ и частныхъ учрежденій, русской промышленности и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества безъ различія направленія и званія, дружной и единодушной работы на нужды арміи. Отнынѣ только эта единственная и національная задача должна привлекать къ себѣ всѣ помыслы Россіи, непобѣдимой при единодушіи»...

Въ концѣ рескрипта возвѣщается о предстоящемъ созывѣ Государственныхъ Совѣта и Думы.

Четвергъ, 1 іюля.

Въ теченіе послѣднихъ недѣль, по приказу высшаго командованія, всѣ евреи, проживающіе въ восточныхъ частяхъ литовскихъ губерній и Курляндіи, подвергаются массовому выселенію. Какъ всегда, русскіе приступили къ этой операціи безъ малѣйшей подготовки и осторожности и проводятъ ее съ неуклонной жестокостью. Такъ напр., еврейское населеніе Ковно, доходящее до 40 000 человѣкъ, было увѣдомлено 3 мая вечеромъ, что ему предоставляется 48 часовъ для того, чтобы покинуть городъ. Повсюду эвакуація сопровождалась трагическими сценами, насиліемъ, а также грабежомъ и пожарами.

Въ то же время, по всей Имперіи широко пропагандируется антиеврейское направленіе. Всѣ неудачи русскихъ армій сваливаются на евреевъ. Нѣсколько дней тому назадъ газета «Волга» писала нижеслѣдующее: «Русскій народъ! осмотрись и узнай кто твой врагъ... Это евреи... Нѣтъ пощады евреямъ. Во всѣхъ поколѣніяхъ этотъ проклятый Богомъ народъ былъ ненавидимъ и презираемъ всѣми. Кровь сыновъ Святой Россіи, которую они предаютъ каждый день, требуетъ отмщенія»...

Число евреевъ, съ начала войны выселенныхъ изъ Польши, Литвы и Курляндіи и поверженныхъ въ нищенское состояніи, достигаетъ 600 000.

Пятница, 2 іюля.

Высочайшій рескриптъ, обнародованный нѣсколько дней тому назадъ вызываетъ сильное возбужденіе умовъ. Со всѣхъ сторонъ требуютъ немедленнаго созыва Государственной Думы, требуютъ также отнынѣ и отвѣтственности министровъ передъ Думой. Удовлетвореніе этого требованія было бы ничѣмъ инымъ, какъ концомъ Самодержавія.

Въ рабочихъ кругахъ замѣчается броженіе. Одинъ изъ моихъ информаторовъ Б..., сообщилъ мнѣ объ усиленіи соціалистической пропаганды въ казармахъ, въ особенности нѣкоторыхъ гвардейскихъ полковъ.

Понедѣльникъ, 5 іюля.

Между Бугомъ и Вислой австро-германцы продолжаютъ наступленіе на Люблинъ.

Русская армія послѣдовательно отступаетъ, не имѣя возможности, вслѣдствіе отсутствія оружія и снарядовъ, удержаться на какихъ-нибудь позиціяхъ.

Суббота, 10 іюля.

Вчера вечеромъ изъ Софіи прибылъ предсѣдатель Правленія Сибирскаго Банка, Грубе, прозорливость котораго мною уже неоднократно была отмѣчена. Посѣтивъ сегодня утромъ меня, онъ подѣлился своими наблюденіями.

— Ни Правительство Радославова, ни какое-либо иное правительство, — сказалъ онъ, — не будутъ имѣть возможности открыто высказаться въ пользу союзниковъ безъ одновременнаго же объявленія о согласіи послѣднихъ на немедленное занятіе Болгарами сѣверной Македоніи. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Что же касается царя Фердинанда, то онъ лично всецѣло склоняется въ пользу центральныхъ Державъ.

— Это окончательно — перебилъ его я — вполнѣ ли вы во всемъ этомъ увѣрены?

— Въ этомъ меня увѣряли всѣ: Радославовъ, Тончевъ, Геннадіевъ, Даневъ...

— Намъ ничего не удастся добиться, если царь Фердинандъ будетъ противъ насъ. Но, всетаки, принимая во вниманіе его ясное политическое направленіе ума и ловкость и гибкость его политики, можно надѣяться прійти съ нимъ къ соглашенію. Всѣ наши усилія и доводы, отнынѣ, должны быть направлени къ тому, чтобы убѣдить его.

Закончивъ бесѣду съ Грубе, я немедленно отправился въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ для того, чтобы переговорить съ Сазоновымъ объ этомъ сообщеніи. Сазоновъ вполнѣ согласился со мной въ томъ, что мы должны направить всѣ усилія на то, чтобы переубѣдить царя Фердинанда, а, затѣмъ, мы перешли къ разсмотрѣнію тѣхъ аргументовъ, которые могли бы склонить его въ нашу пользу.

— Главнымъ образомъ, намъ необходимо совершенно убѣдить Царя въ томъ, что въ концѣ концовъ побѣдителями окажемся мы, — сказалъ Сазоновъ.

— Этого не достаточно, — надо намекнуть ему, что наша побѣда будетъ въ значительной степени зависѣть отъ позиціи Болгаріи и что, какъ бы, въ рукахъ царя Фердинанда находится судьба Европы и всего міра. Не забывайте, что его честолюбіе превосходитъ все и, именно играя на немъ, мы должны стараться достигнуть нашу цѣль.

Затѣмъ мы перешли къ болѣе деликатнымъ вопросамъ. Въ бытность мою четыре года тому назадъ въ Софіи, я зналъ, что финансовое положеніе царя Фердинанда уже тогда было довольно запутанно. Отсутствіе порядка, честолюбивые замыслы, широкія траты денегъ на удовлетвореніе его диллетантскихъ запросовъ въ области искусства и роскоши, чрезвычайно ухудшили финансовое положеніе, которое, въ результатѣ двухъ Балканскихъ войнъ, пришло въ окончательное разстройство. У меня явилась мысль, не возможно ли было бы въ этомъ направленіи прійти на помощь.

— Конечно это очень деликатное предложеніе — сказалъ я, — но, при соблюденіи всѣхъ предосторожностей, при гарантированіи полнѣйшаго секрета, это было бы вѣроятно возможно... Наконецъ, если бы это предложеніе исходило свыше: напримѣръ лично отъ Государя...

— Я думаю, что Государь согласился бы, — сказалъ улыбаясь Сазоновъ.

Затѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что, вслѣдствіе очень запутанныхъ финансовыхъ дѣлъ въ концѣ 1912 года, царь Фердинандъ самъ обращался къ Государю съ просьбой одолжить ему три милліона франковъ.

— Я рѣшительное совѣтовалъ Государю, — продолжалъ Сазоновъ, — отказать въ этой просьбѣ, исходя изъ того соображенія, что царь Фердинандъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, на признательность коихъ можно разсчитывать. Но вы знаете, что Государь такъ добръ; онъ былъ тронутъ малостными изліяніями болгарскаго царя. Я, тѣмъ не менѣе, настаивалъ на своемъ, ссылаясь на то, что мы не въ состояніи выплатить подобной суммы изъ секретнаго фонда. Тогда Государь рѣшилъ выдать эти деньги изъ своихъ личныхъ пересредствъ. Уже на слѣдующій день, генералъ Волковъ передалъ мнѣ три милліона франковъ, которые были сейчасъ же мною переведены въ Софію. Царь Фердинандъ выдалъ нашему посланнику Неклюдову росписку, которая хранится у меня здѣсь въ шкафу.

— Вы приняли росписку отъ царя Фердинанда, — воскликнулъ я, — какая ошибка. Все ваше дѣло было испорчено этой роспиской. Въ томъ, что эти три милліона надо было считать утраченными — въ этомъ заранѣе не могло быть никакихъ сомнѣній, ибо это было равносильно тому, чтобы бросить ихъ въ Черное море. Но, разъ вы уже пошли на подобную жертву, то вамъ надо было хотя бы извлечь изъ нея существенную моральную пользу путемъ заявленія слѣпого довѣрія простому слову царя Фердинанда — довѣрія его чести, вѣрности и столь извѣстнымъ всѣмъ его прекраснымъ личнымъ качествамъ, а, отнюдь, не беря росписки. Не забывайте, что онъ самый себялюбивый человѣкъ на свѣтѣ и мысль о томъ, что вы храните въ своихъ архивахъ расписку на три милліона съ его подписью, безусловно является для него нестерпимой обидой и несмываемымъ оскорбленіемъ. Этого онъ никогда не проститъ Россіи.

Понедѣльникъ, 12 іюля.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ Москвы, возмущеніе москвичей Петроградскимъ обществомъ и придворными кругами достигло высшаго напряженія.

Петроградцы обвиняются въ томъ, что они совершенно утратили національное чувство, желаютъ разгрома армій и подготовляютъ измѣну.

Вѣроятно та борьба, которая уже около двухъ вѣковъ идетъ между колыбелью славянскаго Православія и самодержавія и искусственной столицей Петра Великаго, не принимала такихъ острыхъ формъ даже во времена борьбы западничества и славянофильства, какія принимаются теперь.

Около 1860 года горячій идеалистъ, Константинъ Аксаковъ, посвящалъ памяти Петра Великаго слѣдующія слова:

«Ты не желалъ познать Россію и ея прошлое и, поэтому, печать проклятія лежитъ на всемъ твоемъ безсмысленномъ дѣлѣ. Ты безжалостно отвергъ Москву и отправился строить внѣ твоего народа одинокій городъ, потому что мы не могли долѣе переносить другъ друга»... Около того же времени его братъ, Иванъ Аксаковъ, писалъ Достоевскому: Первое условіе для оживленія нашего національнаго духа, есть ненависть всей нашей душой и всѣми нашими силами къ Петербургу.

Среда, 14 іюля.

Критическое положеніе русской арміи вызвало созывъ совѣщанія Главнокомандующихъ союзными арміями, которое произошло въ Шантильи 7 іюля, подъ предсѣдательствомъ генерала Жоффра.

Генералъ Жоффръ изложилъ свою точку зрѣнія, сказавъ, что если одна изъ союзныхъ армій выдерживаетъ на себѣ главную тяжесть непріятельскаго давленія, то долгомъ другихъ фронтовъ является прійти на помощь.

Въ августѣ и сентябрѣ 1914 года, говорилъ генералъ Жоффръ, для того, чтобы облегчить положеніе англо-французскихъ армій, принужденныхъ отступать подъ напоромъ почти всѣхъ германскихъ армій, русскіе предприняли наступленіе въ Восточной Пруссіи и Галиціи. Въ настоящій моментъ положеніе русской арміи требуетъ отъ насъ такихъ же дѣйствій. Это является для насъ, одновременно, вопросомъ чести и интереса. Начатое 9 мая въ долинѣ Арраса наступленіе французской арміи, удержало на фронтѣ большое количество германскихъ дивизій, которыя могли бы быть отправлены на Востокъ; но это наступленіе не привело ни къ прорыву непріятельскихъ линій, ни къ пріостановкѣ продвиженія германцевъ на русскомъ фронтѣ.

Послѣ доклада различныхъ деталей, генералъ Жоффръ формулировалъ слѣдующія заключенія:

1. На западномъ фронтѣ французскія арміи могутъ начать крупную операцію не далѣе, чѣмъ черезъ нѣсколько недѣль, вслѣдствіе необходимости пополнить запасы вооруженія и снабженія, а также произвести нѣкоторыя перегруппировки. Въ теченіе этого времени англичане смогутъ высадить на французскую территорію свои свѣжія силы, въ частности шесть дивизій, которыя должны прибыть въ первыхъ числахъ августа. Предпринятая затѣмъ операція сможетъ, вѣроятно, имѣть послѣдствіемъ очищеніе французской территоріи отъ непріятеля и, во всякомъ случаѣ, серьезно облегчитъ положеніе русской арміи.

2. Общіе интересы требуютъ, чтобы итальянская армія на итало-сербскомъ фронтѣ продолжала всѣми силами уже начатое наступленіе. Если итальянцы опасаются переброски германскихъ частей на ихъ фронтъ, то они могутъ временно ограничиться занятіемъ района Лайбахъ-Клагенфуртъ. Вслѣдствіе этого, они получатъ выгодную позицію для послѣду-

ющаго наступленія на Вѣну и Пештъ. Совершенно необходимо также, чтобы сербская армія немедленно снова перешла въ наступленіе. Настоящій моментъ очень благопріятенъ для продвиженія Сербовъ вдоль по Савѣ, въ результатѣ чего послѣдуетъ соединеніе сербской и итальянской арміи и отъ Австріи будетъ отрѣзана Боснія и Герцеговина.

Суммируя все сказанное, мы приходимъ къ заключенію, что, по долгу чести и вслѣдствіе насущнѣйшихъ интересовъ, необходимо, чтобы англо-французскія и итало-сербскія арміи немедленно перешли въ наступленіе. —

Совѣтъ принялъ предложенныя заключенія.

Воскресенье, 18 іюля.

За послѣдніе три дня и безъ того катастрофическое положеніе русской арміи еще ухудшилось, такъ какъ ей приходится теперь не только сдерживать наступленіе австро-германскихъ арміи на Бугѣ и Вислѣ, но и противодѣйствовать предпринятому германцами наступленію на фронтѣ Нарева и въ Курляндіи.

Въ районѣ Нарева нѣмцы захватили Млавскія позиціи, взявъ при этомъ 17 тысячъ плѣнными. Въ Курляндіи они переправились черезъ Виндаву, захватили городъ Виндаву и угрожаютъ Митавѣ, находящейся всего лишь въ 50 верстахъ отъ Риги.

Повидимому, создавшееся положеніе укрѣпило Государя въ его послѣднихъ намѣреніяхъ, провозглашенныхъ имъ въ манифестѣ, отъ 27 іюня, ибо онъ уволилъ отъ должности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, Саблера, бывшаго орудіемъ въ рукахъ германофильскихъ и пацифистскихъ круговъ и близко связаннаго съ Распутинымъ. Замѣстителемъ его является московскій предводитель дворянства, Александръ Дмитріевичъ Самаринъ, человѣкъ, занимающій крупное общественное положеніе, патріотъ, человѣкъ широкаго ума и твердаго характера. Выборъ великолѣпенъ.

Понедѣльникъ, 19 іюля.

Вчерашняя отставка оберъ-прокурора Синода повлекла за собой сегодня увольніе отъ должности министра юстиціи, Щегловитова, единомышленника Саблера, и замѣщеніе его членомъ Государственнаго Совѣта, Александромъ Алексѣевичемъ Хвостовымъ, представляющимъ собою честнаго и нейтральнаго чиновника.

Послѣдовательное увольненіе Маклакова, Сухомлинова, Саблера и Щегловитова, изъяло изъ состава правительства всѣхъ министровъ, которые не были сторонниками союзниковъ и не имѣли твердаго убѣжденія въ необходимости продолжать войну. Указываютъ также на то, что Саблеръ и Щегловитовъ служили главной опорой Распутина.

— Государь воспользовался своимъ пребываніемъ въ Ставкѣ для того, чтобы принять эти важнѣйшія рѣшенія, — сказала мнѣ графиня Н. — Онъ ни съ кѣмъ не совѣтовлся,

даже съ Императрицей. Когда извѣстіе объ увольненіяхъ дошло до Царскаго Села, Государыня была совершенно поражена и не хотѣла этому вѣрить. Г-жа Вырубова въ полномъ смущеніи... Распутинъ предрекаетъ, что послѣдствіемъ этого будутъ большія несчастья.

Вторникъ, 20 іюля.

Сегодня у меня былъ разговоръ съ начальникомъ Главнаго Штаба. Генералъ Бѣляевъ указалъ мнѣ на картѣ положеніе русскихъ армій.

Въ южной Польшѣ, между Бугомъ и Вислой, фронтъ проходитъ черезъ Грубешовъ, Красноставъ и Юзефовъ, въ 30 верстахъ къ югу отъ Люблина. Въ районѣ Варшавы арміи отошли отъ рѣкъ Бзура и Равка и отступаютъ на линію Новогеоргіевскъ — Головинъ — Блонья — Градискъ. Въ области Нарева онѣ держатся, приблизительно, по теченію этой рѣки, между Новогеоргіевскомъ и Остроленкой. Къ западу отъ Нѣмана онѣ у Маріамполя защищаютъ подступы къ Ковно; наконецъ, въ курляндскомъ секторѣ онѣ, оставивъ Виндаву и Тукумъ, пытаются удержать Митаву и Шавли.

Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній по поводу настоящаго положенія, генералъ Бѣляевъ продолжалъ:

— Вамъ извѣстно наше отсутствіе снарядовъ. Мы производимъ не болѣе 24 000 въ день и это количество ничтожно при такомъ растянутомъ фронтѣ. Но, еще больше, меня безпокоитъ отсутствіе винтовокъ. Представьте себѣ, что въ большинствѣ пѣхотныхъ полковъ, принимавшихъ участіе въ послѣднихъ операціяхъ, минимумъ треть состава была безъ винтовокъ. Несчастные солдаты подъ ожесточеннымъ огнемъ были вынуждены терпѣливо ожидать, чтобы убили ихъ товарищей, дабы взять у нихъ ружья. Это большое чудо, что при такой обстановкѣ не было паники. Правда, у нашихъ мужиковъ удивительная выдержка и покорность, но отъ этого не легче. Одинъ изъ командующихъ арміей писалъ мнѣ недавно нижеслѣдующее: «Въ началѣ войны, когда мы имѣли въ достаточномъ количествѣ винтовки и снаряды — мы были побѣдителями. Даже тогда, когда у насъ сталъ ощущаться недостатокъ снабженія, мы блестяще сражались. Теперь же, при условіи, что нашей артиллеріи и пѣхотѣ нечѣмъ стрѣлять, мы утопаемъ въ собственной крови.» — Сколько времени выдержатъ наши солдаты подобное испытаніе? Вѣдь въ концѣ концовъ эти бойни невыносимы. Во что бы то ни стало намъ нужны винтовки. Не могла ли бы Франція уступить намъ нѣкоторое количество? Я умоляю васъ, господинъ посолъ, настоять на этомъ въ Парижѣ.

— Я сдѣлаю все возможное и сегодня еще протелеграфирую.

Четвергъ, 22 іюля.

Распутинъ отправился въ свое родное село Покровское, близъ Тюмени, въ Тобольской губерніи. Распутинцы пред-

полагаютъ, что онъ, по совѣту врача, отправился отдохнуть. На самомъ же дѣлѣ онъ выѣхалъ по приказанію Государя.

Подобное приказаніе было отдано благодаря настоянію новаго оберъ-прокурора Синода, Самарина, который, немедленно по вступленіи въ исполненіе обязаностей, доложилъ Государю, что будетъ вынужденъ сложить съ себя таковыя, если Распутинъ будетъ продолжать распоряжаться въ области церковной администраціи. Затѣмъ, ссылаясь на свое происхожденіе изъ стариннаго московскаго рода и занимаемое имъ мѣсто московскаго предводителя дворянства, дающее ему право говорить отъ имени Москвы, Самаринъ обратилъ вниманіе Государя на то раздраженіе и горесть, которыя вызываютъ въ московскомъ населеніи скандалы, учиняемые Распутинымъ, роняющіе престижъ Государя.

— Черезъ нѣсколько дней — закончилъ Самаринъ — соберется Государственная Дума. Мнѣ извѣстно, что многіе члены ея собираются сдѣлать мнѣ запросъ относительно старца и моя совѣсть обяжетъ меня высказать все, что я думаю.

Суббота, 24 іюля.

Говорятъ, что, прощаясь съ Государыней, Распутинъ сказалъ съ угрозой:

Помни, что я не нуждаюсь ни въ тебѣ, ни въ Государѣ. Если вы меня и выдадите моимъ врагамъ, то у меня хватитъ силъ бороться противъ нихъ. Даже дьяволъ едва-ли въ состояніи мнѣ сдѣлать что-нибудь... Но ни ты, ни Государь не сможете обойтись безъ меня и, если я не буду здѣсь, чтобы защищать васъ, то съ вашимъ сыномъ приключится несчастье.

Среда, 28 іюля.

Германцы переправились черезъ Вислу къ сѣверу отъ Ивангорода. Положеніе русскихъ подъ Люблинымъ не болѣе устойчивое.

Совершенно удрученный этими неудачами Сазоновъ, сказалъ мнѣ:

— Умоляю васъ, добейтесь отъ вашего правительства, чтобы оно снабдило насъ винтовками. Какъ вы хотите, чтобы наши войска сражались безъ оружія.

— Я уже телеграфировалъ по просьбѣ генерала Бѣляева, но буду еще настаивать.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ главнаго штаба, для того, чтобы пополнить существующій недостатокъ, нужно до полутора милліона винтовокъ. Однако русскіе заводы производятъ только 60 тысячъ въ мѣсяцъ. Предполагаютъ, что это количество сможетъ быть увеличено до 90 тысячъ къ сентябрю и 150 тысячъ — къ октябрю.

Четвергъ, 29 іюля.

Проходя сегодня по Фонтанкѣ вблизи Михайловскаго замка, въ которомъ 11 марта 1801 года былъ убитъ императоръ Павелъ I, я встрѣтилъ Александра Сергѣевича Танѣева, статсъ-секретаря, члена Государственнаго Совѣта, оберъ-гофмейстера высочайшаго двора, директора собственной Его Величества канцеляріи. Танѣевъ — отецъ Анны Вырубовой и одинъ изъ вліятельнѣйшихъ сторонниковъ Распутина.

Мы пошли вмѣстѣ. Танѣевъ разспрашивалъ меня о войнѣ. Я говорю, что продолжаю твердо стоять на своихъ точкахъ зрѣнія и склоняю его къ тому же. Вначалѣ онъ, какъ будто, вполнѣ соглашается со мной, но, затѣмъ, въ замаскированныхъ выраженіяхъ онъ изливаетъ свое безпокойство и свои опасенія.

Мое вниманіе привлекаетъ одно высказываемое имъ положеніе тѣмъ болѣе, что мнѣ уже раньше приходилось слышать подобныя мнѣнія.

Въ русскихъ крестьянахъ — говоритъ Танѣевъ — глубоко заложено понятіе возмездія. Я, очевидно, подразумѣваю не законное правосудіе, которое въ ихъ понятіяхъ мало чѣмъ отличается отъ жандармеріи, но правосудіе нравственное, правосудіе Божье. Это очень оригинальное явленіе; ихъ совѣсть, которая, обыкновенно, не особенно ихъ стѣсняетъ въ обыденной жизни, въ то же время настолько проникнута христіанскими началами, что непрестанно вызываетъ въ ихъ представленіяхъ мысли о справделивости и возмездіи. Если мужикъ считаетъ, что съ нимъ поступили несправедливо, то онъ, почти всегда, будучи фаталистомъ и покорнымъ, безропотно подчиняется свершившемуся, но онъ непрестанно будетъ вспоминать о причиненномъ ему злѣ и будетъ увѣренъ, что рано или поздно, здѣсь, на землѣ, или передъ судомъ Божьимъ будетъ наказаніе... Будьте увѣрены, г. посолъ, что крестьяне точно такъ же разсуждаютъ относительно войны. Они принесутъ какія угодно жертвы, если будутъ считать требованіе ихъ законнымъ и необходимымъ, т. е. соотвѣтствующимъ интересамъ Россіи, а также волѣ Государя и Бога. Но, если отъ нихъ потребуютъ жертвъ, справедливости требованія которыхъ они не понимаютъ, — они, рано или поздно, но, обязательно, потребуютъ въ томъ отчета. Мужикъ, переставшій быть покорнымъ, ужасенъ. Это то меня и пугаетъ...

Зная, что для того чтобы найти психологическій разборъ русскаго народа мнѣ надо лишь раскрыть Толстого, я, вернувшись домой, началъ искать подтвержденіе того, что мнѣ говорилъ Танѣевъ. Я прочиталъ слѣдующее:

«Кололи свинью. Одинъ изъ присутствующихъ дѣлалъ ножомъ надрѣзы на шеѣ. Животное испускало пронзительные и жалобные звуки. Вдругъ, оно вырвалось изъ рукъ своего палача и, истекая кровью, стало убѣгать. Такъ какъ я близорукъ, то я не могъ детально разсмотрѣть происходящаго; я только видѣлъ розовую, какъ человѣческое тѣло, тушу и

слышалъ безнадежный пискъ, но мой кучеръ внимательно слѣдилъ за происходящимъ. Свинью поймали, добили ее и принялись дѣлить на части. Когда, наконецъ, хрюканіе прекратилось, кучеръ глубоко вздохнулъ и сказалъ: «Неужели возможно, что имъ не прійдется дать отвѣта за все это?»

Сколько мужиковъ должны были бы подумать про себя за эти три мѣсяца, въ теченіе которыхъ русская кровь безостановочно льется на поляхъ Польши и Галиціи: неужели возможно, что имъ не прійдется дать отвѣта за все это?

Пятница, 30 іюля.

Черезъ три дня начало думской сессіи. Многіе депутаты уже съѣхались и, въ Таврическомъ дворцѣ, царитъ большее оживленіе.

Со всѣхъ концовъ Россіи раздается тотъ же возгласъ: «Россія идетъ къ гибели! Правительство и весь государственный строй виновны въ военныхъ неудачахъ! Спасеніе страны требуетъ непосредственнаго участія и неустаннаго контроля со стороны народнаго представительства! Русскій народъ твердо рѣшилъ вести войну до побѣднаго конца...» Во всѣхъ думскихъ кругахъ наблюдаются также ожесточенныя нападки на фаворитизмъ, испорченность нравовъ, на иноземное вліяніе при дворѣ и, въ правящихъ кругахъ, нападки на генерала Сухомлинова, Распутина и, даже — Государыню...

Въ противовѣсъ этому, крайне правые депутаты негодуютъ на уступки, сдѣланныя Государемъ либеральному теченію и призываютъ къ упорнѣйшей реакціи.

Суббота, 31 іюля.

Сегодня Государь присутствовалъ при спускѣ бронированнаго крейсера, «Бородино», построеннаго на верфяхъ Галернаго острова. На церемоніи присутствуетъ дворъ, правительство и дипломатическій корпусъ.

Присутствуя мѣсяцъ тому назадъ, 22 іюня, на противоположномъ берегу при спускѣ на воду «Измаила», мы узнали о паденіи Львова; сегодня, прибывъ на Галерный островъ, мы узнали о томъ, что австро-германцы заняли вчера Люблинъ и что русскими войсками оставлена Митава. Яркій солнечный свѣтъ освѣщаетъ блѣдныя, грустныя и встревоженныя лица присутствующихъ. Лицо Государя безстрастно и мертвенно блѣдно. Его ротъ нѣсколько разъ судорожно сжимается.

Онъ только на мгновеніе оживляется, когда корпусъ крейсера погружается въ Неву.

По окончаніи церемоніи мы приступили къ обзору верфей. Государя вездѣ восторженно встрѣчаютъ. Отъ времени до времени онъ останавливается передъ какимъ-нибудь рабочимъ, разговариваетъ и, улыбаясь, подаетъ руку. Шумные

крики «ура» еще болѣе усилились, когда онъ собирался покинуть верфи.

А вѣдь, между тѣмъ, еще только вчера мнѣ сообщали, что на этихъ самыхъ заводахъ наблюдается усиленіе революціонныхъ вѣяній.

Воскресенье, 1 августа.

Сегодня открылись занятія Государственной Думы въ безпокойной, тяжелой и даже грозовой атмосферѣ. Члены Думы какъ бы наэлектризованы. Преобладающее настроеніе — гнѣвъ и тоска.

Говоря отъ имени Государя, старый предсѣдатель Совѣта министровъ напрягаетъ всѣ голосовыя усилія, чтобы произнести слѣдующія слова: «Всѣ наши помыслы, всѣ наши усилія должны быть направлены на продолженіе войны. Правительство можетъ вамъ предложить только одну программу-программу побѣды».

Затѣмъ выступаетъ военный министръ, генералъ Поливановъ и, въ короткихъ, но теплыхъ словахъ излагаетъ эту «программу побѣды»: «Наша армія можетъ оказаться побѣдительницей только въ томъ случаѣ, если за ея спиной будетъ стоять вся страна, организованная и представляющая собой громадный резервуаръ, изъ котораго она сможетъ черпать снабженіе».

По окончаніи рѣчи, Поливановъ былъ встрѣченъ шумными аплодисментами, такъ какъ Дума питаетъ къ нему столько же симпатіи, сколько ненависти и презрѣнія она выявляла по адресу его предшественника, генерала Сухомлинова.

Весь послѣдующій ходъ засѣданія и всѣ разговоры въ кулуарахъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ желаніяхъ и намѣреніяхъ Думы — положить конецъ злоупотребленіямъ и неудачнымъ дѣйствіямъ правительства, обнаружить виновныхъ, какое бы высокое положеніе они ни занимали, потребовать соотвѣтствующаго ихъ наказанія, образовать сотрудничество представительныхъ учрежденій и правительства для того, чтобы объединить въ дѣлѣ снабженія арміи всѣ производительныя силы страны и, наконецъ, поддержать и оживить въ общественномъ настроеніи непреклонную рѣшимость продолжать войну до полной побѣды.

Среда, 4 августа.

Я передалъ Сазонову, что французское Правительство, глубоко сожалѣетъ, но не въ состояніи снабдить русскую армію винтовками.

— Этотъ отказъ — сказалъ Сазоновъ въ полномъ уныніи, — губитъ насъ.

— Это не отказъ, а выраженіе матеріальной невозможности, абсолютной невозможности...

— Что же мы будемъ дѣлать? — продолжалъ Сазоновъ, — вѣдь только для того, чтобы вооружить части, находящіяся

на фронтѣ, намъ нужно до полутора милліона винтовокъ, въ то время какъ мы производимъ только 50 тысячъ въ мѣсяцъ... А наши запасныя части, а наши новобранцы, чѣмъ мы ихъ будемъ обучать?..

Четвергъ, 5 августа.

Пренія въ Таврическомъ Дворцѣ принимаютъ все болѣе ожесточенный характеръ. Всѣ публичныя, или при закрытыхъ дверяхъ, засѣданія, ничто иное, какъ непрестанныя и безжалостныя нападки на правительство. Всѣ оплошности бюрократіи, всѣ пороки существующаго режима обличены и выведены на свѣтъ. Всѣ рѣчи приводятъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ: довольно обмана, довольно преступленій, намъ нужны реформы, намъ нужно возмездіе, весь государственный строй долженъ быть перестроенъ сверху до низу.

Большинствомъ 345 голосовъ, изъ общаго числа 375 присутствующихъ, Дума постановила потребовать отъ правительства преданія генерала Сухомлинова суду вмѣстѣ со всѣми чиновниками, виновными въ бездѣйствіи и измѣнѣ.

Вторникъ, 6 августа.

Вчера Германцы заняли Варшаву. Съ точки зрѣнія стратегической — это событіе большой важности. Русскіе утрачиваютъ всю Польшу съ ея несмѣтными рессурсами, они будутъ вынуждены отступить за Бугъ, Нѣманъ и Двину.

Однако, моральныя послѣдствія заставляютъ еще болѣе безпокоиться. Не разрушитъ ли эта послѣдняя неудача того подъема національной энергіи, который за послѣднее время наблюдался въ Россіи и не явится ли утрата Варшавы предвѣстникомъ новыхъ неудачъ въ видѣ потери Осовца, Ковно и Вильна.

Понедѣльникъ, 9 августа.

Сегодня мы говорили съ Сазоновымъ о томъ странномъ замкнутомъ образѣ жизни, который ведутъ Государь и Государыня.

— Это очень плачевно — сказалъ Сазоновъ — мало по малу, Государь и Государыня создали вокругъ себя пустоту. Болѣзненное состояніе Государыни послужило предлогомъ къ тому, что все общеніе ограничено только семейными собраніями. И, даже для великихъ князей и княгинь, требуется не мало хлопотъ для того, чтобы добиться аудіенціи. Кромѣ оффиціальныхъ сношеній Государя съ министрами, нѣтъ больше никакихъ контактовъ съ внѣшнимъ міромъ. Послѣдній разъ, выходя изъ дворца, я встрѣтилъ входящую г-жу Вырубову и, съ болью въ сердцѣ, подумалъ: вотъ кто составляетъ обычное и единственное общество Государя и вотъ къ чему свелась нѣкогда столь оживленная и блестящая жизнь русскаго двора.

— Мнѣ казалось — сказалъ я — что уже въ предыдущее царствованіе русскій Дворъ утратилъ свой блескъ и свое оживленіе.

— О это не можетъ быть сравнимо съ современнымъ положеніемъ. Правда, Императоръ Александръ III и Императрица Марія Θеодоровна, любившіе простоту, охотно подолгу живали въ Гатчинѣ, но всегда, отъ осени до Пасхи, въ Зимнемъ Дворцѣ бывали блестящіе балы и концерты, не считая даже болѣе интимныхъ пріемовъ въ Аничковомъ Дворцѣ. Къ Императорскому столу постоянно приглашались Великіе Князья и Княгини, дипломатическій корпусъ, генералы, министры и прочіе высокопоставленные сановники. Ихъ Величества соблаговоляли даже временами ужинать у посланниковъ, или представителей родовой русской аристократіи. Что же касается образа жизни въ Гатчинѣ, то таковой былъ, конечно, болѣе скромный и носилъ чисто семейный характеръ. Церемоніальная часть сводилась до минимума. Ихъ Величества сочли, что помѣщеніе, выстроенное для Императора Павла, слишкомъ пышное и парадное, а потому ограничились занятіемъ нѣсколькихъ узкихъ, низкихъ, плохо обставленныхъ и крайне неудобныхъ комнатъ. Государь, будучи огромнаго роста, касался рукою потолка. Мнѣ пришлось, однажды, быть въ этомъ помѣщеніи и у меня въ памяти сохранилось объ этомъ забавное воспоминаніе. Въ тѣ времена я былъ еще совсѣмъ молодымъ чиновникомъ, причисленнымъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Мнѣ было поручено составить списокъ подарковъ, которыя ихъ Величества собирались отправить Датскому Двору по случаю какой то свадьбы. Подарки эти были доставлены для обозрѣнія въ Гатчину. Прибывъ во дворецъ, я отправился, въ сопровожденіи камерфрау Государыни, прямо въ покои Ея Величества. Всѣ подарки были разложены на столѣ и я принялся за составленіе требуемаго списка. Затѣмъ, осмотрѣвшись я выразилъ камеристкѣ свое удивленіе по поводу такой скромной обстановки аппартаментовъ Ихъ Величествъ. На это она мнѣ отвѣтила: «Ихъ Величества потому выбрали это помѣщеніе, что у нихъ нѣтъ ничего болѣе неудобнаго и некрасиваго.»

Вторникъ, 10 августа.

Отношенія между Болгаріей и германскими державами становятся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе близкими. Синдикатъ германскихъ и австро-венгерскихъ банковъ открылъ болгарскому казначейству кредитъ въ 120 милліоновъ франковъ. Въ то же время Радославовъ, черезъ посредство оффиціозной печати, распространяетъ свѣдѣнія, что послѣдніе успѣхи германской арміи въ Польшѣ окончательно сокрушили Россію и что все политическое зданіе антанты рухнетъ.

Пятница, 13 августа.

Одинъ изъ видныхъ вожаковъ русскихъ либераловъ, Брянчаниновъ, бывшій гвардейскій офицеръ и зять князя Горчакова, попросилъ меня вчера принять его для длиннаго и конфиденціальнаго разговора.

Я принялъ его сегодня днемъ и, несмотря на то, что я уже привыкъ къ его пессимизму, я пораженъ серьознымъ, сосредоточеннымъ и страдающимъ видомъ его лица.

— Никогда еще — сказалъ Брянчаниновъ — я не былъ столь обезпокоенъ. Россія находится въ смертельной опасности. За все время своей исторіи, Россія никогда еще не была такъ близка къ гибели и можетъ спастись только путемъ національной революціи.

— Революція во время войны — вскрикнулъ я — подумали ли вы о томъ, къ чему это поведетъ.

Да, конечно, я подумалъ. Революція, въ томъ видѣ, въ какомъ я ее себѣ представляю и каковою я желаю ея возникновенія — будетъ стихійнымъ освобожденіемъ всѣхъ движущихъ, національныхъ силъ и великимъ пробужденіемъ всей энергіи, заложенной въ славянскихъ народахъ... Послѣ нѣсколькихъ дней неизбѣжныхъ волненій, скажемъ, даже одного мѣсяца безпорядковъ и бездѣятельности, Россія востанетъ въ такомъ величіи, котораго вы себѣ даже представить не можете. Тогда вы увидите сколько моральныхъ рессурсовъ въ русскомъ народѣ. Въ русскомъ народѣ заложены основы безграничной храбрости, воодушевленія и великодушія. Россія — это величайшій въ мірѣ очагъ идеализма.

Я не сомнѣваюсь въ этомъ, но въ русскомъ народѣ заложены также начала соціальнаго разрушенія и націальнаго раздробленія... Вы утверждаете, что русская революція повлекла бы за собой, максимумъ, одинъ мѣсяцъ безпорядковъ и бездѣятельности. Откуда вы это знаете? На дняхъ, одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ и, притомъ, одинъ изъ наиболѣе умныхъ и прозорливыхъ людей, которыхъ я знаю, съ ужасомъ говорилъ мнѣ о наблюдающихся революціонныхъ признакахъ: «у насъ — говорилъ онъ — революція можетъ быть только разрушительной и опустошающей. Если Господь не убережетъ насъ отъ революціи, то она будетъ столь же ужасна, сколь и нескончаема. Десять лѣтъ анархіи»... Онъ подтверждалъ свои предположенія позитивными и психологическими данными, которыя мнѣ показались весьма убѣдительными. Согласитесь съ тѣмъ, что я, находясь подъ впечатлѣніемъ приведеннаго вами предсказанія, очень недовѣрчиво отношусь къ предполагаемой вами, такъ называемой, «національной революціи».

Тѣмъ не менѣе, Брянчаниновъ продолжаетъ восхвалять магическіе результаты возрожденія, которые онъ ожидаетъ отъ народнаго движенія.

— Прежде всего надо обратить вниманіе на верхи, т. е. начать съ головы. Государь могъ бы остаться на престолѣ, такъ какъ, хотя онъ и слабоволенъ, но, въ глубинѣ души, достаточно патріотиченъ. Но Императрица, а также сестра ея, настоятельница московскаго монастыря, великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна, должны были бы быть сосланы въ монастырь на Уралъ, какъ это нѣкогда дѣлалось при нашихъ великихъ царяхъ. Затѣмъ должна быть немедленно сослана

въ Сибирь вся камарилья, окружающая Вырубову и Распутина. Кромѣ того, великій князь Николай Николаевичъ долженъ былъ бы немедленно сдать должность верховнаго главнокомандующаго.

— Великій князь Николай Николаевичъ... Да неужели вы предполагаете, что въ немъ нѣтъ достаточнаго патріотизма? Развѣ вы его не считаете чисто русскимъ и недостаточно германофобомъ? Что же вамъ еще нужно? Мнѣ всегда казалось, что въ лицѣ великаго князя я вижу образъ православной, самодержавной и націоналистической Россіи.

— Я вполнѣ согласенъ съ вами въ томъ, что великій князь большой патріотъ и человѣкъ крѣпкой воли, но онъ не обладаетъ достаточными качествами, которыя требуются отъ главнокомандующаго. Это не вождь, а намъ нуженъ человѣкъ, обладающій качествами вождя.

— Наша армія — продолжалъ онъ — все еще полна героизма и самопожертвованія, но она уже не вѣритъ въ побѣду, она заранѣе знаетъ, что будетъ разбита и представляетъ собой стадо, ведомое на убой. Въ одинъ прекрасный день, быть можетъ даже очень скоро, наступитъ всеобщее разочарованіе и пассивное упорство. Армія начнетъ безконечное отступленіе, безъ сраженій и безъ оказанія сопротивленія. Это будетъ день торжества германофильской партіи. Мы будемъ вынуждены заключить миръ... и — какой миръ.

Я замѣтилъ, что положеніе арміи, хотя и не блестящее, все же еще не находится въ состояніи разочарованія; что національное движеніе, возглавляемое Государственной Думой, вновь вдохнетъ струю довѣрія и что, путемъ методичной, настойчивой и дѣятельной работы, можно еще исправить всѣ ошибки прошлаго.

О нѣтъ — воскликнулъ онъ мрачно и рѣзко — никогда... Думѣ не подъ силу борьба противъ оффиціальныхъ и оккультныхъ силъ, которыми располагаетъ правящая клика. Я могу ручаться за то, что не позже чѣмъ черезъ два мѣсяца дума, либо сама убѣдится въ своемъ безсиліи, либо будетъ распущена. Необходимо измѣнить всю правительственную систему. Нашъ послѣдній шансъ на спасеніе заключается въ національномъ переворотѣ... Положеніе гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы это предполагаете, г-нъ посолъ. Извѣстно ли вамъ, что мнѣ говорилъ часъ тому назадъ лидеръ октябристовъ и предсѣдатель центральнаго комитета промышленниковъ, Алесандръ Ивановичъ Гучковъ, человѣкъ, которому вы не можете отказать въ предусмотрительности и смѣлости? Не знаете? Онъ мнѣ сказалъ со слезами на глазахъ: «Россія погибла, больше нѣтъ надежды.»

Суббота, 14 августа.

Сегодняшнее засѣданіе Государственной Думы было посвящено преніямъ по чрезвычайно существеннымъ вопросамъ. Обсуждалось учрежденіе Комитета Снабженія, который предполагается противоставить Военному Министерству.

Это обсужденіе, мало по малу, перешло въ обвиненіе существующаго режима.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ депутатовъ кадетской фракціи, Аджемовъ, произнесъ зажигательную рѣчь. «Съ самаго начала войны» — говорилъ онъ — «русское общество поняло, что безъ организованности всѣхъ силъ страны побѣда будетъ невозможна. Однако, правительство этого не поняло и, когда общественные круги попытались объяснить это, правительство отказалось понимать и пренебрежительно отвергло всякое содѣйствіе. Это произошло потому, что военный министръ имѣлъ своихъ, привиллегированныхъ поставщиковъ, военныя поставки производились домашнимъ образомъ и была цѣлая система преимуществъ, снисходительности и привиллегій. Въ результатѣ этого, производительныя силы страны оказались не только неорганизованными, но и во всемъ государствѣ водворился неописуемый безпорядокъ... Наконецъ, сегодня правительство признало, что, безъ содѣйствія общественныхъ организацій, наша армія не сможетъ выйти побѣдительницей; оно признало, также, необходимость всеобщихъ реформъ, а также и то, что эти реформы должны быть сдѣланы нами. Это обстоятельство, господа, является крупной побѣдой общественнаго мнѣнія, а также поучительнымъ урокомъ для будущаго. Недавно Ллойдъ Джорджъ сказалъ въ палатѣ общинъ, что засыпая наши войска снарядами, германцы разбиваютъ цѣпи русскаго народа. Въ этихъ словахъ много истины. Отнынѣ свободный русскій народъ, самъ организуетъ себя для побѣды.»

Рѣчь Аджемова вызвала со стороны центра и лѣвыхъ бурю аплодисментовъ.

Возбужденный этой грозовой атмосферой, соціалистъ Чхенкели, взбѣжалъ на трибуну и негодующе разразился по адресу «тираніи царей, ведущей Россію къ гибели». Однако, вскорѣ, рѣчь его принимаетъ такіе обороты, что предсѣдатель Думы, Родзянко, вынужденъ лишить его слова. Рѣчь Чхенкели вызвала недовольство не только центра, но и нѣкоторыхъ лѣвыхъ депутатовъ, которые, при всей ихъ либеральности, еще настроены монархически. Наибольшаго подъема достигаетъ засѣданіе во время рѣчи Маклакова, когда послѣдній, въ блестящей рѣчи, доказалъ необходимость образованія Комитета Снабженія, независимаго отъ Военнаго Министерства, причемъ руководство работами комитета должно было бы быть поручено лицу, отвѣтственному передъ комитетомъ. Такимъ образомъ, Маклаковъ нападаетъ на захватъ всего въ свои руки со стороны бюрократіи, являющейся необходимымъ условіемъ поддержанія самодержавія. «Россія — прекрасный образецъ государства, въ которомъ люди сидятъ не на своихъ мѣстахъ» — продолжаетъ Маклаковъ — «большинство назначеній на административные посты — сплошной скандалъ и полное пренебреженіе общественнымъ мнѣніемъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было не признать ошибки, ее все же нельзя было поправить, такъ какъ этого

не допускалъ престижъ власти. Новое правительство, задачей котораго является побѣда надъ врагомъ, скоро убѣдится, что еще труднѣе, и труднѣе всего, побѣдить собственное же чиновничество... Однако, принимая во вниманіе переживаемый нами тяжелый періодъ, мы должны требовать, чтобы это безобразіе кончилось. Страна напрягаетъ всѣ усилія и приноситъ неисчислимыя жертвы. Мы, ея представители, мы тоже приносимъ большія жертвы тѣмъ, что, временно, откладываемъ многочисленныя требованія и подавляемъ нашъ гнѣвъ. Забывая обиды и естественную ненависть, мы предлагаемъ наше сотрудничество тѣмъ, съ кѣмъ мы только что боролись. Поэтому, мы имѣемъ право требовать, чтобы и правительство дѣйствовало такимъ же образомъ и стало выше всѣхъ партійныхъ соображеній, имѣя одинъ руководящій девизъ.

Правое думское крыло, нѣсколько смущенное, но, въ общемъ, патріотически настроенное, не можетъ не признать того, что пороки бюрократіи губятъ Россію и, вмѣстѣ съ большинствомъ, высказывается за образованіе Комитета Снабженія. Отнынѣ, между бюрократической кастой и Государственной Думой, начинается регулярная борьба. Примирятся ли онѣ въ сознаніи общаго стремленія къ высшимъ государственнымъ интересамъ?.. Отъ этого зависитъ все будущее Россіи.

Совершенно неожиданно, это бурное засѣданіе закончилось произнесеніемъ похвальнаго слова Польшѣ. Рѣчь это была произнесена депутатомъ партіи крайнихъ правыхъ, реакціонеромъ-фанатикомъ и упорнымъ руссификаторомъ, Пуришкевичемъ.

— Было бы большимъ преступленіемъ по отношенію къ русскому Государству и русской чести не засвидѣтельствовать съ этой трибуны всего того, что сдѣлали до сихъ поръ и продолжаютъ дѣлать для насъ поляки. Невозможно высказать сколько страданій и жертвъ они принесли для того, чтобы помочь намъ одержать побѣду. А, между тѣмъ, они могли легко стать на противоложную позицію. Населеніе прибалтійскихъ областей, которое Россія такъ берегла, проявило по отношенію къ намъ самую черную неблагодарность. Напротивъ, поляки, которые могли бы во многомъ бросить намъ упрекъ, оказались въ числѣ наиболѣе доблестныхъ и вѣрныхъ защитниковъ нашей страны... Въ настоящее время, русскія арміи вынуждены оставить Варшаву, это святилище Польши. Но поляки не предаются отчаянію... На ихъ лицахъ видны слезы, но въ ихъ сердцахъ еще болѣе укрѣпилась ненависть къ общему врагу и увѣренность въ конечной побѣдѣ. Да будетъ благословенъ тотъ будущій день нашей славы, когда будетъ праздноваться объединеніе славянства. Пусть онъ, одновременно, вернетъ намъ нашу былую славу и принесетъ осуществленіе завѣтныхъ мечтаній поляковъ — автономію Польскаго Народа подъ скипетромъ русскаго царя.

Воскресенье, 15 августа.

Вчера германцы захватили укрѣпленныя позиціи, прикрывавшія Ковно, между Нѣманомъ и Ессей; одновременно, имъ удалось переправиться черезъ Бугъ у Драгичина и, такимъ образомъ, прорвать русскія позиціи между Нурзекомъ и Наревомъ.

Сегодня я обѣдалъ въ Царскомъ Селѣ, у Вел. Кн. Павла Александровича. Графиня Гогенфельзенъ встревоженно разспрашивала меня о развитіи германскаго наступленія на Литву, а затѣмъ сказала:

— Я предполагала принять васъ сегодня въ кругу моей семьи, но когда Государыня узнала, что вы будете обѣдать у меня, она посовѣтовала г-жѣ Вырубовой просить меня пригласить и ее для того, чтобы разспросить васъ о томъ, что вы думаете по поводу нынѣшняго положенія.

Г-жа Вырубова, которая еще не вполнѣ оправилась послѣ несчастнаго случая съ нею 15 января, наконецъ, пришла, опираясь на костыли. Вслѣдствіе долгаго лежанія въ постели, она замѣтно пополнѣла; она очень скромно одѣта и на шеѣ ея — дешевенькая нитка жемчуга. Никогда еще лицо, приближенное къ Государынѣ, не выглядѣло такъ скромно.

За обѣдомъ, во время натянутаго и безсвязнаго разговора, я стараюсь пріободрить окружающихъ. По окончаніи обѣда, г-жа Вырубова попросила меня сѣсть рядомъ съ ней. Глубоко вздохнувъ полной грудью, она начала жалобнымъ голосомъ:

— Ахъ, г. посолъ, какое трудное время намъ приходится переживать. Съ каждымъ днемъ мы получаемъ все болѣе и болѣе печальныя свѣдѣнія... Ихъ Величества чрезвычайно удручены и обезпокоены. Узнавъ о томъ, что я буду сегодня обѣдать съ вами, Ихъ Величества поручили мнѣ попросить васъ высказать ваше чистосердечное мнѣніе по поводу нашихъ несчастій. Ихъ Величества разсчитываютъ на ваши дружескія чувства. Что же я смогу передать имъ отъ вашего имени? Дѣйствительно ли вы столь радужно смотрите на будущее, какъ вы это только что высказывали за обѣдомъ? Я обѣщала Государынѣ передать вашъ отвѣтъ еще сегодня вечеромъ.

— Дѣйствительно, мои слова за обѣдомъ были нѣсколько оптимистичнѣе, нежели мои мысли — сказалъ я, — но я не имѣю права говорить другое, даже въ кругу моихъ близкихъ друзей. Въ глубинѣ души я очень обезпокоенъ и предвижу еще много мрачныхъ событій. Тѣмъ не менѣе, я сохраняю надежду на свѣтлое будущее, такъ какъ за послѣднее время Государь принялъ цѣлый рядъ блестящихъ рѣшеній. Тѣ декларации, которыя были при открытіи Государственной Думы сдѣланы министрами, настолько соотвѣтствуютъ моимъ собственнымъ мыслямъ, что я съ ними не могу не согласиться всецѣло. Я могу пожелать только одного, чтобы Его Величество неуклонно придерживался этого пути, который представляетъ собой великій историческій и національный путь Россіи и,

идя по которому, Россія находила спасеніе въ самые тяжелые моменты своего историческаго развитія.

Г-жа Вырубова выслушивала меня съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ; временами она вполголоса повторяла мои слова, какъ бы для того, чтобы крѣпче запечатлѣть ихъ въ памяти, но, въ то же время, она не высказываетъ никакого личнаго мнѣнія, вслѣдствіе чего у меня получается впечатлѣніе, что я говорю передъ фонографомъ.

Затѣмъ я перешелъ къ обозрѣнію вопросовъ о снабженіи арміи, о программѣ выработанной земствами, городами и промышленниками относительно сотрудничества въ дѣлѣ снабженія войскъ, наконецъ — о необходимости пріобщить страну къ дѣйствіямъ государственной власти.

— Сила Россіи — закончилъ я — всегда основывалась на тѣсномъ единеніи монарха съ его народомъ. Великіе цари прошлаго были не только собирателями земли русской, но и объединителями умственныхъ и духовныхъ проявленій Русскаго Народа. Ставъ на путь своихъ предковъ, Государь правильно понялъ свой долгъ. Очень прошу васъ передать Ихъ Величествамъ, что я умоляю ихъ поставить эту задачу выше всѣхъ другихъ, ибо, по моему мнѣнію, въ этомъ заключается главное и необходимое условіе для доведенія войны до побѣднаго конца.

— Да, да — пробормотала г-жа Вырубова — я все это дословно передамъ Ихъ Величествамъ.

Въ половинѣ десятаго лакей доложилъ, что за г-жей Вырубовой пріѣхалъ экипажъ.

— Г. посолъ — сказала она — разрѣшите мнѣ задать вамъ еще послѣдній вопросъ, задать который мнѣ настоятельно велѣла Государыня: допускаете ли вы возможность того, что германцы займутъ Петроградъ? Это, вѣдь, было бы ужасно.

— Германцы въ Петроградѣ — воскликнулъ я — да вѣдь они же находятся на разстояніи свыше 500 километровъ. Вѣдь еще же есть укрѣпленныя Псковскія позиціи... Да, наконецъ, сейчасъ начинается осенняя распутица, а затѣмъ наступаетъ зима...

Что же касается весны, то я надѣюсь, что къ тому времени русскіе вновь возобновятъ побѣдоносное наступленіе.

Послѣ продолжительнаго выраженія благодарности, она, наконецъ, ушла, опираясь на костыли. Глядя ей вслѣдъ, я удивленно думалъ о томъ, какъ можетъ такое посредственное существо, столь примитивное и тѣломъ, и душой оказывать хоть какое нибудь вліяніе на судьбы Россіи.

Оставшись наединѣ съ великимъ княземъ и графиней, я передалъ имъ то, что сказалъ г-жѣ Вырубовой.

— Васъ не безпокоитъ наше внутреннее положеніе — спросилъ тревожно Великій Князь? Эти пренія въ Думѣ прямо ужасны, все это насъ прямо ведетъ къ революціи... Первые шаги уже сдѣланы... Не создалось ли у васъ впечатлѣнія, что Ихъ Величествамъ угрожаетъ опасность?

— Нѣтъ, мнѣ кажется, что ни Государю, ни Государынѣ въ настоящее время ничто не угрожаетъ, хотя общественное мнѣніе и настроено противъ Государыни. Мнѣ извѣстенъ цѣлый рядъ лицъ, которыя только и говорятъ о необходимости заточенія ея въ какой-нибудь монастырь въ Сибири, или на Уралѣ.

— Заточить Государыню въ монастырь! Да неужели допускаютъ возможность того, что Государь позволитъ тронуть свою супругу... Конечно нѣтъ... Въ такомъ случаѣ пришлось бы убить Государя и низвергнуть династію... А кѣмъ ее замѣнить? Русскій Народъ не способенъ самъ управлять собой, у него нѣтъ никакого политическаго образованія, девять десятыхъ населенія не умѣютъ ни читать, ни писать, рабочіе насквозь прониклись анархистскими ученіями, крестьяне только и думаютъ о захватѣ земель... При такомъ положеніи можно, конечно, низложить существующій режимъ, но создать новое правительство не удастся.

Великій Князь, въ волненіи, нѣсколько разъ прошелъ крупными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ и, наконецъ, подошелъ ко мнѣ и, скрестивъ руки и глядя мнѣ въ глаза въ упоръ, признесъ:

— Если у насъ вспыхнетъ революція, то она по дикости своей превзойдетъ все доселѣ видѣнное... Это будетъ адъ... И Россія этого не переживетъ.

Возвращаясь около половины одиннадцатаго на автомобилѣ въ Петроградъ, сквозь холодный осенній туманъ, заволакивающій огромную равнину, посреди которой стоитъ столица, я перебираю въ умѣ мрачныя мысли... Сколько разъ уже приходилось мнѣ возвращаться съ мрачными мыслями изъ Царскаго Села.

Среда, 18 августа.

Сегодня ночью, послѣ рѣшительной атаки, германцы заняли Ковно. На сліяніи Вислы и Буга имъ удалось рѣшительнымъ натискомъ овладѣть передовыми фортами Новогеоргіевска.

Южнѣе, по фронту, они приближаются къ Брестъ-Литовску.

Паденіе Ковно вызвало въ думскихъ кулуарахъ возбужденное негодованіе; обвиняютъ Великаго Князя Николая Николаевича въ неумѣломъ веденіи операцій, указываютъ на измѣнническія дѣйствія германофильскихъ группъ...

Четвергъ, 19 августа.

Сегодня у Сазонова лихорадочные глаза и блѣдный цвѣтъ лица, какой бываетъ у него въ самые тяжелые дни.

— Послушайте — сказалъ онъ мнѣ — что я только что узналъ относительно Софіи. Впрочемъ, это меня нисколько не удивляетъ.

Онъ прочиталъ мнѣ телеграмму, полученную отъ Савинскаго и утверждающую, на основаніи заслуживающихъ довѣрія источниковъ, что болгарское правительство окончательно рѣшило поддержать центральныя державы и выступить противъ Сербіи.

Пятница, 20 августа.

Послѣдній укрѣпленный пунктъ въ Польшѣ, крѣпость Новогеоргіевскъ, перешла въ руки германцевъ. Гарнизонъ, въ составѣ около 85 000 человѣкъ, взятъ въ плѣнъ.

Проведшій нѣсколько дней въ Москвѣ, японскій посолъ Мотоно, вынесъ самыя лучшія впечатлѣнія о нравственномъ состояніи москвичей. Онъ усмотрѣлъ желаніе вести войну до побѣднаго конца, согласіе принести всевозможныя жертвы, непоколебимую увѣренность въ конечной побѣдѣ, т. е. всѣ тѣ чувства, которыя охватили москвичей и въ 1812 году.

Воскресенье, 22 августа.

Распутинъ недолго пробылъ въ своемъ сибирскомъ селѣ. Онъ вернулся третьяго дня и уже имѣлъ свиданіе съ Государыней.

Государь находится въ дѣйствующей арміи.

Понедѣльникъ, 23 августа.

Русскія войска эвакуировали вчера крѣпость Оссовецъ на Бобрѣ. Австро-германцы съ успѣхомъ продвигаются на правомъ берегу Буга. Большинство укрѣпленныхъ подступовъ къ Брестъ-Литовску уже въ ихъ рукахъ.

Вторникъ, 24 августа.

Одинъ изъ моихъ освѣдомителей, нѣкто Н., котораго я подозрѣваю въ томъ, что онъ служитъ въ охранкѣ (это, впрочемъ, только увеличиваетъ его освѣдомленность), сообщилъ мнѣ, что лидеръ трудовиковъ, Керенскій, собралъ у себя на дняхъ вожаковъ прочихъ соціалистическихъ партій для того, чтобы разсмотрѣть вопросъ о тѣхъ путяхъ, которые бы могли открыться передъ руководителями пролетаріата, въ случаѣ, если бы въ результатѣ всѣхъ неудачъ, правительство оказалось бы вынужденнымъ заключить сепаратный миръ.

На этомъ собраніи не было принято никакого практическаго рѣшенія, но были установлены два существенныхъ пункта, которые соціалисты выставятъ въ день заключенія мира: 1. немедленное введеніе всеобщаго избирательнаго права и 2. требованіе права каждаго народа на самоопредѣленіе.

II.

Среда, 25 августа.

Едва я вошелъ сегодня утромъ въ кабитенъ Сазонова, онъ мнѣ сухо и оффиціально заявилъ:

— Г. посолъ, я долженъ вамъ сообщить объ одномъ чрезвычайно важномъ рѣшеніи, воспринятомъ на этихъ дняхъ Его Величествомъ, съ просьбою временно сохранить это въ тайнѣ. Его Величество рѣшилъ освободить Великаго Князя Николая Николаевича отъ несенія обязанностей Верховнаго Главнокомандующаго и назначить его намѣстникомъ Его Величества на Кавказѣ, вмѣсто графа Воронцова Дашкова, который, по болѣзни, вынужденъ выйти въ отставку. Государь возьметъ на себя верховное руководство арміями.

— Является ли это только предположеніемъ, или уже твердо принятымъ рѣшеніемъ? — спросилъ я.

— Это непреклонное рѣшеніе. Государь сообщилъ объ этомъ вчера въ Совѣтѣ Министровъ, прибавивъ, что этотъ вопросъ не можетъ быть обсуждаемъ.

— Будетъ ли Государь лично командовать арміями?

— Да, въ томъ смыслѣ, что отнынѣ онъ будетъ пребывать въ Ставкѣ и верховное руководство будетъ исходить отъ него. Что же касается технической стороны, то она будетъ направляться вновь назначеннымъ начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго, генераломъ Алексѣевымъ. Кромѣ того, Ставка будетъ переведена ближе къ Петрограду, по всей вѣроятности — въ Могилевъ.

Послѣ небольшого перерыва Сазоновъ продолжалъ:

— Теперь, послѣ того, какъ я вамъ оффиціально передалъ то, что мнѣ было поручено, я долженъ вамъ признаться, дорогой другъ, что я очень огорченъ рѣшеніемъ, воспринятымъ Государемъ. Вы, вѣроятно, помните, что съ самаго начала войны у Государя было это же намѣреніе, но тогда всѣ министры и я — первый, упросили Его Величество отказаться отъ этого намѣренія. Всѣ тѣ доводы, которые мы приводили тогда не только не утратили своей остроты въ настоящее время, но, даже, еще усилилось. По всѣмъ видимостямъ наши военныя испытанія еще далеко не закончились. Нужно много мѣсяцевъ для того, чтобы реорганизовать нашу армію и снабдить ее всѣмъ необходимымъ. А что произойдетъ за это время? До какого предѣла окажемся мы вынуждены отступать? Развѣ не страшно подумать, что отнынѣ вся отвѣтственность за всѣ тѣ несчастья, которыя намъ угрожаютъ, падетъ лично на Государя? И если, вслѣдствіе неудачныхъ дѣйствій какого нибудь генерала, насъ разгромятъ, то это будетъ разгромъ не только военный, но и политическій и династическій.

— По какимъ побужденіямъ, — спросилъ я — Государь рѣшился на этотъ важный шагъ, не пожелавъ при этомъ выслушать мнѣнія своихъ министровъ?

— Для этого было много основаній: во первыхъ потому, что великій князь Николай Николаевичъ не справился съ

возложенной на него задачей; правда, онъ энергиченъ и пользуется довѣріемъ арміи, но у него нѣтъ достаточныхъ знаній и глазомѣра, которые необходимы для веденія операцій въ такомъ широкомъ масштабѣ. Генералъ Алексѣевъ значительно выше великаго князя, какъ стратегъ. Я былъ бы вполнѣ удовлетворенъ, если бы генералъ Алексѣевъ былъ назначенъ верховнымъ главнокомандующимъ.

— Какія же еще причины побудили Государя къ этому рѣшенію — продолжалъ допытываться я.

Сазоновъ посмотрѣлъ на меня грустнымъ взглядомъ и, затѣмъ, нерѣшительно сказалъ:

— Вѣроятно Государь хотѣлъ подчеркнуть, что насталъ часъ для осуществленія его прерогативъ верховной власти-верховнаго вождя русской арміи. Отнынѣ никто не сможетъ сомнѣваться въ его намѣреніи продолжать войну до конца... Быть можетъ у Государя были и другія основанія, но я предпочитаю ихъ не знать...

На этомъ я покинулъ Сазонова.

Сегодня вечеромъ я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что отставка великаго князя уже задолго подготовлялась его непримиримымъ врагомъ, бывшимъ военнымъ министромъ Сухомлиновымъ, который, несмотря на скандальныя разоблаченія его дѣятельности, донынѣ сохранилъ довѣріе и расположеніе Государя. Всѣ неудачи русской арміи за послѣдніе мѣсяцы, давали Сухомлинову достаточно поводовъ для того, чтобы приписывать ихъ исключительно неспособности великаго князя. Сухомлиновъ же, съ помощью Распутина и генерала Воейкова, мало по малу увѣрилъ Государя и Государыню въ томъ, что великій князь старается создать себѣ въ арміи и во всей странѣ популярность, съ цѣлью совершить въ свою пользу государственный переворотъ. Тѣ восторженныя привѣтствія, которыя раздавались въ Москвѣ во время безпорядковъ по адресу Николая Николаевича, дали большой козырь въ руки агитирующихъ въ этомъ направленіи. Однако, Государь долго не рѣшался произвести смѣну главнокомандующаго въ критическій періодъ всеобщаго отступленія. Тогда руководители этой интриги стали доказывать, что нельзя терять времени: генералъ Воейковъ, стоящій во главѣ охраны особы Государя, увѣрялъ, что полиція напала на слѣды заговора, направленнаго противъ Ихъ Величествъ, главнымъ руководителемъ котораго является одинъ изъ приближенныхъ къ двору офицеровъ. Ввиду того, что Государь все еще не рѣшался, рѣшено было прибѣгнуть къ религіозному воздѣйствію. Государыня и Распутинъ стали все настойчивѣе повторять, что, когда престолъ и отечество въ опасности, долгъ самодержавнаго Государя стать во главѣ армій, а уклоненіе отъ этого — есть нарушеніе воли Божьей.

Кромѣ того, старецъ, который чрезвычайно болтливъ, совершенно не скрываетъ того, что онъ слышитъ и говоритъ въ Царскомъ. Такъ вчера онъ въ теченіи двухъ часовъ разглагольствовалъ въ одномъ интимномъ обществѣ и, судя по отрывкамъ его рѣчей, которые мнѣ передавали, тѣ аргу-

менты, которые онъ приводитъ Государю, выходятъ изъ рамокъ совѣтовъ, базирующихся на политическихъ и стратегическихъ требованіяхъ момента и переходятъ въ область религіозныхъ тезисовъ. При посредствѣ различныхъ парадоксальныхъ афоризмовъ, подсказанныхъ ему, вѣроятно, кѣмъ нибудь изъ его друзей по Святѣйшему Синоду, Распутинъ проповѣдуетъ, что Государь является не только главой и вождемъ своего народа, но священное мvропомазаніе сообщаетъ ему еще болѣе высокую миссію: Государь является также заступникомъ и ходатаемъ своего народа передъ Богомъ. Это обязываетъ его принимать на себя не только всѣ несправедливости, но и всѣ испытанія и страданія своего народа для того, чтобы дать на Страшномъ Судѣ отвѣтъ за первыя и выставить на видъ вторыя... Мнѣ становится теперь понятной фраза Бакунина, которая въ свое время меня очень поразила: «Въ темномъ сознаніи мужиковъ Царь представляется чѣмъ то вродѣ русскаго Іисуса Христа.»

Четвергъ, 26 августа.

Германцы заняли Брестъ-Литовскъ; русскія арміи отступаютъ къ Минску.

Пятница, 27 августа.

Несмотря на строжайшій секретъ, рѣшеніе Государя взять на себя верховное командованіе арміями уже стало извѣстно публикѣ.

Эта новость произвела удручающее впечатлѣніе; указываютъ, что у Государя нѣтъ никакого опыта въ дѣлахъ стратегіи; что онъ будетъ непосредственно отвѣтственъ за тѣ неудачи, которыя, повидимому, неминуемы; наконецъ, обращаютъ вниманіе на то, что у Государя несчастливая рука.

Подобныя же толкованія распространяются и въ народныхъ массахъ, но тутъ еще присоединяется, что Государь и Государыня, не чувствуя себя въ безопасности въ Царскомъ Селѣ, переѣзжаютъ подъ защиту арміи.

Ввиду всего этого, предсѣдатель Совѣта Министровъ, Горемыкинъ, умолялъ Государя хотя бы отложить на время приведеніе въ исполненіе его намѣренія.

Государь согласился, но прибавилъ: только на очень короткое время.

Воскресенье, 29 августа.

Противъ Распутина впервые началась кампанія въ прессѣ. До сихъ поръ полиція и цензура тщательно оберегали его отъ всякихъ журнальныхъ нападокъ. Кампанія ведется «Биржевыми Вѣдомостями».

Все прошлое старца, его темное происхожденіе, его распутство, интриги, скандальныя сношенія съ представителями высшаго общества, высокопоставленными чиновниками и

высшими чинами церкви — все это выведено наружу. Однако чрезвычайно ловко избѣгнуто все то, что могло бы намекать на близость его къ Государю и Государынѣ. «Какимъ образомъ возможно то» — пишетъ авторъ этихъ статей, — «что этотъ авантюристъ продолжаетъ такъ долго и нагло глумиться надъ Россіей. Развѣ не удивительно, что высшіе чины церки, Святѣйшій Синодъ, аристократія, министры, сенаторы, многіе члены Государственнаго Совѣта и Думы могутъ быть въ сношеніяхъ съ подобнымъ мерзавцемъ? Развѣ въ немъ не кроется величайшая опасность для существующаго строя? Еще вчера казались естественными всѣ политическіе и соціальные скандалы, связанные съ именемъ Распутина. Сегодня Россія желаетъ, чтобы это прекратилось. Несмотря на то, что факты и анекдоты, приводимые «Биржевыми Вѣдомостями» общеизвѣстны, опубликованіе ихъ производитъ большой эффектъ. Всѣ восхищаются новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Щербатовымъ, допустившимъ печатаніе этихъ разоблаченій, однако, въ то же время, предсказываютъ, что онъ не долго удержится на своемъ посту.

Понедѣльникъ, 30 августа.

Сегодня я опять бесѣдовалъ съ генераломъ Бѣляевымъ. Привожу по пунктамъ отвѣты, полученные на поставленные мною вопросы.

1. Потери русской арміи громадны. Къ августу онѣ достигли 450 000 человѣкъ въ мѣсяцъ, т. е. на 100 000 больше, чѣмъ въ каждый изъ трехъ предыдущихъ мѣсяцевъ. Слѣдовательно, отъ первыхъ пораженій на Дунайцѣ, русская армія потеряла 1 500 000 человѣкъ.

2. Ежедневное производство артиллерійскихъ снарядовъ въ настоящее время достигло 35 000 и будетъ скоро доведено до 42 000.

3. Русскіе заводы изготовляютъ въ настоящее время 67 000 винтовокъ въ мѣсяцъ, съ иностранныхъ заводовъ присылается 16 000, т. е. армія пополняется 83 000 винтовокъ въ мѣсяцъ. Съ сегодняшняго числа число винтовокъ, доставляемыхъ изъ за границы будетъ увеличено до 76 000 въ мѣсяцъ, т. е. армія будетъ располагать ежемѣсячно 143 000 винтовокъ.

4. Германскія арміи, оперирующія въ районѣ Брестъ-Литовска, не угрожаютъ наступленіемъ на Москву, отчасти вслѣдствіе дальности разстоянія, а также по причинѣ естественныхъ препятствій и осенней распутицы.

5. Для защиты Петрограда, на линіи Псковъ—Вильно, сконцентрировано четыре арміи, въ составѣ 16 корпусовъ, подъ командой генерала Рузскаго. Если окажется, что войска не смогутъ удержаться въ районѣ Двинскъ—Вильна, эти четыре арміи начнутъ отступленіе, маневрируя вокругъ Пскова. При этихъ условіяхъ и, если принять во вниманіе приближеніе осени, кажется вѣроятнымъ, что германцамъ не удастся захватить Петроградъ.

Вторникъ, 31 августа.

Передача письма Государя Великому Князю Николаю Николаевичу, въ которомъ сообщается объ освобожденіи его отъ исполненія обязанностей верховнаго главнокомандующаго, возложена на военнаго министра, генерала Поливанова. Прочитавъ письмо Государя, Великій Князь перекрестился и сказалъ только: «Слава Богу — Государю было благоугодно снять съ меня бремя, тяжесть котораго была больше моихъ силъ».

Затѣмъ Великій Князь перевелъ разговоръ на другія темы, какъ будто бы ничего не случилось. Трудно принять съ большимъ достоинствомъ явную немилость.

Среда, 1 сентября.

Общее собраніе представителей московской промышленности и торговли закончилось сегодня принятіемъ слѣдующей резолюціи: 1. жизненные интересы Россіи требуютъ продолженія войны до побѣднаго конца, 2. необходимо немедленно призвать къ власти людей, пользующихся общественнымъ довѣріемъ и предоставить имъ полную свободу дѣйствій.

Въ заключеніе, собраніе выразило надежду, что голосъ вѣрноподданныхъ москвичей будетъ услышанъ Государемъ.

Этотъ призывъ къ Государю о немедленномъ образованіи отвѣтственнаго министерства тѣмъ болѣе знаменателенъ, что онъ исходитъ изъ святой Москвы, колыбели Русскаго Народа.

Но еще болѣе выразительны тѣ пренія, которыя сопровождали баллотировку этой резолюціи, опубликованіе которыхъ запрещено цензурой. Дѣйствія министровъ подверглись жесточайшей критикѣ, причемъ даже неоднократно упоминалось имя Государя.

Мнѣ сообщаютъ, что въ рабочихъ кругахъ наблюдается большое возмущеніе.

Заключено ли уже Германо-Болгарское соглашеніе? Я склоненъ думать, что — да. Въ самомъ дѣлѣ, изъ Софіи сообщаютъ о прибытіи герцога Іоанна Альберта Мекленбургъ-Шверинскаго въ сопровожденіи виднаго сановника германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Герцогъ Іоаннъ Альбертъ — одинъ изъ наиболѣе видныхъ владѣтельныхъ князей Германіи, онъ былъ, одновременно, регентомъ Великаго Герцогства Мекленбургскаго и герцогства Брауншвейгскаго, онъ — дядя датской королевы Александрины и супруги кронпринца, принцессы Цециліи. Я полагаю, что Германскій Императоръ, зная честолюбивыя черты характера царя Фердинанда, счелъ полезнымъ, для склоненія его къ выступленію, отправить въ Софію лицо древняго происхожденія, владѣтельнаго князя. Кромѣ того, все поведеніе Радославова и направленіе оффиціозной прессы явно свидѣтельствуютъ о томъ, что Болгарія открыто готовится къ нападенію на Сербію.

Четвергъ, 2 сентября.

Вчера вечеромъ, по телефону, меня пригласила сегодня къ обѣду графиня Гогенфельзенъ, которой недавно былъ пожалованъ титулъ княгини Палѣй. Княгиня настаивала на томъ, чтобы я непремѣнно пріѣхалъ, говоря, что со мною должны будутъ говорить.

Прибывъ на обѣдъ, я засталъ г-жу Вырубову, Стаховича и Бенкендорфа, а также Великаго Князя Димитрія Павловича, только сегодня утромъ прибывшаго изъ Ставки. Во время обѣда царитъ грустное и тревожное настроеніе. Два раза во время обѣда къ Великому Князю, Димитрію Павловичу, подходитъ швейцаръ и что то тихо ему докладываетъ. Каждый разъ послѣ этого Павелъ Александровичъ бросаетъ въ сторону сына вопросительный взглядъ, на что тотъ просто отвѣчаетъ: ничего, пока ничего.

— Великій Князь вамъ разскажетъ сейчасъ, почему Димитрій Павловичъ пріѣхалъ изъ Ставки — шепотомъ сказала мнѣ княгиня Палѣй — немедленно по прибытіи онъ испросилъ аудіенцію у Государя, но до сихъ поръ не можетъ получить отвѣта. Швейцаръ еще два раза звонилъ по телефону въ канцелярію Александровскаго дворца, чтобы узнать не отдалъ ли Государь какихъ либо распоряженій по поводу испрашиваемой аудіенціи, но, оказывается, что до сихъ поръ ничего не извѣстно. Это плохой признакъ.

Въ то время, какъ послѣ обѣда въ гостинной обносили кофе, г-жа Вырубова пригласила меня сѣсть около нея и, прямо, безъ всякихъ подходовъ, сказала:

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно, г-нъ посолъ, то важное рѣшеніе, которое воспринялъ Государь. Что вы думаете по этому поводу. Государыня поручила мнѣ задать вамъ этотъ вопросъ.

— Является это рѣшеніе уже окончательнымъ — спросилъ я?

— Да, совершенно окончательнымъ.

— Въ такомъ случаѣ мое мнѣніе уже явится запоздавшимъ.

— Ихъ Величества будутъ очень огорчены, если я имъ передамъ только это. Они очень хотѣли бы знать ваше мнѣніе.

— Какъ я могу высказывать свое мнѣніе по поводу мѣры, основанія которой мнѣ неизвѣстны. Вѣроятно, у Государя были причины очень существеннаго значенія, если онъ рѣшилъ присоединить къ тяжелому бремени своей повседневной работы еще и огромную отвѣтственность верховнаго командованія. Каковы же эти причины?

Мой вопросъ сильно смутилъ ее. Пристально смотря на меня испуганными глазами, она произнесла нѣсколько неопредѣленныхъ фразъ, но, затѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, сказала:

— Государь полагалъ, что въ такой тяжелый моментъ онъ обязанъ стать во главѣ войскъ и принять на себя всю

отвѣтственность за веденіе войны... Прежде чѣмъ прійти къ этому рѣшенію, онъ много думалъ и долго молился... Наконецъ, нѣсколько дней тому назадъ, выслушавъ обѣдню, онъ сказалъ намъ: «Быть можетъ, для спасенія Россіи нужна искупительная жертва. Этой жертвой буду я. Пусть свершится воля Божья.» — Произнося эти слова, Государь былъ чрезвычайно блѣденъ и весь его видъ свидѣтельствовалъ о полной покорности судьбѣ.

Эти слова Государя заставили меня внутренне содрогнуться. Мысль о предопредѣленіи къ жертвѣ и полная покорность волѣ Божьей свидѣтельствуетъ о полной пассивности характера. Не поведетъ ли это къ тому, что если военная фортуна еще нѣкоторое время будетъ складываться для насъ неблагопріятно, то Государь въ этомъ найдетъ, въ своей покорности къ Божественнымъ предначертаніямъ, предлогъ къ прекращенію усилій, оставленію надеждъ и покорной подготовкѣ къ всевозможнымъ катастрофамъ.

Нѣкоторое время я молчалъ, не зная что отвѣтить; наконецъ, я сказалъ:

— То, что вы мнѣ только что сказали, еще болѣе затрудняетъ для меня выраженіе моего мнѣнія по поводу рѣшенія, принятаго Государемъ, ибо оно является для него вопросомъ совѣсти. Кромѣ того, разъ это рѣшеніе безповоротно, то обсужденіе его безполезно, а нужно только постараться извлечь изъ него всѣ лучшія стороны. Становясь верховнымъ главнокомандующимъ, Государь ясно покажетъ не только арміи, но и всей странѣ необходимость побѣды. Для меня, какъ посла Франціи, союзной Россіи, русская военная программа резюмируется въ томъ торжественномъ обѣщаніи, которое Государь произнесъ предъ евангеліемъ и предъ иконой Казанской Божьей Матери 20 іюля 1914 года. Вы, вѣроятно, припоминаете эту величественную церемонію въ Зимнемъ Дворцѣ. Повторяя тогда клятву, произнесенную въ 1812 году, обѣщая, что миръ не будетъ подписанъ пока хотя бы одинъ вражескій солдатъ останется на русской территоріи, Государь принялъ на себя передъ Богомъ обязательство, не отчаиваясь ни передъ какими неудачами, вести войну и достигнуть побѣды, не взирая на то, какихъ бы жертвъ она ни потребовала. Принимая на себя нынѣ верховное командованіе, Государь облегчаетъ себѣ исполненіе своей клятвы. Идя по этому направленію, Государь будетъ, по моему мнѣнію, спасителемъ Россіи и, въ этомъ смыслѣ, я позволяю себѣ толковать то внушеніе, которое Государь получилъ свыше. Соблаговолите передать это Государю отъ моего имени.

Г-жа Вырубова сдѣлала нѣсколько замѣтныхъ усилій, якобы для того, чтобы удержать въ памяти все слышанное и, затѣмъ, какъ бы въ стремленіи немедленно передать мои слова, она сейчасъ же простилась со мной.

Въ то время, какъ она прощалась съ княгиней Палѣй, Великій Князь Павелъ Александровичъ пригласилъ меня и своего сына въ кабинетъ.

Великій Князь, Димитрій Павловичъ, разсказалъ мнѣ, что прибылъ сегодня изъ Ставки экстреннымъ поѣздомъ, чтобы сообщить Государю о неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое произвело на войска увольненіе Великаго Князя, Николая Николаевича, отъ должности верховнаго главнокомандующаго.

— Я все разскажу Государю — продолжалъ Великій Князь, Димитрій Павловичъ — нервно потирая руки, я ему скажу такъ же, что если онъ не откажется отъ своего намѣренія теперь, когда это еще возможно, то послѣдствія могутъ оказаться очень тяжелыми и пагубными, какъ для династіи, такъ и для Россіи. Затѣмъ я предложу ему выходъ, который могъ бы всѣхъ примирить. Эта идея исходитъ отъ меня и я счастливъ, что мнѣ удалось убѣдить Великаго Князя, Николая Николаевича, который еще разъ проявилъ свой патріотизмъ и незаинтересованность. Моя мысль состоитъ въ томъ, чтобы Государь, принимая на себя верховное командованіе, сохранилъ бы около себя Великаго Князя, Николая Николаевича, въ качествѣ начальника штаба. Это мнѣ и поручено предложить Государю отъ имени Николая Николаевича... Но, какъ видите, Государь не очень торопится меня принять. Сегодня утромъ, едва прибывъ, я испросилъ аудіенцію, а теперь уже десять часовъ и нѣтъ никакого отвѣта... А что вы думаете по поводу моего плана?

— По существу онъ великолѣпенъ, но я сомнѣваюсь, что Государь съ нимъ согласится и у меня есть серьезныя основанія предполагать, что Государь обязательно хочетъ отдалить Великаго Князя, Николая Николаевича.

— Увы — сказалъ Великій Князь, Павелъ Александровичъ — я согласенъ съ вами, что Государь врядъ ли согласится сохранить возлѣ себя Николая Николаевича.

— Въ такомъ случаѣ, мы погибли — вскрикнулъ Великій Князь Димитрій Павловичъ — нервнымъ движеніемъ бросая папиросу — такъ какъ отнынѣ въ Ставкѣ будутъ распоряжаться Государыня и ея камарилья... Это безконечно грустно... Г-нъ посолъ — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — разрѣшите мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ. Правда ли, что союзныя правительства уже сдѣлали представленіе, или находятся наканунѣ его, съ цѣлью воспрепятствовать Государю стать во главѣ арміи?

— Нѣтъ, назначеніе главнокомандующаго есть вопросъ внутренній — сказалъ я.

— Вы меня успокоили. Мнѣ говорили въ Ставкѣ, что Франція и Англія будутъ требовать оставленія Великаго Князя въ должности главнокомандующаго. Это было бы громадной ошибкой. Вы бы разрушили популярность Великаго Князя и вооружили бы противъ себя всѣхъ русскихъ, меня перваго.

Кромѣ того, это бы не измѣнило положенія — сказалъ Великій Князь, Павелъ Александровичъ. — Въ томъ состояніи, въ какомъ находится въ настоящее время Государь, онъ не остановится ни передъ какимъ препятствіемъ и пойдетъ на самыя крайнія мѣры для того, чтобы провести въ жизнь

свое рѣшеніе. Если бы союзники стали противиться этому, онъ бы скорѣе разорвалъ союзъ, чѣмъ допустилъ бы вмѣшательство въ его верховныя прерогативы.

Мы возвратились въ гостинную.

— Какія заключенія вы выносите отъ всего, что вамъ пришлось услышать сегодня вечеромъ, — спросила княгиня Палѣй.

— Я не дѣлаю никакихъ заключеній. Когда государственный разумъ замѣняется мистицизмомъ, тогда нельзя ничего предусмотрѣть. Отнынѣ я готовъ ко всему.

Пятница, 3 сентября.

Сегодня два раза въ теченіе для, первый разъ на Троицкомъ мосту, а второй разъ на Екатерининскомъ каналѣ, я встрѣтилъ Государя и Государыню на автомобилѣ. Присутствіе ихъ въ Петроградѣ — столь рѣдкое событіе, что оно ошеломляетъ всѣхъ прохожихъ.

Ихъ Величества сперва отправились въ Петропавловскій соборъ помолиться передъ гробницами Государей, оттуда — въ часовню при домикѣ Петра Великаго, гдѣ приложились къ иконѣ Спасителя, всегда сопровождавшей царя Петра въ походахъ и, наконецъ, поѣхали въ Казанскій соборъ, гдѣ долго молились передъ чудотворной иконой Божьей Матери. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что Государь находится наканунѣ осуществленія акта высокой государственной важности, который, по его мнѣнію, будетъ служить для спасенія и искупленія Россіи.

Изъ другого источника мнѣ сообщили, что сегодня утромъ, прежде чѣмъ выѣхать изъ Царскаго Села, Государь принялъ Великаго Князя, Димитрія Павловича и категорически отвергъ предложеніе оставить Великаго Князя Николая Николаевича въ Ставкѣ въ качествѣ начальника штаба.

Когда я перебираю всѣ тѣ тревожныя свѣдѣнія, которыя получены мною въ теченіе послѣднихъ недѣль, мнѣ начинаетъ казаться, что, дѣйствительно, въ русскомъ народѣ начинаетъ подготовляться революціонное движеніе. Когда, въ какихъ нормахъ и при какихъ условіяхъ оно разразится? Будетъ ли непосредственнымъ поводомъ къ нему военный разгромъ, неурожай, кровавая забастовка, военный бунтъ, или драма во дворцѣ? Это мнѣ неизвѣстно. Но мнѣ представляется, что, отнынѣ, русская революція является неизбѣжной и непредотвратимой исторической необходимостью. Во всякомъ случаѣ, вѣроятность ея весьма большая и я счелъ своимъ долгомъ предупредить объ этомъ французское правительство. Я отправилъ Делькассэ телеграмму, въ которой, послѣ изложенія пагубнаго положенія русской арміи, сообщалъ: «Что же касается внутренняго положенія, то таковое чрезвычайно неуспокоительно. До послѣдняго времени можно было предполагать, что до окончанія войны не будетъ революціонныхъ безпорядковъ. Сегодня я не могъ бы уже поручиться въ этомъ. Поэтому, въ настоящій моментъ нужно выяснить

вопросъ, будетъ ли въ состоянiи Россiя, въ случаѣ, если внутри ея рано или поздно произойдетъ вспышка, продолжать дѣйствительно исполнять союзническiя обязательства? Сколь бы проблематичнымъ не являлся бы въ настоящiй моментъ вопросъ о возможности революцiи въ Россiи, онъ, все же, отнынѣ долженъ быть принимаемъ во вниманiе правительствомъ республики и учитываемъ въ планахъ генерала Жоффра.»

Воскресенье, 5 сентября.

Государь отбылъ вчера въ Ставку и сегодня принялъ главнокомандованiе.

Передъ отъѣздомъ онъ принялъ рѣшенiе, которое весьма удивило и обидѣло всѣхъ: онъ вычеркнулъ изъ списка лицъ, кои будутъ сопровождать его въ Ставку, безъ всякаго объясненiя причинъ, начальника своей походной канцелярiи, князя Владимiра Орлова.

Будучи связаннымъ съ Государемъ двадцатилѣтней дружбой, находясь все время въ непосредственной близости къ обыденной и интимной жизни Государя, князь Орловъ, все же, сохранилъ независимость своего мнѣнiя и неоднократно дѣлалъ попытки уничтожить влiянiе Распутина. Отнынѣ, среди приближенныхъ къ Государю лицъ, нѣтъ ни одного непокорнаго старцу.

Понедѣльникъ, 6 сентября.

Принявъ на себя командованiе всѣми вооруженными сухопутными и морскими силами Россiи, Государь подписалъ слѣдующiй приказъ:

> Сего числа я принялъ на себя командованiе всѣми вооруженными сухопутными и морскими силами, дѣйствующими на театрѣ военныхъ дѣйствiй.
>
> Съ твердой вѣрой въ Божественное милосердiе и непоколебимой увѣренностью въ конечной побѣдѣ, мы исполнимъ нашъ священный долгъ защищать всѣми силами родину и не допустимъ безчестья земли русской.
>
> Данъ въ Ставкѣ верховнаго главнокомандующаго 23 августа 1915 года. *Николай.*

Кромѣ того, Государь обратился со слѣдующимъ рескриптомъ къ Великому Князю, Николаю Николаевичу:

> Въ началѣ войны, соображенiя государственнаго порядка воспрепятствовали мнѣ послѣдовать влеченiю моего сердца и тогда же стать во главѣ моихъ армiй. Поэтому я вручилъ Вамъ верховное руководительство всѣми вооруженными сухопутными и морскими силами.
>
> На глазахъ всей Россiи, Ваше Императорское Высочество, въ теченiе войны, проявили неуклонную доблесть, которая зародила во мнѣ и во всемъ русскомъ народѣ

глубокое къ вамъ довѣріе и горячія пожеланія по адресу Вашего имени въ тяжелые, но неизбѣжные моменты поворота военный фортуны. Мой долгъ передъ родиной, порученной мнѣ Богомъ, требуетъ отъ меня сегодня, когда врагъ проникъ внутрь Имперіи, чтобы я сталъ во главѣ сражающихся войскъ и раздѣлилъ съ моей арміей всѣ тягости войны, а также охранялъ русскую землю отъ нападеній непріятеля.

Пути Господни неисповѣдимы, но сознаніе моего долга и мое желаніе, основанное на заботахъ о благѣ моего народа, укрѣпляютъ меня въ этомъ рѣшеніи.

Вторженіе непріятеля, принимающее съ каждымъ днемъ все болѣе широкіе размѣры, требуетъ особеннаго напряженія всѣхъ военныхъ и гражданскихъ властей и объединенія ихъ дѣйствій и удвоенія дѣятельности всѣхъ элементовъ административной власти. Всѣ эти обязанности отвлекаютъ мое вниманіе отъ южнаго фронта. Ввиду всего этого, я признаю необходимыми ваши совѣты и вашу помощь на этомъ фронтѣ и назначаю Васъ Намѣстникомъ моимъ на Кавказѣ, а также главнокомандующимъ доблестными арміями, дѣйствующими въ томъ районѣ.

За себя и отъ имени Родины, выражаю Вашему Императорскомъ Высочеству мою глубокою благодарность за труды, понесенные вами во время войны.

Николай.

По спеціально выраженному желанію Государя, Великій Князь отправился непосредственно въ Тифлисъ, не заѣзжая въ Петроградъ.

Вторникъ, 7 сентября.

Сегодня я посѣтилъ баронесу М... Я засталъ ее одну за рояломъ. Она съ большимъ подъемомъ играла ля-бемольмую сонату Бетховена, посвященную князю Лихновскому. Въ моментъ моего прихода, она, какъ разъ, начинала вторую варіацію. Я знакомъ попросилъ ее продолжать и, только окончивъ ее, встала отъ рояля и протянула мнѣ руки.

— Я скорѣе отрѣшусь отъ Россіи, чѣмъ отъ музыки, вырвалось у нея. Правда, баронеса М... литовскаго происхожденія, однако уже болѣе столѣтія ея родъ служитъ русскимъ царямъ и занимаетъ высокіе посты при дворѣ и въ арміи. То восклицаніе, которое вырвалось у нея, подъ вліяніемъ музыкальнаго возбужденія, явно свидѣтельствуетъ о томъ, какія чувства по отношенію къ Россіи встрѣчаются въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ прибалтійскаго дворянства.

Среда, 8 сентября.

Свиты Его Величества, генералъ Джунковскій, командиръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ чиновъ

Имперіи, который, несмотря на занимаемое имъ мѣсто руководителя департамента полиціи, сумѣлъ заслужить всеобщее уваженіе, уволенъ отъ должности. Его отставка вызвана кампаніей, которую уже давно противъ него вела Государыня, вмѣняя ему въ вину то, что онъ допустилъ нападки въ прессѣ на Распутина и, якобы, втихомолку работалъ надъ созданіемъ въ массахъ популярности великаго князя, Николая Николаевича. Кромѣ того, Государь уже давно былъ недоволенъ Джунковскимъ за то, что онъ разоблачалъ скандальныя дѣйствія Распутина, въ частности — его похожденія въ Москвѣ, въ апрѣлѣ этого года.

Четвергъ, 9 сентября.

Государь открылъ свое вступленіе въ должность главнокомандующаго сообщеніемъ о блестящемъ успѣхѣ, одержанномъ русской арміей подъ Тарнополемъ. Сраженіе происходило пять дней вдоль по теченію Серета; русскіе взяли 17 000 плѣнными и около 40 пушекъ.

Этотъ поворотъ военной фортуны, совпадающій съ перемѣной верховнаго главнокомандованія, вызываетъ восторгъ всѣхъ противниковъ великаго князя Николая Николаевича. Но я опасаюсь, что эта радость будетъ кратковременна, такъ какъ на остальномъ фронтѣ, въ частности — въ Литвѣ, наступленіе нѣмцевъ съ каждымъ днемъ расширяется.

Пятница, 10 сентября.

Сегодня утромъ Сазоновъ мнѣ сказалъ:

— Меня чрезвычайно раздражаютъ тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ присылаютъ изъ Парижа и Лондона по поводу Болгаріи. Похоже на то, что ни Грей, ни Делькассэ не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что подготовляется въ Софіи. Мы теряемъ на канцелярскую переписку безконечно драгоцѣнное время. Мы должны, не теряя ни минуты, объявить Радославову, что, такъ называемая, безспорная зона Македоніи будетъ послѣ войны присоединена къ Болгаріи и что мы гарантируемъ это присоединеніе, при условіи, что болгарская армія, въ самомъ непродолжительномъ времени, начнетъ наступленіе на Турцію. Я предписалъ Савинскому войти въ соглашеніе со своими союзными коллегами и немедленно сдѣлать выступленіе въ этомъ смыслѣ... Удастся ли намъ хоть на этотъ разъ достигнуть цѣли?

Воскресенье, 12 сентября.

Положеніе русской арміи въ литовскихъ губерніяхъ ухудшается съ каждымъ днемъ. Къ сѣверо-востоку отъ Вильно, германцы форсированными переходами направляются къ Двинску черезъ Вилькомиръ. Конные разъѣзды германцевъ уже достигли у Свѣнцянъ желѣзной дороги, единственной артеріи, связывающей Вильно съ Двинскомъ и Псковъ

съ Петроградомъ. Южнѣе, послѣ ожесточеныхъ боевъ у сліянія Зельвянки съ Нѣманомъ, германцы угрожаютъ захватомъ Лиды и перерывомъ желѣзной дороги Вильно-Пинскъ. Повидимому, прійдется весьма спѣшно эвакуировать Вильно.

Вотъ нѣсколько точныхъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ условіяхъ, нѣсколько дней тому назадъ, былъ уволенъ съ поста, занимаемаго имъ въ теченіи долгихъ лѣтъ, князь Владиміръ Орловъ.

Орловъ узналъ о своей отставкѣ косвенно. Въ томъ письмѣ, которое Государь писалъ великому князю Николаю Николаевичу по поводу назначенія его Намѣстникомъ на Кавказѣ, въ post=scriptum'ѣ сообщалось: «Что касается Владиміра Орлова, котораго ты такъ любишь, то я тебѣ его даю, онъ можетъ быть полезнымъ тебѣ въ твоихъ гражданскихъ дѣлахъ.»

Великіи князь, связанный съ Орловымъ тѣсной дружбой, тотчасъ же запросилъ его черезъ одного изъ своихъ адъютантовъ о томъ, что означаетъ подобное рѣшеніе Государя.

Черезъ нѣсколько часовъ Орловъ узналъ, что Государь, подготовляясь къ отъѣзду въ Ставку, вычеркнулъ его изъ списка тѣхъ лицъ, которыя должны были слѣдовать въ Царскомъ поѣздѣ. Орловъ заключилъ изъ этого, что Государь не желаетъ его видѣть. Съ полнымъ достоинствомъ онъ воздержался отъ всякихъ жалобъ и, тотчасъ же, отправился въ Тифлисъ.

Однако, передъ тѣмъ какъ уѣхать, онъ, дѣйствуя по повелѣнію своей совѣсти, написалъ министру двора, графу Фредериксу, письмо, въ которомъ просилъ его открыть глаза Ихъ Величествамъ на отвратительную роль Распутина и его сообщниковъ, которыхъ онъ назвалъ непріятельскими агентами. Письмо это заканчивалось крикомъ отчаянія: «Государь долженъ, не теряя ни минуты, освободиться отъ гнета оккультныхъ силъ, которыя его окрутили. Въ противномъ случаѣ скоро наступитъ конецъ Романовымъ и Россіи...»

Среда, 15 сентября.

Сегодня я обѣдалъ въ частномъ домѣ съ Максимомъ Ковалевскимъ, Милюковымъ, Маклаковымъ и Шингаревымъ, вожаками и цвѣтомъ кадетской партіи. Во всѣхъ другихъ странахъ этотъ обѣдъ былъ бы вполнѣ нормальнымъ явленіемъ, но въ Россіи настолько глубока пропасть между лицами оффиціальными и общественными кругами, что я ожидаю серьозной критики моего поступка въ вліятельныхъ кругахъ. А, между тѣмъ, эти люди, безукоризненной честности и высокой культуры, менѣе всего революціонеры: ихъ политическій идеалъ не идетъ дальше конституціонной монархіи. Въ этомъ смыслѣ Милюковъ сказалъ въ первой думѣ: «Мы являемся оппозиціей не противъ монархическаго принципа, а оппозиціей Его Величества.»

Когда я вошелъ, я засталъ ихъ уже въ сборѣ. Окруживъ Ковалевскаго, они взволнованно бесѣдовали о готовящем-

ся роспускѣ Государственной Думы. Такимъ образомъ, всѣ тѣ яркія надежды, которыя возлагались полтора мѣсяца тому назадъ при открытіи думской сессіи, въ настоящее время угасли. Контроль законодательныхъ палатъ надъ правительствомъ, образованіе отвѣтственнаго министерства — все это неосуществилось; вмѣсто этого торжествуютъ крайніе правые, реакція и оккультныя силы . . . . Весь обѣдъ прошелъ въ обсужденіи тѣхъ мрачныхъ перспективъ, которыя открываются съ этимъ открытымъ возвращеніемъ на путь реакціи.

Послѣ обѣда пріѣхалъ кто то изъ журналистовъ и сообщилъ, что указъ о роспускѣ Думы сегодня днемъ уже подписанъ и будетъ опубликованъ завтра.

Я сѣлъ въ углу гостинной вмѣстѣ съ Милюковымъ и Ковалевскимъ, которые сообщили мнѣ, что, ввиду оскорбленія, нанесеннаго законодательнымъ палатамъ, они собираются выйти изъ состава смѣшанныхъ комиссій, образованныхъ при Военномъ Министерствѣ для интенсификаціи работъ на оборону.

— Правительство отклонило сотрудничество Думы, пусть будетъ такъ, но, отнынѣ, пускай оно само является отвѣтственнымъ за всѣ военныя неудачи.

Я сталъ имъ рѣшительно доказывать насколько такой образъ дѣйствій оказался бы недостойнымъ и даже преступнымъ.

— Не мнѣ быть судьей вашихъ побужденій и политической тактики — сказалъ я — но, какъ представитель союзной вамъ Франціи, Франціи, которая вступила въ войну, ставъ на защиту Россіи, я въ правѣ напомнить вамъ, что вы стоите лицомъ къ лицу со врагомъ и что вы обязаны препятствовать всякимъ дѣйствіямъ и проявленіямъ, которыя могли бы уменьшить вашу военную мощь.

Они обѣщали мнѣ еще подумать.

— Роспускъ Думы — сказалъ Ковалевскій — преступленіе. Тотъ, кто стремился бы устроить у насъ революцію не могъ бы поступить болѣе удачно.

— Полагаете ли вы, что настоящій кризисъ можетъ повлечь за собой революціонныя волненія?

Ковалевскій переглянулся съ Милюковымъ и, затѣмъ, пристально гляда на меня сказалъ:

— До тѣхъ поръ, пока это зависитъ отъ насъ, во время войны не будетъ революціи . . . Но, быть можетъ, скоро случится, что это уже не будетъ зависѣть отъ насъ.

Оставшись вдвоемъ съ Ковалевскимъ, я сталъ разспрашивать его о его научныхъ трудахъ. Его труды по вопросу о политическихъ и соціальныхъ установленіяхъ Россіи свидѣтельствуютъ о его широкой эрудиціи, открытомъ и прямомъ умѣ, свободной мысли и синтетическомъ, позитивномъ направленіи мышленія. Его партія считаетъ, что, въ моментъ превращенія самодержавія въ конституціонный строй, онъ будетъ играть выдающуюся роль. Но я себѣ представляю, что эта роль будетъ заключаться только во вліяніи въ духѣ извѣстныхъ доктринъ. Какъ и всѣ столпы русскаго либера-

лизма, Максимъ Ковалевскій слишкомъ абстрактенъ, слишкомъ теоретичемъ и — человѣкъ книги, для того, чтобы занимать постъ требующій кипучей дѣятельности. Пониманіе общихъ идей и знаніе политическихъ системъ еще недостаточно для того, чтобы управлять человѣческими дѣлами; для этого нужно еще пониманіе дѣйствительности, сознаніе того, что возможно и что полезно, быстрота рѣшеній, твердость, знаніе человѣческихъ страстей, разумная смѣлость, т. е. всѣ тѣ черты, которыми кадеты, несмотря на ихъ добрую волю и патріотизмъ, не обладаютъ.

Въ заключеніе я попросилъ Ковалевскаго, чтобы онъ началъ, по возможности, широкую агитацію въ кадетскихъ кругахъ терпѣнія и мудрости, припоминая ему то признаніе, которое сдѣлалъ одинъ изъ вождей оппозиціи монарху послѣ февральской революціи 1848 года: «Если бы мы знали, какъ узко жерло вулкана, мы бы не вызывали изверженія».

Четвергъ, 16 сентября.

Роспускъ Думы объявленъ. На Путиловскомъ заводѣ и Балтійскихъ верфяхъ объявлены забастовки.

Пятница, 17 сентября.

Забастовка распространилась почти на всѣ петербургскіе заводы. Однако, никакихъ безпорядковъ не произошло. Руководители забастовки утверждаютъ, что они хотятъ только выразить протестъ по поводу роспуска Думы и что работы возобновятся черезъ два дня.

Одинъ изъ моихъ информаторовъ, хорошо ознакомленный съ рабочими кругами мнѣ сказалъ:

— На этотъ разъ не нужно опасаться. Это только генеральная репетиція.

Отъ прибавилъ также, что теорія Ленина и его пропаганда въ пользу разгрома русской арміи находитъ все больше сочувствующихъ въ рабочихъ кругахъ.

Воскресенье, 19 сентября.

На всемъ протяженіи громаднаго фронта, отъ Балтійскаго моря до Днѣстра русская армія находится въ отступленіи. Вчера, послѣ прорыва и окруженія нѣкоторыхъ русскихъ частей, германцы заняли Вильно. Отнынѣ вся Литва въ ихъ рукахъ.

Понедѣльникъ, 20 сентября.

Забастовка въ Петроградѣ закончилась.

Союзъ Земствъ и Городовъ принялъ въ Москвѣ резолюцію съ требованіемъ немедленнаго созыва Государственной Думы и образованія министерства довѣрія.

Свѣдѣнія, получаемыя мною изъ провинціи утѣшительны въ томъ смыслѣ, что опровергаютъ наличіе революціоннаго движенія и свидѣтельствуютъ о твердомъ желаніи продолжать войну.

III.

Вторникъ, 21 сентября.

Царь Фердинандъ открылъ свои карты: Болгарія мобилизуется и собирается наступать на Сербію.

Когда Сазоновъ сообщилъ мнѣ эту новость я воскликнулъ:

— Сербія не должна ожидать удара и немедленно должна ударить по Болгарамъ.

— Нѣтъ — возразилъ Сазоновъ — мы должны еще попытаться предотвратить конфликтъ.

Я замѣтилъ, что конфликтъ уже не можетъ быть отвращенъ, что уже съ давнихъ поръ направленіе Болгаріи не вызывало никакихъ сомнѣній и что всякіе дипломатическіе переговоры будутъ имѣть только тѣ послѣдствія, что дадутъ возможность болгарамъ закончить мобилизацію и произвести концентрацію войскъ. Если Сербы немедленно не воспользуются тѣмъ, что дорога на Софію еще въ теченіи нѣсколькихъ дней для нихъ открыта, они будутъ разгромлены. Наконецъ, я добавилъ, что для поддержанія Сербовъ, русскому флоту слѣдовало бы обстрѣлять Бургасъ и Варну.

— Нѣтъ — воскликнулъ Сазоновъ — болгары наши единовѣрцы, Болгарія создана нашей кровью, она обязана намъ своимъ національнымъ и политическимъ существованіемъ и мы не можемъ поступать съ ней, какъ съ врагомъ.

— Но вѣдь она является вашимъ врагомъ... Да еще въ какое время...

— Какъ бы то ни было, но мы должны продолжать переговоры... Одновременно намъ слѣдуетъ обратиться съ призывомъ къ болгарскимъ народнымъ массамъ и объяснить имъ на какое преступленіе ихъ собираются натолкнуть. Если бы Государь обратился съ манифестомъ, призывая Болгаръ во имя славянства, то, я думаю, что этимъ былъ бы произведенъ большой эффектъ. Мы не имѣемъ права не использовать всѣхъ возможныхъ средствъ.

— Я все же придерживаюсь только что высказаннаго мнѣнія. Сербы должны немедленно начать форсированное наступленіе на Софію, въ противномъ случаѣ, черезъ мѣсяцъ болгары будутъ въ Бѣлградѣ.

Пятница, 24 сентября.

Телеграмма, полученная мною изъ Парижа сообщаетъ, что Французское и Британское правительства рѣшили отправить на Балканы корпусъ войскъ. Узнавъ объ этомъ отъ меня, Сазоновъ пришелъ въ восторгъ. Онъ полагаетъ, что оказаніе союзниками помощи Сербіи совершенно мѣняетъ положеніе, создающееся на Балканахъ. Онъ считаетъ также, что необходимо, чтобы это рѣшеніе союзниковъ стало возможно скорѣе извѣстнымъ въ Софіи для того, чтобы Болгарское правительство еще успѣло остановить военныя подготовленія. Сазоновъ же, съ своей стороны, приметъ всѣ

мѣры для того, чтобы удержать Сербію отъ нападенія на болгаръ до тѣхъ поръ, пока явно не обнаружатся признаки враждебныхъ отношеній.

По поводу послѣдняго мѣропріятія я горячо возражалъ Сазонову и, такъ какъ я склоненъ думать, что въ Парижѣ придерживаются такихъ же взглядовъ, я протелеграфировалъ Делькассэ нижеслѣдующее: «Я не могу согласиться съ дѣйствіями Сазонова. Стремительное вторженіе сербовъ на болгарскую территорію произвело бы громадное впечатлѣніе въ Германіи, Австріи, Турціи, Греціи и Румыніи. Благоденствіе Болгаріи насъ нисколько не интересуетъ. Если мы сможемъ, путемъ нанесенія ущебра Болгаріи, добиться быстраго и легкаго успѣха, мы не должны терять этого случая. Теперь не можетъ быть вопросовъ о равновѣсіи на Балканахъ, или историческихъ воспоминаній. Прежде всего надо добиться побѣды.»

Суббота, 25 сентября.

Поведеніе Болгаріи вызываетъ въ Русскомъ Народѣ рѣзкое негодованіе. Даже пресса, которая до сихъ поръ относилась очень снисходительно къ политикѣ Болгаріи, присоединяется къ мнѣнію общества, но, все же, всѣми силами стремится разграничить личную политику царя Фердинанда отъ стремленій Болгарскаго народа.

Воскресенье, 26 сентября.

Крупное наступленіе, подготовлявшееся французскимъ командованіемъ въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ, наконецъ, началось вчера въ Шампаньи, согласованное съ атакой англичанъ въ Артуа.

Начало операціи благопріятно для насъ, мы проникли, на протяженій 25 километровъ, на глубину 3 или 4 километровъ и взяли 15 000 плѣнныхъ.

Понедѣльникъ, 27 сентября.

Земско-городской союзъ, засѣдавшій въ теченіе послѣднихъ дней въ Москвѣ, принялъ слѣдующую резолюцію: «Принимая во вниманіе то тяжелое положеніе, въ которомъ находится наша страна, мы считаемъ своей первѣйшей обязанностью послать горячій привѣтъ нашей стойкой, славной и дорогой арміи. Теперь, болѣе чѣмъ когда бы то ни было, Русскій Народъ рѣшилъ неуклонно довести войну до побѣды, въ полномъ единеніи съ вѣрными союзниками. Но, на пути къ побѣдѣ стоитъ пагубное препятствіе въ видѣ пороковъ нашего режима, т. е. — безотвѣтственность правительства, полное отсутствіе связи между властью и народомъ и т. д. Крупныя перемѣны представляются необходимыми... На мѣстѣ нынѣшнихъ министромъ намъ нужны люди, облеченные довѣріемъ страны. Работы Государственной Думы должны быть немедленно возобновлены.»

Каждый изъ двухъ союзовъ избралъ трехъ предствителей, которые должны будутъ устно изложить Государю пожеланія страны.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Горемыкинъ, посовѣтовалъ Государю не принимать этихъ делегатовъ, которые, какъ онъ сказалъ, не имѣютъ никакихъ основаній считать себя выразителями мнѣнія страны. Государь отказалъ въ аудіенціи.

Вторникъ, 28 сентября.

Въ самомъ составѣ Русскаго Правительства царитъ разногласіе. Большинство министровъ, испуганныхъ тѣмъ, что начинаютъ превалировать реакціонныя тенденціи, обратились къ Государю съ коллективнымъ письмомъ, въ которомъ умоляли Государя не останавливаться на этомъ пагубномъ пути и объявляли, что они, по совѣсти, не могутъ далѣе оставаться въ составѣ правительства подъ предсѣдательствомъ Горемыкина. Кромѣ Сазонова, письмо это было подписано княземъ Щербатовымъ, Кривошеинымъ, княземъ Шаховскимъ, Баркомъ и Самаринымъ. Генералъ Поливановъ и адмиралъ Григоровичъ воздержались отъ подписи по соображеніямъ военной дисциплины.

По полученіи этого письма, Государь созвалъ всѣхъ министровъ въ Ставку. Они выѣхали сегодня вечеромъ и прибудутъ въ Могилевъ завтра. Все это сохраняется въ большюмъ секретѣ.

Восемь дней тому назадъ, предсѣдатель Государственной Думы, Родзянко, испросилъ аудіенцію у Государя. Сегодня утромъ его увѣдомили, что его ходатайство отклонено.

Среда, 29 сентября.

Третьяго дня Русское Правительство предложило союзнымъ правительствамъ передать Софійскому кабинету слѣдующую ноту: «Союзныя державы, имѣя вѣскія основанія предполагать о тѣхъ намѣреніяхъ, которыя повлекли за собою всеобщую мобилизацію болгарской арміи и, придавая большое значеніе сохраненію дружественныхъ отношеній, связывающихъ ихъ съ Болгаріей, полагаютъ необходимымъ, во имя этой дружбы, просить Болгарское правительство отмѣнить приказъ о мобилизаціи, или объявить о своемъ согласіи дѣйствовать совмѣстно съ вышеупомянутыми державами противъ Турціи. Если, въ 24-часовый срокъ, царское правительство не приметъ одного изъ указанныхъ рѣшеній, союзныя державы немедленно прервутъ сношенія съ Болгаріей.»

Я указалъ Сазонову на то, что приданная этой нотѣ форма выговора заранѣе обрекаетъ ее на неуспѣхъ, но онъ настаивалъ на своемъ предложеніи. Сегодня Бьюкэненъ сообщилъ мнѣ, что сэръ Эдуардъ Грей полагаетъ необходимымъ еще смягчить текстъ русской ноты, изъявъ изъ нея все, что носитъ характеръ ультиматума. Я протелеграфиро-

валъ Делькассэ: «Политика Грея мнѣ представляется аберраціей. Неужели же мы по отношенію Болгаріи продѣлаемъ ту же ошибку, которую сдѣлали по отношенію Турціи и послѣдствія которой мы еще не исчерпали? Развѣ сэръ Грей не замѣчаетъ, что германцы съ каждымъ днемъ все глубже внѣдряются въ Болгаріи и скоро будутъ господами положенія? Неужели онъ настолько наивенъ, что вѣритъ мирнымъ завѣреніямъ царя Фердинанда? Хочетъ ли онъ дождаться до того, чтобы начать дѣйствовать противъ Софіи, того, чтобы болгары закончили мобилизацію и чтобы нѣмецкіе офицеры заняли командныя мѣста? Германцамъ желательно воевать съ нами на болгарской территоріи. Въ нашей власти сейчасъ нанести имъ на этой территоріи немедленное пораженіе. А мы обсуждаемъ...»

Четвергъ, 30 сентября.

Сегодня вечеромъ я узналъ, что вчера, въ Могилевѣ, Государь былъ крайне рѣзокъ съ министрами, подписавшими письмо.

— Я не потерплю того, чтобы мои министры устраивали забастовки и выступали противъ моего предсѣдателя Совѣта. Я заставлю всѣхъ уважать мою волю, сказалъ Государь строгимъ голосомъ.

Наше наступленіе въ Шампаньи развивается безостановочно и блестяще. Это наступленіе производитъ отличное впечатлѣніе на русское общественное мнѣніе, такъ какъ затишье на западномъ фронтѣ вызывало недовольство, которое стало проникать и въ армію. «Новое Время» писало по этому поводу: «Въ то время, какъ большинство германскихъ армій и вся австро-венгерская обрушились на насъ, наши западные союзники продолжали бездѣйствовать. Подобная пассивность со стороны Жоффра, въ тотъ моментъ, когда мы подвержены тягчайшимъ испытаніямъ, была совершенно непонятна. Англо-французское наступленіе, предпринятое теперь, кладетъ конецъ всѣмъ толкамъ. Теперь очевидно, что кажущаяся бездѣятельность нашихъ союзниковъ была періодомъ подготовки.»

Пятница, 1 октября.

Президентъ республики поручилъ мнѣ передать Государю слѣдующую телеграмму:

Серьезное положеніе, созданное окончательно выяснившимися враждебными намѣреніями царя Фердинанда и мобилизаціей болгарской арміи, чрезвычайно безпокоитъ Французское правительство. У насъ есть болѣе чѣмъ серьезныя основанія опасаться того, чтобы Болгарское правительство не прервало путь между Салониками и Нишемъ и этимъ не лишило бы насъ возможности не только сообщаться съ Сербіей, но также и съ Россіей и отправлять нашимъ союзникамъ изготовляемые для нихъ

снаряды. Въ настоящій моментъ наше производство снарядовъ, предназначенныхъ для Россіи, достигаетъ 3—4 тысячъ въ день; это количество будетъ прогрессивно увеличиваться и, къ январю, достигнетъ 10 000, т. е. цифры, о которой просило правительство Вашего Величества.

Для Россіи и Франціи является вопросомъ первостепенной важности поддержаніе свободы сношеній. Мы находимся въ стадіи переговоровъ съ Англіей на предметъ возможно скорѣйшаго отправленія войскъ въ Сербію; присутствіе въ ней русскихъ силъ, конечно, произвело бы на Болгарію самое сильное впечатлѣніе. Если же Ваше Величество не располагаетъ въ настоящій моментъ свободной дивизіей, или же, если невозможно доставить русскія части въ Сербію, то не было ли бы, всетаки, возможнымъ отправить нѣкоторыя части войскъ на охрану, совмѣстно съ нашими войсками, салоникскаго желѣзнодорожнаго пути. Быть можетъ, то чувство благодарности, которое питаетъ Болгарскій народъ по отношенію къ Вашему Величеству, удержитъ его на пути къ братоубійству и, во всякомъ случаѣ, будетъ служить доказательствомъ всѣмъ балканскимъ народамъ того единенія, которое существуетъ между союзниками. Прошу Ваше Величество извинить мою настойчивость и вѣрить въ мои чувства вѣрнаго друга

Пуанкарэ.

Воскресенье, 3 октября.

Начало братоубійственной войны Болгаріи противъ Сербіи вызываетъ въ русскомъ обществѣ взрывъ глубочайшаго негодованія.

Вторникъ, 5 октября.

Изъ Аѳинъ пришла непріятная новость: король Константинъ вынудилъ Венизелоса уйти съ своего поста. Нѣсколько дней тому назадъ Венизелосъ объявилъ въ палатѣ депутатовъ, что если выполненіе національной программы потребуетъ отъ Греціи выступленія противъ Центральныхъ Державъ, то правительство исполнитъ свой долгъ. Эти слова были въ Берлинѣ сочтены недопустимыми. Германскій посланникъ въ Аѳинахъ, графъ Мирбахъ, явился напомнить королю Константину отъ имени его царственнаго шурина о заключенномъ между ними секретномъ договорѣ. Константинъ тотчасъ же потребовалъ и добился отставки Венизелоса.

Первый отрядъ англо-французскихъ войскъ высадился въ Салоникахъ.

Среда, 6 октября.

Только сегодня Государь, находящійся въ объѣздѣ армій, отвѣтилъ на телеграмму Президента Республики въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Вполнѣ раздѣляя ваше мнѣніе о необходимости охраненія Салоникской линіи для обезпеченія сношеній между

Франціей и ея союзниками, я придаю очень большое значеніе занятію этой линіи англо-французскими войсками и съ удовольствіемъ узналъ о томъ, что эти войска уже подготовляютъ высадку. Я былъ бы чрезвычайно счастливъ, если-бы могъ увидѣть присоединеніе къ этимъ войскамъ и отряда моей арміи, которое создало бы на этомъ фронтѣ еще болѣе тѣсное единеніе между союзниками. Къ моему великому сожалѣнію я не могу въ настоящій моментъ выдѣлить необходимый отрядъ ни изъ одной дѣйствующей части, а также доставить его къ мѣсту назначенія при наличіи тѣхъ путей сообщенія, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи.

Имѣя намѣреніе осуществить вашу идею, которую я признаю чрезвычайно удачной, какъ только то позволятъ событія, я пользуюсь случаемъ для того, чтобы выразить Вамъ, господинъ Президентъ, мое удовлетвореніе по поводу свѣдѣній о производствѣ снарядовъ для моей арміи, которыя вы мнѣ сообщили. Помощь французской промышленности въ этомъ, первѣйшей для Россіи важности, вопросѣ оцѣнена по достоинству въ нашемъ государствѣ. Благоволите вѣрить, господинъ Президентъ, моей неизмѣнной и вѣрной дружбѣ.

Николай.

Какъ только Сазоновъ передалъ мнѣ текстъ этой телеграммы, отправленной вчера вечеромъ въ Парижъ, я сказалъ:

— Это рѣшеніе Государя непріемлемо. Благоволите испросить отъ моего имени аудіенцію. Я попытаюсь убѣдить его въ томъ, что Россія не можетъ взвалить на союзниковъ всю тяжесть новой войны, начинающейся на Балканахъ.

— Но вѣдь Государь находится на фронтѣ и все время мѣняетъ мѣстопребываніе — отвѣтилъ Сазоновъ.

— Я поѣду туда, гдѣ Государю будетъ угодно меня принять. Я настаиваю на томъ, чтобы вы передали мое ходатайство объ аудіенціи.

— Хорошо я протелеграфирую.

Суббота, 9 октября.

Вокругъ Государя все крѣпнутъ реакціонныя вліянія.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Щербатовъ и оберъ-прокуроръ Синода, Самаринъ, занимающіе должности едва три мѣсяца и заслужившіе расположеніе общественнаго мнѣнія своими либеральными тенденціями, были уволены въ отставку безъ всякаго объясненія причинъ. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, бывшій Нижегородскій губернаторъ, а нынѣ — лидеръ крайне правой группы Государственной Думы, Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ, извѣстенъ своей полицейской политикой. Преемникъ Самарина еще не намѣченъ.

Воскресенье, 10 октября.

Сегодня Государь принялъ меня въ Царскомъ Селѣ.

Онъ хорошо выглядитъ. Такого довѣрчиваго и спокойнаго выраженія лица я давно у него не видѣлъ. Мы немедленно перешли къ сюжету моего посѣщенія. Я изложилъ многочисленныя причины, которыя заставляютъ Россію принять участіе въ военныхъ операціяхъ, предпринимаемыхъ Франціей и Англіей на Балканахъ и закончилъ свое изложеніе слѣдующими словами:

— Ваше Величество, Франція проситъ содѣйствія вашей арміи и флота на Балканахъ. Если путь по Дунаю невозможенъ для переброски войскъ, то все же остается дорога черезъ Архангельскъ. Въ срокъ менѣе мѣсяца бригада пѣхоты можетъ быть переброшена изъ центра Россіи въ Салоники. Я прошу Ваше Величество приказать отправить бригаду. Что касается морскихъ операцій, то мнѣ извѣстно, что господствующіе въ настоящее время западные вѣтры дѣлаютъ почти невозможной высадку у Бургаса или Варны, но два или три крейсера могли бы легко обстрѣлять форты Бургаса и батареи мыса Эминэ, командующаго Бургасской бухтой. Я прошу Ваше Величество приказать произвести бомбардировку.

Выслушавъ меня не перебивая, Государь нѣкоторое время молчалъ, затѣмъ, направивъ прямо на меня взглядъ своихъ лучистыхъ глазъ, объявилъ:

— Съ точки зрѣнія нравственной и политической у меня не можетъ быть никакихъ сомнѣній по поводу отвѣта, который вы отъ меня ожидаете, но вы должны понять, что съ точки зрѣнія практическаго осуществленія этого плана я долженъ запросить мнѣніе моихъ штабовъ.

— Такимъ образомъ, Ваше Величество, уполномочиваете меня сообщить моему правительству, что черезъ непродолжительный срокъ русскія части будутъ отправлены черезъ Архангельскъ на помощь Сербіи?

— Да.

Могу ли я, также, сообщить, что въ непродолжительномъ времени русская черноморская эскадра получитъ приказаніе бомбардировать форты Варны и Бургаса?

— Да . . . Но для того, чтобы оправдать эту экспедицію въ глазахъ русскаго народа, я долженъ выждать, чтобы болгарская армія предприняла, по отношенію къ Сербіи, какое-нибудь враждебное дѣйствіе.

— Благодарю Ваше Величество за это сообщеніе.

Затѣмъ нашъ разговоръ принялъ неоффиціальный характеръ. Я спросилъ Государя о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя онъ вынесъ съ фронта.

— Впечатлѣнія я вынесъ великолѣпныя — сказалъ Государь. — Я теперь спокойнѣе и довѣрчивѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Тотъ образъ жизни, который я веду въ арміи, столь здоровый и подкрѣпляющій. Сколь прекрасны русскіе солдаты и я себѣ не представляю, чего нельзя было

бы съ ними добиться. У нихъ такая жажда побѣды и вѣра въ нее.

— Я счастливъ слышать это отъ Вашего Величества, такъ какъ намъ предстоитъ приложить еще много усилій и мы окажемся побѣдителями лишь силою упорства и стойкости.

— Я запасся до отказа стойкостью и терпѣніемъ, — сказалъ Государь.

Затѣмъ онъ сталъ разспрашивать меня о нашему наступленіи въ Шампаньи, подчеркивая попутно высокія качества французской арміи, а также о моей жизни въ Петроградѣ.

— Я вамъ не завидую, что вы живете въ такомъ городѣ, гдѣ придавленное настроеніе и крайній пессимизмъ. Я знаю, что вы энергично реагируете на этотъ упадокъ духа. Но, въ тотъ моментъ, когда вы почувствуете, что и вы начинаете заражаться этимъ настроеніемъ, пріѣзжайте ко мнѣ на фронтъ и, обѣщаю вамъ, что вы будете немедленно исцѣлены. Эти Петроградскіе міазмы чувствуются даже здѣсь, на разстояніи двадцати верстъ и, при этомъ, самое скверное направленіе исходитъ не изъ низшихъ круговъ, а изъ салоновъ... Какой стыдъ проявлять такое отсутствіе совѣсти, патріотизма и вѣры...

Поднявшись, при послѣднихъ словахъ, Государь закончилъ:

— Досвиданія, мой дорогой посолъ, я долженъ васъ покинуть, такъ какъ уѣзжаю сегодня вечеромъ въ Ставку и у меня еще много дѣла... Дай Богъ, чтобы при слѣдующей встрѣчѣ мы могли бы подѣлиться исключительно хорошими свѣдѣніями.

Понедѣльникъ, 11 октября.

Сегодня за обѣдомъ у г-жи П., хозяйка меня спросила:

— Какъ вы нашли Государя?

— Въ отличномъ настроеніи духа.

— Значитъ онъ не подозрѣваетъ о томъ, что готовится противъ него.

Съ чисто женской лихорадочной поспѣшностью она принялась разсказывать мнѣ всѣ тѣ разговоры, которые она слышала за послѣдніе дни, сводящіеся къ тому, что такъ дольше продолжаться не можетъ, что Россіи на протяженіи ея исторіи часто приходилось испытывать господство какихъ-нибудь фаворитовъ, но она еще никогда не испытывала подобнаго позора, какъ правленіе Распутина, что безусловно необходимо прибѣгнуть къ средствамъ, примѣнявшимся нѣкогда, средствамъ единственно возможнымъ и дѣйствительнымъ при самодержавномъ строѣ, а именно — низложить Государя и провозгласить Императоромъ Наслѣдника подъ регентствомъ великаго князя, Николая Николаевича, что при этомъ необходимо торопиться, такъ какъ Россія на краю гибели.

Подобные же разговоры велись въ Петербургѣ въ февралѣ 1801 года. Заговорщики того времени, Паленъ и Бенигсенъ, стремились тогда тоже только къ отреченію Павла Перваго въ пользу его сына.

Вторникъ, 12 октября.

По нѣкоторымъ фразамъ, сказаннымъ г-жей Вырубовой вчера вечеромъ въ одномъ изъ благочестивыхъ домовъ, вѣрящихъ въ Распутина, можно вывести заключеніе, что хорошее настроеніе Государя вызвано тѣми похвалами, которыми его осыпаетъ Императрица за то, что онъ повелъ себя какъ «настоящій самодержецъ». Государыня теперь непрестанно повторяетъ: «вы достойны теперь вашихъ великихъ предковъ, я увѣрена, что они гордятся вами и съ высоты небесъ, благословляютъ васъ. — Теперь, когда вы стали на путь предначертанный Богомъ, я не сомнѣваюсь въ нашей побѣдѣ, какъ надъ врагами внѣшними, такъ и внутренними и вы, одновременно, спасаете какъ отечество, такъ и престолъ. Какъ мы были правы, что послушались нашего дорогого Григорія. Сколь спасительны его молитвы»....

Я часто слышалъ споръ о томъ, насколько самъ Распутинъ искрененъ въ утвержденіи о своихъ сверхъестественныхъ дарованіяхъ и не является ли онъ просто симулянтомъ и шарлатаномъ. Обыкновенно мнѣнія раздѣлялись, такъ какъ старецъ полонъ контрастовъ, несоотвѣтствій и странностей. Лично я не сомнѣваюсь въ его искренности и, притомъ, совершенной искренности. Онъ не могъ бы производить подобнаго впечатлѣнія, если бы самъ не былъ увѣренъ въ своихъ сверхъестественныхъ дарованіяхъ. Его вѣра въ его мистическую власть и есть главный факторъ его вліянія. Великій авторъ Philosophia sagax, Парацельсъ, весьма основательно замѣтилъ, что убѣдительная сила всякихъ маговъ необходимо требуетъ собственной вѣры въ свое могущество (онъ не способенъ сдѣлать того, во что не вѣритъ). Кромѣ того, какъ могъ бы Распутинъ не вѣрить въ исходящую отъ него исключительную силу, когда онъ въ этомъ ежедневно убѣждается довѣрчивостью его окружающихъ. Когда онъ, навязывая что-нибудь Государынѣ, говоритъ, что на эту у него Божье вдохновеніе — немедленное исполненіе его желаній уже самого его убѣждаетъ въ справедливости его положеній. Такимъ образомъ, они взаимно укрѣпляютъ вѣру въ сверхъестественныя дарованія.

Пятница, 15 октября.

Болгары начинаютъ извлекать пользу изъ допущенной нами громадной ошибки, заключавшейся въ томъ, что мы дали имъ время произвести концентрацію войскъ. Они начали энергичное наступленіе въ районѣ Эгри Паланка, въ секторѣ Пиро и по берегамъ Тимока. Повсюду Сербы были отброшены и, въ это же время, германцы и австро-венгерцы захватили Бѣлградъ и Семендрію.

Понедѣльникъ, 25 октября.

Разгромъ Сербіи идетъ быстрыми шагами.

Внезапное вторженіе болгаръ въ Вранію, на верхней Моравѣ и въ Ускюбъ, на Вардарѣ, пересѣкло желѣзнодорожную

вѣтвь Нишъ-Салоники. Сербское правительство и дипломатическій корпусъ, отнынѣ, не могутъ отступать на Монастырь; они попытаются добраться до Скутари и Адріатическаго побережья черезъ Митровицу, Прицрендъ и Дьяково, т. е. совершить переходъ черезъ албанскіе горные хребты, въ настоящее время покрытые снѣгомъ.

Каждый день Пашичъ разсылаетъ союзникамъ безнадежные призывы...

Четвергъ, 28 октября.

Вчера русскій флотъ появился передъ Варной и обстрѣливалъ ее въ теченіе двухъ часовъ. Такимъ образомъ, начались враждебныя дѣйствія между Россій-Освободительницей и Болгаріей-измѣнницей.

Понедѣльникъ, 1 ноября.

По иниціативѣ Французскаго правительства, три союзныя государства приступаютъ къ переговорамъ съ румынскимъ правительствомъ на предметъ переброски черезъ Молдавію и по Дунаю 200 000 русской арміи, предназначенной въ помощь Сербіи.

Среда, 3 ноября.

Въ отвѣтъ на мои настоянія, Государь передалъ мнѣ, черезъ посредство Сазонова, что онъ не менѣе Французскаго Правительства придаетъ значеніе тому, чтобы въ самый кратчайшій срокъ противъ Болгаръ была выставлена армія въ составѣ 5 корпусовъ. Концентрація этихъ корпусовъ уже началась и будетъ производиться въ самомъ спѣшномъ порядкѣ.

По свѣдѣніямъ, получаемымъ мною отъ генерала Лагиша, предназначенныя войсковыя части регулярно прибываютъ въ районъ Кишинева и Одессы, но, вслѣдствіе состоянія путей, нельзя надѣяться, что концентрація сможетъ быть закончена ранѣе начала декабря.

Четвергъ, 4 ноября.

Братіано категорически заявилъ англійскому посланнику въ Бухарестѣ, что онъ будетъ сопротивляться перевозкѣ русскихъ армій черезъ Румынію. Кромѣ того, онъ перечислилъ тѣ общія условія военнаго характера, при принятіи которыхъ было бы возможно присоединеніе Румыніи къ нашему союзу. Вотъ эти условія:

1. Сосредоточеніе на Балканахъ 500 000 англо-французской арміи.

2. Сосредоточеніе въ Бессарабіи 200 000 русской арміи.

3. Англо-французскія и русскія арміи будутъ всецѣло дѣйствовать противъ Болгаріи.

4. Отъ Балтійскаго моря до Буковины русскія арміи будутъ вести энергичное наступленіе противъ австро-германцевъ.

5. Румынская армія получитъ отъ Франціи и Англіи, черезъ Архангельскъ, все необходимое вооруженіе и снаряженіе.

До тѣхъ поръ, пока изложенныя пять условій не будутъ приняты, Румынское Правительство сохранитъ за собой свободу дѣйствій.

Понедѣльникъ, 8 ноября.

Сегодня утромъ Сазоновъ прочиталъ мнѣ письмо генерала Алексѣева, слѣдующаго содержанія:

«Согласно всѣмъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до Ставки, русская армія въ настоящее время не должна разсчитывать на содѣйствіе Румыніи. Переброска русской арміи на Дунай невозможна. Высадка въ Варнѣ или Бургасѣ была бы возможна только въ томъ случаѣ, если-бы русскій флотъ обладалъ въ качествѣ базы Констанцой. Общій тоннажъ, сосредоточенный въ Одессѣ и Севастополѣ, не позволитъ перевезти 20 000 человѣкъ въ одинъ разъ и, слѣдовательно, первыя высаженныя части подверглись бы серьезной опасности до окончанія общей высадки экспедиціоннаго корпуса.

Слѣдовательно, Россія находится въ матеріальной неспособности прямо помочь сербскому народу, но она можетъ оказать косвенную помощь путемъ возобновленія наступленія въ Галиціи.»

IV.

Вторникъ, 9 ноября.

Вихрь реакціи, сбросившій мѣсяцъ тому назадъ князя Щербатова и Самарина, смелъ сегодня еще одну жертву: подъ предлогомъ болѣзни, отъ должности уволенъ министръ земледѣлія, Кривошеинъ.

Къ своимъ прекраснымъ административнымъ качествамъ, Кривошеинъ присоединялъ еще одно, довольно рѣдко встрѣчающееся у русскихъ, а именно — темпераментъ государственнаго человѣка. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ является наиболѣе блестящимъ представителемъ русскаго монархическаго либерализма. Онъ палъ подъ ударами Распутина, который обвинялъ его въ соглашательствѣ съ революціонерами. Я не думаю, чтобы политическій идеалъ Кривошеина распространялся далѣе Французской конституціи 1814 года и я могъ бы поручиться за его религіозное благочестіе и династическую лойальность.

Такимъ образомъ, въ составѣ министерства Горемыкина, осталось только два министра съ либеральными тенденціями: Сазоновъ и генералъ Поливановъ.

Среда, 10 ноября.

Среди всѣхъ стѣсненій и неудобствъ, которыя вызываются войной, ни одно такъ не тягостно русскому обществу, какъ невозможность ѣхать за границу. Почти не проходитъ дня, чтобы мнѣ не приходилось слышать произносимые съ

тяжелымъ вздохомъ названія: Трувиль, Каннъ, Біаррицъ, Спа, Белладжіо, Венеція и, въ особенности — Парижъ... Я не сомнѣваюсь, впрочемъ, въ томъ, что, про себя, прибавляются еще Карлсбадъ, Гомбургъ и Висбаденъ.

Эта потребность путешествовать вполнѣ соотвѣтствуетъ русскому кочевому инстинкту.

Въ низшихъ классахъ, этотъ инстинктъ проявляется въ бродяжничествѣ. По всей Россіи встрѣчаются мужики, бродящіе наудачу, не могущіе гдѣ-нибудь прочно осѣсть. Для высшихъ же классовъ, потребность путешествовать появляется вслѣдствіе нравственнаго безпокойства, стремленія убѣжать отъ скуки и отъ самихъ себя. Ихъ отъѣзды бываютъ всегда внезапными и безпричинными, причемъ явно проявляется то, что они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ какого-то внутренняго импульса. Не имѣя возможности ѣздить на западъ, они отправляются въ Москву, Кіевъ, Финляндію, Крымъ и на Кавказъ и, большей частью, весьма быстро возвращаются обратно. Мнѣ извѣстенъ случай, когда, въ прошломъ году, внезапно двѣ молодыя дамы отправились въ Соловецкій монастырь, находящійся въ 160 морскихъ миляхъ отъ Архангельска и вернулись обратно черезъ двѣ недѣли.

Пятница, 12 ноября.

Несмотря на геройское сопротивленіе, несчастная сербская армія разгромлена двойнымъ ударомъ — съ сѣвера, со стороны австрійцевъ и съ востока, со стороны Болгаръ.

7 ноября палъ Нишъ, бывшая Сербская столица и родина Константина Великаго. Между Кральевымъ и Крагуевацемъ австро-германцы переправились черезъ западную Мораву, захватывая повсюду обильную добычу.

Англо-французскіе авангарды вошли вчера въ соприкосновеніе съ Болгарами въ Вардарской долинѣ, близь Карасу. Однако, вмѣшательство союзниковъ въ Балканскія дѣла запоздало. Въ самомъ близкомъ будущемъ Сербія перестанетъ существовать.

Суббота, 13 ноября.

Сегодня, въ клубѣ, старый князь Вяземскій, человѣкъ ультра реакціоннаго направленія и, притомъ, всегда озлобленный, бесѣдовалъ со мной по вопросамъ внутренней политики. Онъ, конечно, весьма одобряетъ отставку Кривошеина и полагаетъ, что спасеніе Россіи можетъ состоять только въ неуклонномъ сохраненіи самодержавнаго режима. Я слегка ему возражаю.

— Конечно — продолжаетъ онъ — вы меня считаете отсталымъ человѣкомъ и я вижу, что ваши симпатіи на сторонѣ Кривошейна. Но для меня либералы, утверждающіе, что они монархисты и при каждомъ удобномъ случаѣ подчеркивающіе свою лойяльность, являются самыми опасными элементами. По крайней мѣрѣ, когда приходится сталкиваться съ революціонерами, то знаешь съ кѣмъ имѣешь дѣло и знаешь къ чему они стремятся и чего хотятъ. Что

же касается тѣхъ, которые именуютъ себя прогрессистами, кадетами и октябристами, это безразлично, то всѣ они измѣняютъ нашему государственному строю и слѣпо ведутъ насъ къ революціи, которая, кстати сказать, смететъ ихъ всѣхъ въ первый же день, такъ какъ она приметъ совсѣмъ не то направленіе, котораго они ожидаютъ; русская революція, по своей мерзости, превзойдетъ все, что до сихъ поръ бывало. Не только одни соціалисты выплывутъ тогда, но и крестьяне, а когда этотъ мужикъ, который кажется такимъ мягкимъ, почувствуетъ, что надъ нимъ нѣтъ управы, онъ сдѣлается бѣшенымъ. Мы увидимъ времена Пугачева. Это будетъ ужасно... Нашъ послѣдній шансъ на спасеніе заключается въ реакціи, да, именно въ реакціи. Безусловно я васъ шокирую своими разговорами и у васъ хватаетъ вѣжливости, чтобы мнѣ не возражать, но позвольте вамъ уже высказать все то, что я думаю.

— Вы вполнѣ правы въ томъ, что не принимаете мое молчаніе за согласіе, но вы меня нисколько не шокируете и я васъ слушаю съ крайнимъ интересомъ. Прошу васъ продолжайте.

— Хорошо, я продолжаю. На западѣ насъ совершенно не знаютъ и судятъ о самодержавіи по сочиненіямъ нашихъ революціонеровъ и беллетристовъ. На западѣ не понимаютъ того, что самодержавіе и Россія — это одно и то же. Что Россія образована царями и что самые суровые и самые безжалостные изъ нихъ — были самыми великими. Безъ Іоанна Грознаго, безъ Петра Великаго, безъ Николая I не было бы Россіи... Русскій народъ самый покорный изъ всѣхъ, когда имъ управляетъ твердая рука, но онъ не способенъ управлять самъ собой. Какъ только будетъ отпущена вожжа, онъ немедленно впадетъ въ анархію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся наша исторія. Россіи нуженъ повелитель и повелитель неограниченный; русскій народъ двигается впередъ только тогда, когда чувствуетъ надъ собой желѣзный кулакъ. Малѣйшая свобода его сейчасъ же опьяняетъ. Вы не измѣните того, что вложено природой; есть люди, которые хмелѣютъ отъ перваго стакана вина. Можетъ быть это осталось у насъ отъ долгаго владычества татаръ. Россія никогда не сможетъ управляться англійскими методами и никогда парламентаризмъ не привьется у насъ.

— А что же? Кнутъ и Сибирь?

Кнутъ? Мы его унаслѣдовали отъ татаръ и это — лучшее изъ всего, что мы отъ нихъ переняли, продолжалъ онъ съ жесткимъ смѣхомъ, что же касается Сибири, то повѣрьте мнѣ, что Богъ не безъ основаній помѣстилъ ее у порога Россіи.

— Вы мнѣ напомнили аннамитскую поговорку, которую мнѣ, нѣкогда, говорили на Сайгонѣ: «Всюду, гдѣ есть аннамиты, Богъ насадилъ бамбукъ». Маленькіе желтые кули отлично поняли существующее отношеніе между бамбукомъ и ихъ спинами. Но, для того, чтобы не кончать нашего разговора на шуткѣ, позвольте вамъ сказать, что я горячо

желаю Россіи, мало по малу, воспринять условія представительнаго образа правленія и, при этомъ, въ очень широкой степени, которая, какъ мнѣ кажется, могла бы отлично приспособиться къ характеру русскаго народа. Но, какъ посолъ союзной державы, я очень надѣюсь на то, что всякія реформы будутъ отложены до момента подписанія мира, такъ какъ я, такъ же какъ и вы, признаю, что въ настоящій моментъ самодержавіе является наивысшемъ выразителемъ россійской національности и русской мощи.

Воскресенье, 14 ноября.

Согласно свѣдѣніямъ, получаемымъ мною изъ Москвы и провинціи, разгромъ Сербіи сильно задѣлъ русскихъ, которые такъ склонны къ состраданію и чувству братства.

Сазоновъ разсказывалъ мнѣ, что онъ по этому поводу говорилъ съ духовникомъ Ихъ Величествъ, отцомъ Александромъ Васильевымъ.

— Это святой человѣкъ — сказалъ Сазоновъ — золотое сердце и чистѣйшая душа. Онъ живетъ въ молитвѣ и уединеніи. Я знаю его съ дѣтства... Вчера его встрѣтилъ передъ Храмомъ Спасителя и мы прошли немного вмѣстѣ. Онъ долго разспрашивалъ меня относительно Сербіи и спрашивалъ меня — приняли ли мы всѣ возможныя мѣры для того, чтобы спасти ее и можно ли надѣяться на то, чтобы еще прекратить это вторженіе въ ея предѣлы, есть ли способъ отправить свѣжія войска въ Салоники и т. д. Такъ какъ я нѣсколько удивился его настойчивости, то онъ мнѣ сказалъ: «Я считаю себя вправѣ сказать вамъ, что несчастья Сербіи являются причиной жестокихъ страданій и даже вызываютъ угрызенія совѣсти нашего горячо любимаго Государя».

Вторникъ, 16 ноября.

Уже около двухъ недѣль русская армія, оперирующая въ Курляндіи, успѣшно развиваетъ довольно широкое наступленіе въ районѣ Шлока, Икскюля и Двинска. Хотя это операція второстепеннаго значенія, но, все же, она заставлаетъ нѣмцевъ вводить въ бой довольно крупныя войсковыя части, притомъ при очень жестокихъ морозахъ.

Г-жа С., прибывшая изъ Икскюля, гдѣ она руководитъ госпиталемъ, разсказывала мнѣ о русскихъ раненныхъ, о ихъ терпѣливости, кротости и твердомъ характерѣ.

— Почти всегда — говорила она — къ этому примѣшивается религіозное чувство, принимающее странную и совсѣмъ мистическую форму. Я часто наблюдала среди раненныхъ, среди простыхъ мужиковъ, мысли, что ихъ страданія являются возмездіемъ не только за ихъ собственные грѣхи, но представляютъ собой часть страданій за всемірный грѣхъ, которыя они должны принимать такъ же, какъ и Іисусъ Христосъ — для искупленія грѣховъ всего міра. Если-бы вы немного ближе увидѣли нашихъ крестьянъ — вы бы узнали насколько имъ близко евангельское ученіе.

— Все же это не мѣшаетъ имъ — продолжала она со смѣхомъ — быть грубыми, лѣнивыми, лгунами, ворами, низменными и многое другое... Ахъ, сколь сложной должна казаться славянская душа.

— Да, какъ сказалъ Тургеневъ: Славянская душа-дремучій лѣсъ.

Воскресенье, 21 ноября.

Наступили туманные, снѣжные, сумрачные дни. Но, по мѣрѣ того, какъ зима окутываетъ Россію своимъ саваномъ, развивается все болѣе придавленное и безнадежное душевное состояніе. Я вижу повсюду блѣдныя лица, я слышу повсюду безнадежные разговоры и всѣ разсужденія о войнѣ сводятся къ одному и тому же выводу: Зачѣмъ продолжать войну? Развѣ мы уже не побѣждены? Развѣ можно надѣяться на то, что мы еще сможемъ оправиться?

Впрочемъ это настроеніе захватываетъ не только интеллигентные классы, для которыхъ оборотъ военныхъ дѣйствій даетъ слишкомъ много данныхъ для унынія и критики; по свѣдѣніямъ съ разныхъ сторонъ, сильный пессимизмъ развился и въ рабочихъ и крестьянскихъ классахъ.

Что касается рабочихъ, то революціонная зараза, которая среди нихъ прививается, достаточно объясняетъ не только ихъ отвращеніе къ войнѣ, но и атрофію патріотизма, вслѣдствіе чего они почти что желаютъ разгрома. Но, среди безграмотныхъ крестьянъ, не является ли причиной ихъ упадка духа, причиной чисто физіологической-запрещеніе спиртныхъ напитковъ. Нельзя безнаказанно, однимъ росчеркомъ пера измѣнить вѣковыя привычки народовъ. Конечно, злоупотребленіе алкоголемъ было вредно съ точки зрѣнія физической и нравственной, но, тѣмъ не менѣе, водка была однимъ изъ существенныхъ факторовъ питанія крестьянъ, тѣмъ болѣе необходимымъ, что потребленіе остальныхъ продуктовъ всегда бывало ниже нормы. Вслѣдствіе плохого питанія и лишенія теперь обычнаго возбуждающаго средства, русскій народъ впадаетъ въ состояніе унынія. Такимъ образомъ благородная реформа, проведенная въ августѣ 1914 года и давшая благопріятные результаты въ началѣ своего дѣйствія, въ настоящее время начинаетъ, какъ будто, приносить вредъ Россіи.

Четвергъ, 25 ноября.

Послѣдній актъ сербской трагедіи подходитъ къ концу. Вся ея территорія наводнена врагами. Болгары находятся уже на подступахъ къ Прицренду. Обезсиленная невѣроятными усиліями, маленькая армія воеводы Путника отступаетъ къ Адріатикѣ черезъ албанскія горы, по занесеннымъ дорогамъ, въ ослѣпляющихъ метеляхъ, подъ постоянными вражескими угрозами. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ шесть недѣль, германскій генеральный штабъ осуществилъ свой

планъ, заключавшийся въ открытіи прямого пути между Германіей и Турціей черезъ Болгарію и Сербію.

Для того, чтобы успокоить свои угрызенія совѣсти, Государь приказалъ повести упорное наступленіе противъ Австрійцевъ около Чарторижска; однако, оно до сихъ поръ не дало результатовъ.

Пятница, 26 ноября.

Черезъ посредство Швеціи, петроградскіе финансовые круги находятся въ непрестанной связи съ Германіей и имъ оттуда внушаются всѣ тѣ слова, которые они говорятъ о войнѣ.

Выражаемые ими въ теченіе послѣднихъ недѣль мысли, явно носятъ германскую марку. Надо видѣть вещи, говорятъ они, такими, какія онѣ въ дѣйствительности. Обѣ воюющія группы должны признать, что имъ никогда не удастся разгромить одна другую. Война неизбѣжно закончится соглашеніями и компромиссами. Чѣмъ раньше это свершится, тѣмъ лучше. Если военныя дѣйствія будутъ продолжаться, то германцы создадутъ вокругъ захваченныхъ ими до сихъ поръ территорій непреодолимыя укрѣпленія. Отказавшись отъ дальнѣйшаго наступленія и активныхъ дѣйствій, сильно укрѣпившись въ своихъ окопахъ, они будутъ терпѣливо ожидать пока союзники не потеряютъ терпѣніе и окажутся болѣе сговорчивыми. Такимъ образомъ, неизбѣжно и то, что вопросы мира будутъ разрѣшаться на основѣ территоріальныхъ захватовъ.

Когда подобныя разсужденія доходятъ до меня, то я каждый разъ ихъ опровергаю указаніемъ на то, что для Германіи чрезвычайно важно возможно скорѣе закончить войну, такъ какъ ихъ матеріальные запасы ограничены, наши же почти неисчерпаемы. Кромѣ того, германскій генеральный штабъ принципіально болѣе склоненъ къ наступательной тактикѣ, чего бы это ни стоило и къ рѣшительнымъ и сенсаціоннымъ успѣхамъ; это же требуется заботами о престижѣ власти. Наконецъ, разумъ не можетъ постигнуть того, чтобы конфликтъ, вызвавшій въ бой такія колоссальныя массы, объемъ которыхъ съ каждымъ днемъ все увеличивается, могъ бы быть ликвидированъ дипломатическимъ компромиссомъ. Эта война вызвала не только схватку двухъ группъ государствъ, здѣсь поставленъ вопросъ объ антагонизмѣ двухъ рассъ, двухъ политическихъ догматовъ, двухъ направленій человѣческой мысли, двухъ воззрѣній на существованіе человѣчества. Это, слѣдовательно, борьба не на жизнь, а на смерть.

- Но, въ такомъ случаѣ, война можетъ еще продолжаться нѣсколько лѣтъ — сказалъ извѣстный промышленникъ и финансистъ, Путиловъ, съ которымъ мы бесѣдовали на эти темы.

— Къ сожалѣнію это такъ.

— И вы вѣрите въ нашу побѣду?

— Я въ ней не сомнѣваюсь.

— Всѣ ваши разсужденія, господинъ посолъ — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья — основываются на томъ предположеніи, что теченіе времени идетъ въ нашу пользу... А я вамъ скажу, не разсчитывайте слишкомъ на это, по крайней мѣрѣ, посколько это касается России. Я знаю своихъ соотечественниковъ — они чрезвычайно быстро устаютъ; эта война ихъ изнуряетъ и они ее еще очень долго не выдержатъ.

— Вы не надѣетесь на то, что мы увидимъ чудеса 1812 г.?

— Но вѣдь кампанія 1812 года была очень коротка. Если память мнѣ не измѣняетъ, французы перешли черезъ Нѣманъ 25 іюня, а уже 25 ноября они перешли черезъ Березину и еще черезъ нѣсколько недѣль совершенно оставили Россію. Въ дальнѣйшемъ намъ оставалось только пользоваться плодами побѣды и это очень легко — быть настойчивымъ, будучи побѣдителемъ. Если-бы въ настоящее время наши войска сражались бы на Эльбѣ, или, хотя бы, на Одерѣ, вмѣсто того, чтобы съ большимъ трудомъ удерживаться на Двинѣ или Стыри — я бы спокойно полагалъ, что война могла бы продолжаться еще нѣсколько лѣтъ...

Воскресенье, 28 ноября.

Въ моментъ объявленія Болгаріей войны Сербіи, русскій посланникъ въ Софіи, Савинскій, былъ боленъ воспаленіемъ слѣпой кишки и только на дняхъ смогъ покинуть болгарскую столицу.

Онъ прибыла вчера въ Петроградъ и сегодня былъ у меня. Мы съ нимъ давно знакомы: это тонкій, гибкій и обворожительный человѣкъ; у него были всѣ данныя, чтобы нравиться царю Фердинанду и это ему удалось, по крайней мѣрѣ, въ области личныхъ отношеній.

Онъ мнѣ разсказывалъ о событіяхъ, происходившихъ въ сентябрѣ и жаловался на то, что болѣзнь заставила его быть въ постели въ эти рѣшительные дни.

Когда произошелъ разрывъ между Болгаріей и Сербіей, царь Фердинандъ внезапно появился въ русскомъ посольствѣ, даже не предупредивъ объ этомъ, что не дало возможности Савинскому избѣгнуть этого визита. Величественный и сосредоточенный, съ сжатыми губами и острымъ взглядомъ изъ подъ полуопущенныхъ рѣсницъ, стараясь скрыть свое волненіе, которое не было комедіей, царь Фердинандъ съ глубокими вздохами сталъ жаловаться на тяжкія рѣшенія, которыя онъ былъ вынужденъ принять, находясь въ своемъ положеніи. Какъ всегда, онъ стремился освѣтить свое измѣнническое поведеніе въ свою пользу, говоря, что онъ вынужденъ былъ принести еще одну жертву для блага своего народа. Затѣмъ, быть можетъ, подготовляясь къ тому, чтобы измѣнить и своимъ новымъ союзникамъ, онъ сталъ говорить о томъ недовѣріи, которое онъ испытываетъ по отношенію къ Германіи и Австріи. Въ теченіи тридцати лѣтъ Гогенцоллерны

и Габсбурги питаютъ къ нему ненависть, но это его не пугаетъ. Въ качествѣ болгарскаго монарха, онъ по совѣсти долженъ былъ стать на сторону центральныхъ державъ... Современемъ исторія оправдаетъ его поступокъ.

— Когда я уйду съ Балканъ, или изъ этого мира — продолжалъ онъ пророческимъ голосомъ — то пропасть, развершаяся нынѣ между моимъ народомъ и Россіей, мгновенно и, какъ бы по волшебству, заполнится.

Затѣмъ онъ всталъ, выпрямился, пожалъ Савинскому руку и медленно, сохраняя полное величіе, вышелъ.

Четвергъ, 2 декабря.

Сегодня я бесѣдовалъ по вопросамъ внутренней политики съ крупнымъ землевладѣльцемъ и земскимъ дѣятелемъ, С., человѣкомъ широкаго ума, предусмотрительнымъ и очень интересующимся крестьянскимъ вопросомъ. Мы перешли къ церковнымъ вопросамъ и я выразилъ свое удивленіе по поводу многочисленныхъ симптомовъ, свидѣтельствующихъ о паденіи престижа русскаго духовенства въ народныхъ массахъ.

— Это слѣдствіе непростительной ошибки Петра Великаго — сказалъ С. послѣ небольшого раздумья.

— Какимъ образомъ?

— Вамъ извѣстно, что Петръ Великій упразднилъ Патріаршество и замѣнилъ его такимъ несуразнымъ учрежденіемъ, какъ Святѣйшій Синодъ; при этомъ онъ преслѣдовалъ цѣль, которой онъ, кстати и не скрывалъ — подчинить себѣ Православную Церковь, въ чемъ онъ вполнѣ добился успѣха. При его деспотическомъ режимѣ, церковь утратила не только свою независимость, но и свое вліяніе на народъ. Въ настоящее время церковь задыхается подъ давленіемъ бюрократіи и все болѣе удаляется отъ народа. Народъ начинаетъ все больше и больше смотрѣть на священниковъ, какъ на чиновниковъ и даже полицейскихъ и съ негодованіемъ отъ нихъ отмежевывается. Въ свою очередь, духовенство превращается въ замкнутую касту безъ достоинства, безъ образованія, безъ связи съ умственными теченіями своего времени. Въ то же время, въ высшихъ классахъ наблюдается полное безразличіе къ церкви, а люди, имѣющіе склонность къ аскетизму и мистицизму, пытаются удовлетворить свои потребности поневолѣ входя въ контактъ съ извращенными ученіями сектантовъ. Скоро у оффиціальной церкви останется только формализмъ, обряды, пышныя церемоніи и пѣснопенія — это будетъ тѣло безъ души.

— Въ общемъ — сказалъ я — Петръ Великій представлялъ себѣ должность митрополитовъ такъ же, какъ Наполеонъ, однажды, опредѣлилъ архіепископовъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, говоря, что архіепископъ — это, своего рода, префектъ полиціи.

— Совершенно вѣрно.

Суббота, 4 декабря.

По поводу предпринятыхъ нами военныхъ дѣйствій на востокѣ, между французскимъ и англійскимъ кабинетами началась крупная полемика.

Англійское правительство полагаетъ, что мы проиграли кампанію, предпринятую въ Дарданеллахъ и Македоніи и полагаетъ, что мы должны возможно скорѣе оттянуть наши войска для того, чтобы прикрыть Египетъ отъ предстоящаго наступленія турокъ путемъ занятія сѣверной Сиріи и Суэцкаго канала.

Лордъ Китченеръ всецѣло поддержалъ это заключеніе.

Бріанъ же признаетъ, что хотя дальнѣйшее пребываніе въ Дарданеллахъ безполезно, но онъ не соглашается ни на экспедицію въ Сирію, ни на эвакуацію Салоникъ. Онъ не безъ основанія полагаетъ, что при томъ, что война приняла характеръ борьбы на выдержку и на истощеніе, причемъ личный составъ арміи составляетъ одинъ изъ наиболѣе существенныхъ факторовъ, мы совершимъ огромную ошибку, если пожертвуемъ десятками тысячъ человѣкъ на борьбу съ арабами и турками, такъ какъ, въ это время, Германія подготовитъ рѣшительныя дѣйствія на западномъ фронтѣ. Что же касается эвакуаціи Салоникъ, то Бріанъ не допускаетъ мысли о возможности таковой. Онъ поручилъ мнѣ склонить Русское правительство къ принятію подобной же точки зрѣнія.

По этому поводу я продолжительно бесѣдовалъ съ Сазоновымъ.

— Если мы эвакуируемъ Салоники — сказалъ я — то Греція и Румынія, не видя никакой поддержки съ нашей стороны противъ германскаго давленія, немедленно выступятъ противъ насъ... Съ другой стороны, Сербы, увидѣвъ себя брошенными на произволъ судьбы, потеряютъ всякую надежду и капитулируютъ передъ германскими державами. Наконецъ, Болгарія, не встрѣчая препятствій для удовлетворенія своихъ территоріальныхъ стремленій, уже не ограничится аннексіей Македоніи, а захочетъ отторгнуть къ себѣ крупныя сербскія территоріи.

Всего этого достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что мы, не взирая ни на какія жертвы, обязаны удержаться въ Салоникахъ.

Сазоновъ былъ вполнѣ убѣжденъ моей аргументаціей и сказалъ, что приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы принципы Бріана были приняты и въ Лондонѣ. Бывшій Индо-Китайскій генералъ-губернаторъ, министръ и сенаторъ Думеръ, прибылъ сегодня ночью черезъ Финляндію въ Петроградъ съ оффиціальной миссіей.

Онъ мнѣ обрисовалъ въ довольно мрачныхъ краскахъ наше военное положеніе, въ особенности ссылаясь на громадныя потери въ личномъ составѣ.

— Для того, чтобы мы могли пополнить наши потери, Россія должна дать намъ возможность черпать людей изъ ея несмѣтныхъ запасовъ. Россія легко можетъ дать намъ

400 000 человѣкъ и я пріѣхалъ просить объ этомъ. Въ случаѣ согласія, отправка должна будетъ начаться 10 января.

Я указалъ ему на затруднительность переправленія черезъ Бѣлое море, скованное льдомъ; я замѣтилъ, что устье Сѣверной Двины также покрыто льдомъ на сто верстъ внизъ по теченію отъ Архангельска, что, такимъ образомъ, частямъ, предназначеннымъ къ погрузкѣ, придется въ теченіи пяти или шести дней совершить переходъ по льду при 40 градусахъ мороза, въ полномъ мракѣ, что придется предварительно заготовить этапы съ питательными и ночлежными пунктами, заготовить запасы топлива, продовольствія и т. д.

— Немного доброй воли — сказалъ онъ — и можно преодолѣть всѣ эти препятствія.

— Ослабленіе личнаго состава арміи — продолжалъ я — не менѣе чувствительно во Франціи, чѣмъ въ Россіи; оно принимаетъ только нѣсколько другой характеръ. Конечно, людской запасъ Россіи по сравненію съ Франціей неизмѣримо больше, но, отъ этого, Россія не сильнѣе. Сила арміи опредѣляется не численнымъ размѣромъ ея запасовъ, а той совокупностью полезныхъ силъ, которыми она можетъ располагать. Здѣсь играетъ роль не общее число людей, а число людей обученныхъ. Въ этомъ отношеніи западныя державы находятся въ значительно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели Россія, гдѣ военное обученіе происходитъ чрезвычайно медленно, вслѣдствіе того, что число унтеръофицеровъ значительно уменьшилось, а большинство новобранцевъ безграмотно.

Слѣдовательно, русской арміи съ большимъ трудомъ удается пополнять свои потери, которыя, конечно, гораздо больше нашихъ... Кромѣ того, русскій мужикъ, какъ солдатъ — ничего не стоитъ, если онъ не чувствуетъ подъ собой русской почвы и за своей спиной — своей избы. Онъ недостаточно уменъ и образованъ для того, чтобы понять принципъ солидарности, связывающей союзниковъ, чтобы понять то, что, даже сражаясь на чужой территоріи, можно защищать свою землю. Со своей младенческой и мечтательной душой, онъ будетъ чувствовать себя совершенно чуждо среди нашего энергичнаго, смѣтливаго и отдающаго себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, народа. Кромѣ того, въ тактикѣ, принятой въ русской и французской арміи, есть нѣкоторая разница, которая заставляетъ меня серьезно опасаться дѣйствій русскихъ войскъ во Франціи. Вѣдь, если какая нибудь русская часть попадаетъ подъ сильный нажимъ непріятеля, она начинаетъ отступать не вслѣдствіе невозможности выдержать наступленіе, а просто для того, чтобы занять болѣе удобную позицію. Мы постоянно видимъ, что, во время военныхъ дѣйствій, цѣлые батальоны или полки послѣдовательно отступаютъ на три, четыре версты, не теряя при этомъ своей боевой способности. Этотъ способъ практикуется штабами всѣхъ степеней. Нерѣдко бываютъ случаи, что на слѣдующій день послѣ неудачной операцій, какая-нибудь армія, или даже группа армій, отступаетъ на 100 верстъ. По отношенію къ

размѣрамъ русской территоріи, амплитуда этихъ колебательныхъ движеній не представлаетъ ничего существеннаго — это тактика 1812 года. Но что же будетъ во Франціи, гдѣ за каждую пядь земли происходятъ ожесточенные бои и гдѣ германскія войска находятся въ 60 верстахъ отъ Калэ, въ 40 отъ Амьена, въ 25 отъ Шалонъ и въ 80 отъ Парижа?

Однако, мои разсужденія не измѣняютъ мнѣнія г-на Думера. Поэтому, мнѣ остается только со всей энергіей поддерживать его въ исполненіи возложенной на него миссіи. Сегодня я представилъ его Горемыкину, Сазонову и генералу Поливанову.

Понедѣльникъ, 6 декабря.

Сегодня у меня былъ завтракъ въ честь Думера; я пригласилъ Сазонова, генерала Поливанова, Барка, адмирала Григоровича, Трепова, Бьюкэнена и др.

— Мои переговоры идутъ блестяще — сказалъ мнѣ Думеръ. — Со стороны всѣхъ министровъ я нашелъ самый хорошій пріемъ. Правда, я временами наталкиваюсь на возраженія, но ни одно изъ нихъ не непреодолимо и я полагаю, что русское правительство, въ принципѣ, согласно удовлетворить мое ходатайство. Въ общемъ, окончательное рѣшеніе можетъ быть принято только Государемъ. Завтра мнѣ назначена аудіенція. Я надѣюсь на то, что вопросъ завтра же будетъ разрѣшенъ.

Привѣтствуя его успѣхъ, я все же предупредилъ его о той любезности, съ которой русскіе, какъ будто, всегда соглашаются со всѣмъ, о чемъ ихъ просятъ. Это не является съ ихъ стороны неискренностью. Ни въ коемъ случаѣ. Но ихъ первыя впечатлѣнія всегда опредѣляются инстинктомъ симпатіи, ихъ желаніемъ сдѣлать пріятное, тѣмъ, что у нихъ нѣтъ никогда твердаго представленія о реальной возможности того, или иного дѣйствія и, наконецъ, ихъ гибкостью ума, вслѣдствіе которой они чрезвычайно податливы. Внутренняя реакція и работа сопротивленія и опроверженія наступаетъ у нихъ значительно позже.

На этомъ разговоръ нашъ прервался, такъ какъ прибыли остальные приглашенные. Завтракъ прошелъ чрезвычайно оживленно. Конечно, разговоръ шелъ только о войнѣ въ духѣ взаимнаго довѣрія и благожелательности. Думеръ производитъ на всѣхъ великолѣпное впечатлѣніе.

Вторникъ, 7 декабря.

Думеръ, представленный сегодня утромъ Государю, былъ принятъ самымъ привѣтливымъ образомъ. Государь призналъ чрезвычайно желательнымъ установленіе болѣе близкаго сотрудничества между союзными армія, что же касается практическихъ, реальныхъ мѣръ, то Государь воздержался отъ рѣшенія до обсужденія этого вопроса съ генераломъ Алексѣевымъ.

Среда, 8 декабря.

Однимъ изъ наиболѣе тревожащихъ обстоятельствъ послѣдняго времени является то противодѣйствіе, которое оказывается бюрократіей всѣмъ новымъ начинаніямъ, вызваннымъ войной. Враждебныя дѣйствія чиновниковъ направлены, главнымъ образомъ, противъ Союзовъ Земствъ и Городовъ. Эти громадныя организаціи прилагаютъ всѣ усилія для того, чтобы объединить работы по снабженію армій и населенія для того, чтобы единообразить дѣйствія промышленныхъ комитетовъ и кооперативовъ, для того, чтобы пресѣчь продовольственный кризисъ, для того, чтобы развить санитарную дѣятельность и призрѣніе бѣженцевъ, но во всемъ этомъ они натыкаются на сопротивленіе и торможеніе со стороны администраціи. Эти союзы являются пугаломъ для бюрократіи, которая видитъ въ нихъ — и не безъ основанія, зачатокъ мѣстнаго самоуправленія. Похоже на то, что русская бюрократія придерживается девиза: «Пускай скорѣе погибнетъ Россія, чѣмъ наши принципы», не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она будетъ первой жертвой паденія.

Суббота, 11 декабря.

Привожу нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи русской арміи:

1. Пѣхота. Наличный составъ частей, находящихся на фронтѣ превышаетъ 1 360 000 человѣкъ, изъ коихъ 160 000 не имѣетъ винтовокъ.

2. Артиллерія. Полевая артиллерія состоитъ изъ 3750 легкихъ и 250 горныхъ орудій, съ расчетомъ по 550 снарядовъ на каждое; тяжелая артиллерія насчитываетъ 650 орудій съ 260 снарядами на каждое.

3. Если установленные транспорты винтовокъ будутъ поступать безъ замедленія, то можно надѣяться, что, къ 15 января, русская армія получитъ 400 000 винтовокъ и еще 200 000 къ 15 февралю, т. е. будетъ располагать къ этому сроку 1 800 000 винтовокъ.

4. Производство артиллерійскихъ снарядовъ также неустанно развивается. Ежедневное производство, не превышавшее въ маѣ 14 000 снарядовъ, дошло нынѣ до 59 тысячъ; это число возрастетъ до 84 тысячъ къ 15 январю и до 122 тысячъ — къ 15 марту.

Понедѣльникъ, 13 декабря.

Наша армія, дѣйствующая на ближнемъ востокѣ, понесла въ теченіи послѣднихъ дней тяжелое пораженіе на берегахъ рѣки Черной, впадающей въ Вардаръ. Мы окончательно утратили территорію Македоніи и сообщеніе штаба болгарской арміи, къ несчастью, имѣетъ право опубликовать нижеслѣдующее: «12 декабря 1915 года останется памятнымъ числомъ для болгарскаго народа. Въ этотъ день наша армія заняла три послѣднихъ города Македоніи, находившихся еще въ рукахъ врага: Дуаранъ, Гевгели и Стургу. Врагъ повсюду оттѣсненъ, Македонія освобождена и ни одинъ непріятельскій солдатъ не находится больше на ея территоріи.»

Четвергъ, 16 декабря.

«Франція заставляетъ Россію выносить все бремя войны» — вотъ слова, которыя мнѣ постоянно приходится слышать съ такой настойчивостью и такимъ постоянствомъ, что приходится задумываться — не является ли это предметомъ германской пропаганды.

Однако, за послѣднее время, мнѣ пришлось неоднократно слышать новый варіантъ этой темы: «Франція должна была бы припомнить, сколько великодушія по отношенію къ ней проявилъ Императоръ Александръ III, когда она, двадцать лѣтъ тому назадъ, дѣлала попытки вымолить союзъ съ Россіей. Въ тѣ времена престижъ Франціи во всемъ мірѣ упалъ, она была одинока, слаба и съ ней не считались; никто не хотѣлъ соединить съ ней своей судьбы и только Россія снова подняла ея значеніе, принявъ въ качествѣ своей союзницы.»

Всякій разъ, какъ къ тому представляется случай, я разсѣиваю подобное злословіе, которое исторически неправильно. Это мнѣ пришлось, какъ то, разъяснить въ дружеской откровенности съ нѣсколькими лицами. Присутствовавшій при разговорѣ Великій Князь, Николай Михайловичъ, взглядами ободрялъ меня.

Суббота, 18 декабря.

Думеръ выѣхалъ сегодня утромъ изъ Петрограда, съ Финляндскаго вокзала.

Какъ и слѣдовало предполагать, осуществленіе его миссіи встрѣтило съ практической точки зрѣнія много препятствій. Генералъ Алексѣевъ рѣшительно возсталъ противъ отправленія во Францію 400 000 человѣкъ, даже путемъ ежемѣсячныхъ транспортовъ по 40 000 человѣкъ. Кромѣ, почти, непреодолимыхъ трудностей транспорта, онъ обратилъ вниманіе на то, что количество обученныхъ резервовъ, которыми располагаетъ русская армія, совершенно недостаточно, принимая во вниманіе растянутость фронта. Это соображеніе убѣдило Государя. Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы дать доказательство своего добраго желанія, императорское правительство рѣшило, въ видѣ опыта, отправить во Францію бригаду пѣхоты, которая будетъ направлена въ Архангельскъ, какъ только Адмиралтейство установитъ транспортъ черезъ Бѣлое море.

Суббота, 25 декабря.

Въ теченіе послѣдней недѣли Наслѣдникъ, сопровождавшій Государя во время объѣзда Галиційскаго фронта, заболѣлъ. У него начались сильныя носовыя кровоизліянія, которыя, вскорѣ, стали осложняться длительными обмороками.

Царскій поѣздъ сперва направился къ Могилеву, гдѣ можно было бы легче приступить къ леченію, но такъ какъ силы больного стали быстро истощаться, то Государь приказалъ прямо двигаться въ Царское Село.

Со времени опаснаго кризиса въ 1912 году, у Наслѣдника не было такого серьезнаго кровоизлiянiя. Два раза онъ былъ близокъ къ смерти.

Когда Государыня узнала эту ужасную вѣсть, она первымъ долгомъ вызвала Распутина и умоляла его помолиться за сына. Старецъ немедленно сталъ молиться и, вскорѣ, гордо заявилъ: «Благодари Бога; и на сей разъ Онъ даруетъ мнѣ жизнь твоего сына».

На слѣдующiй день, 18 декабря, поѣздъ прибылъ въ Царское Село. Къ концу ночи положенiе Наслѣдника значительно улучшилось, температура упала, пульсъ сталъ нормальнымъ и кровоизлiянiе ослабѣло. Въ тотъ же вечеръ носовыя раны стали зарубцовываться.

Можетъ ли послѣ этого Государыня не вѣрить въ Распутина?

Среда, 29 декабря.

Стремясь облегчить участь Сербiи наступленiемъ на австрiйцевъ, Государь приказалъ предпринять новое наступленiе къ востоку отъ Стрыпы, по направленiю къ Львову. Упорные бои, въ которыхъ дѣйствiя русскихъ напоминаютъ ихъ подвиги начала войны, завязались у Топоровще, около Черновицъ, у Бучача на Стрыпѣ и у Трембовли, близъ Тарнополя.

Одновременно армiи, дѣйствующiя на Волыни, повели наступленiй по Стыри къ югу отъ Пинскихъ болотъ и въ районѣ Ровно и Чарторiйска.

Четвергъ, 30 декабря.

Въ петербургскихъ салонахъ царитъ большое смущенiе. По секрету передаютъ о крупномъ политическомъ скандалѣ, въ которомъ якобы замѣшаны нѣкоторые члены императорской фамилiи и, нѣкая, княжна Марiя Васильчикова. Говорятъ о какой то тайной перепискѣ съ германскимъ дворомъ.

Согласно полученнымъ мною, провѣреннымъ, свѣдѣнiямъ дѣло довольно серьезно. Я разспросилъ Сазонова, который сообщилъ мнѣ нижеслѣдующее:

Княжна Марiя Александровна Васильчикова, 50 лѣтъ, племянница князя Сергѣя Илларiоновича и находящаяся въ родственныхъ отношенiяхъ съ Урусовыми, Волконскими, Орловыми-Давыдовыми, Мещерскими и т. д., фрейлина Ихъ Величествъ,Государынь, находилась въ Земмерингѣ, въ окрестностяхъ Вѣны, въ тотъ моментъ, когда разразилась война. Она постоянно проживала въ Земмерингѣ и находилась въ тѣсной связи съ австрiйской аристократiей. Вилла, на которой она проживала, принадлежала князю Лихтенштейну, который около 1899 года былъ австро-венгерскимъ посломъ въ Петербургѣ. Въ началѣ войны ей былъ запрещенъ выѣздъ изъ Земмеринга, но она продолжала по прежнему принимать у себя многочисленное общество.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, Великiй Герцогъ Гессенскiй попросилъ ее прибыть въ Дармштадтъ, прислав при

этомъ разрѣшеніе на безпрепятственный проѣздъ. Связанная близкими узами съ Великимъ Герцогомъ, Эрнестомъ Людовикомъ и его сестрами, а также заинтересованная возникающей комбинаціей, она немедленно поѣхала.

Въ Дармштадтѣ великій герцогъ попросилъ ее вернуться въ Петроградъ и посовѣтовать Государю немедленно заключить миръ. Онъ утверждалъ, что Императоръ Вильгельмъ склоненъ предложить Россіи чрезвычайно выгодныя условія, а также сказалъ, что Англія уже предприняла нѣкоторые шаги въ Берлинѣ для того, чтобы заключить сепаратный миръ. Онъ указывалъ, что примиреніе Россіи и Германіи необходимо для того, чтобы поддержать въ Европѣ династическій принципъ. Трудно было найти болѣе подходящее лицо для осуществленія этой миссіи, чѣмъ княжну Васильчикову, у которой сейчасъ же лихорадочно заработало воображенія, рисуя ей самыя заманчивыя картины возобновленія священнаго союза, спасенія ею самодержавія и, въ то же время, установленія мира въ Европѣ.

Для того, чтобы все было сдѣлано точнѣе, Великій герцогъ продиктовалъ ей по англійски резюме всего сказаннаго. Она перевела это резюме на французскій языкъ. Документъ предназначался для Сазонова. Кромѣ того, ей были переданы два собственноручныхъ письма, предназначаемыхъ — одно для Государя, а другое — для Государыни. Это послѣднее было преисполнено фамильными воспоминаніями, взывало къ чувствамъ Государыни, приводило сцены ея дѣтства и т. д. Кончалось оно слѣдующими словами: «Я знаю, что ты сдѣлалась совершенно русской, но, тѣмъ не менѣе, я не могу вѣрить, чтобы Германія могла быть вытѣснена изъ твоего нѣмецкаго сердца». Ни одно изъ писемъ не было запечатано для того, чтобы Сазоновъ могъ познакомиться съ ихъ содержаніемъ одновременно съ чтеніемъ предназначеннаго для него резюме.

На слѣдующій день Марія Александровна, снабженная германскимъ паспортомъ, выѣхала черезъ Берлинъ, Копенгагенъ и Стокгольмъ въ Петроградъ.

По прибытіи, она немедленно явилась къ Сазонову, который, чрезвычайно изумившись, все же ее немедленно принялъ. Когда ему были переданы эти посланія, онъ выразилъ свое возмущеніе тѣмъ, что княжна Васильчикова беретъ на себя подобныя порученія. На подобное отношеніе, рушившее сразу всѣ планы Васильчиковой, эта послѣдняя ничего не могла возразить.

Въ тотъ вечеръ Сазоновъ былъ съ рапортомъ въ Царскомъ Селѣ. Съ первыхъ же словъ лицо Государя выразило недовольство. Взявъ письма и даже не читая ихъ, онъ бросилъ ихъ на свой столъ, а затѣмъ недовольнымъ тономъ сказалъ: покажите мнѣ ноту.

При чтеніи каждой фразы онъ дрожалъ отъ негодованія.

— Какъ смѣютъ мнѣ дѣлать подобныя предложенія? и какъ осмѣлилась эта сумасшедшая интриганка передать мнѣ

эти письма... Въ этихъ бумагахъ каждое слово ложь... Англія готовится измѣнить Россіи... Что за абсурдъ...

— Что мы будемъ дѣлать съ Васильчиковой? — спросилъ нѣсколько успокоившись Государь — извѣстно вамъ что-нибудь о ея намѣреніяхъ?

— Она мнѣ говорила, что собирается немедленно вернуться обратно въ Земмерингъ.

— Дѣйствительно, она полагаетъ, что я разрѣшу ей вернуться въ Австрію. Нѣтъ, она не выѣдетъ изъ Россіи. Я сошлю ее либо въ ея имѣнія, либо въ монастырь. Завтра я обсужу этотъ вопросъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Пятница, 31 декабря.

Всѣмъ лицамъ, которымъ пришлось видѣть Государя въ теченіи послѣднихъ дней, онъ съ возмущеніемъ говорилъ по поводу поступка Васильчиковой.

— Принять такое порученіе отъ Императора враждебной страны... Эта женщина либо измѣнница, либо сумасшедшая... Какъ она не поняла, что, принимая эти письма для Государыни и меня, она рисковала насъ скомпрометировать?..

По приказу Государя, Марья Александровна Васильчикова была вчера арестована и отправлена въ Черниговъ для заточенія въ монастырь.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Вас. И. Немировичъ-Данченко.

У союзниковъ.

(Поѣздка русскихъ писателей въ 1916 году въ Англію, Францію и Италію.)

I.

Недавнее прошлое!

Просматривая мои записки, я весь ухожу въ яркія, трагическія воспоминанія и мнѣ кажется: пережитая явь отдѣлена отъ насъ не шестью годами стихійнаго катаклизма, а, по крайней мѣрѣ, цѣлымъ вѣкомъ длительныхъ и неожиданныхъ событій.

Я оставилъ эти очерки такими, какими они записывались подъ свѣжими впечатлѣніями. Нельзя по новому, сегодняшнему масштабу передѣлывать переживанія и миражи обманувшаго «вчера». Это бы значило насиловать прошлое. Предлагаемыя страницы — не исторія, а дневникъ.

Достоинство всякой лѣтописи заключается въ ея вѣрности наблюденіямъ очевидца, даже его, порою, обманчивымъ настроеніямъ и облетѣвшимъ, какъ осеннія листья, мечтамъ. Вѣдь эти ошибки и разочарованія стихійны и въ нихъ часто разгадка темнаго и непонятнаго въ случившихся событіяхъ. Исторія разбирается и судитъ, а свидѣтель — фотографируетъ не только совершающееся въ кругѣ его зрѣнія, но и въ немъ самомъ.

Нельзя замалчивать великую эпоху, мрачную, полную съ самаго начала чудовищныхъ ошибокъ, обслуживаемую, увы, слишкомъ малыми людьми. Эта ужасная міровая бойня — самая кровавая страница нашего тысячелѣтія. Чтобы понять, чѣмъ мы стали, жалкіе пигмеи, захваченные небывалымъ катаклизмомъ, надо знать насъ такими, какими мы были тогда, когда надъ нами прозвучалъ зловѣщій набатъ карающей Немезиды...

Передъ этою безумною войной, Россія стихійно шла гигантскими шагами впередъ. Росло народное образованіе, города обрастали новыми кварталами, фабрично-заводская промышленность ширилась не по днямъ, а по часамъ, кооперации на югѣ достигали невиданной высоты. Тысячи книгъ выбрасывалъ типографскій станокъ въ народную толщу, га-

зеты отмѣчали милліонные тиражи, общественность стойко и бодро боролась съ враждебными ей пережитками старины. Никогда и ни одинъ могущественный народъ не нуждался такъ въ мирѣ и спокойствіи извнѣ. Даже неудачная манчжурская война не на долго поколебала его поступательное движеніе впередъ.

Но, рядомъ съ этимъ, накоплялся и росъ неумолимый счетъ незнающей прощенія судьбы по нашимъ, еще болѣе великимъ, грѣхамъ. За свое презрѣніе къ свободѣ внутри и къ правамъ племенъ, сбитыхъ желѣзнымъ обручемъ съ нами въ одно имъ ненавистное цѣлое, за вѣчныя колебанія власти, которая не вѣрила уму и генію своей страны, всегда опаздывая и отнимая сегодня данное вчера, мы должны были поплатиться жестоко. Въ бурныхъ водахъ творческаго хаоса, наши кормчіе то и дѣло мѣнялись сами и мѣняли курсъ. Мы выше мысли и знанія ставили кажущуюся, показную и, почти всегда лицемѣрную собачью преданность. Непротивленцы братались съ хищниками съ благословенія всемогущей охранки — этой внѣбрачной матери совѣтскихъ чрезвычаекъ.

Все, наиболѣе смѣлое и благородное, умирало на фронтѣ. Теперь, когда русское общество со всѣхъ сторонъ слышитъ упреки въ неспособности къ самозащитѣ, въ позорномъ и грустномъ непротивленчествѣ, въ малодушной сдачѣ своихъ позицій — не надо забывать, что и оно, преступно равнодушное къ выступленіямъ самоотверженныхъ героевъ, было ослаблено утратою лучшихъ своихъ силъ на боевыхъ позиціяхъ, усталостью отъ сверхъ обычныхъ усилій, ошеломлено, или увлечено переворотомъ, казавшимся такимъ счастливымъ, а потомъ — измучено голодомъ, разочарованіями, тюрьмою и безпримѣрнымъ терроромъ.

Я не изъ тѣхъ, которые поютъ отходную Россіи. — Я вѣрю въ ея будущее. Родовыя боли великой страны безпримѣрны, ужасъ паденія неописуемъ, но кровавый потокъ смоетъ ея первородный грѣхъ рабскаго терпѣнія и трусливаго пособничества. Не одна Императорская власть виновата, что мы, не живя сами, не давали жить другимъ. Нечего пѣнять на шапку, даже Мономахову, когда голова плоха и сердце слабо. Если отсѣчена рука, державшая бичь, то нельзя дѣлать изъ бича реликвію. Наше отечество вернется къ свѣтлой и счастливой жизни. И уже не грозна и не ненавистна будетъ Россія своимъ братьямъ и сосѣдямъ, а, пострадавшая и страданіемъ возрожденная, станетъ рядомъ съ ними на новую работу вѣчныхъ завоеваній свободы и культуры.

Идетъ впередъ тотъ, кто на измученныхъ плечахъ несетъ крестъ къ обновляющей Госгофѣ. Евангельская легенда: «не воскреснетъ, аще не умретъ» повторяется въ исторіи. Это — завѣтъ человѣчеству и надежда угнетенныхъ. Совершится это и съ оплеваннымъ, живымъ трупомъ когда-то великой Россіи, какими бы утесами не заваливали входъ въ ея темную пещеру. Не навсегда вычеркнутъ изъ міровой лѣтописи народъ, у самаго порога своей культуры успѣвшій дать плеяду

геніевъ и талантовъ, не только писателей, художниковъ, композиторовъ, артистовъ, ученыхъ, полководцевъ, святителей, но и мучениковъ политической борьбы, которыхъ хватило бы на любую четью-минею . . .

И пусть братья и сосѣди въ ужасный часъ нашей искупительной казни не кричатъ теперь умывающему себѣ руки Пилату: «Распни-распни Его», а помогутъ намъ, какъ лучшіе изъ насъ помогали имъ когда-то. Въ долготѣ дней не месть, а великодушіе правятъ міромъ. Подайте намъ руку сегодня — можетъ быть и наша окрѣпшая рука понадобится вамъ завтра.

А пока надо не забывать того, что довело насъ до переживаемыхъ ужасовъ, передъ которыми блѣднѣютъ казни египетскія.

И въ этомъ отношеніи очень показательна моя поѣздка во время міровой бойни къ нашимъ вчерашнимъ союзникамъ, а нынѣ Пилатамъ, или даже врагамъ, какъ Англія. Сравненіе видѣннаго у нихъ, съ оставленнымъ у себя дома не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ. Они сами собою явятся у читателя. Я много печаталъ въ 1914—1917 годахъ о нашемъ боевомъ фронтѣ, какъ очевидецъ его въ Польшѣ и Галиціи и очень мало о томъ, что было въ тылу, вовсе не желая умалчивать о немъ. У меня подъ руками сейчасъ мои письма объ этомъ. Но онѣ не могли появиться въ свѣтъ. Въ Москвѣ, гдѣ издавалось «Русское Слово», военная цензура была въ рукахъ людей, ставшихъ нынче вѣрнѣйшими слугами большевиковъ, а тогда неистовыхъ гонителей всяческой правды. Нечего было и думать, чтобы при нихъ очерки тыла нашли себѣ мѣсто на страницахъ какого-бы то ни было изданія.

Я начинаю съ нихъ для сравненія съ видѣннымъ мною въ Англіи, Франціи и, даже, Италіи. Тамъ, также какъ и у насъ, на первыхъ порахъ обнаружились зловѣщіе зачатки разрухи, бездѣйствія, неподготовленности и равнодушія. Но свободная печать во время зазвонила во всѣ колокола, разбудила общественныя силы и заставила правительство и народъ лихорадочно взяться за дѣло. У насъ давили печать подъ предлогомъ соблюденія военныхъ тайнъ, для всѣхъ, кромѣ непріятеля, остававшихся тайнами и эти зачатки разрослись и довели насъ до голода, революціи и большевизма. Привожу эти записки, какъ онѣ набрасывались тогда, подъ свѣжими впечатлѣніями только что видѣннаго мною въ тылу нашей арміи.

II.

«Въ мрачное время, переживаемое нами,*) когда вся печать обвита проволочными загражденіями, сквозь которыя не пробиться правдѣ, поневолѣ писателю приходится молчать. Съ зажатымъ ртомъ не крикнешь во время — берегись! А между тѣмъ, страна губится бездарностью однихъ, лѣностью, небрежностью и оторопью другихъ и воровскимъ

*) Писалось въ 1916 году.

хищничествомъ, распущенностью и безотвѣтственностью третьихъ. Цензура наложила руки на все. При ея благосклонномъ содѣйствіи, отечество, дѣйствительно, переживаетъ величайшую опасность. Солдатъ и офицеръ, умирающіе на фронтѣ, видятъ, понимаютъ все это и въ ихъ душахъ наслаивается не только недовѣріе къ власти, но и ненависть къ ней. Въ какихъ формахъ, быть можетъ, скоро выразится это — не знаю.

Я сдѣлалъ нашу «слѣпую» Манчжурскую войну и потомъ, въ катаклизмѣ 1905 года, видѣлъ послѣдствіе всѣхъ ошибокъ и преступленій, совершенныхъ на тамошнихъ боевыхъ позиціяхъ. Нигдѣ такъ не оправдывается аксіома: «уголъ паденія равенъ углу отраженія», какъ въ исторіи войнъ и слѣдующихъ за ними эпохъ. Самыя, повидимому, незамѣтныя черты и событія, отпечатываются на негативахъ памяти и остаются въ ней надолго. И за все потомъ приходится разсчитываться неповиннымъ и часто великодушнѣйшимъ и благороднѣйшимъ людямъ. Въ кулакѣ мозга нѣтъ. — Онъ бьетъ, не зная куда и кого. Принято говорить: толпа — звѣрь, но что ее дѣлаетъ такимъ?

Уже полтора года назадъ я говорилъ, что нашему злополучному отечеству приходится вести двѣ войны: одну-на его рубежахъ, другую — нудную, почти безнадежную — внутри, съ темными, безотвѣтственными силами, съ сплоченною чиновничьей камарильей вверху и ея же разрухою внизу, съ ощетинившимися, остервенѣвшими и безнаказанными живорѣзами тыла. Это стало уже общимъ мѣстомъ, повтореннымъ тысячи разъ съ газетныхъ столбцовъ, съ трибунъ всевозможныхъ учрежденій, въ Государственной и городскихъ думахъ, въ земскихъ и всякихъ иныхъ собраніяхъ. Вся Россія — полная чаша неизсякаемыхъ запасовъ, кормившая еще два года назадъ сахаромъ Персію, Турцію и даже англійскихъ свиней; хлѣбомъ, птицей, яйцами — Германію, Швецію, Норвегію; снабжавшая мукою безчисленныя макаронныя фабрики Италіи; крупчаткою — Испанію и африканскій сѣверъ, кожами и сырьемъ — полміра — корчится въ судоргахъ голодовокъ и продовольственной безурядицы. Голодовокъ, близкихъ къ агоніи, когда десятки милліоновъ пудовъ рыбы и птицы гніютъ въ секретныхъ застѣнкахъ у оптовиковъ и думскихъ складахъ. Сотни милліоновъ пудовъ хлѣба залеживаются и портятся подъ спудомъ у выродившихся въ Ваньки-Каины Мининыхъ, груды сахару ждутъ конца войны и возможности уйти за границы у нашихъ, преобразовавшихся въ Ироды, Пожарскихъ.

И все: сукна, обувь, холстъ, крупчатка, рафинадъ — можете записывать хоть десятки строкъ — вплоть до капусты — не въ самихъ коммерческихъ и иныхъ банкахъ, но у ихъ крѣпостныхъ служилыхъ и должниковъ. Въ этомъ — ни малѣйшаго преувеличенія. Въ газетахъ то-и-дѣло читаешь: тамъ накрыли залежи смердящаго мяса, затхлаго хлѣба, обратившейся въ трупный ядъ рыбы. Здѣсь наткнулись на подвалы сапогъ, сукна. Сюда доставленъ полуумирающій и уже не годящійся

ни на убой, ни на кожи скотъ, потому что его везли, не кормя по недѣлямъ. Заставляли по десяти дней голодать на станціяхъ, мимо которыхъ проносились въ пространство пустые вагоны и платформы. Пассажиры, останавливавшіеся на станціяхъ, слышали отчаянный голодный ревъ изъ загородокъ. Казалось, сама земля стонетъ отъ нестерпимой муки. Я видѣлъ такой скотъ, уже не державшійся на ногахъ, рядомъ съ тысячами пудовъ сѣна, мокшаго двѣ недѣли подъ дождемъ. Гибли животныя и ихъ кормъ въ нѣсколькихъ саженяхъ одни отъ другого. Другіе сотни вагоновъ пустыми приходили на назначенные имъ продовольственные складочные пункты и убѣгали отъ нихъ, также безъ груза, потому что некому было распорядиться, а растерянные люди по недѣлямъ ждали указаній; третьи — грамотными «папуасами малиноваго канта» направлены вмѣсто Москвы и Петрограда — во Владивостокъ и Владикавказъ. Случалось даже — въ Батумъ, Эривань или Торнео....

Оторопѣвшіе, сбившіеся съ толку уполномоченные, бросаются во всѣ стороны. Объявляютъ нещадныя войны другъ другу и истребляются взаимно. Никакого общаго плана. Каждый дѣйствуетъ на свой образецъ, а всѣ — мѣшаютъ и сбиваютъ съ пути другъ друга. Все есть и — ничего нѣтъ. Россія разбилась на удѣльныя княжества. Сосѣдніе губернаторы, каждый создаетъ собственную продовольственную политику, стремясь уморить съ голоду всѣхъ рядомъ и нисколько не помогая своимъ. Какая-то ослѣпшая неразбериха дикой злобы, варварской глупости и безпардоннаго невѣжества.

Вверху, вмѣсто того, чтобы внести какой-нибудь порядокъ въ сплошной хаосъ, руководители мѣстничаютъ, выхватываютъ другъ у друга палку, подставляютъ одинъ другому ногу и, вокругъ упавшаго, устраиваютъ вакханалію торжественной побѣдной свистопляски. Ни малѣйшаго горя о родинѣ, никакой заботы о ея судьбахъ. Только бы дать въ шею сопернику, свалить его въ временно чиновничье небытіе и самому стать на его мѣсто, чтобы тотчасъ же получить въ загорбокъ отъ подкравшагося сосѣда. Отовсюду крикъ: «какая небрежность, разруха, оторопь!» Позвольте, да причемъ же тутъ небрежность Ванекъ-Каиновъ, золотого шитья, Иродовъ и папуасовъ малиноваго канта, когда налицо всѣ признаки самаго величайшаго изъ преступленій: невѣжественнаго упорнаго вмѣшательства темныхъ силъ, государственной измѣны, народнаго предательства — въ центрахъ и злой, кровавой жадности мелкихъ сошекъ — по периферіямъ. Всѣ, кому вѣдать надлежитъ, или сознательно молчатъ, или до того растерялись, что болѣе двадцати трехъ мѣсяцевъ, вмѣсто лихорадочнаго, безпощаднаго дѣла, какъ я уже писалъ давнымъ давно, въ лучшемъ случаѣ совѣщаются, совѣщаются, а въ худшемъ — объявляютъ войны и ходятъ боемъ одинъ на другого.

Совѣщаются въ министерствахъ, совѣщаются въ комиссіяхъ, совѣщаются въ управахъ, въ думахъ, въ канцеляріяхъ, совѣщаются даже въ Синодѣ: отлучить ли вампировъ и вур-

далаковъ тыловаго хищничества отъ церкви или нѣтъ? Работниковъ мало, а «совѣщателей» сколько хочешь. Совѣщатели вверху, внизу. Совѣщатели безплодныхъ, растраченныхъ даромъ дней и безсонныхъ ночей. Какая-то оргія совѣщательства, гангрена, пожирающая всю энергію труда, все бѣшенство святого негодованія, всѣ нервы и мускулы еще вчера здоровыхъ рукъ. Ползучка, обратившая твердую власть въ жидкую протоплазму. Именно — гнойная ползучка, до такой степени по жиламъ и артеріямъ захватившая все наше отечество, что, напримѣръ, мнѣ большого труда стоило опять взяться за перо. Отнимались руки. Подлая пословица: «плетью обуха не перешибешь», просасывала сознаніе. Я видѣлъ безплодность разрозненныхъ усилій, полную никчемность, безсиліе печатнаго слова передъ этими удушливыми газами, которые уже не изъ-за рубежей, а по всей святорусской глади ползутъ, охватывая вонючимъ смрадомъ села, города, деревни, лѣса, по рѣкамъ струятся въ здоровыя еще дали, съ вѣтромъ перекидываются за Алаунскія, Уральскія, Кавказскія и всякія иныя, включая и Валдайскую — возвышенности и горы. Хрипло горло, глаза слѣпило, всего охватывало морокомъ. Всѣ пути казались заказаны. Родная явь слагалась въ китайскую стѣну, съ которою не совладаешь. Чувство безсилія! А тутъ еще подспудная, темная сила, путающаяся во все, но невидимая, недостягаемая, подтачивающая, какъ черви, самые прочные устои. Съ явью можно бороться, но что подѣлаешь съ кошмарами и призраками, неуловивыми, всегда остающимися внѣ предѣловъ законной досягаемости?

Посмотрите до чего мы заражены сплошною медлительностью. Сколько времени набатъ—«отечество въ опасности»—глушитъ всѣ остальные голоса, а мы даже и не приподымаемъ отяжелѣвшихъ вѣкъ. Тѣ, кто первыми должны бы послужить родинѣ, смятенно и безсмысленно бросаются во всѣ стороны, какъ крысы, объѣвшіеся буры.

Надо принимать мѣры сегодня, сейчасъ, сію минуту, а мы все надѣемся на завтра. Сказало свое твердое, но, увы, не властное, слово народное представительство, объединившееся съ Государственнымъ Совѣтомъ и дворянскимъ съѣздомъ и... осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ... Точно исторія — врагъ и природа ждутъ, когда мы, наконецъ, соберемся съ умомъ и силами. Такъ мы проморгаемъ все въ Россіи, пораженной чумой не двухъ, а трехвластія, потому что сверхъ военной и гражданской, у насъ еще живетъ и дѣйствуетъ такая обособленность на мѣстахъ. Мы ищемъ спасенія не у знанія, ума и энергіи, а у оралъ, умѣющихъ только бѣшено замахиваться палкою и кидаться чуть ли не на образа. А подъ рукою у этихъ громобоевъ — подобострастная челядь, хорошо еще если по глупости, путаетъ и путается сама, лукаво направляя зевсовы молніи въ тѣхъ, кто еще не потерялъ головы и хочетъ работать. Никто не на своемъ мѣстѣ, потому что даже на боевыхъ позиціяхъ на такое ставятся не по заслугамъ, не по освѣдомленности, а за преданность, молчалинство и по вѣчной нашей табели о рангахъ. Министры

назначаются и тотчасъ же является въ газетахъ: такой то знакомится съ дѣломъ. Это — въ военное время, когда надо сію минуту очищать авгіевы конюшни. Что же онъ дѣлалъ до сихъ поръ и почему его именно назначили, когда изо всѣхъ дипломовъ у него только и есть, что о прививкѣ оспы... Народъ исходитъ кровью, а за его воплями — темная сила еще тверже устанавливаетъ свое побѣдное торжество, точно смѣясь — въ кои то вѣки удалось заарканить вора — а темная сила распутала этотъ арканъ и вновь пустила щуку въ воду.

Небрежность? Какая небрежность, когда во всемъ походѣ темныхъ силъ со стороны на нашу родину видна планомѣрность, послѣдовательность, терпѣливые и назамѣтные обходы по заранѣе намѣченнымъ масштабамъ и картамъ; червивое развѣтвленіе подземныхъ галлерей, закладываемыя повсемѣстно убійственныя мины... Растерянность и мѣстничество, о которыхъ я говорилъ выше, жадность и оголтѣлый грабежъ мелкой сошки и торговой шпаны, безсознательно служатъ этому въ тиши невѣдомыхъ и никому изъ простыхъ смертныхъ недоступныхъ кабинетовъ задуманному завоеванію и растлѣнію русскаго тыла, питающаго нашу армію. Противъ нея ничего нельзя сдѣлать явно, по отношенію къ ней тратятся безъ удержу коварныя, громкія слова, льются лицемѣрныя слезы, но, за ея спиной, подтачиваются всѣ закрѣпы, начиная отъ физическаго здоровья и кончая духомъ народа. Каждый предатель начинаетъ съ того, что распластывается передъ арміей. Я не знаю — на что обопрется вставшій во весь свой ростъ Микула Селяниновичъ, когда позади него — разрыхленныя, пробитыя насквозь, изъѣденныя червоточиной снизу, сгноенныя стѣны?

Столицы направляютъ и правятъ страною. Ихъ общественное мнѣніе — термометръ, показывающій состояніе народнаго здоровья. Правильно ли это, или нѣтъ, но онѣ говорятъ за тѣхъ, что молчитъ. Въ нихъ все является обостреннѣе, ярче, показательнѣе. Царевококшайска не увидишь, а Москва — вотъ она, точно на ладони. Откуда ни смотри — замѣтишь. Къ столицамъ прислушиваются, приглядываются. Съ ними считаются прежде всего. По нимъ судятъ объ общемъ положеніи дѣлъ. Онѣ создаютъ впечатлѣнія и настроенія. И вы не разъ читали уже въ письмахъ изъ-за рубежей, въ газетныхъ свидѣтельствахъ оттуда, что планомѣрный продовольственный планъ умной, предусмотрительной и патріотической Германіи зиждется, прежде всего, на удовлетвореніи Берлина, Мюнхена, Вѣны. Боятся въ этихъ центрахъ вызвать недовольство войной, измучить ихъ нуждою и голодомъ. И то, и другое есть въ нѣмецкихъ столицахъ, но всѣ усилія энергической власти направлены къ тому, чтобы сдѣлать это менѣе острымъ, терпимымъ. У насъ — все наоборотъ. По близорукости однихъ, глупости и лѣности другихъ, руководители и исполнители этого планомѣрнаго плана, обезсиливающей народъ компаніи, прежде всего стараются обездолить Москву и Петроградъ. Можетъ быть, это — только предположеніе? Но позвольте: почему же всѣ грузы,

поѣзда, запасы обходятъ наши центры? Почему нужду и голодъ стараются сдѣлать особенно замѣтными, крикливыми, невыносимыми именно здѣсь, гдѣ складывается руководящее настроеніе, откуда всего слышнѣе и плачъ голодныхъ дѣтей и злобные крики негодованія? Гдѣ всего виднѣе хвосты у лавокъ и гдѣ вліятельныя и сравнительно свободныя газеты? Теперь, впрочемъ и передъ такими нагородили всякія проволочныя загражденія. Генералъ Мрозовскій, напр., запретилъ писать о голодѣ, точно молчаніе накормитъ народъ. То-же, что дѣлали министры въ старое доброе время, не признававшіе голода, а только допускавшіе мѣстный недородъ.

Вѣдь не дальше, какъ недѣлю назадъ московскій градоначальникъ отдалъ приказаніе «не мѣшать» подгороднымъ крестьянамъ возить припасы въ Москву. До сихъ поръ, значитъ, полиція не пропускала ихъ черезъ заставы. По чьему-то щучьему велѣнію? Я за эти мѣсяцы нѣсколько разъ проѣхалъ съ сѣвера на югъ и обратно. Мнѣ яснѣе этотъ планъ, чѣмъ тѣмъ, кто сидитъ на мѣстѣ. Я наблюдалъ геометрическую прогрессію оскудѣнія по мѣрѣ приближенія отъ периферіи къ центрамъ. Вѣдь, повторяю, у насъ — всего много и ничего нѣтъ. Въ Евпаторіи люди задыхаются отъ громадныхъ залежей муки, но доставить ее въ Москву, или Петроградъ не могутъ. Имъ это запрещено. По кавказскому побережью всякаго добра съ верхомъ, но лежитъ оно какими-то сокровенными пластами на мѣстѣ, какъ богатая руда подъ толщей горы. На низовьяхъ Волги, въ Архангельскѣ, на р. Уралѣ, въ Сальянахъ, Ланкорани — пропасть рыбы, но она отправляется въ Москву, какъ будто, съ такимъ расчетомъ, чтобы наполовину не только сгноить, но и заразить воздухъ чумой. Въ Харьковской губерніи на всѣхъ станціяхъ истлѣваютъ, обращаются въ испорченную массу, склады подсолнуха; и тамъ же, вмѣсто прованскаго, пустили въ продажу хлопковое масло.

Конца нѣтъ этому. Хвастаемся: уничтожили-де пьянство. А деревня (хотя бы Тамбовская) не продаетъ муки, потому что изъ куля выгоняетъ двѣ четверти спирту и беретъ за него по 15 руб. за каждую. Да еще при этомъ ходитъ пьяная. Полная демократизація винокуренія. Урядникамъ съ каждаго двора, выгоняющаго спиртъ изъ муки, уплачивается по 20 руб. И натурой пей, сколько хочешь. Не жизнь, а рай. Въ областныхъ полиціяхъ все достать можно, только раскошеливайся. Сибирское масло въ Ялтѣ, напримѣръ, или въ Симферополѣ стоитъ отъ 1 руб. 80 коп. до 2 руб. 20 коп. за фунтъ — сливочное, а въ Москвѣ ему цѣна до 5 руб. и выше — кухонное. А, вѣдь, дорога въ Крымъ дальше, чѣмъ въ Москву. Въ Волжскихъ городахъ, стоящихъ рядомъ, фунтъ его стоитъ 80 коп., а въ другомъ — 2 руб. По всему пути въ вагоны садятся мѣстные хозяева и, точно спѣлись, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ жалуются:

«Везли изъ деревни птицу, масло, крупы, муку или что тамъ еще. До станціи добрались. Хотѣли взять это съ

собою въ Москву (или Петроградъ); а жандармы остановили и вернули обратно»...

Вези, куда хочешь, только не въ эти, обреченные голоду и недовольству продолженіемъ войны, центры. Желѣзныя дороги не принимаютъ грузовъ съ припасами для продовольствія. Если-же такіе открываются въ багажѣ пассажировъ, то конфискуются. Разумѣется, если ранѣе этого ихъ не раскрадутъ багажные кондуктора. Держи на мѣстѣ и жди, откармливай ими счастливыхъ крысъ и мышей, только пусть это не достанется людямъ. Я думаю, что гдѣ-нибудь существуетъ карта, гдѣ петля за петлей намѣчены мѣста, по очереди, для распространенія голодовокъ. И кто-то безнаказанный въ тишинѣ и покоѣ кабинета ведетъ эту стратегію.

III.

То и дѣло слышишь: что же мы можемъ сдѣлать? На оторопь и мѣстничество центральныхъ управленій мы вліять не въ силахъ. Паны дерутся, а у холоповъ чубы летятъ. Въ предѣлахъ дозволеннаго, мы-де и штрафуемъ, и сажаемъ въ тюрьмы мелкотравчатыхъ живорѣзовъ тыла. Совершенно вѣрно — вы штрафуете отъ ста рублей до трехъ тысячъ слѣпыхъ, жалкихъ шакаловъ, не вѣдающихъ, что они творятъ. Киты же, на которыхъ стоитъ все это обездоленіе и обнищаніе тыла, недоступны. Да и шпанѣ нашихъ внутреннихъ сахалинцевъ куда какъ вольготно. Что ему три тысячи, когда онъ нажилъ ихъ триста, а, заплативъ эти три тысячи, завтра положитъ въ карманъ милліонъ. Въ два-три мѣсяца, изъ ничтожной шпаны въ настоящіе почтенные каторжники выскочитъ. И желать ему лучшаго незачѣмъ. Тюрьмой его не удивишь: онъ и дома привыкъ къ затхлымъ застѣнкамъ душныхъ и смрадныхъ горницъ и къ ихъ плотояднымъ клопамъ. Вѣдь не особые же въ тюрьмахъ — такъ же кусаются, какъ и у себя. И запахъ одинаковый. Давно принюхались. Даже пословица у нихъ появилась: «Кому тюрьма, а мнѣ батька». Какъ намъ услѣдить, гдѣ эта тыловая скопидомщина прячетъ до вящшаго еще подъема цѣнъ свои запасы? Подумаешь, совсѣмъ городъ Глуповъ и глуповскіе въ немъ порядки. «Не обыскивать же!» Позвольте, да съ какихъ же поръ вы стали стѣсняться? Никакъ я не припомню, чтобы до сихъ поръ вы въ этомъ отношеніи ужъ очень конфузились. А главное — обысковъ не нужно. Объявите завтра, что всякому, кто правильно укажетъ припрятанные запасы, товаръ, сырье, отдается, по распродажѣ ихъ, половина вырученной суммы или половина товара, съ обязательствомъ выпустить его на рынокъ немедленно. И, невдолгѣ послѣ этого, въ Россіи окажутся сотни милліоновъ пудовъ всякаго добра. Вы скажете: вѣдь, это вызоветъ эпидемію доносовъ. Мы-де не можемъ поощрять этого безнравственнаго порядка. Съ какихъ же поръ? Да, вѣдь, сейчасъ развѣ вы не видите, что искуственное оскудѣніе рынка довело уже наше отечество до опасности и доведетъ его до революціи, а разъ

«отечество въ опасности», надо его скорѣе вывести изъ тупика. Почему же доносы и анонимные, въ одну сторону были благопріемлемы, а въ другую — вы отъ нихъ стыдливо отворачиваетесь. Мы имѣемъ дѣло сейчасъ съ величайшими преступниками, которые ведутъ страну къ потрясеніямъ и когда? Когда голодные войска, лучшіе люди страны, безропотно умираютъ на облитыхъ кровью позиціяхъ. И, въ такое исключительное время, вы боитесь тѣхъ исключительныхъ мѣръ, которыя вы нисколько не церемонились среди полнаго мира, тишины и спокойствія примѣнять по отношенію къ гораздо менѣе виновнымъ, а часто и вовсе невиновнымъ людямъ.

Съ трибуны Государственнаго Совѣта и Государственной Думы уже было сказано, что надо бояться революціи вовсе не отсюда. Воинская доблесть, духовный подъемъ народа, — счастье великой побѣды — никогда не вызовутъ революціи. Они уничтожаютъ самую возможность ея. Но разруха, мѣстничество министерскаго калейдоскопа вверху и губернаторская междоусобица, безнаказанность тыловыхъ міроѣдовъ, голодъ народа при подневольномъ молчаніи загнанной за проволочныя загражденія печати, наглое ликованіе комаринскихъ живорѣзовъ и живодеровъ и, какъ результатъ всего этого — пораженіе, дѣйствительно могутъ довести людей до отчаянія...

Трехтысячные штрафы, замѣна домашнихъ клоповниковъ тюремными — пора бы покончить съ этой идилліей внезапно смягчившейся власти. Гангрену надо лѣчить не терапевтикой, не массажемъ, а хирургическимъ ножемъ. Вы слышали уже въ Государственной Думѣ, какъ въ республиканской Франціи поступили съ архимиллюнеромъ, вздумавшимъ, забывъ любовь къ родинѣ и обязанности добраго гражданина, взмыливать цѣны на продовольствіе въ военное время. Тамъ его казнили. Если предаютъ смерти шпіоновъ на боевыхъ поляхъ, почему же съ такими врагами народа мы стѣсняемся въ тылу? Вѣдь, сейчасъ — по условіямъ нынѣшней войны, тылъ — та же боевая позиція. Она начинается на Вислѣ и упирается въ Тихій океанъ. И еще неизвѣстно — какая важнѣе? Лицомъ къ лицу съ внѣшнимъ врагомъ, котораго видишь и знаешь, или внутри — съ безотвѣтственными Іудами, съ прячущимися авторами планомѣрной тихой сапы, подземными измѣнниками-минерами и ихъ явными соучастниками, съ Разуваемыми и Колупаевыми всѣхъ ранговъ? Возможно ли это было бы, хотя бы въ Германіи, гдѣ всякая рука на счету и каждый пудъ хлѣба на отчетѣ? А учиться у нее не мѣшаетъ нетолько въ мирное, но и въ военное время. Нѣмцы всегда были отличными профессорами!

IV.

Я всюду слышалъ въ оправданіе живодеровъ тыла:

— Позвольте, да, вѣдь, рубль нашъ упалъ... Понятно, что и цѣнность всего соотвѣтственно поднялась.

Соотвѣтственно, да не соотвѣтственно.

Рубль упалъ много-много на 30 %, а запасы, находящіеся въ странѣ, производимые ею и вовсе не зависящіе отъ затрудненнаго нынче ввоза, вздулись на 300, 400, 500, 1000 и т. д. процентовъ. Мы вѣримъ, или нѣтъ нашему отечеству и его силамъ? Вѣдь, если мы утратили эту вѣру, такъ бери веревку и полѣзай въ петлю. При чемъ же тутъ паденіе курса и совсѣмъ несообразный съ нимъ ростъ стоимости масла, яицъ, муки, крупъ, сахару и т. д. Подумаешь — какіе предметы иностраннаго ввоза. Да и ввозъ тоже далеко не таковъ, чтобы драть шкуру съ живого и мертваго.

Возьмемъ наши аптеки. Французскіе заводы Роны доставили намъ въ изобиліи всякія снадобья латинской кухни. Цѣны на нихъ за рубежемъ ниже, чѣмъ мы платили въ мирное время. А у насъ они, даже перелагая на курсъ нашей валюты, возрасли вдесятеро и выше.

Все, все остервенѣло отъ безнаказанности грабежа. Этой алчной несыти какія твердыя цѣны не назначай — она при первомъ случаѣ вздуетъ ихъ вдесятеро и при этомъ наивное: ужъ если теперь не нажиться, такъ когда же? «Богъ милости посылаетъ.» И крестится на иконы христопродавецъ.

Изъ заграницы получаются иныя свѣдѣнія. Невольно навертываются сравненія и параллели. Отчего же тамъ нашли средства бороться съ этою чумой русской торговли и не только бороться, но и въ самомъ началѣ убить ее? Спрашивали у тамошнихъ финансистовъ — понимаете, ф и н а н с и с т о в ъ. Вѣдь у гривенника нѣтъ отечества и ему все-равно: двуглавый на немъ орелъ на оборотѣ или одноглавый. Но оттуда отвѣчали, точно сговорились, почти однѣми и тѣми же фразами: «Мы считали бы величайшимъ преступленіемъ, позоромъ родины пользоваться ея горемъ, чтобы набивать себѣ въ это время карманы. Имена такихъ негодяевъ выставлены были бы на плакатахъ, переданы потомству, ихъ дѣти и внуки стыдились бы этихъ отцовъ и дѣдовъ — враговъ своего отечества. Да и наши военные суды не поколебались бы ни на минуту послать подъ разстрѣлъ этихъ поставщиковъ. У насъ были такіе въ прошлыхъ столѣтіяхъ, но теперь никто бы не сталъ мирволить откупщикамъ, оптовикамъ, банкамъ. Повѣрьте, имъ самимъ были бы, прежде всего, невыгодны ихъ милліоны.»

Банки! Наши добродѣтельные, невинные, какъ новорожденная дѣвочка, банки. Бѣдныя овечки, обиженныя волкодавами печати, сующейся не въ свое дѣло. Они, видите ли, обрадовались ревизіямъ, которыя должны обѣлить ихъ. Еще бы, когда они знаютъ загодя, чуть не за мѣсяцъ, объ этихъ ревизіяхъ. Тутъ не только можно спрятать все, но и замуровать спрятанное. Банкъ въ сторонѣ, его «мартышки» шныряютъ по всѣмъ дорогамъ и выжидаютъ мужика съ товаромъ, чтобы загнуть его сани въ свои дворы. Подите-ка, изловите этихъ. Кто скупалъ квашеную капусту подъ Москвою, муку — на югѣ, кожу, резину, сахаръ? Разумѣется, не великолѣпные Зевсы банковаго Олимпа. На это есть всякая мелочь, векселя которой хранятся въ банковыхъ портфеляхъ.

Ревизія? Да какая же это ревизія, когда о ней деревенскіе пѣтухи съ заборовъ орутъ. Кого эта ревизія врасплохъ застанетъ?.. Въ Государственной Думѣ сорвали съ этихъ банковъ ихъ маски. Что же, развѣ это мѣшаетъ имъ дѣйствовать попрежнему? Ревизія! И въ маленькомъ коммерческомъ дѣлѣ можно всякія суммы расписать такъ, что и комаръ въ нихъ носа не подточитъ. Кому эта бухгалтерія неизвѣстна? Ихъ поилецъ, Государственный Банкъ, нуждается въ деньгахъ, потому что онъ скормилъ на нихъ шесть или семь милліардовъ залежей текущаго и другихъ счетовъ. Государственный Банкъ не только вамъ не платитъ, но и, напротивъ, чуть самъ не беретъ съ васъ за храненіе. То и дѣло его ссужаютъ наши южные, Ростово-Донъ и Екатеринодаръ, кооперативы. Ну — и всѣ эти милліарды нужныхъ въ военное время денегъ, золотыми морями полились въ кассы частныхъ банковъ, питая спекуляцію, сокрытіе жизненныхъ запасовъ, неимовѣрный подъемъ цѣнъ, всеобщій грабежъ, народный голодъ. Сосредоточь Государственный Банкъ у себя эти вклады — не пришлось бы и по военнымъ займамъ платить по 5 1/2 % на 95. Недаромъ же говорятъ кругомъ, что на русскіе милліарды наши банки служатъ загранйцѣ. Я не сразу понялъ это. Спрашиваю: какъ? И оказалось, по толкованію капитановъ Копейкиныхъ, всѣ эти залежи и запасы ждутъ мира, чтобы тотчасъ же, за счетъ побѣдоносной, но изголодавшейся Россіи, направиться за рубежъ.

А, можетъ быть, капитаны Копейкины и не всегда изрѣкаютъ глупости. Вѣдь и Валаамова ослица заговорила въ минуту опасности. Когда печать безгласна — повѣришь всему.

Общественная совѣсть, которую никогда такъ не тревожитъ мрачная правда, какъ проволочныя загражденія печати, идетъ дальше самой ужасной дѣйствительности. Тамъ, гдѣ все приниженно молчитъ, воображеніе работаетъ во всю. Не бойтесь истины. Кто ее знаетъ, тотъ борется и побѣждаетъ неправду. Зажгите свѣтъ — иначе въ темныхъ комнатахъ и взрослые заорутъ отъ оторопи и глупаго страха.

V.

Смѣлость, доблесть, сила — на рубежахъ, на нашемъ боевомъ фронтѣ; трусость — на фронтахъ внутреннихъ, на боевыхъ позиціяхъ промышленной и торговой Россіи. Свѣжевылупившіеся милліонеры сами чувствуютъ, что, вѣдь, не все же коту будетъ масленица. Загребистыя лапы хватаютъ, что плохо и хорошо лежитъ, а печенка свербитъ и подъ ложечкой сосетъ, и шея невольно гнется отъ неизвѣстно откуда направленнаго удара. Сейчасъ по всей Россіи эти финансовые геніи скупаютъ все, что возможно скупить. По всей землѣ нашей тысячи Чичиковыхъ разыскиваютъ наивныхъ помѣщицъ Коробочекъ. Надо во что бы то ни стало и куда бы то ни было помѣстить награбленные капиталы. Недвижимая собственность — дома, земли, сады — растутъ вдвое или

втрое. Никакой доходъ съ нихъ не оправдаетъ такого расхода. Все равно. Это грозитъ послѣ войны неизбѣжнымъ разореніемъ, паденіемъ валюты, но, вѣдь, ошалѣлый отъ удачи грабитель не разсуждаетъ. У самого пасть въ крови, а онъ жадно въѣдается еще и еще во всякое живье. И пьяный восторгъ удачи, и ужасъ трусливой душенки въ глазахъ у этой глотающей всякіе куски несыти.

Вѣдь, такой страды и въ двѣнадцатомъ году не было въ Россіи, а у насъ на каждомъ дѣлѣ сидитъ, или къ каждому дѣлу приставленъ весь прососанный рутиной косный, не умѣющій ни въ чемъ разобраться и на все ожидающій инструкціи подслѣповатый канцелярскій чинъ, какого бы ранга и мундира ни былъ — все равно. Люди, чуть не уморившіе голодовкой одинъ районъ, ставятся въ головѣ всего продовольственнаго дѣла. Примѣръ — хотя бы и князь, обездолившій Харьковъ. Невѣжественные бомбардосы верховодятъ сложными хозяйственными операціями, хотя до тѣхъ поръ они о такихъ и не слыхивали. Автомобильными дѣлами завѣдуютъ люди, не имѣющіе о нихъ никакого понятія, не умѣющіе отличить подшипника отъ шины (фактъ); лётными — куриная порода, никогда не подымавшаяся выше насѣсти.

«Гномъ да гномъ! Позвольте — вѣдь это уже изъ мифологіи?» — подлинно слышанное и записанное. Хищникамъ поручается борьба съ хищничествомъ. Инженерамъ, прославившимся безпорядками ихъ дорогъ, — приведеніе въ порядокъ бездорожья на фронтѣ. Чиновникамъ, судившимся дома за взятки, отдаются на кормы вновь занятыя области (Галиція). Безграмотнымъ почаевцамъ — борьба съ просвѣщеннымъ уніатскимъ духовенствомъ (нашли время). Бороться съ сахарнымъ кризисомъ — сахаровару, съ банковымъ засиліемъ — банковскому дѣльцу. Все обнажилось, все потеряло стыдъ и хвастается своимъ гольемъ. Ближе всего къ дѣлу, къ народу, къ производителю стоитъ Земство и оно, именно, заподазривается, замуровывается. Общественныя силы могли бы спасти страну. Вѣдь, на мѣстахъ знаютъ все и Ваньки-Каины у общественныхъ дѣлъ и организацій на виду. Намъ пальцами указываютъ такихъ. А между общественными организаціями и дѣломъ стали — или юркая вороватая растопхайка или ревнивый, слѣпой, косный юсъ, выросшій на мертвечинѣ формализма, бумажной отписки, не способный къ творчеству, къ догадкѣ, къ почину. Ему, прежде всего, надо спасать свое положеніе, свое за тридцать лѣтъ безпорочной переписки продырявленное кресло, а не отечество, свой личный престижъ бархатнаго воротника и золотого шиться, а не народъ, не всю нашу государственную будущность, которая сейчасъ стоитъ на картѣ.

Доблесть — на фронтѣ — тамъ гдѣ офицеры и солдаты стоятъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. А въ подготовкѣ боя та же разруха, то же преступное равнодушіе, растерянность. Каково боевымъ частямъ видѣть, что измученнымъ въ окопахъ, утратившимъ лучшихъ своихъ товарищей уби-

тыми и раненными, усталымъ — подаютъ новыя «свѣжія части», но безъ оружія... И на вопросъ: не голыми же руками имъ драться? — слышать — а вотъ васъ перебьютъ, эти возьмутъ ваши ружья и займутъ ваше мѣсто. А развѣ офицеры и солдаты не видѣли, что командные посты достаются не талантамъ и отличію, а по табели о рангахъ, по очереднымъ спискамъ?...

Передъ самою войной военный министръ съ трибуны Государственной Думы заявилъ торжественно: «мы готовы, все у насъ есть, побѣда обезпечена съ этой стороны». Общество успокоилось и, вдругъ, оказалось — армія безоружна: нѣтъ пушекъ, нѣтъ винтовокъ, нѣтъ снарядовъ, нѣтъ патроновъ. Въ Львовѣ мнѣ радостно говорили: «слава Богу, намъ прислали три милліона патроновъ». Это на 450 000 солдатъ, т. е. меньше чѣмъ по семи на винтовку. Въ нынѣшнемъ бою — гдѣ и по сто въ день на человѣка мало! Мобилизовали, отнявъ у полей и фабрикъ — 18 000 000 молодыхъ людей. На фронтѣ было не больше 8 000 000. Остальные десять милліоновъ объѣдали страну, загромождали тылъ и, въ сплошномъ досугѣ, готовились къ революціи въ военную кровавую страду!

Да, несомнѣнно, гангрена есть, а мы, вмѣсто хирурговъ общественнаго гнѣва, въ лучшемъ случаѣ посылаемъ ее лѣчить массажистовъ или, накладывая на язвы бѣлыя газетныя плѣши цензурнаго цѣломудрія, думаемъ, что злокачественные гнойники никому не видны. По старой практикѣ, мы все еще не лѣчимъ, а успокаиваемъ, точно успокоеніе оздоровитъ пораженные ракомъ мозги и сердца. Въ вашихъ подтекахъ — опасные гніющіе сгустки, а вы ласковымъ или грубымъ массажемъ разгоняете ихъ по жиламъ, чтобы они закупорили важные сосуды и вызвали параличъ всего государственнаго организма.

Вспомните неоскудѣвающій геній нашихъ изобрѣтателей. Мы, самодовольно со всѣхъ деревенскихъ заборовъ прокукарекавшіе банковскіе ревизіи задолго до ихъ начала, почему не сдѣлали того же со всевозможными комиссіями и комитетами, являющимися настоящими кладбищами для генія нашихъ изобрѣтателей. Въ могилахъ и саркофагахъ этихъ комиссій, — кому это неизвѣстно — покоятся сотни прекрасныхъ открытій, творческихъ мыслей, полезныхъ и такъ необходимыхъ сейчасъ намъ усовершенствованій по артиллеріи, по авіаціи, по летному дѣлу. Между этими, заживо схороненными, есть даже тѣ, которыя могли бы послужить нашей войнѣ. Пошлите туда ревизію, да не поручайте ее старымъ могильщикамъ: «свой своему поневолѣ братъ». И Государственный Совѣтъ и Государственная Дума укажутъ вамъ людей и техниковъ, которые чудесно выполнятъ эту миссію. А вѣдь эти Фогели стали не только у внутреннихъ дѣлъ, но и въ боевыхъ шептунами вкрались въ святое святыхъ нашей защиты. Эта гангрена вездѣ. Гангрена чиновничества, техническихъ комитетовъ, банковъ, торговли, промышленности, у которой атрофировались связанныя руки; цензуры, загоняющей бѣлыми

пластырями заразу внутрь. Здоровъ народъ, здоровы выдвинутыя имъ общественныя силы — снимите нагроможденныя по всѣмъ ихъ путямъ заставы и загородки — и вы услышите властное, воскресающее слово настоящихъ богатырей-работниковъ. Вѣдь, до сихъ поръ изъ этихъ общественныхъ силъ сквозь ваше сито на отечественную великую службу попадала только никчемная тля. . .»

Вотъ, что писалось, набиралось въ типографіи, но никогда не появлялось въ печати передъ нашей поѣздкой въ Англію и Францію. Я привожу все это здѣсь, чтобы показать разницу творившагося у насъ съ тѣмъ, что пришлось мнѣ наблюдать у союзниковъ. И еще: мы удивляемся, какъ быстро и легко развалилась могущественная Россія. Да вѣдь ея агонія, агонія Великой Имперіи, началась не со вчерашняго дня. Весь народъ видѣлъ нашу разруху: солдатъ — на фронтѣ, офицеръ, честные люди — въ тылу или хорошо знали ее, или испытывали на самихъ себѣ. Не мудрено ли, что, когда насталъ послѣдній рѣшительный часъ — власть, этотъ все время колебавшійся во всѣ стороны маятникъ, не нашла ни защиты, ни оправданія. Вѣдь не отъ удара же бронированнаго поѣзда съ Ленинымъ по ногамъ такого колосса, какимъ было наше отечество, оно рухнуло въ щебень и мусоръ. Отечества уже не было — оно воскресаетъ въ сознаніи народа теперь. Наша революція началась не со вчерашняго дня. Ея корни уходятъ глубоко, чуть ли не въ подпочвенные слои Берлинскаго Конгресса, когда народъ и общество были оскорблены позорными для насъ результатами побѣдоносной войны. Мировая бойня, начавшаяся въ 1914 году — показала даже слѣпымъ до чего мы дошли. Ея событія питали и ростили этотъ ракъ, который окончательно разъѣлъ нашу злополучную родину. Послѣ печальнаго урока манчжурской войны, нуженъ былъ долгій и ничѣмъ не колеблемый миръ. Но . . .

Впрочемъ, нѣтъ ничего легче, какъ быть судьями post factum.

Вѣдь и въ верхахъ любили Россію, но странною любовью. Они любили Россію подъ собою, а не рядомъ. Имъ казалось, что, замѣни ихъ — и отечество погибло. Вѣдь и Горемыкинъ, и Штюрмеръ думали не иначе. Они отождествляютъ судьбы родины со своими собственными, хотя онѣ давно врозь. И когда, въ какое время . . . Вотъ ужъ, именно, время великое, а люди малые и не только малые, но и недобросовѣстные . . .

Подъ такими впечатлѣніями я собирался на фронтъ. Былъ конецъ января. Погода стояла мерзкая. Недавняя контузія давала себя знать. Вся правая сторона болѣла. А тутъ еще заботы — гдѣ добыть автомобиль? Въ эту войну можно было обойтись безъ верховой лошади, но безъ мотора — никуда. Хоть иди пѣшкомъ. Послѣднюю передъ этой войну — Балканскую, я сдѣлалъ всю въ сѣдлѣ. Но тамъ и масштабы, вѣдь, были куда меньше. А тутъ — позиціи растянулись отъ Балтійскаго моря до Дуная. На Пегасѣ далеко не уѣдешь! Раскидываю такъ и этакъ, торгуюсь — нельзя ли пріобрѣсть

машину подешевле и, вдругъ, совершенно неожиданно, звонокъ телефона:

— Кто говоритъ?

— Англійскій маіоръ Торнхиль.

— Что прикажете?

— Англійское Правительство приглашаетъ васъ посѣтить англійскіе заводы и фабрики военныхъ снаряженій и, потомъ, боевой фронтъ.

Ничего не понимаю. — Зачѣмъ?

— Видите ли, намъ нужно ознакомить Россію съ тѣмъ, что мы дѣлаемъ для себя и для нашихъ союзниковъ въ эту войну. Печатъ, прежде всего, должна быть ознакомлена съ тѣмъ, что дѣлаютъ союзники. Намъ далъ уже согласіе Л. Андреевъ. Еще намѣчены кое-кто...

— Это депутація отъ печати?

Будь это депутація — я бы, разумѣется, поѣхалъ только послѣ избранія меня товарищами.

— Нѣтъ не депутація.

— Значитъ, отъ нѣкоторыхъ газетъ?

— Приглашенія личныя. Мы предполагаемъ просить шесть или семь русскихъ писателей пожаловать къ намъ. Что вы можете сказать на это?

— Благодарю за честь. Разумѣется — принимаю.

— Это исходитъ отъ нашего посла, Бьюкенена...

Я согласился, но, въ сущности, не могъ еще сообразить, почему этотъ выборъ остановился на мнѣ. Черезъ день я былъ очень обрадованъ. Мнѣ сообщили: будетъ приглашенъ и Гр. Петровъ. Я хорошо зналъ, что въ Лондонѣ придется отвѣчать на рѣчи, а я ораторъ-никакой. Гр. Петровъ же-напротивъ. Узналъ, что будетъ и Д. В. Набоковъ, обладающій, помимо личнаго крупнаго авторитета, недюжиннымъ даромъ слова. Я его помнилъ по первой Думѣ. Къ сожалѣнію, потомъ оказалось, что ни Гр. Петровъ, ни Л. Андреевъ не ѣдутъ, а съ нами отправляются — отъ Русскихъ Вѣдомостей талантливый беллетристъ и превосходный военный корреспондентъ, графъ А. Н. Толстой, К. И. Чуковскій, только что выпустившій второе изданіе своей книги объ англійскихъ солдатахъ, Е. Егоровъ, «передовикъ» отъ Новаго Времени и г. Башмаковъ, отъ «Правительственнаго Вѣстника».

Случайно, издатель «Русскаго слова», И. Д. Сытинъ, оказался въ Петербургѣ. Сообщилъ ему.

— Сколько? — И криво сощурился.

Онъ большихъ цифръ не боялся, но трепеталъ передъ малыми. Милліономъ его не испугаешь, но отъ двугривеннаго онъ могъ исчезнуть, какъ чортъ отъ Креста.

— Тысячъ шесть надо взять съ собою.

Къ моему удивленію, Русско-Азіатскій банкъ далъ за нихъ лишь около четырехсотъ фунтовъ, въ то самое время, какъ Е. Егорову кредитная канцелярія заплатила по нормальному курсу.

На меня это произвело такое впечатлѣніе, будто во время войны каждый нашъ банкъ устанавливаетъ совершенно произвольно свои курсы на иностранную валюту. И самый невыгодный, какъ у насъ, такъ и за границей, для держателей русскихъ цѣнностей былъ «союзный» Ліонскій кредитъ. Въ Парижѣ, на одномъ изъ финансовыхъ собраній, былъ поднятъ вопросъ о стремительномъ пониженіи русскаго кредитнаго рубля. Случившіеся тамъ банкиры сообщили, что ихъ самихъ это крайне изумляетъ тѣмъ болѣе, что германская марка падаетъ далеко не такъ быстро и низко. Оказалось, вся игра на пониженіе нашихъ бумагъ и денегъ идетъ въ Петроградѣ и изъ Петрограда, откуда даются въ Лондонъ и Парижъ директивы безнаказаннаго обезцѣниванія рубля. «Странные у Васъ патріоты» — восклицали французы.

Чуковскій о приглашеніи узналъ лишь наканунѣ отъѣзда. Для полученія заграничнаго паспорта надо было, по крайнѣй мѣрѣ, недѣлю сроку. Но вмѣшательство британскаго посла сократило его до нѣсколькихъ часовъ и, хотя кн. Оболенскій, воздѣвая руки къ потолку и увѣрялъ, что «эти стѣны до сихъ поръ не видали ничего подобнаго», но, недобритый и съ галстукомъ на бекрень, Чуковскій, все-таки, явился къ Бьюкенену съ ужасомъ въ глазахъ, но съ паспортомъ въ карманѣ.

Всѣ хлопоты по нашему переѣзду принялъ на себя корреспондентъ Times'a, мистеръ Вильтонъ, у котораго все время на лицѣ было такое выраженіе, будто тысячи гарпій готовятся ежеминутно разорвать его въ клочья. И дѣйствительно, роли нашего хозяина завидовать было трудно. Ему пришлось имѣть дѣло не только съ нами, но и съ шведскими и норвежскими чиновниками. Часто случалось, что телеграммы о насъ на желѣзнодорожные узлы не переданы, то тому, то другому мѣста не хватало и у бѣднаго Вильтона глаза вылѣзали на лобъ...

— Если вы воображаете, что я еще разъ возьму на себя такую обузу... — налетѣлъ онъ какъ-то на меня...

За то — надо отдать ему справедливость. Цѣною его страданій мы по всему пути до Лондона имѣли удобства, о которыхъ иначе не смѣли бы и мечтать... Онъ, буквально, разрывался для насъ, не упуская по всему пути дѣлать самыя тщательныя наблюденія — о вооруженіяхъ Швеціи, о настроеніяхъ ея — по вокальнымъ упражненіямъ таможенныхъ чиновниковъ, пѣвшихъ при встрѣчѣ съ нами, узнавая въ немъ англичанина, знаменитую насмѣшливую шансонетку — «Типперари».

Наше собраніе у мистера Бьюкенена наканунѣ отъѣзда оставило нѣсколько смѣшное впечатлѣніе. Звѣздоносный Башмаковъ, взявъ какого то англійскаго офицера за пуговицу, обстоятельно знакомилъ его съ исторіей Великобританіи. Набоковъ говорилъ по англійски, какъ дай Богъ лучшему Оксфордскому студенту. Толстой внимательно прислушивался къ нему, дѣлая понимающіе глаза и, со стороны, казалось, что онъ не вступаетъ въ бесѣду лишь потому, что не хочетъ.

Вильтонъ входилъ въ роль добраго пастыря и даже по зловѣщему лицу Егорова змѣилась добродушная улыбка. Блистали звѣзды Башмакова, золотились прапорщичьи погоны В. Д. Набокова, съ кинематографическою быстротой куда-то исчезалъ, точно въ люкъ проваливался, Вильтонъ и вновь появлялся, когда его никто не ожидалъ, а я сидѣлъ и думалъ: чортъ меня, въ мои семьдесятъ два года, несетъ опять за море-океанъ, да еще зимою, когда у меня всѣ кости никакъ не могутъ рѣшить, какая изъ нихъ болитъ больше. Я никогда въ Англіи не былъ и по англійски не говорю. И, въ то же время, понималъ, что отказаться не могъ, разъ приглашеніе было обращено ко мнѣ лично. Завидовалъ Л. Андрееву, который наканунѣ заболѣлъ, но, все же, хотѣлось самому видѣть, какъ работаютъ для военныхъ надобностей такіе культурные народы.

Вѣдь прокисшій въ вѣчныхъ сплетняхъ, подсиживаніяхъ, злорадствѣ, клевещущій, брюжжащій Петроградъ чего не вралъ, какъ о нѣмцахъ, такъ и о нашихъ союзникахъ. «Видите ли — войну какъ слѣдуетъ ведемъ мы, а они только пользуются нашими руками и мозгомъ.» Пустили даже крылатое слово: «англичане поклялись держаться — до послѣдней капли крови русскаго солдата».

Мнѣ было извѣстно, что Англія и Франція, какъ и мы, оказались совсѣмъ неподготовленными къ войнѣ. Мнѣ интересно было сравнить, что сдѣлано ими и нами. Какъ онѣ выходятъ изъ этого опаснаго тупика. Всѣ три народа были поставлены въ одинаковыя цензурныя условія. Но, въ то время, какъ русская печать не смѣла крикнуть «берегись» — въ Англіи »Times«, во Франціи »Journal«, подняли тревогу и тамошнія власти поняли насколько благородна и спасительна роль мѣстной публицистики. Подъ ея вліяніемъ закипѣла работа, все бросилось къ станкамъ, къ горнамъ, къ литейнымъ печамъ. Я хорошо ознакомился потомъ съ положеніемъ дѣлъ у союзниковъ, гдѣ даже и цензурные жупелы не играютъ въ руку непріятелю. Мимоходомъ можно было подробнѣе ознакомиться съ дѣйствіями Германіи, о которой у насъ болтали самую невѣроятную чепуху, считая, вѣроятно, очень патріотическимъ вранье, лишь бы оно позорило врага. Да и, вообще, хотѣлось избавиться хоть на время отъ бродящей гнили Петрограда, гдѣ всѣ ужъ давно проиграли и войну, и продали Россію, и ежеминутно ждали Гинденбурга на углу Морской и Невскаго Проспекта.

Выѣхали мы въ сырое и холодное утро .... Шоколадъ на улицахъ, мокрыя губки по небу. За каждымъ угломъ притаился и ждетъ насквозь пронизывающій вѣтеръ. Въ горячую баню бы, а уже никакъ не въ сѣверное море. Въ послѣдній моментъ я вспомнилъ и забралъ съ собою доху, надъ которой спутники сначала смѣялись, а потомъ завидовали.

Поѣздъ уже трогался, а Чуковскаго нѣтъ. Вильтонъ, въ ужасѣ, сунулся было въ окно, едва не разбивъ стеколъ. Я не безпокоился. Зналъ, что нашъ товарищъ никакъ не минуетъ Куоккалы. Онъ приросъ къ ней сердцемъ, какъ

8*

улитка къ морскому утесу. Поравняемся съ Куоккалой и Чуковскій окажется въ поѣздѣ — такъ и вышло...

Быстро мелькали мимо бѣлый снѣгъ, сѣрые камни, сизый дымокъ надъ скромными городками Финляндіи, красныя станціи и дома, блѣдныя, ясныя дали и въ нихъ еловая сплошь у застывшихъ озеръ.

Самое сѣверное гнѣздо, Торнео, издали подразнило насъ профилями старинныхъ церквей и башенъ. Вдали, за рѣкою, Шведская Гаппаранда, точно взбѣжавшая на неровный обрубъ... Несемся къ ней въ розвальняхъ, сначала по ледяному насту, потомъ по какимъ то занесеннымъ снѣгомъ буеракамъ. Первая встрѣча съ сосѣдами — не къ нашему авантажу. Приходилось записывать въ нѣсколькихъ экземплярахъ пробѣлы допроснаго листа, являться куда-то, показывать четырехугольнымъ шведамъ языкъ, слушать, какъ любезный таможенный чиновникъ поетъ Вильтону ирландское Типперари. Вырвавшись, наконецъ, на свободу, по безлюднымъ вечернимъ улицамъ, уже повитымъ прозрачными сумерками, мы пошли искать ресторана.

Совсѣмъ не сѣверъ. Мягкій воздухъ, нѣжное, ласкающее дыханіе безлѣсныхъ далей... Тишина такая, что, кажется, слышишь, какъ у тебя бьется пульсъ.

VI.

Подъ яркимъ мѣсяцемъ все бѣло... На бѣломъ фонѣ четки черныя ели, рѣзки причудливыя скалы. Изрѣдка вдали свѣтятся трепетные огни — призраки спящихъ городовъ — не ночь, а лунная симфонія... Вездѣ безсонные караулы рослыхъ, бѣлокурыхъ, сѣверныхъ богатырей съ бѣлесыми усами, въ бѣлыхъ короткихъ щегольскихъ полушубкахъ, бѣлый мѣхъ которыхъ сливался съ ихъ бѣлыми, точно выхоленными лицами. Стройные, тонкіе, какъ хлыстъ, офицеры. Солдаты ловки и сильны. Нѣкоторые шли вровень съ нашимъ поѣздомъ на лыжахъ, вихремъ одолѣвая пространство. Въ каждомъ движеніи видна была привычка къ спорту, къ борьбѣ, къ головокружительному бѣгу. Превосходно вооруженные, они щеголяли строемъ. Маленькая армія, но превосходная. Ее хотѣлось бы видѣть не противъ себя, а рядомъ съ собою.

У насъ въ вагонѣ, почему-то, подчеркивали недоброжелательное отношеніе шведовъ къ русскимъ. За что имъ насъ любить — я не знаю. Вѣдь безъ всякаго толка мы сами здѣсь не упускали еще нѣсколько лѣтъ назадъ ни одного случая, чтобы не вызвать ихъ подозрительность и недовѣріе. Не даромъ въ каждомъ русскомъ путешественникѣ они видѣли шпіона. Бездарность нашей дипломатіи стала вѣрнѣйшимъ союзникомъ нашихъ противниковъ тѣмъ болѣе, что Германія умно и предусмотрительно работала во всю — мы не дѣлали ничего. Нѣмцы основывали здѣсь газеты, посылали профессоровъ, давали у себя въ университетахъ вѣр-

ный прiютъ шведской молодежи, сотнями изданiй сѣяли въ странѣ свои книги и брошюры. Германскiй Императоръ то и дѣло посѣщалъ голубыя фiорды Сѣвернаго моря, захватывая, если не рынокъ, то душу и мысль скандинавовъ.

Что же мы дѣлали въ это время? Наводняли, Богъ вѣсть зачѣмъ, (вѣроятно, для личной выслуги того или другого лица) Швецiю гороховыми пальто, или военными развѣдчиками, ни разу не попытавшись опровергнуть ложь по нашему адресу, питая высокомѣрное пренебреженiе къ печати. Въ Финляндiи же мы вели себя такъ, что сосѣди поневолѣ начинали вѣрить нашимъ недоброжелателямъ.

Въ самое тревожное время, передъ мировымъ катаклизмомъ, держали въ Стокгольмѣ посла, который чуть, было, не довелъ насъ до войны съ миролюбивыми и сильными скандинавами. Слава Богу, его во время сняли отсюда и отправили въ Софiю, гдѣ ему и удалось, наконецъ, довести дѣло до войны съ Болгарами.

Нессельроде и Горчаковъ, по времени, были ближе къ эпохѣ Карла XII. Горечь историческихъ воспоминанiй была куда живѣе при Николаѣ I и Александрѣ II — однако наши отношенiя съ благороднымъ Шведскимъ Народомъ всегда оставались прекрасны. Ни по одну, ни по другую сторону Балтiйскаго моря никому и въ голову не приходила возможность войны съ сосѣдями. Въ 1877 и 1878 годахъ мы были куда слабѣе. Даже перевооруженiе армiи не закончилось, а Швецiя все время хранила доброжелательный, по отношенiю къ намъ, нейтралитетъ . . . а теперь — всюду военные отряды — видимо Швецiя на чеку. Враждебныя намъ газеты дѣлаютъ свое. Нашему послу, Неклюдову — трудно поправлять ошибки предшественниковъ. Лично ему шведы вѣрятъ, но лихорадочная, обладающая громадными средствами пропаганда, не знаетъ устали, антрактовъ, ни на минуту не прiостанавливаясь, все здѣсь просачиваетъ, какъ вода губку. Заграничный политическiй надзоръ нашихъ противниковъ въ Стокгольмѣ, какъ громадный паукъ, раскинулъ сѣти по всей этой суровой странѣ. Въ горахъ, въ лѣсахъ и на берегу — его агенты и сотрудники. Купеческiя, экспортныя конторы служатъ ему. Всѣ банки связаны съ нимъ и получаютъ отъ нашихъ недоброжелателей директивы . . . Врагъ умный, знающiй, оцѣнивающiй всякую обстановку. Почему же мы не дѣлали и не умѣли дѣлать тоже самое? Наши солдаты и офицеры умирали на боевыхъ позицiяхъ, отстаивая священные рубежи родины, а внутри — сплошное безголовье и ползучiя гнѣзда гангрены. Что же, вы думаете — сердца бойцовъ не обливались кровью, когда въ окопы долетали зловѣщiе слухи о тылѣ? А люди, поставленные на обще-государственное дѣло, оказались бездарны свыше всякой мѣры. И бездарны, и слѣпы и глухи. Таланта и знанiя не выдумаешь, но добросовѣстность обязательна для каждаго.

VII.

Стокгольмъ былъ весь заваленъ снѣгомъ. Сугробами лежалъ онъ на панеляхъ и улицахъ. Белесые атлеты на лыжахъ врѣзывались въ эти сугробы и уносились за бѣлые завѣсы дальше. Весь путь до Христіаніи, въ чудесныхъ пульмановскихъ вагонахъ, прошелъ незамѣтно. Пока еще было свѣтло — мы любовались хаосомъ скалъ, сосенъ и бѣлыхъ обрывовъ. Каменные гиганты всползали другъ на друга и, переваливъ черезъ острыя ребра другихъ гранитныхъ титановъ, обрушивались въ глубокія пади, откуда тонко и нѣжно подымались сизыя дымки невидимыхъ деревень. Порой, точно искрошенныя чудовищнымъ молотомъ, они покрывали обломками скаты, надъ которыми несся нашъ поѣздъ. Воображаю, какая это красота, и мрачная, и величавая лѣтомъ, когда щетина темныхъ лѣсовъ сбрасываетъ бѣлый уборъ, а въ глубокихъ долинахъ застѣнчиво улыбаются голубоглазыя озера...

Старая Христіанія — маленькая столица благословенной Норвегіи, совершенно не напоминала спавшій подъ снѣгомъ Стокгольмъ. Она вся кипѣла жизнью, движеніемъ, казалось все, что здѣсь дышало — вышло на улицы и шумѣло во всю. Кафе и рестораны — настежъ. Мосты черезъ фіорды полны народа. Какая разница съ суровыми и молчаливыми шведами! Можетъ быть, на меня произвело впечатлѣніе совсѣмъ иное отношеніе къ намъ радостной и веселой Норвегіи. Во всѣхъ здѣшнихъ книжныхъ магазинахъ выставлены переводы послѣднихъ нѣмецкихъ книгъ и — ни одной нашей! Но Христіанія совершенно равнодушна, какъ къ намъ, такъ и къ Германіи. Надо сказать правду — насъ имъ любить не за что. Мы ухитрились и здѣсь своими гороховыми пальто испортить наши сношенія, но норвежцы, очевидно, сообразили, что Русскій путешественникъ съ этимъ ничего общаго не имѣетъ и радъ бы отъ нихъ избавиться самъ. Я останавливался въ Христіаніи на обратномъ пути и могу засвидѣтельствовать, что встрѣчалъ всюду и предупредительность и доброжелательство. Въ томъ, что здѣсь говорилось и писалось о нашихъ начинаніяхъ на крайнемъ сѣверѣ, по сосѣдству съ Варде, Тромбе и Гаммерфестомъ, о незамерзающихъ гаваняхъ на Мурманѣ, о рельсовыхъ путяхъ къ нимъ отъ Петрограда — не было ни малѣйшаго недоброжелательства.

Сѣверное море было къ намъ благосклонно.

Мы отошли отъ Христіаніи по залитому солнечнымъ свѣтомъ фіорду, гдѣ только по ю краямъ мерещились ледяные припои. Легкая рябь на чистыхъ водахъ, красные городки на каменныхъ обрубахъ и бѣлыя облака неистово оравшихъ чаекъ. Показался, развернулся, блеснулъ сотнями оконъ цвѣтущій и богатый Ставангеръ... и отошелъ назадъ. Отсюда мы, точно въ настежь распахнувшіяся ворота, вышли, какъ говорятъ на сѣверѣ, въ «голомя» — въ открытое море. Въ розовыхъ отсвѣтахъ вечера, въ пламенной каймѣ заката берега все больше и больше низились... Кое-гдѣ мигали направо

огнистые глаза уже окутывавшихся сумерками невидимыхъ городковъ...

— Вы знаете, мы идемъ не прямымъ курсомъ на Нью-Кестль — сообщаетъ кто-то.

— Какъ это? Почему?

— Сначала мы подымемся далеко на сѣверъ, чуть ли не за Оркнейскiе острова, а потомъ, описавъ большой кругъ, спустимся внизъ къ берегамъ Англiи.

— Вѣдь это, по крайней мѣрѣ, лишнихъ десять-двѣнадцать часовъ.

По этому поводу сложилась у насъ даже легенда. Привожу ее, несмотря на всю ея несообразность. О ней говорили, ей вѣрили, она попала даже въ печать.

Капитанъ получилъ, видите ли, свѣдѣнiя о томъ, что на охоту за нашимъ пароходомъ съ нѣсколькими русскими писателями (подумаешь — какая добыча!) вышла нѣмецкая подводная лодка. Вѣроятно особое значенiе намъ придало личное приглашенiе Англiи. Намъ разсказывали потомъ, что у нѣмцевъ былъ остроумный планъ. Изловивъ насъ, вмѣсто англо-французскаго, показать намъ свой фронтъ, какъ западный, такъ и восточный и, затѣмъ, выкинуть обратно за русскiй рубежъ: пишите-де о томъ, что видѣли. Не вѣрю этому потому, что такая овчинка не стоила выдѣлки. Что нашъ капитанъ получилъ своевременно, откуда слѣдуетъ, свѣдѣнiя объ опасности, таившейся въ водахъ сѣвернаго моря по нашему пути — это никого не удивило. Норвегiя имѣетъ довольно точныя свѣдѣнiя о выходѣ изъ нѣмецкихъ портовъ по направленiю къ ея берегамъ боевыхъ единицъ. Совладѣльцами норвежскихъ пароходовъ являются и германскiе капиталисты. Такъ, напр., говорятъ, что пароходъ «Юпитеръ» — лучшiй ходокъ отъ Бергена до Нью-Кестля — принадлежалъ нѣмецкой компанiи. Поневолѣ они берегутъ свое. Во всякомъ случаѣ, отъ нечего дѣлать мы много тѣшились по пути, представляя себѣ роль каждаго изъ насъ, какъ «корреспондента изъ Германiи».

Сѣро и пустынно было это море, сумрачны его дали и, когда мы оставили Норвегiю, небеса затянулись грязною ватой, сквозь лохмотья которой изрѣдка выглядывало солнце, загораясь на гребняхъ мѣрно колыхающихся волнъ. Завернувшись въ доху — я слушалъ печальную сагу полярнаго вѣтра на этой большой дорогѣ славныхъ викинговъ, искавшихъ въ далекихъ заморьяхъ свѣта и тепла... Ночью, говорятъ, сильно качало. Я слышалъ съ просонку удары точно громадныхъ влажныхъ ладоней въ трещавшiе борты парохода, но утромъ опять все кругомъ было такъ-же сѣро, спокойно и пустынно. Только у самыхъ береговъ Англiи мы встрѣтили флотилiю траллеровъ, вышедшую на ловлю минъ. Большой британскiй миноносецъ показался вдали, стремительно окраилъ насъ и исчезъ въ мутномъ просторѣ... Сизыя дымки невидимыхъ пароходовъ таяли въ холодномъ воздухѣ...

Темнѣло, когда издали, во мглѣ, на насъ надвинулись скучныя, расплывавшіяся очертанія большого сумрачнаго города.

— Ну, прошли благополучно, хоть и опоздали — замѣтили около.

Нашъ пароходъ ползъ мимо пристаней, вдоль длинной каймы амбаровъ, складовъ и домовъ закопченныхъ, отсырѣвшихъ и угрюмыхъ, словно слѣпившихся въ грязныя, влажныя комья... Надъ ними, вверху, едва мерещились мутныя очертанія громадныхъ зданій.

Нѣсколько человѣкъ ждало насъ на моллѣ. Мы уже отсюда, съ Нью-Кестля, были гостями Англіи и она сдѣлала все, чтобы избавить насъ отъ утомительныхъ, послѣ длиннаго переѣзда, хлопотъ. Насъ встрѣтилъ, прекрасно говорящій по-русски, мистеръ Бальфуръ, который не оставлялъ делегатовъ до самаго отъѣзда.

По чернымъ улицамъ, гдѣ не было ни одного огня, въ жидкомъ туманѣ, въ которомъ точно распустили сажу, мы добрались до черной гостинницы. Въ холодной, какъ погребъ, комнатѣ жалко и робко горѣли угли чернаго камина. Мы невольно вспоминали теплыя каюты норвежскаго парохода.

Тепло и уютъ замѣнялись необыкновенною сердечностью пріема. Еще длился медовый мѣсяцъ нашего союза и, надо сказать правду, англичане дѣлали все, чтобы оставить у насъ самыя яркія воспоминанія. Не знаю, были-ли они искренни? Тогда мы вѣрили имъ, но, послѣ революціи, многія нити которой были связаны съ великобританскимъ посольствомъ въ Петроградѣ и, какъ говорили, лично съ Бьюкененомъ — Англія очень быстро, хотя и неумѣло, сбросила добрую и благожелательную маску. Слишкомъ быстро и для такихъ умныхъ политиковъ, слишкомъ неумѣло. Вся послѣдующая цѣпь разочарованій и мучительныхъ событій доказываетъ, какъ рѣшительно и круто повернулъ Ллойдъ Джорджъ руль царицы морей. Появилась-ли мысль потомъ, или уже въ 1917 году «просвѣщенные мореплаватели» задумали уничтоженіе увѣровавшей въ нихъ Россіи, какъ единственной своей соперницы на востокѣ? Все ихъ заигрываніе съ совѣтской властью, уничтожающее Россію, ничто иное, какъ выполненіе уже тогда намѣченной программы. Вѣдь у нихъ въ труппѣ есть гастролеры на всевозможныя роли — преемники и благороднаго Гладстона и хитроумнаго Дизраэли...

VIII.

Англія тогда.

Вездѣ потушены огни. Едва намѣчаются въ туманѣ темные, безглазые дома черныхъ улицъ. Весь изъ камня и желѣза, обвитый грозными батареями и выбросившій далеко впередъ гранитные моллы, Нью-Кестль кажется чудовищнымъ спрутомъ, припавшимъ къ морю и нащупываю-

щимъ таинственныя дали. Его верхняя часть вся изъ некрушимыхъ громадъ, точно гигантскій кулакъ, занесенный надъ прячущимся гдѣ-то врагомъ.

У меня до сихъ поръ въ памяти сорокадевятичасовый переходъ отъ Христіаніи сюда. Все время, отъ капитана парохода до послѣдняго изъ пассажировъ, всѣ зорко оглядывались во всѣ стороны — не покажется-ли гдѣ-нибудь зловѣщій перископъ подводной лодки. Мы мѣняли курсъ, уходя на сѣверъ. Разсказывали, что прошлый рейсъ съ нашей палубы германскій миноносецъ снялъ двухъ англичанъ... Мы смѣялись, трунили другъ надъ другомъ, а въ душѣ было далеко не пріятное сознаніе, что сейчасъ мы безсильны, беззащитны и каждый непріятельскій миноносецъ можетъ сдѣлать съ нами все, что ему угодно. Это была не трусость, нѣтъ. Могу завѣрить, что и потомъ въ моихъ товарищахъ я не замѣчалъ ни малодушія, ни оторопи. Но, вѣдь, пустынныя воды сѣвернаго моря могутъ прикрыть все.

Быть убитымъ въ бою — одно, а забытымъ въ плѣну — никому не радость. И когда, на сѣрой полосѣ англійскаго берега, поднялись безчисленныя трубы закопченнаго въ вѣчныхъ дымахъ города, у всѣхъ отлегло отъ сердца. Сердечный привѣтъ нашего консула и русское-же «добро пожаловать» мистера Бальфура были особенно дороги въ эти минуты. Холодныя комнаты съ красными огнями каминовъ и, въ окна, черный, во мракѣ быстро наступившей ночи, городъ.

Въ непроглядныхъ улицахъ мерещатся солдаты, солдаты и солдаты. На другой день, проѣзжая къ вокзалу, мы ихъ видѣли повсюду. Старики — тѣ, не смущаясь, носятъ штатское, да и то не всѣ. Часто встрѣчаешь такихъ или съ ратничьими перевязками на рукахъ, или въ защитныхъ тужуркахъ. Это впечатлѣніе — во всей Англіи. За пять недѣль моего пребыванія, если мнѣ и встрѣчались молодые люди, свободные отъ военныхъ обязанностей, то это были или американцы, или италіанцы, шведы, или голландцы. Даже въ большинствѣ отелей, напримѣръ — въ «Савой», вся прислуга италіанская. Свои — всѣ на фронтѣ.

Говорятъ, въ Германіи то-же самое. Тамъ нѣтъ никого, кто-бы, такъ или иначе, не стоялъ на боевой страдѣ, не участвовалъ самоотверженно въ защитѣ родины. И только, когда я вспоминалъ Москву и Петроградъ съ тысячами свободныхъ шелопаевъ, примостившихся предусмотрительно къ защитѣ отъ войны — мнѣ дѣлалось стыдно. Эти тучи праздныхъ, пѣтухами разрядившихся земгусаровъ и юныхъ цензоровъ ни у нашихъ союзниковъ, ни у нѣмцевъ не были-бы возможны. Они-бы не нашли подполья, въ которомъ имъ удалось спрятаться отъ общественнаго презрѣнія.

Еще до введенія общей воинской повинности, люди, способные носить оружіе, ушли изъ Англіи на боевыя позиціи, или въ лагери, гдѣ ихъ обучали очень короткое время и

затѣмъ отсылали на войну. То и дѣло, встрѣчались женщины въ траурѣ. Трауръ и хаки — два господствовавшіе тогда цвѣта въ англійскомъ обществѣ.

У насъ не имѣли понятія о томъ, какую громадную роль сыграла въ войнѣ англійская женщина. Всюду, гдѣ я ее не встрѣчалъ — на боевыхъ позиціяхъ, или въ тылу, она находила въ себѣ силы, изумлявшія даже ея братьевъ, мужей и отцовъ. Сестры милосердія, въ черномъ, или въ военныхъ мундирахъ съ красными кантами и офицерскими погонами — (вѣдь, между ними есть «полковники», «капитаны») — не уступали нашимъ мірскимъ печальницамъ и мученицамъ боевыхъ полей. Но это — только малая часть. Болѣе 60% занятій, на которыя женщины считались неспособными, исполнялись ими и, надо удивляться, какую страстную и неутомимую энергію онѣ вносили во все, за что брались. Я не говорю о почтѣ и телефонѣ. Банки, канцеляріи, юридическія бюро — все, откуда ушли на войну мужчины, ни на іоту не умалило своей дѣятельности, потому что вездѣ пустующія мѣста были заняты женщинами. Избалованныя, богатыя дѣвушки не чурались никакого чернаго труда. Стирали бѣлье солдатамъ, обшивали ихъ, обжигались у горновъ, заполняли фабрики, заводы, такъ что, отославъ рабочихъ въ бой, Англія нисколько не ограничила производства, а военное снабженіе, которое, какъ и у насъ, у нихъ сильно хромало, увеличила въ двадцать семь разъ. Вездѣ появились фотографіи множества молодыхъ женщинъ, замѣнившихъ братьевъ и жениховъ въ пожарныхъ командахъ. Онѣ не только щеголяли пожарными касками, но и работали во-всю. На одномъ пожарѣ погибло въ огнѣ двое женщинъ-пожарныхъ ...

Уже въ 1914 году, въ самомъ началѣ войны, Англія увидѣла своихъ женщинъ въ передовыхъ рядахъ людей, подготовлявшихъ ея защиту. Особенно это было удивительно въ странѣ, гдѣ только суффражистки до тѣхъ поръ выступали на арену общественной дѣятельности. — И онѣ выступили не скромными писательницами, или проповѣдницами-сектантками, а настоящими боевиками наиболѣе воинственныхъ организацій. По вечерамъ же, въ Savoy-Hôtel — decolletées et manches courts, въ брилліантахъ и жемчугахъ, онѣ появлялись съ ихъ мужьями, братьями и женихами въ солдатскихъ и офицерскихъ хаки. Во мнѣ невольно зарождалось нѣкоторое осужденіе. Мнѣ казалось, что верхи, какъ всегда, не хотятъ ни въ чемъ поступиться своими привычками, но оказалось, что днемъ дамы — на работѣ въ госпиталяхъ, на заводахъ военнаго снабженія, во всевозможныхъ учрежденіяхъ, обслуживающихъ боевыя поля и, наконецъ, на улицахъ — на охотѣ за молодежью, еще не записавшейся въ войска. Я самъ видѣлъ, какъ на Страндѣ нѣсколько женщинъ заполонили юношу благополучнаго, розоваго, въ какомъ то невѣроятно яркомъ галстухѣ бабочкой. Сначала я ничего не понялъ: онѣ что-то выкрикивали ему въ лицо, грозили зонтиками, хватали его за локти, смѣялись надъ нимъ, срывали съ него котелокъ и съ упрекомъ указывали

на какіе то плакаты, изображавшіе окопы съ британскими воинами, стрѣлковъ, цѣлившихъ въ невидимаго врага. Растерянный пижонъ сначала оправдывался и отбивался. Весь красный, онъ самъ оралъ имъ что-то въ отвѣтъ, но, наконецъ, бросился опрометью въ какое-то бюро съ этими плакатами. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ оттуда съ повязкой волонтера на локтѣ. И тѣ же дѣвушки и дамы аплодировали ему, взяли его подъ руку и пошли вмѣстѣ.

Но все же были и такія, что по вечерамъ бросали десятки фунтовъ на шампанское и щеголяли жемчугами и брилліантами, которымъ не было цѣны. Въ этомъ отношеніи Англія далеко была не безупречна. Ни во Франціи, ни въ Германіи такимъ ночнымъ щеголихамъ не было бы мѣста. Изъ театровъ и модныхъ ресторановъ ихъ бы выгнали свистками.

Ни одна пропаганда суффражистокъ до войны не давала такихъ быстрыхъ и изумительныхъ результатовъ, какъ работа скромныхъ англійскихъ дѣвушекъ и женщинъ, до сихъ поръ знавшихъ только свой очагъ. Для нихъ не было не черного, ни бѣлаго труда. Они шли всюду, гдѣ были нужны ихъ неустанныя руки, помощь, терпѣніе, или материнская ласка. Дѣла, требовавшія еще вчера мускулистыхъ рукъ и воловьей силы, выполнялись женщинами такъ, что страна не испытала никакихъ затрудненій, когда на боевой фронтъ и въ Альдершотскій и другіе лагери ушла большая часть опытныхъ и сильныхъ работниковъ. Женщину встрѣчали и въ рудникѣ, и въ обозѣ, и у горна, и у доменной печи, и на самыхъ тонкихъ, требующихъ опытности и искусства, механическихъ производствахъ.

И замѣчательнѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи оказались суфражистки. Трудно было узнать этихъ неистовыхъ борцовъ женскаго равноправія, не было ни одной, которая не шла бы на самую тяжелую и опасную работу. То, испугавшее цѣлый міръ, бѣшенство и непобѣдимую энергію, которыя еще недавно обращались на уничтоженіе всего дорогого старому укладу, суфражистки перенесли на дѣло войны. Онѣ были вездѣ и, еще недавно проклинавшіе ихъ англичане, разсказывали много о ихъ подвигахъ и сокрушительномъ трудѣ на благо родины, потребовавшей всѣхъ свободныхъ силъ. Я ихъ встрѣчалъ и въ мастерскихъ, и на фронтѣ, въ грязи и холодѣ Англійской весны.

Да, женщины чисто практически пришли къ самоопредѣленію.

Добрымъ словомъ помянетъ ихъ отечество и, несомнѣнно, теперь на его облитыхъ кровью боевыхъ поляхъ и на такихъ же облитыхъ потомъ аренахъ труда онѣ завоевываютъ будущее англійской женщины, тѣ права, которыхъ не могли добиться печальными эксцессами былыя суфражистки.

Снѣга, снѣга и снѣга ... Все засыпано ими. Изъ-подъ нихъ, кое-гдѣ, пробивается никогда не умирающая на этихъ поляхъ зелень. Нашъ поѣздъ изъ Нью-Кестля, съ истинно

англійской быстротою, несся къ Лондону. Въ палевомъ туманѣ еще величавѣе и царственнѣе старые замки и соборы, вокругъ которыхъ въ одно марево сбиваются сѣрыя, острыя крыши однообразныхъ, слѣпившихся рабочихъ городовъ. Строгими профилями порталовъ и башенъ старая Англія смотритъ въ эту безконечную глубь и даль новыхъ условій еще вчера чуждой ей жизни. Сегодня, на общей кровавой нивѣ, она побраталась съ ними. Одно общее отечество, вѣдь, это — одно сердце... Теперь оно бьется великими упованіями и тысячи пульсовъ отовсюду отвѣчаютъ ему согласно и бодро.

Самыя первыя впечатлѣнія уже говорили о громадномъ подъемѣ Англіи. На всѣхъ станціяхъ, мимо которыхъ проносился нашъ поѣздъ, сотни и тысячи солдатъ. Для нихъ были устроены чайныя и женщины, съ значками на обшлагахъ и воротничкахъ, встрѣчали ихъ повсюду.

Казалось, что въ Англіи не осталось никого, кромѣ солдатъ. Вся она — сплошной лагерь. Я подѣлился своимъ впечатлѣніемъ съ мистеромъ Бальфуромъ.

— Это не только здѣсь. Когда вы посѣтите остальную Англію, вы увидите то же. Мы встаемъ поголовно. Всѣ, всѣ за нашу родину. Вѣдь, теперь не можетъ быть полумѣръ. Такой историческій моментъ. Не можетъ и не должно быть почетнаго мира. Или мы, или онъ — должны погибнуть. Другого выхода и выбора нѣтъ.

И когда я говорилъ ему о томъ, что подъ солнцемъ всѣмъ есть мѣсто и война всякая является величайшимъ преступленіемъ, онъ таращился на меня и, вѣрно, не могъ понять, какъ это я не раздѣляю ненависти одного народа къ другому.

И въ этомъ подъемѣ — не скоро преходящее возбужденіе. Его хватило бы на день — на два, на мѣсяцъ. Нѣтъ, это было упорное желаніе побѣды, чего бы она ни стоила, разъ навсегда принятое рѣшеніе сильныхъ людей и желѣзныхъ характеровъ, на которые неудача дѣйствуетъ, какъ шпоры на коня. Въ этомъ отношеніи они нисколько не уступали Германіи. Можетъ быть потому, что въ крови обоихъ народовъ, все-таки, есть много родственнаго. На этомъ поединкѣ гигантовъ, пораженіе не могло принести позора, потому что бойцы не щадили себя и отдали родинѣ всю свою мощь.

На моихъ глазахъ росло это движеніе и я видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ оно глубже и глубже проникало въ толщу этой расы. Я не знаю — анекдотъ это или нѣтъ, но одинъ мой лондонскій пріятель разсказалъ мнѣ слѣдующій характерный случай.

Какъ-то волонтеры въ армію стали записываться рѣже. Вышла заминка и, вдругъ, въ «Times» появилась, буквами чуть ли не въ вершокъ, телеграмма о разгромѣ англійскихъ войскъ на боевыхъ позиціяхъ.

«Великое несчастіе», «народное горе», «пораженіе арміи его величества».

Въ этотъ день нигдѣ въ Великобританіи не замѣчалось ни унынія, ни оторопи. Напротивъ, все бросилось къ вербов-

щикамъ и, въ одни сутки, боевой фронтъ пополнился на сотню тысячъ солдатъ.

«Times», будто бы, выждалъ еще день и, такимъ же крупнымъ шрифтомъ, на его первой полосѣ появилось новое заявленіе:

«Мы были введены въ заблужденіе, слава Богу; телеграмма о разгромѣ нашего фронта не подтвердилась. На боевыхъ позиціяхъ все обстоитъ благополучно и боевъ за эти дни не было»...

IX.

Вотъ ужъ именно гдѣ время — деньги. Не успѣли мы занять въ Hôtel «Savoy» комнаты, какъ намъ передали приглашеніе на сегодня — на первый изъ банкетовъ. Едва-едва, послѣ восьмидневнаго сплошного пути черезъ Финляндію, Швецію, Норвегію, Сѣверное море и часть Англіи, намъ дали время опомниться, притти въ себя, вымыться и облечься во фраки.

— Васъ ждетъ президентъ Русско-Англійскаго Общества, лордъ Уэрделлъ. Онъ будетъ предсѣдательствовать на сегодняшнемъ обѣдѣ...

Приглашенія разосланы, рѣчи у англичанъ обдуманы — отложить нельзя. Хочешь — не хочешь, а надо итти, хотя у всѣхъ у насъ отъ усталости звонъ въ ушахъ и скорѣе тянетъ въ постели, чѣмъ въ одинъ изъ лучшихъ здѣшнихъ клубовъ, гдѣ въ нашу честь устроили первое, въ длинномъ ряду такихъ же торжествъ.

Я не буду останавливаться долго на всѣхъ обѣдахъ, завтракахъ, вечерахъ, «чайныхъ» пріемахъ, гдѣ приходилось говорить, говорить и говорить. Мнѣ наша делегація сдѣлала честь, выбравъ меня предсѣдателемъ своего маленькаго кружка. Предварительно англійскія газеты напечатали біографіи каждаго изъ насъ и моя роль, какъ «ветерана Плевны и Шипки»,*) была здѣсь особенно отвѣтственна. Правда, это — «ветеранъ Плевны и Шипки» — звучало торжественно. Мнѣ сотни разъ пришлось выслушивать по этому поводу личныя ко мнѣ обращенія — скажу правду — смущавшія меня до сердечныхъ припадковъ. Во мнѣ глубоко заложена ненависть къ публичнымъ выступленіямъ и особенно — рѣчамъ. Вѣдь, я до этого, кажется, единственный разъ появился на эстрадѣ литературнаго вечера и, впередь, закаялся отъ такихъ испытаній. Но не отвѣтить на обращенную къ тебѣ рѣчь — все равно, что не поднять шляпу на поклонъ на улицѣ, или не пожать протянутую руку.

Я упоминаю лишь о главныхъ изъ этихъ торжествъ. О нихъ оповѣщало и «Петроградское агентство», и корреспонденты газетъ. Англійскія изданія посвятили намъ и нашимъ выступленіямъ несчетные столбцы. Думаю, что наше

*) Такимъ титуломъ меня почтили «Таймсъ» и другія газеты.

трудное дѣло мы выполнили хорошо... Объ этомъ свидѣтельствовали не одна британская и французская печать, но и нѣмецкая. Я тщательно избѣгалъ всякаго воинственнаго кликушества и безопаснаго за предѣлами досягаемости натравливанія на общаго тогда непріятеля, дружескимъ гостепріимствомъ котораго мы теперь пользуемся.

Скажу только: значительно облегчило наше положеніе одно изъ свойствъ англійскаго народа. Къ людямъ здѣсь надо подходить открыто. Будь тѣмъ, что ты есть. Англичане сами — не въ политикѣ, разумѣется, а въ личныхъ отношеніяхъ — народъ прямой и смѣлый и выше всего эти качества цѣнятъ въ другихъ. Они слишкомъ умны, чтобы не разобраться въ чужомъ маскарадѣ. Таковой здѣсь всего менѣе у мѣста. Къ тому же на нашемъ пріемѣ, въ Лондонѣ и другихъ городахъ Англіи, сквозило чувство самой глубокой признательности къ Россіи. Вѣдь, здѣсь даже такую жалкую спекуляцію, какъ открытая какими то проходимцами русская выставка, гдѣ подъ видомъ типовъ нашихъ женщинъ показываютъ масленичныя картонныя рожи, обходятъ молчаніемъ.*)

Очнуться было нѣкогда, сосредоточиться, одуматься — тоже. Съ торжественнаго завтрака — на парадный обѣдъ, а, между ними, въ пять часовъ чай, вечеромъ пріемъ въ какомъ-нибудь клубѣ. Счастливы были безглагольные, не говорившіе рѣчей, потому что всюду надо было отвѣчать, отвѣчать, отвѣчать.

Я съ завистью прислушивался, какъ, рядомъ, въ спальнѣ у Толстого, стучалъ ремингтонъ. Онъ ухитрялся работать на брызгахъ — полчаса утромъ, часъ среди дня, вечеромъ послѣ клуба и, въ промежуткахъ, еще находилъ время знакомиться съ англійскими беллетристами, бѣгать по Лондону и наблюдать, наблюдать, наблюдать. Хорошій аппаратъ въ этомъ молодомъ писателѣ. Онъ оставляетъ въ его памяти вѣрные и точные снимки. Впослѣдствіи, уже подъ Верденомъ, я очень жалѣлъ, что онъ не остался со мною на французскомъ фронтѣ. Изъ подъ его пишущей машины вышли бы чудесныя боевыя картины.

В. Д. Набоковъ тоже — надѣнетъ, бывало, пижаму, растянется на кушеткѣ и пишетъ фельетонъ за фельетономъ для «Рѣчи». Точные, великолѣпно продуманные и, благодаря его знанію Англіи, имѣвшіе крупное политическое значеніе.

Шипѣвшій на то, что ему не даютъ работать и зловѣщій добрякъ, Егоровъ, тоже посылалъ въ редакцію статью за статьей и имѣлъ время даже прочитывать ихъ намъ, возбуждая въ моемъ сердцѣ адскую зависть, потому что мнѣ то, вѣдь, не было рѣшительно времени переброситься самому съ «Русскимъ Словомъ» вѣсточкой. Еще (хваленіе Аллаху!) приходилъ каждое утро нашъ лондонскій корреспондентъ,

*) Въ политикѣ — Англія познакомила насъ теперь съ другою стороною своего характера. Двуликій Янусъ живо обернулся къ злополучной Россіи — нашимъ историческимъ врагомъ.

Ивановъ и, наскоро опросивъ меня, телеграфировалъ въ Москву.

— У меня нѣтъ свободной минуты — жаловался я мистеру Бальфуру — мнѣ, какъ предсѣдателю, приходится принимать и говорить больше всѣхъ.

— Ничего — отвѣчалъ нашъ хозяинъ, любезно улыбаясь — вы будете писать, когда вернетесь. Здѣсь вамъ надо изучать, смотрѣть. Намъ очень важно, чтобы вы могли дать потомъ отчетъ о насъ — что мы есть, что мы дѣлаемъ для войны, какъ относимся къ ней. Глядите, слушайте, запоминайте.

Послѣ перваго завтрака, предложеннаго намъ членами Англо-Русскаго Общества, подъ предсѣдательствомъ лорда Уэрделя, насъ ждалъ въ этотъ же день большой обѣдъ отъ англійскаго парламента въ великолѣпномъ залѣ Палаты Общинъ. Президентомъ на немъ былъ, точно выхваченный изъ типовъ старой Англіи, нарисованныхъ Маколеемъ, герцогъ Девонширскій. Среди гостей — члены Палаты Общинъ, Ашлей и Байердъ, министръ торговли, Ренсименъ и десятки другихъ депутатовъ, именъ которыхъ я не запомнилъ. На карточкахъ, лежавшихъ передъ нами, скрещивающіеся русскіе и англійскіе флаги съ надписями на верху: «Hous of Commons» и «Fraternité». На меню — такіе же съ обозначеніемъ: Dinner in honour of distinguished Russians authors and journalistes. Ни малѣйшей натянутости и неловкости. Атмосфера — дружеской откровенности. Чувствовалось заранѣе обдуманное желаніе со всѣхъ сторонъ подчеркнуть сердечность нашихъ отношеній. Каждый отмѣчалъ, чѣмъ въ эту чудовищную мировую бойню Англія обязана тогда еще Великой Россіи и во всемъ сквозило покаянное отношеніе къ недавнему прошлому, когда два народа, раздѣляли обоюдное непониманіе и вражда.

Герцогъ Девонширскій привѣтствовалъ насъ рѣчью въ духѣ «старой, веселой» Англіи. Онъ великолѣпно владѣетъ даромъ юмора и умѣетъ самыя запутанныя и сухія политическія проблемы обвивать этимъ оружіемъ настоящихъ популярныхъ ораторовъ. Если бы между нами и нашими хозяевами еще держалась натянутость — рѣчь президента ее бы развѣяла совсѣмъ. Послѣ него, отъ имени англійскаго флота и англійской арміи, говорилъ лордъ Бересфордъ. Красиво, ярко и изящно, онъ нарисовалъ британскихъ солдата и матроса — братьевъ одной и той-же доблестной семьи.

— Какъ на палубѣ судна, подъ ударами морскихъ валовъ, такъ и въ пѣхотномъ полку, закопавшемся въ глубокихъ траншеяхъ, солдаты и офицеры — братья передъ лицомъ смерти, равняющей ихъ всѣхъ. Не удивляйтесь — обратился онъ къ намъ — если въ ихъ обычной жизни вы не увидите строгой военной дисциплины. Она существуетъ, скрытая глубоко въ нашихъ душахъ, въ нашей волѣ, въ нашихъ характерахъ. Это — дисциплина чисто нравственнаго

свойства, которая трудно поддается постороннему наблюдателю, но ея сила неимовѣрна.

Въ горячихъ сердечныхъ выраженіяхъ лордъ Бересфордъ вспомнилъ о своемъ посѣщеніи Россіи и, взволнованно, восторженно предложилъ здравицу за Русскую Армію и Флотъ.

Послѣ него долженъ былъ говорить я.

Я теперь не могу припомнить, что говорилъ тогда. Былъ подъемъ, было вдохновеніе. Сужу только по тому горячему порывистому пріему, который вызвалъ мои слова. На другой день въ «Times» мнѣ прочли, будто моя рѣчь была «полна поэтическихъ картинъ, блестящихъ сравненій и интереснѣйшихъ воспоминаній, освѣщавшихъ для Англіи русскую душу именно съ той стороны, которая для нея была всегда закрыта»... Самому теперь смѣшно. Англичане писали, что я принадлежу къ замѣчательнѣйшимъ ораторамъ. А до тѣхъ поръ я, вѣдь, никогда не выступалъ и ни одной рѣчи въ свою жизнь сносно не произнесъ. Даже на банкетѣ, данномъ мнѣ послѣ Манджурской войны московской интеллигенціей, я говорилъ, какъ пошехонецъ, заблудившійся въ трехъ соснахъ. Если хотите, трагическое положеніе — въ семьдесятъ два года убѣдиться, что въ тебѣ погибъ навсегда поэтъ трибуны... Впрочемъ, вѣдь и Тредьяковскій обмолвился двумя прекрасными, поэтическими и звучными строками...

X.

На другой день намъ давалъ банкетъ союзъ британскихъ издателей и писателей. Все, что было виднаго въ Лондонѣ, начиная отъ министровъ и кончая общественными дѣятелями, присутствовало здѣсь въ громадныхъ залахъ отеля «Рицъ». Наличныя литературныя силы тоже собрались сюда. Предсѣдательствовалъ лордъ Бюрнгемъ, издатель «Daily Telegraf'a». Атмосфера, казалось, еще болѣе разогрѣлась. Съ нами уже освоились. Мы для англичанъ не были загадочными иксами. Кое-гдѣ мелькали знакомыя лица.

Люди всевозможныхъ политическихъ толковъ и сектъ сходились въ одномъ общемъ имъ всѣмъ желаніи — какъ можно четче и ярче выразить свою — не только дружбу, тутъ можно было употребить болѣе сильное слово — любовь и уваженіе къ Россіи и ея арміи. То и дѣло подходили люди, занимающіе высокое, властное положеніе въ странѣ и въ республикѣ ума и таланта, свидѣтельствуя свое удивленіе передъ подвигами нашихъ воиновъ.

«Мы впервые увидѣли настоящее лицо сегодняшней Россіи; мы знали ея боевую мощь, но русская душа оставалась намъ таинственной и, часто, непонятной».

И тутъ же, попутно, мнѣ приходилось опровергать распущенную, именно въ Англіи, корреспондентомъ здѣшнихъ и американскихъ газетъ, талантливымъ и неутомимымъ Вашборномъ, неправду. Онъ писалъ о полномъ невѣденіи «бѣднаго маленькаго Джонна» (читай — русскаго «солдатика», Иванушки), какъ цѣлей этой войны, такъ и своего противника.

Русскій народъ, видите ли, не зналъ и не знаетъ своихъ сосѣдей, германцевъ, съ которыми мы такъ долго дружили. «Бѣдные «маленькіе Джонни» — эти герои нашихъ изумительныхъ битвъ — не имѣютъ теперь никакого понятія объ Англіи, даже не слышали о ней.»

Сентиментальная пошлость репортера была здѣсь принята за чистую монету и, какъ «Пьеръ Паулю», или «Томми Аткинсъ» — такъ и «бѣдный маленькій Джонни» стало, было, прозвищемъ русскаго солдата.... Намъ стоило большого труда бороться съ этою обидною для нашихъ сѣрыхъ рыцарей кличкой. А нашъ «бѣдный маленькій Джонни», въ тѣ времена безъ артиллеріи, разстрѣлявъ всѣ свои патроны, умѣлъ удерживать натискъ громадныхъ, великолѣпнѣйшихъ армій такихъ полководцевъ, какъ Гинденбургъ и Макензенъ, стойко умиралъ въ окопахъ и, при малѣйшей возможности, переходилъ въ наступленіе на гвардейскіе полки Императора Вильгельма.

Послѣ тостовъ за короля, королеву и королевскую семью, лордъ Сесиль, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, произнесъ тостъ за нашего Государя и, вслѣдъ за тѣмъ, англичанинъ оперный баритонъ, исполнилъ Русскій народный гимнъ.

Говоря о крупной роли Россіи въ нынѣшней войнѣ и о доблести русскаго солдата, лордъ Сесиль указалъ на большое сходство между русскимъ и англійскимъ солдатами, а также между русскимъ и англійскимъ народами.

«Оба живутъ ради своего идеала и сражаются за него, а идеалъ обоихъ — миръ. Настоящая борьба ведется за обезпеченіе всеобщаго мира. Обѣ націи, объединенныя войной, еще тѣснѣе сблизятся въ мирное время, когда война будетъ окончена». Какой иронiей звучатъ эти слова теперь.

Лордъ Бюрнгемъ предложилъ тостъ за гостей, сказавъ, что русскіе всегда были желанными гостями, а теперь являются особенно желанными.

Генералъ Вольфъ Муррей, привѣтствовалъ русскихъ гостей отъ имени Британскаго народа, который, по словамъ оратора, проникнутъ самыми дружескими чувствами къ Россіи.

Издатель газеты «Daily Chronicle» провозгласилъ тостъ за всѣхъ союзниковъ и подробно говорилъ о великой роли, которую Россія играетъ въ этой войнѣ и о томъ, какъ она принесла въ жертву своихъ сыновъ во время перваго наступленія въ Восточной Пруссіи. Россія этимъ произвела счастливую диверсію, спасшую Парижъ.

Отвѣчая Роберту Сесилю, совѣтникъ русскаго посольства, Набоковъ, заявилъ, что Англія и Россія являются теперь братьями по оружію. Это братство носитъ временный характеръ и, чѣмъ скорѣе мы достигнемъ цѣли, о которой, одновременно, въ такихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ говорили Асквитъ и Сазоновъ, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ будемъ мы смотрѣть навстрѣчу этому дню, такъ какъ знаемъ, что усиліями нашихъ обѣихъ странъ и, въ частности, нашей

печати и дипломатіи, будетъ создано вѣчное братство и установится болѣе тѣсное общеніе мысли и дѣла на пользу свободѣ и на счастьѣ обоихъ народовъ. Этой цѣли мы достигнемъ, работая совмѣстно въ полной гармоніи.

Все время на этомъ банкетѣ я радовался: «авось-де до меня не дойдетъ очередь», но, увы, когда окончились оффиціальные тосты и пожеланія, мнѣ наши со всѣхъ сторонъ начали кивать — «вставай-де, чего сидишь? Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ». Я думаю, что величайшее мужество создается неизбѣжностью. Такъ было и здѣсь. Ко мнѣ подошелъ, переводившій мои слова на англійскій языкъ, мистеръ Бальфуръ.

- Васъ ждутъ...

Лордъ Бересфордъ застучалъ деревяннымъ молоткомъ по такой же подставкѣ. Церемоніймейстеръ, въ голубой съ серебромъ ливреѣ, громко объявилъ:

— Слово принадлежитъ мистеру Немировичу-Данченко.

Послѣдняя надежда мистера Немировича-Даченко — не провалится ли полъ подъ нимъ — не оправдалась.

Но мужество отчаянія часто тоже творитъ чудеса. Я это испыталъ на себѣ въ тотъ моментъ. Вотъ что, по словамъ стенограммы, я сказалъ на банкетѣ печати:

«Счастливъ, что судьба дала мнѣ возможность встрѣтиться здѣсь съ представителями англійской печати, столько поработавшей для сближенія моего Отечества съ Британскою имперіей.

Я прожилъ большую жизнь и не помню такого времени, когда бы англійская литература, ея свобода, высокое политическое значеніе и независимость не пользовались не только уваженіемъ, но и любовью русскаго писателя и русскаго читателя. Для насъ — это было мечтою, къ осуществленію которой наши лучшіе умы и характеры стремились сквозь отечественные волчцы и терніи, оставляя на ихъ шипахъ клочья тѣла и благороднѣйшую кровь.

Наши великіе поэты — и Пушкинъ, и Лермонтовъ — выросли подъ вліяніемъ своихъ англійскихъ собратій, особенно Байрона.

На все мое дѣтство бросилъ свой кроткій и добрый отсвѣтъ Чарльзъ Диккенсъ. Мальчикомъ я заучивалъ его вдохновенныя страницы. Позднѣе, уходя въ сады нашего кадетскаго корпуса, гдѣ я воспитывался, я уносилъ съ собою томики Теккерея, Маколея, Бокля и другихъ англійскихъ писателей. Въ зеленой тѣни передо мною выступали, точно выкованные изъ бронзы, герои старой Англіи.

Я учился по нимъ, какимъ путемъ великой борьбы и святыхъ страданій должно итти человѣчество къ своимъ культурнымъ завоеваніямъ. Ваши писатели были для насъ школой, какъ ваши политическіе богатыри — примѣромъ и показомъ. Вотъ почему мы такъ радовались сближенію съ вами.

Уже и тогда, когда между нами, къ сожалѣнію, царили недовѣріе и вражда, я не встрѣчалъ ихъ въ русской культур-

ной средѣ. Напротивъ, благодарная память русской печати никогда не забудетъ, что въ Англіи находили себѣ защиту и пріютъ въ сороковыхъ годахъ наши лучшіе умы и таланты.

Насъ раздѣляли предразсудки. Не знаю кто, но, навѣрное, не очень умный человѣкъ, пустилъ легенду о завѣщанномъ Петромъ Великимъ походѣ на Индію. У насъ всюду искали этого завѣщанія и подтвердилось только, что геніальный творецъ современной Россіи никогда не могъ оставить такой безсмысленной заповѣди своему отечеству.

Разумѣется, всюду есть фантасты и, въ силу своего шестидесятилѣтняго знанія русской жизни, могу завѣрить, что мечтателей о завоеваніи Индіи у насъ можно искать лишь въ сумасшедшихъ домахъ.

Въ моей памяти мелькаютъ тѣни моихъ учителей въ турецкую войну 1877—1878 г. Это были англичане — Макъ-Гаханъ, Форбсъ. На снѣговыхъ вершинахъ Шипки, въ гніющихъ осеннихъ грязяхъ придунайской Болгаріи, въ цвѣтущей долинѣ розъ, мы и тогда уже заключили союзъ дружбы и взаимнаго уваженія. Форбсъ говорилъ мнѣ: «Боюсь, что не хватитъ силъ нарисовать русскаго солдата такъ, чтобы англійское сердце поняло его. Въ мигъ, когда это случится, не будетъ въ мірѣ силы, которая бы ихъ разъединила.»

Вѣрю, хочу вѣрить, что такой мигъ насталъ въ эту роковую ужасную годину всемірной войны.

Величайшій и самый фантастическій изъ русскихъ генераловъ послѣдняго полувѣка, Скобелевъ, предвидѣлъ роковую борьбу на западѣ. Совершившій свои первые боевые подвиги на востокѣ, онъ вынесъ изъ нихъ одно убѣжденіе: мы и англичане будемъ тамъ безопасны и благополучны только тогда, когда, подойдя лицомъ къ лицу, наконецъ, какъ друзья и братья, пожмемъ руки другъ другу.

Больше чѣмъ когда-нибудь исповѣдую, что мы спокойны и неодолимы будемъ тогда, когда подадимъ руки другъ другу, полные взаимнаго уваженія, вѣры въ святость и незыблемость нашихъ договоровъ, ревниво охраняя свободу и право не только сильныхъ, но и слабыхъ.

Да, свободу и право слабыхъ. Въ этомъ оправданіе нынѣшней страшной войны, ея неисчислимыхъ жертвъ, ея гигантскихъ усилій съ обѣихъ сторонъ, какъ съ нашей, такъ и со стороны Германіи.

Сейчасъ въ Россіи идетъ великая работа. Общество, какъ одинъ человѣкъ, сошлось въ порывѣ къ неизбѣжной побѣдѣ. Въ армію живою кровью вливаются общественныя силы. Мы уже посылаемъ, отражая могущественнаго и умнаго непріятеля, горячій ливень нашихъ снарядовъ. «Красный Крестъ», Земскій и Городской союзы, русская женщина — работаютъ, неизмѣнно подпирая своей великой заботой боевые фронты.

Вернувшись домой, мы разскажемъ съ какою трогательной любовью и высокимъ уваженіемъ говоритъ о нихъ «старая», но вѣчно молодая Англія, какъ она, не теряя ни

дня, ни часа, готовится вся стать рядомъ одною общею ратью съ нами.

Принимая на себя роковые удары, мы безропотно ложились кровавою жертвой для нашей общей будущей побѣды. Быть можетъ, скоро пробьетъ похоронный набатъ насилію. Цѣль чиста — мы не хотимъ ни униженія, ни уничтоженія нашего культурнаго противника. Подъ солнцемъ мѣста хватитъ всѣмъ — и намъ, и германцамъ, которые во многомъ были нашими учителями и, часто, друзьями. Взаимное непониманіе создало эту безпримѣрную войну. Будемъ надѣяться, что она окажется послѣдней.

Печать всего міра, поминая добро, правду и справедливость, говоритъ на единомъ и всѣмъ понятномъ языкѣ. Да будутъ эти заповѣди высѣчены не на каменныхъ скрижаляхъ только, но и въ нашихъ сердцахъ. Да поможетъ намъ Богъ создать такую связь между народами, какую никогда не разорветъ ничто. Пусть наша побѣда во вѣки вѣковъ будетъ побѣдой священной свободы, какъ для слабыхъ, такъ и для сильныхъ. За эту великую работу англійской печати, кланяюсь вамъ, господа.»

Я никогда не ожидалъ ничего подобнаго тому, что произошло послѣ этой рѣчи. Англичанъ я считалъ сдержанными, не легко поддающимися впечатлѣніямъ, какъ бы они сильны ни были и, вдругъ — вся эта зала поднялась, какъ одинъ человѣкъ. Многіе обступили меня и начали пѣть что-то совсѣмъ для меня непонятное, глядя на меня и взявшись за руки. Между ними были виднѣйшіе политическіе дѣятели, люди, занимающіе крупные посты, извѣстные всему міру парламентскіе ораторы. Оказалось, что это величайшая честь, которую они оказываютъ своимъ ораторамъ и политическимъ дѣятелямъ. Смущенный, растроганный — я не зналъ куда мнѣ дѣваться... Я не привыкъ за всю мою долгую жизнь къ такому внѣшнему успѣху.

Гдѣ же эти сухіе и холодные англичане, замкнувшіеся въ самихъ себѣ? Гдѣ же люди съ неподвижными лицами и угрюмыми характерами?

Послѣ меня, г. Егоровъ, столько поработавшій для англо-русскаго сближенія, авторъ посвященныхъ этому передовыхъ статей, переводившихся въ здѣшнихъ газетахъ, говорилъ о нашемъ союзѣ съ Британіей, единодушной работѣ писателей обѣихъ странъ безъ различія политическихъ сектъ и оттѣнковъ. Онъ подчеркивалъ необходимость установленія прочныхъ торговыхъ связей, чуждыхъ чьей-либо эксплуатаціи и основанныхъ на обоюдномъ уваженіи и взаимныхъ выгодахъ.

Его рѣчь слушали, прерывая ее одобрительными восклицаніями и много ей аплодировали.

Если бы кто-нибудь, чудесно провидѣвшій будущее, тогда бы сказалъ, что не пройдетъ и нѣсколькихъ лѣтъ и та же Англія воспользуется нашей революціей и октябрьскимъ переворотомъ для сведенія съ нами счетовъ, ею самою

признанной исторической неправды — какое бы негодованіе вызвало въ насъ подобное клеветническое предположеніе! И еще болѣе неправдоподобнымъ показалось бы пророчество что грамотная Россія, выброшенная за ея рубежи коллективомъ хишническаго невѣжества и разбойничьей мести, найдетъ себѣ гостепріемный пріютъ не у союзниковъ, а у нашихъ тогдашнихъ непріятелей — германцевъ. Какое бы это вызвало у насъ недоумѣніе! Исторія хранитъ за своимъ Изидинымъ покрываломъ и не такія несбыточности!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Е. Н. Шелькингъ.

Самоубійство Монархій.

Императоры Вильгельмъ II и Николай II.

(Окончаніе.) *)

Глава УII.

Внѣшняя политика Николая II.
д) Послѣдніе министры иностранныхъ дѣлъ: Б. В. Штюрмеръ, Н. Н. Покровскій. Товарищъ министра, Нератовъ. — Наши заграничные представители. — Аккредитованные въ Россіи иностранные послы. —

Портфель Сазонова перешелъ къ Б. В. Штюрмеру, назначенному въ то-же время и предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Даже въ то время, когда у насъ уже перестали удивляться страннымъ назначеніямъ на высшія государственныя должности — и то назначеніе Б. В. Штюрмера главою правительства и, особенно, министромъ иностранныхъ дѣлъ, произвело большую сенсацію.

До своего назначенія, Б. В. Штюрмеръ никакого касательства къ дипломатіи не имѣлъ. Вся карьера его была въ высшей степени не сложная: проведя долгіе годы завѣдующимъ экспедиціей церемоніальныхъ дѣлъ, онъ былъ назначенъ сначала ярославскимъ, а затѣмъ тверскимъ губернаторомъ. Почему онъ попалъ въ члены Государственнаго Совѣта — было совершенно непонятно, т. к. «совѣтовать» онъ могъ лишь по дѣламъ церемоніальнымъ, компетенціи Государственнаго Совѣта не подлежащимъ. Въ Петроградскихъ салонахъ утверждали, что своимъ назначеніемъ онъ былъ обязанъ близостью къ графинѣ Игнатьевой и къ

*) См. Кн. II и III.

генералу Богдановичу, а также и своей близостью къ Распутину. Въ Государственномъ Совѣтѣ Штюрмеръ ни разу не выступалъ, ограничиваясь голосованіемъ съ крайними правыми. Совершенно необразованный, но отъ природы неглупый, онъ всѣ свои умственныя способности направлялъ чуть ли не исключительно, на интригу, въ которой онъ былъ виртуозомъ.

Весьма естественно, что, ничего не смысля въ дѣлахъ внѣшней политики, Штюрмеръ всецѣло поддался вліянію своего товарища, А. А. Нератова, а самъ сосредоточилъ всѣ усилія свои на укрѣпленіи своего положенія при Дворѣ. Англійскій посолъ, сэръ Джорджъ Бьюкэненъ, былъ увѣренъ, что новый министръ является сторонникомъ нашего сепаратнаго мира съ Германіей. Позволяю себѣ, со своей стороны, не раздѣлять его взглядовъ. Штюрмеръ былъ простымъ исполнителемъ царскихъ велѣній, Государь же, при всѣхъ своихъ недостатакахъ, отличался лойяльностью и не способенъ былъ заключить договоръ, несогласный съ принятыми имъ передъ союзниками обязательствами, хотя, быть можетъ, въ виду позиціи, занятой послѣдними въ 1915 году и революціоннаго броженія, охватившаго наше отечество, сепаратный миръ и отвѣчалъ бы нашимъ экономическимъ и государственнымъ интересамъ.

Пробывъ короткое время министромъ иностранныхъ дѣлъ и ничѣмъ, кромѣ интригъ, не ознаменовавъ своей дѣятельности, Штюрмеръ былъ уволенъ и замѣненъ Н. Н. Покровскимъ.

Назначеніе его было не менѣе неожиданнымъ. Новый министръ также, до своего назначенія, вопросами внѣшней политики не занимался. Вся его карьера прошла по Министерству Финансовъ во времена Витте и Коковцева, причемъ послѣдній назначилъ его своимъ товарищемъ. Затѣмъ онъ былъ призванъ въ Государственный Совѣтъ и занималъ нѣкоторое время мѣсто государственнаго контролера. Но, на этотъ разъ, выборъ Николая II оказался удачнымъ. Н. Н. Покровскій отличался здравымъ смысломъ и проницательностью и весьма быстро освоился со своимъ новымъ положеніемъ. Вначалѣ чины Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и иностранные дипломаты относились къ нему довольно скептически, но, вскорѣ, имъ пришлось измѣнить свои взгляды, убѣдившись въ томъ, что, въ лицѣ Покровскаго, ввѣренное ему министерство обрѣло начальника, знающаго, что онъ желаетъ и способнаго проводить свою волю.

Николай Николаевичъ вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ тревожномъ положеніи Россіи. Онъ ясно видѣлъ, что мы катимся по наклонной плоскости въ пропасть, гдѣ ожидала насъ революція. Будучи съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, настроеніе его мнѣ было прекрасно извѣстно. Какъ то разъ я сидѣлъ у него вечеромъ въ столь знакомомъ мнѣ министерскомъ кабинетѣ, окна котораго выходили на Дворцовую Площадь. Покровскій былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа и задумчиво глядѣлъ въ одно изъ оконъ

своего кабинета. Когда я спросилъ его, что такъ упорно приковываетъ его вниманіе, онъ отвѣчалъ мнѣ: «мой дорогой, я любуюсь чудными канделябрами, окружающими колонну Александра Перваго и думаю, на которомъ изъ нихъ мнѣ суждено висѣть...»

По счастью, предчувствія Покровскаго не оправдались. Его спасли его честность и открытый, умѣренно-либеральный образъ мыслей и онъ не раздѣлилъ печальной участи большинства его сослуживцевъ.

Между высшими чинами министерства, значительная роль выпала на долю товарища министра, А. А. Нератова и, поэтому, считаю необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. А. А. Нератовъ былъ чиновникомъ отъ головы до пятъ, то, что французы называютъ »un rond de cuir«, исполнительный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высшей степени ограниченный. Всѣ 25 лѣтъ своей службы онъ провелъ въ центральномъ вѣдомствѣ, мѣняя лишь стулья, на которыхъ ему приходилось сидѣть, покуда онъ прочно не опустился въ кресло товарища министра. При частой смѣнѣ министровъ, изъ которыхъ большинство, какъ мы видѣли, являлись въ министерство чистыми новичками, Нератовское знаніе архивовъ и дипломатическихъ прецедентовъ дѣлали изъ него сотрудника имъ необходимаго. Кромѣ того, какъ товарищъ Сазонова по лицею, онъ пользовался его особымъ благорасположеніемъ. Штюрмеръ, Покровскій и, даже, Милюковъ и Терещенко обойтись безъ него не смогли. Министры падали, какъ спѣлые колосья, Нератовъ одинъ продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и, даже теперь, при полной разрухѣ, съумѣлъ заручиться мѣстечкомъ посла въ Константинополѣ. Кончилось тѣмъ, что «Толя Нератовъ» выросъ въ «Анатолія Анатольевича», съ вліяніемъ котораго должны были считаться даже иностранные послы. Но его дипломатическія способности отнюдь не измѣнились: онъ продолжалъ оставаться чиновникомъ, узкіе взгляды котораго особенно пагубно отразились на нашей Балканской политикѣ. Слѣдуя примѣру Сазонова, онъ всецѣло находился подъ обаяніемъ П. Н. Милюкова и сталъ трагической фигурой на темномъ фонѣ нашего злополучнаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Я уже имѣлъ не разъ случай отмѣтить, насколько дѣятельность нашихъ заграничныхъ представителей парализовалась нашимъ центральнымъ вѣдомствомъ. Между тѣмъ, до появленія Сазонова, назначенія котораго носили скорѣе отпечатокъ личныхъ симпатій, чѣмъ признанія дарованій, большинство пословъ нашихъ и нѣкоторыхъ изъ нашихъ посланниковъ были дипломатами далеко не заурядными.

Въ продолженіе царствованія Императора Николая II, мы насчитывали въ Берлинѣ трехъ пословъ: графа П. А. Шувалова, графа Н. Д. Остенъ-Сакена и С. Н. Свербеева.

Графъ Шуваловъ былъ назначенъ посломъ еще Александромъ III. До своего назначенія, графъ былъ чуждъ иностранной политики. Онъ всю свою жизнь провелъ на военной

службѣ и отличался въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ. При Царѣ-Миротворцѣ онъ командовалъ Гвардейскимъ корпусомъ. По прибытіи въ Берлинъ, онъ быстро освоился со своимъ новымъ положеніемъ и, вскорѣ, сталъ любимцемъ Вильгельма II, котораго, помимо выдающагося ума посла, покорили и его военныя привычки. Шуваловъ отличался особенною гибкостью ума и умѣніемъ лавировать между Сциллой и Харибдой, между Петербургскимъ и Берлинскимъ дворами. Такъ напримѣръ, будучи другомъ князя Бисмарка, онъ, въ тоже время, умѣлъ сохранить близкія отношенія и къ Императору. Популярность его въ Берлинѣ, особенно въ кругахъ военныхъ, была по истинѣ исключительной. Онъ называлъ «своими мальчиками» (meine lieben Junge) офицеровъ наиболѣе видныхъ германскихъ гвардейскихъ полковъ и охотно проводилъ съ ними время за бутылкою вина. Но, при этомъ, у него было особенная способность: несмотря на количество выпитаго вина, онъ сохранялъ полную свѣжесть ума и всю свою память. Одинъ изъ любимыхъ его секретарей, г. Бахерахтъ, впослѣдствіи посланникъ нашъ въ Швейцаріи, разсказалъ мнѣ по этому поводу слѣдующій эпизодъ:

Какъ то вечеромъ пріѣхалъ къ Шувалову сынъ князя Бисмарка, графъ Гербертъ Бисмаркъ, занимавшій при отцѣ должность статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ. Графъ Гербертъ, также какъ и посолъ, врагомъ бутылки не былъ. Конечно, тотчасъ-же была сервирована подобающая закуска и, подъ конецъ, Бисмаркъ опьянѣлъ и наговорилъ много лишняго, между тѣмъ какъ посолъ сохранялъ полное свое сознаніе. Какъ только Бисмаркъ уѣхалъ, Шуваловъ освѣжилъ свою голову подъ краномъ, а затѣмъ, призвавъ Бахерахта, слово въ слово продиктовалъ ему все слышанное отъ графа Герберта въ видѣ безукоризненнаго по формѣ и содержанію донесенія въ Петербургъ.

Когда графъ П. А. Шуваловъ покидалъ Берлинъ, будучи назначенъ Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, Императоръ Вильгельмъ лично явился проводить его на станцію желѣзной дороги и, т. к. графъ имѣлъ уже всѣ высшіе прусскіе ордена, подарилъ ему золотой портсигаръ съ надписью: «моему дорогому другу». Графъ П. А. Шуваловъ оставилъ по себѣ въ Берлинѣ наилучшія воспоминанія и время, проведенное имъ посломъ въ Германіи, представляетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи нашей отечественной дипломатіи.

Я уже не разъ упоминалъ объ его преемникѣ, графѣ Николаѣ Дмитріевичѣ Остенъ-Сакенѣ.

Графъ Остенъ-Сакенъ былъ сыномъ знаменитаго защитника Одессы и Севастополя и происходилъ изъ вполнѣ обрусѣвшаго стариннаго рода Балтійскихъ дворянъ. Дѣдъ его былъ убитъ подъ Лейпцигомъ, а дядя его — Свѣтлѣйшій князь Остенъ-Сакенъ — состоялъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Парижа въ 1815 году. Онъ былъ женатъ

на княжнѣ Маріи Ильинишнѣ Долгоруковой (княгинѣ Голицыной — по первому мужу).

Графиня вышла замужъ чуть-ли не 16 лѣтъ. Первый мужъ ея былъ настоящимъ русскимъ бариномъ, несмѣтно богатымъ, но годился ей въ отцы. До своего назначенія посломъ въ Мадридъ, князь Голицынъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ супруга его открыла политическій салонъ, постоянными посѣтителями котораго были, между прочимъ, Гизо и Тьеръ. Будучи хорошей музыкантшей, она брала уроки у Шопена, о которомъ она сохраняла самую свѣтлую память. Графъ Остенъ-Сакенъ познакомился со своей будущей супругой въ Испаніи, гдѣ онъ исправлялъ обязанности второго секретаря при нашемъ посольствѣ и, послѣ кончины князя Голицына, женился на его вдовѣ. Графиня стала неоцѣнимой поддержкой своему мужу. Она пользовалась при дворѣ совершенно особымъ положеніемъ и была на «ты» съ нѣкоторыми изъ нашихъ великихъ княгинь. При встрѣчѣ съ ней, Царь неизмѣнно почтительно цѣловалъ ей руку. Его же примѣру слѣдовалъ и Императоръ Вильгельмъ. Въ своей частной жизни графиня была необычайно проста и привѣтлива. Доброта ея была безпредѣльна и она проявляла ее по отношенію не только къ намъ, чинамъ посольства, но и къ послѣднему изъ посольской прислуги. Понятно, что мы всѣ ее боготворили и относились къ ней, какъ къ нашей второй матери.

Графъ Остенъ-Сакенъ былъ посломъ въ Берлинѣ до своей кончины, послѣдовавшей въ 1912 году. Хотя онъ и являлся дипломатомъ старой школы, но онъ вполнѣ освоился съ новыми теченіями и былъ выдающимся посломъ на скользкой Берлинской почвѣ. Среди безконечныхъ, никакими серьезными соображеніями не вызываемыхъ, постоянныхъ измѣненій нашей внѣшней политики въ царствованіе Императора Николая II, принужденный выступать вѣчно въ роли тушителя искръ, которыя ежеминутно загорались и угрожали превратиться въ пожаръ изъ-за невоздержанности Кайзера и безхарактерности нашего монарха, графъ постоянно оказывался на высотѣ своего положенія и заслужилъ себѣ глубокое уваженіе, какъ со стороны Берлинскаго двора, такъ и со стороны общественныхъ и политическихъ круговъ германской столицы. Съ покойнымъ графомъ сошелъ въ могилу одинъ изъ крупнѣйшихъ нашихъ дипломатовъ, безгранично преданный своей родинѣ, незамѣнимый знатокъ Германіи, одинъ изъ послѣднихъ могикановъ, когда-то столь славнаго, нашего дипломатическаго вѣдомства...

Графу Остенъ-Сакену наслѣдовалъ С. Н. Свербеевъ. Большую часть своей службы новый посолъ провелъ въ Вѣнѣ въ качествѣ второго и перваго секретаря, а затѣмъ и совѣтника посольства. Пробывъ всего около 2-хъ лѣтъ посланникомъ въ Аѳинахъ, онъ былъ призванъ замѣстить графа Остенъ-Сакена на трудномъ Берлинскомъ посту. Онъ былъ неглупымъ и, несомнѣнно, глубоко порядочнымъ человѣкомъ, un point — c'est tout — какъ говорятъ французы.

Своимъ назначеніемъ объ былъ всецѣло обязанъ своей дружбѣ съ Сазоновымъ. Говорятъ, что, являясь ему въ качествѣ посла, онъ оффиціально сказалъ ему съ глубокимъ поклономъ: «имѣю честь представиться Вашему Высокопревосходительству» и, тутъ же, прибавилъ: «Сережа, неужели ты никого болѣе подходящаго для Берлина не подыскалъ...» Естественно, что отношенія Императора Вильгельма къ новому послу стали не тѣми, какъ къ покойному графу Остенъ-Сакену.

Лѣтомъ 1914 года Свербеевъ былъ въ отпуску и вернулся лишь за нѣсколько дней до объявленія войны. — «У васъ тутъ, кажется, не важно» — сказалъ онъ совѣтнику Броневскому.

Семь дней спустя Германскимъ Правительствомъ ему врученъ былъ паспортъ...

Въ Парижѣ особу Государя представляли, послѣдовательно, баронъ А. П. Моренгеймъ, А. И. Нелидовъ и А. П. Извольскій. На дѣятельности послѣдняго я уже имѣлъ случай подробно остановиться.

Барона Моренгейма Царь получилъ, такъ сказать, въ наслѣдство отъ своего отца. Это былъ дипломатъ старой школы — хитрый и ловкій. Воспитанникъ московскаго университета, онъ хвалился своимъ дѣйствительно безукоризненнымъ русскимъ стилемъ. Баронъ Моренгеймъ — какъ упомянуто уже выше — не безъ основанія почитается главнымъ авторомъ франко-русскаго союза.

А. Н. Нелидовъ былъ переведенъ въ Парижъ изъ Константинополя. Безъ сомнѣнія выдающійся дипломатъ, онъ считался знатокомъ ближняго востока. Къ сожалѣнію, онъ за послѣдніе годы сталъ отличаться нѣкоторою неосторожностью въ рѣчахъ, что особенно пагубно отразилось на его босфорской дѣятельности, когда имъ представленъ былъ планъ о неожиданномъ захватѣ нами проливовъ. Планъ этотъ, благодаря невоздержанности его автора, получилъ огласку и въ значительной степени повліялъ на отношенія наши къ Портѣ. Благодаря интригамъ Извольскаго, желавшаго занять его Парижскій постъ, онъ былъ переведенъ въ Римъ.

Въ Лондонѣ Россія, въ царствованіе Императора Николая II, представлена была двумя послами — барономъ Сталемъ и графомъ Бенкендорфомъ.

Первый изъ нихъ, чрезвычайно популярный на берегахъ Темзы, отличался осторожностью и, принадлежа къ школѣ Н. К. Гирса, прежде всего всячески старался избѣгать осложненій. Онъ оказалъ, несомнѣнно, крупныя услуги Россіи, особенно въ 1885—1886 гг., когда англо-русскія отношенія стали натянутыми.

Преемникъ его, графъ Бенкендорфъ, по справедливости, долженъ быть отнесенъ къ плеядѣ нашихъ наиболѣе крупныхъ заграничныхъ представителей. Нѣмецкаго происхожденія и католическаго вѣроисповѣданія, находящійся въ близкомъ родствѣ съ родовитымъ германскимъ дворянствомъ (се-

стра его была замужемъ за княземъ Гацфельдомъ, герцогомъ Трахенбергскимъ), графъ Бенкендорфъ былъ, тѣмъ не менѣе, русскимъ до мозга костей и убѣжденнымъ славянофиломъ. Говорятъ, онъ пролилъ слезу, узнавъ о рѣшеніи Сазонова принудить черногорцевъ эвакуировать Скутари (1913 годъ). Сербія находила въ немъ вліятельнаго защитника своихъ интересовъ и Бенкендорфъ во многомъ способствовалъ тому, что славянскіе интересы стали находить откликъ и въ Лондонѣ.

Изъ пословъ нашихъ въ Римѣ, упомяну о Н. В. Муравьевѣ и о М. Н. Гирсѣ. Первый — до своего назначенія былъ министромъ юстиціи и касательства къ дипломатіи не имѣлъ, что не помѣшало ему занять въ Римѣ прекрасное положеніе и способствовать русско-italianскому сближенію.

М. Н. Гирсъ — младшій сынъ покойнаго министра, какъ физически, такъ и умственно былъ блѣдной копіей своего отца. Онъ имѣлъ за собою продолжительную карьеру, до Рима занималъ постъ посла въ Константинополѣ и пріобрѣлъ репутацію дипломата не лишеннаго нѣкоторой ловкости, но, быть можетъ, не въ мѣру нерѣшительнаго. Общественная молва прочила его неоднократно въ министры иностранныхъ дѣлъ. Весьма вѣроятно, что, если бы назначеніе его дѣйствительно состоялось, были бы избѣгнуты многія крупныя ошибки, допущенныя злополучнымъ Сазоновымъ.

Въ Константинополѣ, за время Царствованія Императора Николая II смѣнилось три посла: И. А. Зиновьевъ, Н. В. Чарыковъ и М. Н. Гирсъ, изъ коихъ дѣйствительно крупнымъ былъ престарѣлый Зиновьевъ. Знатокъ Востока, бывшій посланникъ въ Персіи и директоръ азіатскаго департамента, онъ на Босфорѣ былъ вполнѣ на высотѣ своей задачи. Въ Персіи онъ выказалъ далеко недюжинную энергію: ведя переговоры съ Тегеранскимъ Правительствомъ, онъ превысилъ полученныя полномочія и, говорятъ, въ письменномъ столѣ держалъ заряженный револьверъ, дабы застрѣлиться въ случаѣ отказа Шаха подписать намѣченный имъ договоръ. Онъ отдавалъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что младо-турецкое движеніе получитъ несомнѣнно яркую германофильскую окраску. Онъ, поэтому, неустанно совѣтовалъ эту партію отнюдь не поддерживать. Но Англія высказалась за младотурокъ, а этого Извольскому было достаточно. Зиновьевъ принужденъ былъ покинуть Константинополь и, какъ извѣстно, предположенія его полностью оправдались.

Преемникъ его, Н. В. Чарыковъ, въ молодости участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ и былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ. Онъ прошелъ серьезную школу: былъ совѣтникомъ въ Берлинѣ, дипломатическимъ чиновникомъ на Кавказѣ, первымъ секретаремъ въ Турціи, посланникомъ въ Софіи, Бѣлградѣ и при Ватиканѣ и товарищемъ министра при Извольскомъ и въ первые времена Сазонова. Наша печать создала ему репутацію блестящаго дипломата, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ не былъ и не разъ прочила его на мѣсто мини-

стра иностранныхъ дѣлъ. Въ дѣйствительности онъ былъ только труженникомъ, характера мелочнаго и отнюдь не выдающихся государственныхъ способностей. Онъ увлекся младо-турками и проглядѣлъ невыгодную для насъ игру Энвера Паши, этого типичнаго младо-турецкаго карьериста. Проглядѣлъ онъ и сербскія событія. Такъ, напримѣръ, убійство Короля Александра и супруги его, Драги, были для него полною неожиданностью.

Въ Вѣнѣ мѣсто князя Лобанова занялъ графъ Капнистъ, довольно блѣдный, ничѣмъ выдающимся на берегахъ Дуная себя не проявившій. При князѣ Лобановѣ, въ Петроградѣ, недостатки его сглаживались, такъ какъ князь, какъ онъ самъ говорилъ, «игралъ на вѣнскихъ клавишахъ изъ своего министерскаго кабинета». Но, послѣ его кончины, окончательно пошатнулось и положеніе Капниста. Его замѣнилъ сперва Н. Н. Гирсъ — старшій сынъ министра, а затѣмъ — Н. Н. Шебеко. Ни тотъ, ни другой своей вѣнской дѣятельностью похвастаться не могутъ. Оба были назначены Сазоновымъ — и ихъ назначеніе можно разсматривать, какъ еще одно доказательство близорукости министра.

Однимъ изъ нашихъ талантливѣйшихъ представителей заграницей былъ посолъ нашъ въ Ватиканѣ, покойный баронъ Р. Р. Розенъ.

Баронъ Розенъ занималъ мѣсто посланника въ Бѣлградѣ, Мюнхенѣ и Токіо. Курсъ наукъ окончилъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. Въ Японіи онъ занималъ исключительное положеніе еще въ бытность свою секретаремъ въ Токіо. Онъ предвидѣлъ предстоящія намъ осложненія съ Имперіей Восходящаго Солнца и предупреждалъ объ опасныхъ послѣдствіяхъ нашей авантюристической политики въ Кореѣ. Въ Вашингтонѣ ему предшествовала репутація даровитаго дипломата и онъ вполнѣ оправдалъ ее. Онъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ графомъ Витте подписалъ Портсмутскій договоръ. Почему онъ былъ отозванъ съ мѣста, на которомъ онъ былъ такъ полезенъ — остается загадкой. Конечно и въ этомъ случаѣ главную роль играли столь привившіяся нашей дипломатіи, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, интриги.

Будучи назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, баронъ Розенъ принималъ живое участіе въ его работахъ. Особенно нашумѣла въ свое время извѣстная рѣчь его противъ излишняго увлеченія нашимъ союзомъ съ Франціей и сближеніемъ съ Англіей, причемъ онъ настаивалъ на необходимости сохраненія нашихъ добрыхъ традиціонныхъ отношеній и къ Германіи. Рѣчь эта подняла въ Парижѣ цѣлую бурю и вся французская печать обрушилась на оратора. Посолъ Республики въ Петроградѣ, г. М. Палеологъ, сказалъ какъ-то ему: «Ваша рѣчь — преступленіе противъ Франціи» (un crime de lèse France), на что баронъ Розенъ возразилъ: «это мнѣ рѣшительно безразлично (Je m'en bas l'oeuil), лишь-бы слова мои не были преступленіемъ противъ Россіи». Послѣ революціи баронъ переселился въ Нью-Іоркъ, гдѣ

жилъ литературнымъ трудомъ, работая надъ своими мемуарами, часть которыхъ появилась въ Saturday Evening Post.

Онъ скончался нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отъ пораненій, причиненныхъ переѣхавшимъ его автомобилемъ.

Послѣднимъ царскимъ представителемъ въ Соединенныхъ Штатахъ былъ Ю. П. Бахметевъ, мой старый сослуживецъ и пріятель по Аѳинамъ. Онъ былъ долгіе годы секретаремъ нашей миссіи въ Греціи, а затѣмъ — посланникомъ въ Софіи и Токіо. Отозванный изъ Японіи, по непонятнымъ ему причинамъ, онъ обратился за разъясненіями къ А. П. Извольскому, бывшему въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ. Послѣдній сознался, что онъ отозвалъ его исключительно вслѣдствіе нападокъ «Новаго Времени», находя, что, при подобныхъ условіяхъ, ему неудобно оставаться посланникомъ въ Японіи.

Послѣ отреченія Государя, Бахметевъ немедленно подалъ въ отставку рѣзкою телеграммой на имя П. М. Милюкова. Старый баринъ не могъ ужиться съ новымъ порядкомъ вещей и съ министромъ, котораго онъ, въ свое время, выслалъ изъ Софіи.

Изъ представителей нашихъ при второстепенныхъ державахъ, упомяну о Н. Г. Гартвигѣ и Д. К. Сементовскомъ-Курило, какъ о наиболѣе талантливыхъ и объ А. В. Неклюдовѣ и А. Н. Савинскомъ, какъ о наиболѣе неудачныхъ.

Н. Г. Гартвигъ началъ свою карьеру вице-консуломъ въ Бургасѣ. Переведенный, затѣмъ, въ Азіатскій Департаментъ, онъ занималъ послѣдовательно мѣста вице-директора и директора этого важнаго департамента, откуда былъ назначенъ посланникомъ въ Персію, а затѣмъ — въ Сербію. Онъ отличался проницательнымъ умомъ и удивительною работоспособностью. Въ Персіи онъ выступилъ противникомъ заигрываній нашего центральнаго вѣдомства съ такъ называемыми «либеральными» персидскими партіями. Онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что Персія не созрѣла для конституціоннаго образа правленія и что, кромѣ того, введеніе либеральныхъ реформъ подорветъ положеніе Шаха, на которомъ мы издавна исключительно основывали наше историческое вліяніе. Но, въ то время, Извольскій плылъ всецѣло въ англійскихъ водахъ и, не обращая вниманія на донесенія Гартвига, преслѣдовалъ свою линію въ Персіи. Въ концѣ концовъ, преданный Россіи Шахъ, Магометъ-Али, принужденъ былъ отречься отъ престола. Персія была раздѣлена между нами и Англіей на двѣ сферы вліянія (договоръ 1907 года), Германія усѣлась въ Тегеранѣ и мы потеряли наше вѣковое преимущественное положеніе въ странѣ шаховъ.

Особенно ратовалъ Гартвигъ противъ опаснаго для насъ распространенія германскаго вліянія. — «Съ насъ и англичанъ съ избыткомъ довольно» — говорилъ онъ. Понятно, поэтому, что, помимо англійской, онъ сталъ мишенью и дипломатіи германской. Но Извольскій съ легкимъ сердцемъ пожертвовалъ талантливымъ дипломатомъ и перевелъ его въ Сербію, въ надеждѣ, можетъ быть, что онъ не справится съ этимъ

сложнымъ мѣстомъ и, такимъ образомъ, дастъ ему возможность вовсе отъ него избавиться.

Но, уже вскорѣ послѣ своего прибытія въ Бѣлградъ, Н. Г. Гартвигъ занялъ въ Сербіи совершенно исключительное положеніе. Король, Королевичъ Александръ, Н. П. Пашичъ не предпринимали ни одного серьезнаго шага не посовѣтовавшись предварительно съ русскимъ представителемъ. Я видѣлъ Гартвига за дѣломъ въ 1912 году. Отъ 10—12 часовъ утра черезъ кабинетъ его проходили сербскіе государственные дѣятели, депутаты, иностранные представители. Работалъ онъ цѣлыя ночи напролетъ. И въ это-то время, когда онъ, страдая сердечной болѣзнью, не щадилъ себя, работая на благо горячо любимой имъ родины, Извольскій, а затѣмъ и Сазоновъ, видя въ немъ опаснаго конкурента на министерское кресло, всячески искали случая очернить его въ глазахъ Государя. Не отдавая себѣ отчета въ балканскихъ дѣлахъ, съ которыми онъ былъ совершенно незнакомъ, С. Д. Сазоновъ отправлялъ Гартвигу совершенно невыполнимыя инструкціи, вызывавшія лишь улыбку со стороны сербскихъ государственныхъ дѣятелей. Выслушавъ «совѣты» преподаваемые ему изъ Петрограда, Н. П. Пашичъ говорилъ Гартвигу: «Вы кончили, дорогой Николай Генриховичъ. Теперь поговоримъ серьезно.» —

Паралельно съ Гартвигомъ, работалъ въ Софіи Д. К. Сементовскій-Курило, также одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ нашихъ дипломатовъ, связанный съ нимъ долголѣтней совмѣстной служебной дѣятельностью и находившійся съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Н. Г. Гартвигъ скончался внезапно, во время посѣщенія имъ Австро-Венгерскаго посланника, барона Гискра. Общественная молва въ Бѣлградѣ приписала его смерть отравѣ. Сербское правительство торжественно похоронило его останки на государственный счетъ. Весь Бѣлградъ, съ королемъ во главѣ, провожалъ его гробъ до могилы. День его похоронъ сталъ днемъ сербскаго національнаго траура и, надъ его могилой, по народной подпискѣ, сооруженъ ему прекрасный памятникъ.

Посланникъ нашъ въ Софіи, Д. К. Сементовскій-Курило, подобно Гартвигу, большую часть своей службы провелъ также въ Азіатскомъ Департаментѣ и, до назначенія въ Болгарію, былъ также вице-директоромъ и директоромъ этого департамента. А. П. Извольскій его недолюбливалъ и отправилъ въ Софію въ надеждѣ, что и онъ не справится съ возложенной на него нелегкой задачей. И дѣйствительно, съ первыхъ шаговъ своихъ онъ натолкнулся на серьезныя затрудненія. Предшественникъ его, А. Н. Щегловъ, вошелъ въ конфликтъ съ болгарскимъ премьеромъ, генераломъ Петровымъ, котораго поддерживалъ Царь Фердинандъ. Щегловъ потребовалъ его отставки и, дѣйствительно, добился ея. Но и Щегловъ въ Софію болѣе не вернулся.

Царь Фердинандъ, зная антипатію Извольскаго къ Сементовскому, разсчитывалъ, поддержавъ его, превратить его

въ послушное орудіе своей воли. Но, уже на первыхъ порахъ пребыванія Сементовскаго въ Софіи, Царь убѣдился, что онъ ошибся въ своихъ расчетахъ и, что въ лицѣ новаго посланника, ему придется имѣть дѣло съ серьезнымъ партнеромъ. Въ своемъ желаніи отъ него избавиться и, не рискуя, послѣ опыта съ Щегловымъ, открыто выступить противъ него, Фердинандъ повелъ подпольную интригу противъ моей сестры — жены Сементовскаго. По его наущенію, офицерамъ Софійскаго гарнизона былъ данъ совѣтъ не появляться на благотворительномъ праздникѣ, даваемомъ моей сестрой. Но, когда и этотъ планъ не удался, благодаря хладнокровію Сементовскихъ, болгарскій Царь перемѣнилъ свою тактику и сталъ окружать чету Сементовскихъ особой предупредительностью въ надеждѣ этимъ способомъ пріобрѣсти вліяніе на нашего дипломата. Но послѣдній продолжалъ свою работу, основываясь исключительно на интерессахъ Россіи, тѣсно связанныхъ, по его мнѣнію, съ будущностью Болгаріи. Въ концѣ концовъ, Сементовскій занялъ въ Софіи, даже и при Царѣ, положеніе, аналогичное съ тѣмъ, которымъ пользовался Гартвигъ въ Бѣлградѣ. Сазоновъ хотя и увѣрялъ, что онъ глубоко цѣнитъ его полезную дѣятельность, но, на дѣлѣ, посланнику зачастую приходилось страдать отъ недостатка въ поддержкѣ центральнаго вѣдомства. Д. К. Сементовскій скончался отъ воспаленія слѣпой кишки, въ, сравнительно, молодыхъ годахъ, года за два до смерти Гартвига. Операція, произведенная знаменитымъ вѣнскимъ хирургомъ, Энгельсбергеромъ, удалась, но наступили осложенія и посланникъ скончался на рукахъ лейбъ-медика болгарскаго Царя. Его смерть также была приписана отравѣ.

Государю нашему рѣшительно не везло: въ лицѣ Гартвига и Сементовскаго онъ потерялъ двухъ своихъ наиболѣе талантливыхъ представителей заграницей и глубокихъ знатоковъ балканскихъ дѣлъ, замѣненныхъ С. Д. Сазоновымъ въ высшей степени неудачно.

На мѣсто Сементовскаго былъ назначенъ совѣтникъ нашего посольства въ Парижѣ, А. В. Неклюдовъ. Крайне ограниченный, онъ, конечно, не въ силахъ былъ бороться противъ Фердинанда, этого удивительнаго знатока въ дипломатическихъ интригахъ. Болгарскій царь совершенно съ нимъ не считался и, по цѣлымъ мѣсяцамъ, его не принималъ. Несмотря на свое пребываніе въ качествѣ секретаря въ Константинополѣ и Бѣлградѣ, Неклюдовъ отнюдь не могъ считаться знатокомъ Ближняго Востока. Въ Софіи онъ занимался изученіемъ болгарской исторіи. Такъ, напримѣръ, онъ какъ-то прочелъ мнѣ одно изъ своихъ донесеній, въ которомъ онъ весьма увлекательно описывалъ не современное положеніе Болгаріи, а правленіе болгарскаго царя, Крума, царствовавшаго до покоренія турками Константинополя. Сазоновъ самъ, въ концѣ концовъ, убѣдился въ неудачѣ своего выбора и перевелъ Неклюдова въ Стокгольмъ, а на его мѣсто назначилъ посланника въ Швеціи, А. А. Савинскаго, положеніе котораго при шведскомъ дворѣ также стало не-

возможнымъ. Какъ Неклюдовъ, такъ и Савинскій, пользовались особой благосклонностью Сазонова и, поэтому, не желая ихъ обижать, онъ и перемѣстилъ одного на мѣсто другого. Келейно и просто. Интересы Россіи при всемъ этомъ оставались на заднемъ планѣ.

Я уже имѣлъ случай упоминать о преемникѣ Сементовскаго въ Софіи, А. А. Савинскомъ, въ связи съ моей оцѣнкой дѣятельности графа В. Н. Ламсдорфа. Пребываніе его въ Софіи стало сплошнымъ скандаломъ. Покровительство, оказываемое графъ Ламсдорфомъ молодому Савинскому, объяснялось его пристрастіемъ къ своему любимцу, но совершенно необъяснимы побужденія, коими руководствовался Сазоновъ, назначая его на отвѣтственное мѣсто въ Софіи, а также и Государя, утвердившаго подобное назначеніе.

Изъ иностранныхъ дипломатовъ, аккредитованныхъ при русскомъ дворѣ въ послѣдніе годы царствованія Николая II, наибольшимъ вліяніемъ пользовался англійскій посолъ, сэръ Джорджъ Бьюкэненъ, съ которымъ я былъ интимно знакомъ по Берлину, гдѣ онъ въ мое время (1896—1903 годовъ) занималъ мѣсто совѣтника посольства. Бьюкэненъ былъ англичаниномъ съ головы до пятъ — упрямый и честный въ частной жизни, но не разборчивый въ средствахъ достиженія цѣли, которая, по его мнѣнію, соотвѣтствовала интересамъ его родины. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ русско-британскаго сближенія и пользовался въ Россіи незаслуженной, по послѣдствіямъ, популярностью, получивъ почетное гражданство Москвы и званіе доктора тамошняго университета. Причины его необычайнаго успѣха слѣдуетъ отнести, преимущественно, къ происками нашихъ доморощенныхъ ультра-либераловъ, съ кадетской партіей во главѣ. Бьюкэненъ опасался, что Государь заключитъ сепаратный миръ съ Германіей. Наши либералы же боялись, что, въ случаѣ побѣды, Императоръ Николай II укрѣпится на престолѣ. Отсюда — связь, установившаяся между англійскимъ посломъ и Милюковымъ. Оба работали надъ низложеніемъ Царя. Средства были тѣ-же при различныхъ цѣляхъ.

Французскій посолъ въ Петроградѣ, г. Морисъ Палеологъ, всей своей карьерой обязанъ былъ своему школьному товарищу, Пуанкарэ и покровительству вліятельной парижской актрисы, г-жи Барте. Онъ отличался самомнѣніемъ и непримѣрной рисовкой, доходящей до фиглярства. Несмотря на свое положеніе представителя союзнаго государства, онъ, вопреки его увѣреніямъ въ своихъ мемуарахъ, окончательно стушевывался передъ своимъ англійскимъ коллегой и популярностью въ Петроградѣ не пользовался.

Итальянскій посолъ, венеціанецъ, Маркизъ Карлотти, былъ истымъ послѣдователемъ Маккіевелли — коварнымъ и хитрымъ подъ личиной простоты и добродушія. Всѣ усилія его были направлены, по возможности, урвать побольше славянскихъ земель въ обмѣнъ за вмѣшательство Италіи въ

міровую войну. Передъ самой революціей его постигла немилость — онъ принужденъ былъ спѣшно покинуть Петроградъ и дипломатическую службу вообще и былъ замѣненъ Маркизомъ делла Торрета, впослѣдствіи назначеннымъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Я позволилъ себѣ болѣе подробно остановиться на характеристикѣ занимавшихъ передовыя позиціи нашихъ дипломатовъ и аккредитованныхъ при Императорскомъ Дворѣ иностранныхъ представителей, дабы дополнить картину, въ рамкахъ которой протекала наша внѣшняя политика въ царствованіе Императора Николая II. При самомъ, даже поверхностомъ, ея обзорѣ, приходится, къ прискорбію, установить, что, несмотря на талантливость многихъ изъ нашихъ заграничныхъ представителей, вслѣдствіе неудовлетворительности центральнаго вѣдомства, непостоянства Государя и несчастнаго, по большей части, выбора имъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ — государственный корабль нашъ, лишенный искуснаго и твердаго кормчаго, носился по международнымъ волнамъ, какъ говорится, безъ руля и безъ вѣтрилъ. Неудивительно, поэтому, что неудовлетворительное веденіе нашей внѣшней политики, въ связи съ военными неудачами и неурядицей внутри государства, привели нашу родину къ печальнымъ событіямъ, завершившимся революціей и крушеніемъ вѣкового престола династіи Романовыхъ.

Глава VIII.

Развалъ.

Причины революціи. — Министры, духовенство. — Развращенность петроградскаго общества. — Общее неудовольствіе.

Впервые революціонное движеніе охватило нѣкоторые круги нашего общества въ 1825 году, послѣ кончины Императора Александра I. Оно извѣстно подъ именемъ декабрьскаго возстанія. Но движеніе это коснулось лишь незначительной части общественныхъ верховъ и носило лишь характеръ движенія конституціоннаго, отнюдь не антимонархическаго.

Въ царствованіе Николая I, революціонное броженіе сосредоточивалось внѣ предѣловъ Россіи, преимущественно въ Швейцаріи и Англіи — мѣстопребываніи знаменитаго Герцена. Послѣ кончины Николая Павловича, преемникъ его, Царь-Освободитель, открыто выступилъ на путь либеральныхъ реформъ. Революціонное движеніе лишилось почвы и самъ Герценъ въ своемъ письмѣ къ Императору Александру II, восклицалъ: «ты побѣдилъ, Галилеянинъ»... Но, какъ я упоминалъ уже во введеніи къ моему скромному труду, Царь-Освободитель подъ конецъ своего царствованія, подъ

вліяніемъ, вѣроятно, испытанныхъ имъ горькихъ разочарованій, измѣнилъ свою первоначальную программу, не только пріостановилъ дарованіе дальнѣйшихъ реформъ и развитіе реформъ уже дарованныхъ, но зачастую и парализовывалъ проведеніе ихъ въ жизнь. Революція снова подняла голову и разочарованное общество, своимъ равнодушнымъ отношеніемъ къ борьбѣ правительства съ подпольными организаціями, явно играло въ руку революціоннымъ элементамъ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ террористическихъ актовъ, совершенныхъ надъ министрами, губернаторами и иными членами правительства, завершившихся злодѣйскимъ преступленіемъ 1-го марта 1881 г.

При Императорѣ Александрѣ III революція снова ушла въ подполье и нѣкоторыя ея болѣе открытыя проявленія были тотчасъ-же подавляемы желѣзной рукой Царя-Миротворца. Кровавое преступленіе 1 марта всколыхнуло общественные круги, сплотило ихъ вокругъ царскаго престола и на этомъ-то единеніи царя съ народомъ, помимо твердой воли и открытаго образа дѣйствій монарха — и зиждились, главнымъ образомъ, успѣхи его славнаго царствованія. Но реакціонная система правленія вѣчно длиться не могла. Успокоенная Царемъ-Миротворцемъ страна созрѣла для новыхъ реформъ, которыя служили бы продолженіемъ прерванныхъ, въ силу обстоятельствъ, при Александрѣ III, нововведеній его великодушнаго родителя.

Николай II не учелъ создавшейся обстановки и разошелся со своимъ народомъ, или, вѣрнѣе, съ тѣми его слоями, которые извѣстны подъ именемъ «русской интеллигенціи». Возможно, что, если-бы молодой Государь обладалъ желѣзной волей своего отца, онъ могъ бы еще нѣкоторое время продолжать реакціонную его политику и постепенно, съ надлежащей осторожностью, перейти на путь либеральныхъ реформъ. Но для этого у послѣдняго Царя не было ни характера Александра III, ни импонирующей народу его внѣшности русскаго богатыря.

Заявивъ, что онъ намѣренъ царствовать въ духѣ своего родителя, онъ въ 1905 году даруетъ конституцію, дабы, впослѣдствіи, всячески ограничивать предоставленныя имъ народу права. Выпустивъ изъ рукъ своихъ самодержавную власть, онъ никакъ не хочетъ примириться съ созданнымъ имъ-же самимъ положеніемъ конституціоннаго монарха и, самъ себя обманывая, заявляетъ, что онъ передастъ своему сыну Россію такой, какой онъ принялъ ее отъ своего покойнаго отца. Получилось весьма опасное раздвоеніе во власти. Съ одной стороны — Государь, явно сожалѣющій о своей поспѣшности въ 1905 году (откуда, главнымъ образомъ, его антипатія къ графу Витте), а съ другой стороны — Государственная Дума, опирающаяся на октябрьскій манифестъ, разсчитывающая на слабоволіе монарха и, потому, неустанно стремящаяся къ расширенію дарованныхъ ей правъ, находящая, къ тому-же, поддержку въ столь присущемъ нашей, такъ называемой, интеллигенціи фрондерствѣ.

Созданный манифестомъ Совѣтъ Министровъ, который, казалось-бы, прежде всего долженъ былъ-бы обнаруживать полную солидарность — представляетъ картину діаметрально противуположную. Члены его, выбранные не по указанію предсѣдателя, а назначаемые Государемъ, согласно его столь измѣнчивой воли, дѣйствуютъ каждый вполнѣ самостоятельно, не считаясь съ политической линіей, преслѣдуемой тѣмъ, или инымъ премьеромъ. Свои собственныя ошибки они приписываютъ неустойчивости режима и тѣмъ, въ глазахъ общества, всю вину взваливаютъ на монарха, или на Императрицу. И, въ итогѣ, къ радости подполья, подъ вліяніемъ нашихъ военныхъ неудачъ, въ русско-японскую и въ міровую войну, фрондерство все болѣе распространяется. Фрондируютъ и газеты, до правыхъ включительно, фрондируетъ и вся современная литература.

Создается искусственно легенда о страданіяхъ народа — «богоносца» и проливаютъ надъ ней слезы умиленія тѣ, которые сами наиболѣе способствуютъ ея созданію. Среди гвардейской молодежи, чуть-ли не въ министерскихъ кабинетахъ, не стѣсняясь говорятъ о необходимости дворцоваго переворота, говорятъ тѣ, которые теперь, на своихъ плечахъ испытавъ всю сладость «переворотовъ», цѣпляются за ими же расшатанный монархическій принципъ и силятся окружить печальный обликъ Царя-Мученика ореоломъ великаго монарха. Милюковъ, подъ дружные аплодисменты народныхъ представителей, говоря о правительствѣ, ставитъ вопросъ — что это: глупость или измѣна? — и самъ въ это время измѣняетъ своему Государю и своей родинѣ. Дороговизна растетъ. Народъ голодаетъ. А на глазахъ у этого народа, въ ресторанахъ — шапанское льется рѣкой и расходуются въ одинъ вечеръ тысячи, легко пріобрѣтенныя игрой на биржѣ, а, слѣдовательно, на плечахъ того-же народа, тяжкую участь котораго они на словахъ, конечно, якобы всѣми силами стараются облегчить. И, среди всего этого хаоса, этого всеобщаго развала, Государь остается о д и н ъ со своей семьей и нѣсколькими приближенными лицами, выборъ которыхъ, къ тому-же, едва-ли удаченъ и едва-ли соотвѣтствуетъ переживаемымъ Россией грознымъ временамъ — хаосу внутри и міровой войнѣ — извнѣ.

Несомнѣнно, Императоръ Николай II не мало самъ виновенъ въ создавшемся положеніи. Онъ не учелъ потребностей страны и своимъ недовѣріемъ, своею подозрительностью создалъ около себя окружавшую его пустоту. Но онъ все-таки, хотя и неумѣло, ищетъ людей и — не находитъ ихъ. Отсюда частыя перемѣны его ближайшихъ сотрудниковъ, т. е. «министерская чехарда», о которой въ Думѣ упоминалъ В. М. Пуришкевичъ. Въ связи съ неудачами растетъ его подозрительность. Но, не разбираясь въ окружающей его обстановкѣ, въ немилость впадаютъ зачастую дѣятели безусловно полезные, причемъ замѣщаются они ничтожествами.

Царь ищетъ поддержки въ горячо любимой супругѣ, несравненно болѣе его властной и энергичной и наталкивается

на ея врожденный, усилившійся еще болѣе постигшими Россію невзгодами, мистицизмъ и терпитъ появленіе при царскомъ дворѣ проходимца, Распутина, раздуваемое врагами престола, распускающими въ народѣ всевозможныя басни въ ущербъ престижу русскаго Царя. Повторяю сказанное мною вначалѣ, стараясь охарактеризовать личность покойнаго Государя: вся трагедія его жизни заключается въ томъ, что онъ не родился быть Царемъ. Онъ получилъ въ наслѣдство отъ своего державнаго родителя Россію сильную и успокоенную. Онъ оставилъ ее поверженною во прахъ. И хотя велика его безсознательная вина передъ нашей родиной, но ее съ избыткомъ должны раздѣлить окружавшія его лица. Кромѣ того, Николай II чисто нечеловѣческими страданіями искупилъ свои ошибки. Незлопамятный русскій народъ, навѣрно, простилъ уже ему его невольныя прегрѣшенія и имя его перейдетъ въ потомство нераздѣльно съ наименованіемъ Царя-Мученика.

Чтобы правильно учесть послѣдніе акты россійской трагедіи, необходимо бросить бѣглый взглядъ на главныхъ участниковъ въ таковой, начиная съ 1905 года — первыхъ проявленій революціоннаго движенія и до 1917 года — эпохи отреченія Николая II отъ престола.

Первымъ «конституціоннымъ» предсѣдателемъ Совѣта Министровъ назначенъ былъ С. Ю. Витте. Несмотря на свою нѣмецкую фамилію, онъ по-нѣмецки даже и не говорилъ. Онъ былъ человѣкомъ, несомнѣнно, крупнаго ума и широкихъ взглядовъ настоящаго государственнаго дѣятеля высокаго полета. Громадное честолюбіе, въ которомъ его такъ упрекали его противники, составляло, дѣйствительно, одну изъ отличительныхъ чертъ его характера и онъ не разбирался въ средствахъ для его удовлетворенія. Впрочемъ, черта эта свойственна была и будетъ, вообще, всѣмъ крупнымъ государственнымъ дѣятелямъ всѣхъ странъ и народностей.

Обвиненіе его въ томъ, будто онъ убѣдилъ Николая II даровать конституцію, дабы, впослѣдствіи, пользуясь его слабостью, сдѣлаться «первымъ президентомъ Россійской Республики», критики не выдерживаетъ. Какъ оно ни странно, Витте — отецъ русской конституціи — былъ сторонникомъ самодержавнаго образа правленія, соотвѣтствующаго всей его властной природѣ. Идеаломъ царя былъ для него Александръ III и, если онъ дѣйствительно, такъ сказать, вырвалъ у его преемника октябрьскій манифестъ, то это только потому, что, не довѣряя правительственнымъ его способностямъ и опасаясь, что Государь подпадетъ подъ вредное вліяніе ничтожныхъ окружающихъ его лицъ, онъ стрѣмился ограничить развитіе произвола. Противники Витте создаютъ ему репутацію масона. Лично я, этому не вѣрю. Сергѣй Юльевичъ былъ человѣкомъ глубоко религіознымъ, мало того — православнымъ въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Его упрекаютъ также еще въ томъ, что, преслѣдуя

извѣстную цѣль, онъ не разбиралъ средствъ къ ея достиженію и что онъ, напримѣръ, для проведенія той или иной реформы, прибѣгалъ къ подкупамъ и тѣмъ развратилъ, будто-бы, высшіе бюрократическіе и общественные круги. Это совершенно вѣрно. Такъ, напримѣръ, встрѣтивъ оппозицію своему плану о введеніи золотой валюты среди вліятельныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, онъ не останавливается передъ этимъ препятствіемъ. Одному изъ своихъ противниковъ, Б. П. Мансурову, онъ устраиваетъ прибавку содержанія, а бывшаго въ то время статсъ-секретаремъ государственной канцеляріи, В. Н. Коковцова, назначаетъ своимъ товарищемъ съ увеличеннымъ окладомъ жалованія. Все это такъ. Но вина во всемъ этомъ лежитъ не на немъ. Вина падаетъ на развращенность нашего общества, на тѣхъ, которые измѣняли своимъ, якобы, убѣжденіямъ подъ вліяніемъ предоставляемыхъ имъ Витте матеріальныхъ выгодъ. Самъ Витте не разъ говорилъ мнѣ объ этомъ, утверждая, что иначе поступать онъ, для блага Россіи, не могъ, что онъ вынужденъ былъ, по его выраженію, «съ волками жить — по волчьи выть».

При восшествіи на престолъ Николая II, Витте находился въ зенитѣ своей славы, но онъ не понялъ характера молодого Государя. Онъ сталъ его, такъ сказать, терроризовать и, грубый отъ природы, шокировалъ мягкаго, воспитаннаго царя. Эти два, совершенно противуположные, характера не могли ужиться, подобно тому, какъ и Вильгельмъ II не могъ ужиться съ Бисмаркомъ. Не могъ примириться со своимъ паденіемъ и Витте и открыто критиковалъ своего Государя, не отдавая себѣ отчета, что онъ самъ наиболѣе виновенъ въ постигшей его опалѣ.

Помимо своей, сдѣлавшейся исторической, дѣятельности во главѣ министерства финансовъ, С. Ю. Витте выказалъ свои блестящія способности крупнаго государственнаго дѣятеля и на, дотолѣ незнакомой ему, дипломатической почвѣ, при заключеніи завершившаго нашу войну съ Японіей Портсмутскаго договора.

Графу Витте пришлось работать въ Америкѣ при крайне неблагопріятной политической атмосферѣ. Разжигаемое враждебными Россіи, вліятельными въ Штатахъ, еврейскими организаціями, американское общественное мнѣніе было настроено противъ насъ и склонялось открыто на сторону японцевъ. Въ переработкѣ этого настроенія умовъ въ Америкѣ, Витте выказалъ себя настоящимъ виртуозомъ. Японцы настаивали на томъ, чтобы, на конференціи, въ первую очередь подверглись разсмотрѣнію наиболѣе существенные пункты намѣченнаго соглашенія. Витте провелъ процедуру обратную. Вначалѣ представлены были къ обсужденію вопросы маловажные, по которымъ наши представители систематически уступали. Уступчивость наша произвела прекрасное впечатлѣніе въ Штатахъ и Витте ловко воспользовался этимъ обстоятельствомъ, раздувая всячески наше миролюбіе въ своихъ бесѣдахъ съ американскими журналистами.

Въ итогѣ создалась такая благопріятная намъ атмосфера, что, когда конференція коснулась вопросовъ первой важности и японцы настаивали на разрѣшеніи ихъ въ ихъ пользу, Витте имѣлъ полную возможность, уже не опасаясь злобной критики американской печати, отнестись отрицательно къ японскимъ требованіямъ. Главный сотрудникъ Витте въ Портсмутѣ, баронъ Р. Р. Розенъ, не симпатизировавшій Витте въ принципѣ, не разъ выражалъ мнѣ свой восторгъ передъ той виртуозной ловкостью, которую онъ обнаружилъ при заключеніи русско-японскаго договора.

Витте вернулся въ Европу тріумфаторомъ. Императоръ Вильгельмъ пожелалъ его видѣть на пути въ Россію. Онъ принялъ его въ своемъ охотничьемъ замкѣ, Роминтенѣ, пожаловалъ ему небывалую дотолѣ для иностранца награду, а именно — цѣпь къ ордену Чернаго Орла и лично проводилъ его на станцію. Кстати, нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Кайзера къ графу Витте, вообще. Отношенія эти подвергались частымъ измѣненіямъ. При Александрѣ III и въ первые годы царствованія Николая II, Вильгельмъ II, зная вліяніе Витте при дворѣ, считался съ нимъ. Онъ, какъ-то, попробовалъ перемѣнить свою систему. Это было, если не ошибаюсь, лѣтомъ 1897 года — по вопросу о ввозѣ въ Германію нашихъ гусей.

Въ угоду аграрной партіи, берлинское правительство, подъ предлогомъ эпизотіи, запретило внезапно этотъ ввозъ, въ то время, когда между пограничными станціями, Эйдкуненъ и Вержболово, накопилось уже свыше 400 000 птицъ. Посольство наше, во главѣ котораго находился въ то время, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, Н. И. Булацель, тщетно протестовало противъ этой мѣры. Тогда самъ Витте вмѣшался въ это дѣло. Онъ, со своей стороны, запретилъ немедленно ввозъ въ Россію нѣкоторыхъ германскихъ мануфактурныхъ издѣлій. Германское правительство попробовало упорствовать, но принуждено было вскорѣ уступить. Виттовскій урокъ обошелся нѣмецкой казнѣ очень дорого. Въ одинъ мѣсяцъ она потерпѣла убытокъ въ 18 000 000 марокъ и, такъ называемая, «гусиная война» была нами выиграна.

Кайзеръ сохранилъ объ этомъ инцидентѣ впечатлѣніе непріятное и, въ сущности, къ Витте особыхъ симпатій питать, естественно, не могъ. Оказывая ему, тѣмъ не менѣе, небывалый почетъ въ Роминтенѣ, Императоръ имѣлъ въ виду заручиться государственнымъ дѣятелемъ, которому, по его разсчетамъ, суждено было играть въ Россіи видную роль. Но, когда Витте окончательно палъ послѣ своего кратковременнаго пребыванія во главѣ правительства въ 1905 году, Вильгельмъ II не скрывалъ своего удовольствія въ кругу приближенныхъ ему лицъ. Онъ чувствовалъ, что онъ избавляется отъ рѣшительнаго и опаснаго партнера.

Въ вопросахъ внѣшней нашей политики, графъ С. Ю. Витте придерживался слѣдующихъ, неоднократно высказанныхъ мнѣ, взглядовъ:

«Россія, прежде всего, должна преслѣдовать возможно широкое развитіе своего экономическаго благосостоянія» — говорилъ онъ — «и потому, избѣгая осложненій, вести политику исключительно миролюбивую. Относительно Германіи, намъ слѣдуетъ считаться съ ея интересами, но и требовать отъ нея того-же по отношенію къ нашимъ. На этой почвѣ мы должны обнаруживать полнѣйшую непреклонность и, опираясь на наши отношенія къ Франціи, мы имѣемъ полную возможность проводить эту политику вполнѣ послѣдовательно. Наши отношенія къ Германіи отъ такой политики только окрѣпнуть. Тѣхъ-же методовъ мы должны придерживаться и по отношенію Англіи и тутъ поможетъ намъ англо-германскій антагонизмъ. Никакихъ союзовъ, кромѣ существующаго франко-русскаго, намъ не надо. Они связали бы только намъ руки. Я считаю, поэтому, крупной ошибкой Извольскаго его соглашеніе съ Англіей и преступленіемъ со стороны Сазонова, что онъ увлекся этимъ соглашеніемъ и сталъ игрушкой въ рукахъ какого-то Бьюкенена. Мы вступили на крайне опасный путь. Намъ не слѣдуетъ ставить на карту нашего отношенія къ сосѣдней Германіи, для насъ и для нѣмцевъ одинаково цѣнныя. Война съ Германіей была бы для обѣихъ Имперій явнымъ безуміемъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что война съ Германіей могла бы быть нами выиграна исключительно, если-бы ей былъ приданъ характеръ войны національной, что при Царѣ, не пользующемся достаточной популярностью, едва-ли возможно. Проигрышъ-же еще одной войны, или даже ея чрезмѣрная затяжка, привела бы, неминуемо, Россію къ самой ужасной катастрофѣ».

Таковъ былъ политическій катехизисъ покойнаго министра. И это не были слова, а неизмѣнныя его убѣжденія.

По моему мнѣнію, жизнь С. Ю. Витте слѣдуетъ раздѣлить на двѣ эпохи: до и послѣ его женитьбы. До своей женитьбы онъ являлся исключительно государственнымъ дѣятелемъ со всѣми своими качествами, или недостатками, съ которыми можно было соглашаться или нѣтъ, но съ крупной политической фигурой котораго нельзя было не считаться. Послѣ своей женитьбы, къ его честолюбію личному, прибавилось еще и честолюбіе его жены, желавшей, во что-бы то ни стало, проникнуть ко двору и играть роль въ петербургскихъ салонахъ. Покуда живъ былъ Александръ III, Сергѣю Юльевичу приходилось мириться со своимъ положеніемъ полу-женатаго, полу-холостого человѣка, т. к. двери, открытыя передъ нимъ — были закрыты его супругѣ. Но при Николаѣ II, мягкость и доброту котораго Витте учитывалъ, онъ сталъ напрягать всѣ усилія, чтобы удовлетворить честолюбіе своей жены и — къ прискорбію долженъ въ этомъ признаться — съ этого времени, крупный дотолѣ, Витте измельчалъ. Когда-же его, къ тому-же, постигла немилость, онъ окончательно потерялъ равновѣсіе. Въ кабинетѣ его появились, не висѣвшіе до тѣхъ поръ, портреты знатныхъ предковъ, пошли ухаживанія за великими князьями и охота

за лицами, принадлежащими къ высшимъ слоямъ петроградскаго общества. Демократъ, какимъ былъ несомнѣнно Витте, который, казалось-бы, долженъ былъ гордиться тѣмъ, что онъ «самъ — свой предокъ», сталъ разыгрывать аристократа. Неотесанный по природѣ своей, Сергѣй Юльевичъ превратился въ салоннаго кавалера.

Ко всему этому прибавилось его страстное желаніе вернуться къ власти и бѣдный Витте, въ послѣдніе годы своей жизни, совершенно запутался. Онъ заискивалъ передъ придворной челядью, унижался передъ своими противниками, сталъ ухаживать за печатью. Онъ заручился паями «Новаго Времени» и снова возобновилъ, прерванныя цѣлыми годами, свои отношенія къ издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей», С. М. Пропперу. Онъ инспирировалъ ту или иную статью и, убѣдившись, что она не попала въ цѣль, спѣшилъ отказаться отъ нея.

Онъ метался, какъ звѣрь въ своей клѣткѣ, но, надо отдать ему справедливость, душею болѣлъ за Россію, предвидя ея гибель и не будучи въ состояніи пріостановить неминуемую катастрофу. Своимъ государственнымъ чутьемъ онъ предугадывалъ событія — наше военное пораженіе и революцію. Онъ видѣлъ, что Царь окружилъ себя пигмеями, въ то время, какъ онъ, новый Прометей, прикованъ былъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ къ своей скалѣ. Сколько разъ мнѣ приходилось видѣть его въ волненіи шагающимъ по своему кабинету и, со слезами на глазахъ, повторяющимъ: «Боже правый, куда они ведутъ Россію, Россію моего Царя» (Александра III). Скончался онъ послѣ двухдневной болѣзни, окончательно разбитый морально, озлобленный противъ всѣхъ и вся. Настроеніе это всецѣло отразилось на его воспоминаніяхъ. Съ графомъ Сергѣемъ Юльевичемъ Витте сошелъ въ могилу одинъ изъ нашихъ крупнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, но, нельзя не сознаться, что развернуть съ пользой для Россіи свои громадныя дарованія, онъ могъ лишь при Царѣ-Миротворцѣ, передъ авторитетомъ котораго онъ преклонялся и который твердою рукою своею умѣлъ сдерживать зачастую необузданные порывы своего министра. При слабовольномъ Николаѣ II, ему мѣста не было. Либо Государь, со свойственной ему перемѣнчивостью во взглядахъ, неминуемо парализовалъ бы его начертанія, либо передъ его крупною фигурой долженъ былъ стушеваться кроткій обликъ Царя-Мученика . . .

Послѣ отставки графа С. Ю. Витте въ 1905 году, предсѣдателемъ Совѣта Министровъ назначенъ былъ его постоянный противникъ, престарѣлый Иванъ Логиновичъ Горемыкинъ. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, извѣстнаго еще во времена Ивана Грознаго. Онъ имѣлъ за собою обширную бюрократическую карьеру, былъ товарищемъ министра юстиціи и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Глубоко образованный, первоклассный стилистъ, свободно владѣющій большинствомъ европейскихъ языковъ,

И. Л. Горемыкинъ считался знатокомъ Россіи и спеціалистомъ по крестьянскимъ дѣламъ. Ему предшествовала репутація отъявленнаго реакціонера. Бывши съ нимъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, позволю себѣ усумниться въ правильности этой оцѣнки.

Горемыкинъ былъ, прежде всего, лишь строгій законникъ. Отсюда — его столкновенія съ Государственной Думой, стрѣмившейся превзойти, установленныя закономъ, свои права. Какъ-то разъ, премьеръ сказалъ мнѣ:

«Странное дѣло, когда я былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, мнѣ создали репутацію чуть-ли не «краснаго» и особенно старался въ этомъ смыслѣ «либеральный» Витте. Въ 1906 году меня считали ультра-реакціонеромъ. Между тѣмъ, я не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Я, по просту, всегда стоялъ на почвѣ закона.»

Конечно, противъ подобнаго образа мыслей можно многое возразить. Законъ, изданный въ 1900 году, могъ въ 1906 году уже не годиться и Горемыкинъ, стоявшій такъ долго на высшихъ ступеняхъ служебной іерархіи, могъ и долженъ былъ способствовать измѣненію законовъ устарѣвшихъ. Но, тѣмъ не менѣе, реакціонеромъ въ приписываемомъ ему смыслѣ, онъ не былъ, будучи для того слишкомъ европейцемъ и глубоко культурнымъ человѣкомъ.

Первое министерство Горемыкина продлилось всего нѣсколько мѣсяцевъ. Первая, такъ называемая, «Дума народнаго гнѣва» при появленіи его, встрѣтила его невѣроятнымъ скандаломъ, послѣ чего онъ въ Таврическій Дворецъ болѣе не показывался. Государю предстоялъ выборъ — распустить Думу, или назначить либеральное министерство изъ ея членовъ. Верховный Совѣтъ, подъ высочайшимъ предсѣдательствомъ, значительнымъ большинствомъ высказался за вторую комбинацію. За роспускъ Думы стояли только И. Л. Горемыкинъ и, назначенный по его ходатайству министромъ внутреннихъ дѣлъ, бывшій саратовскій губернаторъ, П. А. Столыпинъ. По окончаніи засѣданія совѣта, Государь удержалъ премьера. — «Что-же, Иванъ Логиновичъ, насъ побѣдили», — сказалъ онъ послѣднему. — «Государь, отъ вашей державной воли зависитъ всецѣло поступить такъ, или иначе. Я своего мнѣнія не мѣняю» — возразилъ Горемыкинъ. Обычнымъ жестомъ, Николай II покрутилъ свой усъ и, затѣмъ, перекрестившись, сказалъ: «ну такъ пусть будетъ по вашему, Иванъ Логиновичъ».

Премьеръ тотчасъ-же отправился въ типографію Государственнаго Совѣта, дабы распорядиться о напечатаніи на слѣдующій день указа о роспускѣ Думы. Въ типографіи онъ, между прочимъ, нашелъ оттиски прокламаціи кадетской партіи къ народу съ требованіемъ отвѣтственнаго кабинета. Онъ приказалъ отнести эти оттиски въ свою карету и вернулся домой.

Надо отмѣтить, что престарѣлый премьеръ, вообще, обладалъ олимпійскимъ спокойствіемъ, не покидавшимъ его въ самые критическіе дни его долгой карьеры. Какъ ни (въ

чемъ не бывало, онъ сѣлъ за столъ, пообѣдалъ и, выкуривъ обычную сигару, отправился на покой. Между тѣмъ, Государь успѣлъ передумать и измѣнилъ свое рѣшеніе. Около 12 часовъ ночи къ Горемыкину явился царскій курьеръ съ новымъ приказаніемъ — Думу не распускать и явиться на слѣдующій день въ Царское Село. Премьеръ, ознакомившись съ содержаніемъ письма Государя, приказалъ отпустить курьера подъ предлогомъ, что онъ спитъ и что царское приказаніе будетъ исполнено, какъ только онъ проснется. На слѣдующій день, къ немалому удивленію Государя, указъ о роспускѣ Думы былъ обнародованъ и Горемыкинъ отправился въ Царское Село принести монарху свои вѣрноподданнѣйшія извиненія, подавъ при этомъ свою просьбу объ отставкѣ, которая была принята и, на его мѣсто, по его указанію, назначенъ былъ П. А. Столыпинъ. Черезъ нѣкоторое время, И. Л. Горемыкинъ съ супругой отправились заграницу, гдѣ провели нѣсколько мѣсяцевъ. Горемыкинъ покинулъ постъ свой такъ-же, какъ и занялъ его — безъ особенной радости, но и безъ всякой горечи.

Замѣститель его, П. А. Столыпинъ, былъ, безспорно, человѣкомъ незауряднымъ, не лишеннымъ здороваго честолюбія, энергичнымъ и рѣшительнымъ. Вначалѣ онъ не чуждъ былъ нѣкоторой провинціальности, за что противники прозвали его «всероссійскимъ губернаторомъ». Но, уже вскорѣ, онъ выказалъ свои, дѣйствительно, государственныя способности. Прекрасный ораторъ, онъ пользовался серьезнымъ вліяніемъ въ Думѣ. Политика его носила отпечатокъ крайняго національзма и, въ этой политикѣ, его поддерживало «Новое Время», однимъ изъ сотрудниковъ котораго былъ его братъ, Александръ Аркадіевичъ. Убѣдившись въ успѣхѣ роспуска первой Думы, къ которому населеніе отнеслось довольно равнодушно и которое, вопреки предсказанію всесильнаго нѣкоторое время дворцоваго коменданта, Д. Ф. Трепова, не обратилось «въ море крови», Столыпинъ сталъ приписывать себѣ инициативу этого роспуска, за что онъ дорого поплатился. Въ то время, какъ не противорѣчившій ему Горемыкинъ спокойно наслаждался горнымъ воздухомъ въ Тегернзе, на виллу, занимаемую Столыпинымъ на Аптекарскомъ островѣ, произведено было террористическое покушеніе, стоившее многихъ жизней и искалѣчившее дѣтей премьера, спасшагося отъ смерти какимъ-то чудомъ.

При выборѣ во вторую Думу, первый министръ ошибся въ разсчетахъ. Онъ сдѣлалъ ставку на крестьянъ и сельскихъ священниковъ, которые, вопреки его ожиданіямъ, оказались лѣвыми. Въ концѣ концовъ, обнаруженъ былъ анти-монархическій заговоръ, въ которомъ замѣшаны были нѣкоторые члены Думы. Послѣдніе были судимы и сосланы, а Дума распущена.

Во избѣжаніе повторенія такого случая, Столыпинъ прибѣгъ къ анти-конституціонному изданію новаго избирательнаго закона (9 іюня 1906 г.) и получилъ, наконецъ, такую Думу, какую онъ желалъ, т. е. вполнѣ покорную его волѣ.

Большинство перешло къ, такъ наз., октябристской партіи. значительно правѣе кадетской. Но и эта партія министра не удовлетворила. Его усиліями создалась партія націоналистическая съ анти-окраиннымъ характеромъ, съ яркой анти-семитской окраской. Но, несмотря на потерю ими большинства, въ Думѣ кадеты были сильно распространены среди нашей, такъ называемой, интеллигенціи. Политическая программа Столыпина явно шла въ разрѣзъ съ ихъ взглядами, особенно по вопросу еврейскому. Кадеты начали противъ него подпольную агитацію, которая повела къ тому, что первый министръ сталъ все сильнѣе склоняться въ сторону реакціи. Черныя сотни вновь подняли свою голову и, въ концѣ концовъ, Столыпинъ палъ отъ руки Багрова во время параднаго спектакля по случаю пребыванія Государя въ Кіевѣ. Но, такъ или иначе, политическая роль его была уже сыграна. Министръ явно потерялъ свое вліяніе при Дворѣ и отставка его была, въ принципѣ, рѣшена. Царь посѣтилъ смертельно раненнаго министра, но на похоронахъ его не присутствовалъ, не найдя возможнымъ отложить назначеннаго на этотъ день смотра войскъ въ Мерзебушѣ, подъ Кіевомъ.

Одной изъ крупныхъ Столыпинскихъ реформъ было введеніе крестьянскаго хуторского надѣла, закрѣплявшаго мелкую крестьянскую собственность.

На мѣсто П. А. Столыпина, Государь назначилъ его антипода, министра финансовъ, В. Н. Коковцева.

Новый предсѣдатель Совѣта Министровъ всю свою службу провелъ въ Министерствѣ Финансовъ и, послѣ отставки Витте, занималъ его мѣсто въ теченіе 10 лѣтъ. Безусловно честный, но крайне узкій въ своихъ взглядахъ, образцовый чиновникъ, но лишенный истинно государственныхъ дарованій, онъ былъ извѣстенъ, какъ спеціалистъ по бюджетной части, какимъ онъ и остался на своемъ новомъ отвѣтственномъ посту. Главной заботой его было, по возможности, увеличивать доходы казны. Вводя винную монополію, графъ Витте вовсе не имѣлъ въ виду «выкачивать» доходы изъ народа. Конечно, онъ предусматривалъ увеличеніе послѣднихъ, но главной заботой его было снабдить народъ виномъ хорошаго качества и дать въ руки правительства готовый аппаратъ, позволявшій пріостановить торговлю виномъ во всякое время, что и было съ успѣхомъ использовано при послѣдней мобилизаціи. Въ своихъ инструкціяхъ завѣдующимъ монополіей на мѣстахъ, Витте предписывалъ имъ содѣйствовать закрытію винныхъ лавокъ въ случаѣ прошеній по этому предмету. Коковцевъ, наоборотъ, смотрѣлъ на всякое закрытіе винной лавки, какъ на ущербъ казнѣ и, въ этомъ случаѣ, завѣдующіе монополіей попадали подъ его опалу.

В. Н. Коковцевъ былъ прекраснымъ ораторомъ и увлекался самъ звуками своего голоса. Онъ могъ говорить когда угодно на любую тему. Витте, который впослѣдствіи разошелся съ нимъ, пустилъ на его счетъ ѣдкое словцо: «Ко-

ковцевъ — это снигирь» — говорилъ онъ. — «Птица небольшая, поетъ недурно, а цѣна ей — грошъ».

Нельзя, однако, отрицать у Коковцева извѣстнаго упорства въ преслѣдованіи разъ намѣченной имъ цѣли. Командированный графомъ Витте въ 1905 г. въ Парижъ для заключенія необходимаго намъ послѣ русско-японской войны займа, Владиміръ Николаевичъ натолкнулся на затрудненія. Онъ заручился согласіемъ всѣхъ французскихъ министровъ, но встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны Клемансо, бывшаго въ то время всесильнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и прислушивавшагося къ голосу членовъ кадетской партіи — кн. П. Долгорукова, гр. Несселроде и др., явившихся въ Парижъ, дабы агитировать противъ этого займа. Коковцевъ повелъ дѣло весьма ловко. Онъ заявилъ Клемансо, что, въ случаѣ отказа Франціи, Россіи придется объявить свое банкротство, причемъ сильно пострадаютъ французскіе держатели русскихъ фондовъ. — «Наврядъ ли эти послѣдніе васъ поблагодарятъ и, главное, наканунѣ выборовъ, въ которыхъ мы могли бы быть вамъ полезны» — прибавилъ онъ.

Заемъ состоялся, но Клемансо сказалъ, какъ-то, впослѣдствіи: «Вашъ Коковцевъ — шантажистъ. Но онъ выдвинулъ такіе сильные доводы, что я вынужденъ былъ съ нимъ согласиться».

Въ Думѣ Коковцевъ, вначалѣ, имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но, потомъ, изъ за одного неосторожнаго выраженія («слава Богу, у насъ, пока, нѣтъ парламента»), сталъ мишенью для ожесточенныхъ нападковъ со стороны народныхъ представителей. И тогда онъ прибѣгъ къ мѣрѣ, представлявшей единственный случай въ исторіи парламентовъ — къ министерской стачкѣ. Вскорѣ за симъ Коковцевъ получилъ свою отставку и былъ пожалованъ графомъ. Государь, кромѣ того, подарилъ ему 300 000 рублей, но онъ отказался отъ этого подарка, чѣмъ окончательно утратилъ царское благорасположеніе. В. Н. Коковцевъ покинулъ высшія государственныя должности такимъ же небогатымъ, какимъ онъ былъ при поступленіи на службу. Кромѣ того, онъ — единственный изъ государственныхъ дѣятелей послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая II, который не только ни разу не принялъ Распутина, но имѣлъ смѣлость добиваться его удаленія изъ столицы. Коковцевъ этого и достигъ, но не надолго — Распутинъ вскорѣ вернулся, а онъ самъ былъ уволенъ.

В. Н. Коковцевъ революцію не предусматривалъ. Онъ былъ убѣжденъ, что уступками Думѣ можно успокоить взволнованные умы. Но, послѣ своей отставки, онъ свое мнѣніе перемѣнилъ. Я его знавалъ съ молоду, но, за его премьерство, избѣгалъ съ нимъ встрѣчаться, т. к. газета, гдѣ я работалъ (Биржевыя Вѣдомости), относилась къ нему несочувственно. Затѣмъ, наши старинныя отношенія возобновились и я довольно часто сталъ посѣщать его. Онъ мрачно смотрѣлъ на ближайшее будущее. — «Государь увлекается оваціями во время празднествъ по случаю 300

лѣтняго юбилея дома Романовыхъ» — говорилъ онъ мнѣ. — «Онъ не слышитъ зловѣщаго ропота, временно заглушеннаго минутными восторженными криками толпы. Если онъ будетъ продолжать опираться на дряхлыхъ Горемыкиныхъ и не выгонитъ Распутина, то конецъ всему будетъ не за горами».

Къ сожалѣнію слова Коковцева, которыя, конечно, онъ говорилъ не одному мнѣ, въ искаженномъ видѣ доходили до Двора и истолковывались горечью по поводу его отставки. Репутація честности Коковцева спасла его во время революціи.

На мѣсто его, къ немалому всеобщему удивленію, вновь назначенъ былъ 76-и лѣтній И. Л. Горемыкинъ. Государь лично открылъ засѣданіе Совѣта Министровъ, заявивъ, что новый предсѣдатель пользуется его полнымъ довѣріемъ и что онъ, поэтому, рекомендуетъ прочимъ министрамъ руководствоваться его предначертаніями. Горемыкинъ началъ съ того, что объявилъ представителямъ печати о своемъ твердомъ намѣреніи работать въ тѣсномъ согласіи съ Государственной Думой. Едва-ли, однако, подобная программа была выполнима. Дума продолжала настаивать на расширеніи своихъ правъ, премьеръ же стремился удержать ея дѣятельность въ рамкахъ основныхъ законовъ. Тѣмъ не менѣе, печать не встрѣтила враждебно его новое появленіе у власти. Со своей стороны и сама Дума отнеслась къ нему иначе, чѣмъ за первое его премьерство. Послѣ открытаго конфликта съ Коковцевымъ, народные представители сознали, повидимому, всю ненормальность создавшагося положенія и проявляли желаніе къ совмѣстной съ правительствомъ работѣ.

Но, уже на первыхъ порахъ, Горемыкинъ натолкнулся на серьезныя затрудненія среди самаго Совѣта Министровъ. Несмотря на особенныя полномочія, предоставленныя ему Государемъ и довѣріе, высказанное ему монархомъ, онъ вскорѣ убѣдился, что онъ въ Совѣтѣ Министровъ далеко не является полновластнымъ хозяиномъ положенія. Расходясь во взглядахъ съ военнымъ министромъ, Сухомлиновымъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, Маклаковымъ и министромъ юстиціи, Щегловитовымъ, онъ не въ состояніи былъ отъ нихъ избавиться, такъ какъ они находили поддержку при дворѣ. Поставить же вопросъ ребромъ, престарѣлый премьеръ не рѣшался, отчасти по врожденной ему пассивности, отчасти-же не желая насиловать волю Государя.

Ясно было, что, при подобной психологіи перваго министра, принимая, къ тому-же, во вниманіе его возрастъ, положеніе его въ Совѣтѣ не укрѣпится. Министры перестали съ нимъ считаться и, хотя и относясь къ нему почтительно, управляли ввѣренными имъ частями независимо отъ его предначертаній. Старикъ сознавалъ это, но пальцемъ не шевелилъ, чтобы измѣнить это, противное здравому смыслу, положеніе. Когда я, напримѣръ, указывалъ ему на вредную дѣятельность того, или иного изъ помянутыхъ выше министровъ, онъ говорилъ: «развѣ я знаю, чѣмъ господа эти занимаются». — Онъ производилъ на меня впечатлѣніе опыт-

наго театральнаго режиссера, который изъ ложи своей, слѣдя за ходомъ представленія, критикуетъ актеровъ, не присутствовавъ на репетиціяхъ и не дѣлая ни шагу, дабы уволить актеровъ негодныхъ и замѣнить ихъ болѣе способными.

Въ засѣданіяхъ Совѣта онъ проявлялъ, обыкновенно, полное равнодушіе и даже засыпалъ, а вечеромъ, передъ тѣмъ, чтобы приступить къ занятіямъ, забавлялся раскладываніемъ пассіансовъ, бесѣдуя со своими близкими на постороннія дѣламъ темы. Но иногда, хотя весьма рѣдко, онъ пробуждался и тогда проявлялъ неожиданную для министровъ рѣшительность. Такъ, напр., въ экстренномъ засѣданіи Совѣта для обсужденія мѣръ, къ которымъ надлежало прибѣгнуть по отношенію къ австро-сербскому конфликту, мнѣнія раздѣлились. Горемыкинъ сидѣлъ молча, закрывъ глаза. Вдругъ онъ выпрямился. — «Прекрасно, господа» — сказалъ онъ — «я доложу Государю о единогласномъ рѣшеніи Совѣта Министровъ въ смыслѣ необходимости оказать Сербіи поддержку». — «Это долгъ нашей чести» — прибавилъ онъ.

Къ общей мобилизаціи нашихъ силъ И. Л. Горемыкинъ относился отрицательно. Онъ настаивалъ на необходимости испробовать всѣ способы придти къ соглашенію при посредствѣ берлинскаго кабинета, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ такой опасной, по послѣдствіямъ, мѣрѣ.

Въ виду настоящихъ споровъ о степени виновности той, или иной державы въ дѣлѣ объявленія войны, позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ, переданныхъ мнѣ С. Н. Свербеевымъ, подробностяхъ послѣднихъ, предшествовавшихъ войнѣ, дней.

Дня за четыре до объявленія войны Германіей, австро-венгерскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Шапари, не появлявшійся дотолѣ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, неожиданно посѣтилъ Сазонова.*) Онъ передалъ министру, что правительство его отнюдь не желаетъ обострять конфликтъ и что оно расположено, совмѣстно съ нами, выработать проэктъ условій, при которыхъ конфликтъ этотъ могъ бы быть устраненъ. А. А. Нератовъ, съ которымъ я встрѣтился въ тотъ-же день, сообщилъ мнѣ, что, повидимому, все дѣло на пути къ мирному разрѣшенію.

Но, наканунѣ объявленія нами всеобщей мобилизаціи, появился въ берлинской, весьма распространенной и близкой къ придворнымъ сферамъ, газетѣ «Lokal-Anzeiger», указъ Императора Вильгельма о всеобщей мобилизаціи германскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Корреспондентъ нашего офиціальнаго телеграфнаго агентства, Марковъ, не замедлилъ доложить объ этомъ послу, который тотчасъ-же отправилъ по сему предмету въ Петроградъ шифрованную телеграмму. Свербеевъ записалъ время ея отправки — 11 ч. 10 м. утра.

*) 18 іюля н. с. графъ Шапари вернулся изъ отпуска. Ред.

Но, около двухъ часовъ пополудни, къ нему явился статсъ-секретарь, Циммерманъ, съ категорическимъ опроверженіемъ сообщенія помянутой берлинской газеты. Онъ прибавилъ, что изданіе ея пріостановлено и просилъ обо всемъ этомъ немедленно увѣдомить наше правительство. Вторая телеграмма отправлена была С. Н. Свербеевымъ въ 3 ч. 20 м. пополудни. По какой-то, довольно подозрительной, «случайности» первая телеграмма получена была въ Петроградѣ въ 2 ч. 40 м. пополудни — потребовавъ, слѣдовательно, всего около 4 часовъ, чтобы дойти до мѣста своего назначенія; вторая-же, опровергавшая первую, попала въ руки Сазонова

После полученія первой телеграммы, созвано было, подъ болѣе 7 часовъ. . .

Послѣ полученія первой телеграммы, созвано было подъ предсѣдательствомъ Государя, экстренное совѣщаніе, на которомъ рѣшено было на германскую мобилизацію отвѣтить общей мобилизаціей всѣхъ нашихъ боевыхъ силъ. Въ теченіе дня Горемыкинъ просилъ Государя задержать указъ до полученія отвѣта отъ Императора Вильгельма на телеграмму, которую отправилъ ему наканунѣ нашъ монархъ. Государь обѣщалъ подумать, но, тѣмъ временемъ, первыя мобилизаціонныя мѣры были уже въ полномъ ходу. Когда была получена, наконецъ, вторая телеграмма Свербеева, Государь телефонировалъ Сазонову и генералу Янушкевичу отмѣнить указъ о мобилизаціи. Но они прибыли во дворецъ и Янушкевичъ заявилъ, что мобилизацію пріостановить невозможно по чисто техническимъ причинамъ, Сазоновъ-же всецѣло его поддержалъ. Своихъ ночныхъ переговоровъ съ ними обоими Государь Горемыкину не сообщилъ и премьеръ узналъ о всеобщей мобилизаціи на утро изъ газетъ. На слѣдующій день Германія объявила войну.

Во всемъ вышеизложенномъ многое недоговорено:

1. Какимъ образомъ газета, столь близкая къ германскимъ придворнымъ и политическимъ сферамъ, какою являлась «Lokal-Anzeiger», рискнула напечатать непровѣренное, столь государственной важности, сообщеніе. 2. Почему первая телеграмма Свербеева дошла до своего назначенія въ четырехъ-часовый срокъ, а второй для этого потребовалось 7 часовъ и, наконецъ, 3. Почему г. г. Сазоновъ и Янушкевичъ не исполнили царскаго приказанія, тѣмъ болѣе, что имъ, уже въ теченіи дня, извѣстно было объ обѣщаніи, данномъ Государемъ Горемыкину, задержать указъ о всеобщей мобилизаціи до полученія рѣшительнаго отвѣта отъ Императора Вильгельма.

Во всемъ этомъ, повторяю, много недосказаннаго. Ясно одно: какимъ-то темнымъ силамъ необходимо было во что бы то ни стало вызвать столкновеніе народовъ, въ частности — между нами и Германіей и, не смотря на противодѣйствіе обоихъ Императоровъ, силамъ этимъ удалось привести въ исполненіе ихъ дьявольскій замыселъ. Остается надѣяться, что историкамъ удастся, со временемъ, сорвать маску, подъ которой прикрываются пока еще эти темныя силы . . .

Въ началѣ Государь имѣлъ намѣреніе принять на себя главное командованіе войсками. Но Горемыкину удалось отсовѣтовать монарху и уговорить его назначить главнокомандующимъ Великаго Князя, Николая Николаевича, на котораго указывало общественное мнѣніе. Какъ упомянуто мною выше, премьеръ былъ, въ принципѣ, противъ войны и дѣлалъ, со своей стороны, все зависящее отъ него, чтобы не доводить Россію до разрыва. Но, разъ ему это не удалось и война была объявлена, онъ совѣтовалъ вести ее во что бы то ни стало до побѣднаго конца, «хотя бы намъ пришлось для этого отступить за Волгу и за Уралъ» — говорилъ онъ. Но Иванъ Логиновичъ не учитывалъ, что для того, чтобы вести столь серьезную войну, необходимо было придать ей характеръ національной, а для этого, въ первую голову, нужна была наличность народнаго довѣрія къ его руководителямъ. Горькая же истина состояла въ томъ, что Государь терялъ, видимо, со дня на день свою популярность, надъ чѣмъ усердно и, къ прискорбію, съ успѣхомъ трудились наши лѣвыя партіи, что клеветы, пущенныя ими на счетъ Императрицы возбуждали подозрѣніе, доходящее даже до ненависти къ ней въ народныхъ массахъ, что премьеръ утратилъ всякое вліяніе, не предпринимая, со своей стороны, никакихъ мѣръ къ измѣненію своего ненормальнаго положенія и, что Совѣтъ Министровъ все болѣе разваливался и недовольство въ народѣ росло не по днямъ, а по часамъ.

Горемыкинъ, однако, не допускалъ мысли о возможности открытаго революціоннаго движенія. — «Вы видите этотъ пепелъ» — говорилъ онъ мнѣ, указывая на свою сигару. — «Мнѣ стоитъ дунуть и онъ разлетится. То-же представляетъ и пресловутая революція.» — «Однако-же, вы не дули» — спросилъ я его. — Горемыкинъ, въ то время уже не занимавшій мѣста предсѣдателя Совѣта, нахмурился: — «Я не разъ хотѣлъ дунуть» — сказалъ онъ — «но Государь не хотѣлъ итти со мною до конца».

Хотя старикъ и предвидѣлъ возможность своей отставки, она явилась для него, все-таки, неожиданной, такъ какъ, еще наканунѣ ея, великая княжна Татьяна Николаевна написала Александрѣ Ивановнѣ Горемыкиной самое ласковое письмо съ привѣтомъ Императрицы, причемъ послѣдняя, со своей стороны, опять-таки не задолго до удаленія Ивана Логиновича отъ дѣлъ, заявляла, что, покуда онъ премьеръ — «въ Царскомъ Селѣ спятъ спокойно».

Одно время, до прихода къ власти Извольскаго, ходили слухи о назначеніи Горемыкина министромъ иностранныхъ дѣлъ. Узнавъ объ этомъ, Витте сказалъ мнѣ: «вотъ это было бы прекрасное назначеніе; Горемыкинъ обладаетъ удивительною способностью, которой не достаетъ нашей дипломатіи, а именно: способностью пассивнаго сопротивленія. Я былъ бы радъ служить съ нимъ, напр., на мѣстѣ посла въ Константинополѣ».

Я передалъ слова Витте Ивану Логиновичу. — «Я не вѣрю въ мое назначеніе» — возразилъ онъ — «но, если-бы

оно состоялось, то отъ сотрудничества Витте я бы не отказался». На слѣдующій день они обмѣнялись визитами. Но, къ несчастью для нашей родины, назначеніе его, какъ извѣстно, не состоялось. Несчастный старикъ погибъ трагическою смертью. Онъ былъ звѣрски убитъ въ Сочи большевиками вмѣстѣ со своей престарѣлой супругой и своимъ зятемъ, генераломъ по флоту, профессоромъ Овчинниковымъ.

Глава IX.

Канунъ революціи. — Б. В. Штюрмеръ. — Мануйловъ-Манасевичъ. — А. Н. Хвостовъ. — С. П. Бѣлецкій. — А. Д. Протопоповъ. — Общественный и правительственный развалъ.

Послѣ ухода И. Л. Горемыкина, Россія крупными шагами стала приближаться къ катастрофѣ. Престарѣлый премьеръ, какъ ни какъ, внушалъ къ себѣ уваженіе. Со Штюрмеромъ же не только министры и Дума, но даже придворные круги окончательно перестали считаться и власть стала все болѣе расшатываться. Новый предсѣдатель Совѣта Министровъ взялъ въ качествѣ личнаго секретаря нѣкоего И. Ф. Манасевича-Мануйлова, пользовавшагося самой темной репутаціей и, тѣмъ самымъ, окончательно себя дискредитировалъ.

Въ то короткое время, въ которое Штюрмеръ, до назначенія главою иностраннаго вѣдомства, занималъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, окончательно расшаталась и власть по губерніямъ. Губернаторы поступали независимо отъ центральнаго вѣдомства и съ нимъ считаться перестали. Не привыкшій къ серьезной работѣ, премьеръ по недѣлямъ задерживалъ самые серьезные доклады. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ власть захватилъ Нератовъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ она перешла въ руки А. Д. Протопопова.

Въ Думѣ Штюрмеръ безмолствовалъ, совершенно не владѣя даромъ слова. Желая пріобрѣсти популярность среди народныхъ представителей, онъ уговорилъ Государя пріѣхать въ Думу. Мнѣ пришлось присутствовать при этомъ царскомъ посѣщеніи. Настроеніе было повышенное. Депутаты ожидали отъ царя объявленія рѣшеній первой важности. Государь прибылъ въ сопровожденіи своего брата, Великаго Князя Михаила Александровича и генерала Воейкова. Его Величеству устроена была восторженная овація. Послѣ молебна, Государь обратился къ народнымъ представителямъ съ краткою рѣчью, призывая ихъ къ совмѣстной съ правительствомъ работѣ — «служить *мнѣ* и Россіи» — какъ онъ выразился.

Дума, разочарованная въ своихъ ожиданіяхъ, приняла еще болѣе оппозиціонный характеръ. «Историческое собы-

тіе», какъ Штюрмеръ называлъ посѣщеніе царемъ Думы, не только не принесло желаннаго просвѣта, но еще болѣе подлило масла въ огонь... Этимъ настроеніемъ и воспользовался Милюковъ для своей извѣстной рѣчи и, среди членовъ Совѣта Министровъ, не нашлось ни одного, который взялъ бы на себя обязанность отвѣтить кадетскому лидеру. Отсутствіе Столыпина сказывалось...

Штюрмеръ прибѣгъ къ уже не разъ примѣненному его предшественниками способу. Онъ распустилъ Думу. Но времена измѣнились. Волненіе, охватившее страну, не улеглось. Напротивъ того, оно еще усилилось, такъ какъ народные представители, возвратясь на мѣста, по большей части озлобленные противъ правительства, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисовали положеніе передъ своими избирателями.

Въ своихъ отношеніяхъ ко двору, Б. В. Штюрмеръ старался быть возможно болѣе угодливымъ и доходилъ до низкопоклонства. Происходя изъ лютеранской семьи, онъ позировалъ своимъ ультра-православіемъ и, дабы понравиться Императрицѣ, сталъ особенно дружить съ нѣкоторыми изъ близкихъ двору представителями нашего высшаго духовенства.

Было бы смѣшно говорить о политикѣ Штюрмера. Онъ просто жилъ со дня на день, выполняя отдаваемыя Государемъ столь часто измѣнчивыя его приказанія. Въ ввѣряемыхъ ему спеціально вѣдомствахъ — министерствахъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ — управляли, какъ я уже указывалъ, его товарищи. Штюрмеръ лично былъ всецѣло поглощенъ заботами о сохраненіи своего положенія и спѣшные доклады по цѣлымъ недѣлямъ оставались неподписанными. За короткое время своего пребыванія у власти, онъ успѣлъ заслужить всеобщее презрѣніе. Милюковъ открыто обвинялъ его во взяточничествѣ. Доказать своихъ обвиненій документально онъ не могъ, но подозрѣніе было возбуждено, тѣмъ болѣе, что сынъ премьера и его личный секретарь, Мануйловъ, своимъ поведеніемъ не мало способствовали распространенію порочащихъ репутацію перваго министра слуховъ.

Штюрмеръ былъ, впрочемъ, вскорѣ уволенъ. Указать причинъ его отставки не менѣе затруднительно, чѣмъ доискиваться причинъ его назначенія. Можно сказать лишь одно: до своего премьерства онъ былъ полнѣйшимъ, но, сравнительно безвреднымъ, ничтожествомъ; послѣ же своего появленія во главѣ правительства — онъ не мало способствовалъ окончательному расшатанію правительственной власти и связанному лично съ нимъ умаленію престижа короны.

Помимо графа Витте, И. Л. Горемыкина, П. А. Столыпина, графа В. Н. Коковцева и Б. В. Штюрмера, во главѣ правительства, въ видѣ метеоровъ, промелькнули еще А. Ф. Треповъ и князь Н. А. Голицынъ, изъ которыхъ первый былъ предсѣдателемъ всего около трехъ недѣль, а второй — около двухъ мѣсяцевъ.

А. Ф. Треповъ пользовался репутаціей весьма способнаго и умнаго человѣка, обладавшаго, будто бы, задатками крупнаго государственнаго дѣятеля. Какимъ образомъ установилась за нимъ эта репутація — остается загадкой.

Офицеръ Л. Гв. Егерскаго Полка, съ поверхностнымъ образованіемъ Пажескаго корпуса, онъ былъ нѣкоторое время уѣзднымъ предводителемъ и, вѣроятно, въ силу положенія, занимаемаго его братьями, всесильнаго въ то время Дмитрія Федоровича и, дѣйствительно, умнаго и энергичнаго Владиміра Федоровича, совершенно неожиданно прошелъ сначала въ сенатъ, а затѣмъ и въ Государственный Совѣтъ. Въ Совѣтѣ онъ ни разу не выступалъ, ограничиваясь глубокомысленнымъ молчаніемъ. Вечера свои онъ проводилъ, обыкновенно, въ клубѣ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ репутацію пріятнаго партнера и прекраснаго игрока въ бриджъ и покеръ.

Князь Голицынъ, истинный русскій старый баринъ, въ молодости своей занималъ губернаторскія мѣста, а затѣмъ былъ назначенъ въ Сенатъ и въ Государственный Совѣтъ. До своего назначенія предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, престарѣлый князь — ему было уже за 70 лѣтъ, завѣдывалъ благотворительными учрежденіями, находившимися подъ покровительствомъ Императрицъ Маріи Өеодоровны и Александры Өеодоровны. Онъ былъ человѣкомъ кристаллической честности и лойяльнаго образа мыслей, но, въ государственныхъ дѣлахъ — абсолютно несвѣдующимъ. Назначеніе его, по принятому за послѣднія времена при дворѣ обычаю, произошло совершенно неожиданно. Явившись съ обычнымъ докладомъ къ Императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ, онъ встрѣтилъ у Ея Величества Государя, который внезапно объявилъ ему, что онъ назначаетъ его главою правительства. Сознавая свою неподготовленность, князь умолялъ Государя отмѣнить свое рѣшеніе и представилъ ему цѣлый списокъ лицъ, которыя, по его мнѣнію, болѣе приспособлены были занять это высокое положеніе въ столь тревожныя для Имперіи времена. Но усилія Голицына оказались тщетными. Государь воззвалъ къ его патріотизму и князю пришлось согласиться. Въ Думѣ ожидали его появленія, чтобы принудить его отказаться отъ сотрудничества съ возбудившимъ всеобщую ненависть, министромъ внутреннихъ дѣлъ, А. Д. Протопоповымъ. Но премьеръ въ Думу не явился, предоставивъ самому Протопопову защищаться отъ ожесточенныхъ нападковъ народныхъ представителей. Въ концѣ концовъ, положеніе его кабинета сдѣлалось невозможнымъ. По указу Государя, бывшаго въ то время на фронтѣ, Дума была распущена. Но на этотъ разъ, какъ извѣстно, народные представители не исполнили Высочайшаго приказанія и продолжали засѣдать, что и послужило сигналомъ къ революціи.

Князь Голицынъ покинулъ помѣщеніе предсѣдателя Совѣта и переѣхалъ въ свою частную квартиру, занимаемую имъ въ домѣ моей сестры, Сементовской, на Конногвардейскомъ бульварѣ. Но, испуганные, прочіе жильцы обратились

съ просьбой къ моей сестрѣ, побудить Голицына покинуть ея домъ. Князь, остававшійся до конца рыцаремъ безъ страха и упрека, тотчасъ же согласился и телефонировалъ предсѣдателю Думы, М. В. Родзянко, прося немедленно арестовать его, что Родзянко и исполнилъ, заключивъ его въ Петропавловскую крѣпость. На допросѣ, князь Голицынъ держалъ себя, по обыкновенію, съ большимъ достоинствомъ и, не смотря на господствующую пристрастность къ дѣятелямъ Императорскаго режима, былъ, тѣмъ не менѣе, отпущенъ на свободу.

Изъ всѣхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Николая II, особенную ненависть возбудилъ къ себѣ А. Д. Протопоповъ.

Онъ происходилъ изъ симбирскихъ дворянъ, вначалѣ состоялъ на военной службѣ, а затѣмъ занялся управленіемъ своихъ обширныхъ помѣстій и промышленными предпріятіями, служа, одновременно, по земству своей губерніи. До своего избранія въ Государственную Думу, онъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Онъ принадлежалъ къ октябристской партіи и былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя Думы, когда предсѣдателемъ таковой состоялъ М. В. Родзянко. Протопоповъ принималъ участіе въ думской делегаціи, которая въ 1916 году посѣтила столицы союзныхъ Россіи державъ и произвелъ повсюду наилучшее впечатлѣніе.

На обратномъ пути онъ, вмѣстѣ съ членомъ Государственнаго Совѣта, графомъ А. А. Олсуфьевымъ, задержался на нѣсколько дней въ Стокгольмѣ. Они встрѣтились тамъ со знакомымъ имъ, извѣстнымъ русскимъ журналистомъ, О. О. Колышко. Бесѣдуя съ нимъ, графъ Олсуфьевъ высказалъ желаніе повидаться съ какими-нибудь вліятельными нѣмцами, дабы лично ознакомиться съ германскимъ настроеніемъ. О. О. Колышко отрицаетъ свою причастность въ этомъ дѣлѣ, но, какъ-бы то ни было, Протопоповъ и Олсуфьевъ познакомились и бесѣдовали съ нѣкіимъ Варбургомъ, занимавшимъ мѣсто совѣтника германской миссіи въ Стокгольмѣ, братомъ вліятельнаго при берлинскомъ дворѣ гамбургскаго банкира, пріятеля всесильнаго Баллина. Во всемъ этомъ эпизодѣ Протопоповъ игралъ второстепенную роль, т. к. иниціатива свиданія принадлежала графу Олсуфьеву. Тѣмъ не менѣе, когда свиданіе это стало извѣстно въ Петроградѣ, оно возбудило всеобщее неудовольствіе, причемъ отвѣтственность за таковое всецѣло приписывалась Протопопову. Въ итогѣ, онъ былъ исключенъ изъ состава своей партіи и, конечно, не могъ оставаться долѣе вице-предсѣдателемъ Государственной Думы. Одно время зашла рѣчь о назначеніи его министромъ торговли, но, къ немалому удивленію, онъ, внезапно, очутился министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ петроградскихъ салонахъ утверждали, будто-бы назначеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ благопріятному впечатлѣнію, произведенному имъ на царскую чету при докладѣ о своей заграничной поѣздкѣ... Говорили, между прочимъ, что, на вопросъ Императрицы, дѣйствительно ли король

англійскій такъ походитъ на Государя, Протопоповъ отвѣчалъ: «какъ плохая копія — на прекрасный оригиналъ»...

Назначеніе его, какъ Думою, такъ и общественными кругами, учтено было прямымъ вызовомъ со стороны двора. Предвидя, что въ Думѣ на успѣхъ ему разсчитывать не приходится, Протопоповъ, дабы укрѣпить свое положеніе, всѣ усилія свои направилъ на сохраненіе поддержки Государя и, особенно, Императрицы. Онъ сталъ ухаживать за Распутинымъ и старался заручиться довѣріемъ, пользовавшагося расположеніемъ въ Царскомъ Селѣ, Митрополита Петроградскаго, Питирима. Дабы, тѣмъ не менѣе, повліять на общественные круги, онъ попробовалъ выставлять себя сторонникомъ народнаго представительства и, по примѣру А. Н. Хвостова, на своихъ визитныхъ карточкахъ именовалъ себя «министромъ внутреннихъ дѣлъ, членомъ Государственной Думы» и субсидировалъ органъ печати, «Волю Россіи», основанный имъ, впрочемъ, еще до появленія своего у власти. Но всѣ эти усилія къ уменьшенію его непопулярности не привели. Наоборотъ, ненависть и, болѣе того, презрѣніе къ нему, постоянно росли. Онъ не рѣшался появляться въ Думу, сознавая, что его ожидаетъ тамъ безпримѣрный скандалъ. Послѣ убійства Распутина, въ Петроградѣ господствовала увѣренность, что министръ, не съумѣвшій охранить жизнь старца, будетъ немедленно уволенъ. Однако, Протопоповъ не только остался у власти, но вліяніе его даже возросло. Послѣ революціи, министръ совершенно растерялся. Вначалѣ онъ скрывался, но, затѣмъ, по собственному побужденію, явился въ Думу. Онъ былъ арестованъ и заключенъ въ крѣпость, чѣмъ избѣжалъ, весьма вѣроятно, народнаго самосуда.

Личность Протопопова, несомнѣнно, раздута, также какъ и раздута роль его въ событіяхъ, предшествовавшихъ революціи. Въ общемъ, онъ представлялъ изъ себя полнѣйшее ничтожество, человѣка, хотя и лично честнаго и преданнаго своему Государю, но абсолютно лишеннаго самыхъ примитивныхъ государственныхъ дарованій. Подъ конецъ своей дѣятельности, онъ сталъ, къ тому-же, заниматься спиритизмомъ и сдѣлался окончательно неврастеникомъ. Министръ юстиціи, Н. А. Добровольскій, разсказывалъ мнѣ, что на совѣтъ подать въ отставку, онъ принималъ театральныя позы, восклицая съ пафосомъ: «нѣтъ, я не могу его (Государя) покинуть».

Но, какъ бы то ни было, назначеніе его, особенно При существовавшихъ въ то время общественныхъ настроеніяхъ, было, несомнѣнно, крупной государственной ошибкой. Оно еще болѣе подлило масла въ огонь и, весьма вѣроятно, приблизило взрывъ готовящейся катастрофы.

Достойнымъ соперникомъ Протопопова, по общественной ненависти, являлся министръ юстиціи, И. Г. Щегловитовъ. Въ училищѣ Правовѣдѣнія, которое онъ окончилъ съ золотою медалью, онъ позировалъ либераломъ, пользовался репутаціей «краснаго» и, по окончаніи курса, принималъ

участіе въ передовомъ журналѣ «Правда», значился въ спискахъ «Милюковскаго министерства», предложеннаго Д. Ф. Треповымъ въ 1905 году. Но, какъ отчаянный карьеристъ, онъ вскорѣ пріурочивается къ господствовавшему при дворѣ настроенію и превращается въ самаго яраго реакціонера. Онъ дѣлается правой рукой министра юстиціи, Н. В. Муравьева и призывается, впослѣдствіи, на его мѣсто. За нѣсколько мѣсяцевъ до революціи, онъ назначается предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и обнаруживаетъ до крайности властный и реакціонный образъ дѣйствій, доходя до того, что лишаетъ слова тѣхъ изъ членовъ Высокаго Собранія, мнѣніе которыхъ не согласуется съ его собственнымъ. Въ Думѣ, въ Совѣтѣ и въ общественныхъ кругахъ его ненавидѣли еще болѣе, чѣмъ Протопопова, съ той разницей, что послѣдняго скорѣе презирали, съ Щегловитовымъ-же, все-таки, приходилось считаться. Арестованный еще при Керенскомъ, онъ былъ разстрѣлянъ большевиками.

Общій развалъ, господствовавшій въ Россіи за послѣдніе годы царствованія Николая II, увлекъ за собою и высшіе церковные круги.

Неурядица господствовала и въ военныхъ сферахъ, что было особенно опасно въ самомъ разгарѣ войны. Военный министръ, жизнерадостный Сухомлиновъ, уваженія не заслуживалъ и этимъ настроеніемъ пользовался товарищъ его, генералъ Поливановъ, который, не стѣсняясь, велъ противъ него подпольную интригу.

Генералъ Сухомлиновъ отданъ былъ, въ концѣ концовъ, подъ судъ и лишенъ званія генералъ-адъютанта — одна изъ крупнѣйшихъ, по послѣдствіямъ своимъ, ошибокъ послѣднихъ годовъ царствованія Николая II. Въ войскахъ пущено было опасное, особенно въ военное время, слово «измѣна». Къ тому же, легкомысленно использованныя въ началѣ войны Главнокомандующимъ лучшія наши боевыя части, гвардія въ томъ числѣ, были выбиты изъ строя послѣ первыхъ сраженій. Большинство испытанныхъ кадровыхъ офицеровъ легли на поляхъ битвъ и замѣнены были офицерами резервными, принадлежащими, по большей части, къ радикально настроеннымъ слоямъ нашей злополучной интеллигенціи. Высшее командованіе поддѣлывалось, зачастую, подъ ихъ настроеніе и само либеральничало, тѣмъ самымъ способствуя развалу нашей арміи. Генералы, какъ, напр., Рузскій, Брусиловъ и многіе другіе, имъ подобные, щедро награжденные Государемъ, при первомъ же случаѣ предали своего монарха. Таковъ былъ, къ прискорбію, въ большинствѣ случаевъ, удѣльный вѣсъ нашего высшаго командного состава.

Неудивительно, что при такомъ печальномъ положеніи, пущенное послѣ Сухомлиновскаго процесса въ войска, слово «измѣна» имѣло успѣхъ и содѣйствовало окончательному упадку дисциплины и увѣренности солдатъ въ своихъ полководцевъ.

Я уже имѣлъ случай упоминать объ ужасающей развращенности нашего общества въ года, предшествовавшіе революціи. Спекуляція и игра на биржѣ достигли небывалыхъ размѣровъ. Громадныя состоянія росли, какъ грибы. Какое-то безуміе охватило наши общественные круги. Деньги наживались легко и, поэтому, легко и тратились.

У городского населенія недоставало хлѣба и топлива, а, въ то-же время, придворный ювелиръ, Фаберже, сознавался мнѣ, что, именно въ это тревожное время, онъ дѣлалъ самыя блестящія дѣла. Покупателями являлись лица, которые раньше не рѣшились бы переступить его порога. Они принадлежали къ категоріи, извѣстной подъ названіемъ «les nouveaux riches», которыхъ занимала лишь высокая цѣна пріобрѣтаемыхъ ими предметовъ, а отнюдь не ихъ качество.

Театръ и ночные рестораны были переполнены. Въ нихъ происходили цѣлыя оргіи, въ которыхъ принимали участіе нѣкоторые изъ великихъ князей. Другіе изъ нихъ, вродѣ, напр., великихъ князей Александра и Николая Михайловичей, стараясь поддѣлаться подъ общественное настроеніе, либеральничали и открыто критиковали царскую чету въ Яхтъ-клубѣ, сыгравшемъ столь грустную роль въ дни, предшествовавшіе революціи. Въ этомъ великосвѣтскомъ притонѣ усердно раздувались всевозможныя легенды о Распутинѣ и тѣ-же лица, которые поносили старца въ клубѣ, унижались, затѣмъ, передъ нимъ, чтобы, чрезъ него, пріобрѣсти себѣ тѣ, или иныя «богатыя милости». Въ нѣкоторыхъ малочисленныхъ кругахъ, сознающихъ всю опасность положенія, вмѣсто того, чтобы постараться открыть глаза Государю, не стѣсняясь, говорили о необходимости дворцоваго переворота. Я помню, какъ мнѣ пришлось присутствовать въ кабинетѣ одного изъ видныхъ товарищей министра, при бесѣдѣ его съ двумя сенаторами. Если-бы я закрылъ глаза, то я могъ бы подумать, что я нахожусь въ обществѣ заядлыхъ революціонеровъ.

Печать, со своей стороны, не находилась на высотѣ переживаемаго тревожнаго времени. Катковы, Аксаковы, Мещерскіе, Суворины сошли со сцены и замѣнены были пигмеями печатнаго слова. Господствовала критика существовавшаго положенія, безъ указанія способовъ выйти изъ него. Большинство газетъ настаивало на министерствѣ, т. наз. «довѣрія», то есть, въ сущности, на приходъ къ власти тѣхъ, которые, подобно Родзянко, Милюкову и др., доказали свое полное ничтожество, играя активную роль во Временномъ Правительствѣ.

Одновременно развращались систематически и народныя массы, съ одной стороны распространеніемъ подпольной литературы и гнусныхъ сплетень про царскую чету, съ другой же стороны и усиленными пайками, дарованными семьямъ, мужья, или сыновья которыхъ находились на фронтѣ. Семьи эти жили, сравнительно, въ довольствѣ, но тунеядство въ деревнѣ систематически росло. Мобилизовано было до 15 милліоновъ человѣкъ, изъ коихъ, за недостаткомъ боевого

матеріала, на фронтѣ находилось не болѣе 2—2½ милліоновъ. Вся остальная масса содержалась на счетъ правительства и привыкала къ бездѣлію. «Все — для войны», такой былъ общепринятый фарисейскій лозунгъ, подъ которымъ скрывались чувства иного характера... Такова была безотрадная картина передъ наступленіемъ окончательной катастрофы. И, тѣмъ не менѣе, при поддержкѣ высшаго командная состава, измѣнившаго своему монарху въ тяжелые времена, военный бунтъ, который, въ сущности, представляла вначалѣ наша «великая и безкровная» революція, могъ быть легко подавленъ въ самомъ его зародышѣ.

Нашу революцію зачастую сравниваютъ съ великой французской. Такое сравненіе едва-ли удачно. Французская революція была движеніемъ національнымъ, во главѣ же нашей «великой и безкровной» очутились, преимущественно, интернаціоналисты. Французская революція создала Мирабо, Дантона, Робеспьера, Талейрана и, наконецъ — Наполеона. Мы довольствовались Милюковыми, Родзянками, Керенскими и плеядой «дѣятелей», принадлежащихъ къ «избранному племени» и съ Россіей ничего общаго не имѣющихъ, и мы все еще ожидаемъ появленія своего Наполеона. Защищая свои революціонные принципы и свою родину противъ грозной коалиціи, французы, безъ сапогъ, голодные и холодные, недостаточно вооруженные, устремлялись въ патріотическомъ порывѣ къ границамъ и били соединенныя силы Европы при Вальми и при Жемаппѣ. Наши, т. наз. «народные» комиссары, подталкивали наши войска къ братанію съ врагами, пользовались вражескими деньгами для своей партійной пропаганды въ странѣ и спѣшили заключить Брестъ-Литовскій миръ, дабы поскорѣе насладиться благами жизни въ бывшихъ Императорскимъ дворцахъ. Въ обоихъ движеніяхъ общаго только то, что, подобно Франціи, уставшей отъ террора и привѣтствовавшей Наполеона, какъ избавителя, Россія также ждетъ человѣка, который прекратилъ бы ея страданія и залѣчилъ ея раны. И такой человѣкъ — кто бы онъ ни былъ, станетъ истиннымъ хозяиномъ земли русской...

Заключеніе.

Переживаемое нынѣ Европой ненормальное положеніе, грозящее со дня на день превратиться въ катастрофическое, является логическимъ послѣдствіемъ небывалой въ лѣтописяхъ исторіи міровой войны и заключеннаго политическими диллетантами, практически невыполнимаго, Версальскаго договора.

Въ вихрѣ событій смѣтены три Имперіи и, если одна изъ нихъ — лоскутная монархія Габсбурговъ — въ силу историческаго роста входившихъ въ составъ ея народностей — рано или поздно обречена была на вѣрную гибель, то, обратно, Имперіи Россійская и Германская имѣли въ себѣ всѣ данныя не только для продолженія своего

существованія, но и для прогрессивнаго развитія своего могущества. Неожиданный развалъ ихъ является лишь последствіемъ допущенныхъ, за послѣднюю четверть вѣка, стоявшими во главѣ этихъ державъ монархами и окружающими ихъ престолъ лицами цѣлаго ряда коренныхъ оплошностей.

По своему географическому положенію, въ силу условій экономическаго и династическаго характера, интересы Россіи и Германіи, казалось бы, настоятельно требовали самаго бережнаго охраненія сложившихся между ними традиціонныхъ отношеній. Но, вмѣсто того, чтобы неуклонно придерживаться этой, единственно, разумной политики — Императоры Николай II и Вильгельмъ II — первый — по свойственнымъ ему нерѣшительности и измѣнчивости во взглядахъ, а второй — по своей крайней несдержанности и импульсивности — оба-же — по ихъ взаимной неуравновѣшенности — уклонились отъ политической линіи ихъ предшественниковъ и, безсознательно играя въ руку подкапывавшимся подъ нихъ темнымъ силамъ, совершили надъ собою и своими Имперіями явное самоубійство. Такъ, напр., преисполненные искреннимъ миролюбіемъ и, быть можетъ, отдавая даже себѣ полный отчетъ въ грозныхъ послѣдствіяхъ вооруженнаго между ними столкновенія, оба монарха, тѣмъ не менѣе, сами создаютъ условія, при которыхъ столкновеніе это является неизбѣжнымъ. И, притомъ, оба они несчастливы въ выборѣ ближайшихъ сотрудниковъ, которые могли бы удержать ихъ на слѣдуемомъ ими опасномъ пути; Вильгельмъ — на своей властности, не терпящей противорѣчій, а нашъ Государь — по врожденной и, еще болѣе, развитой неудачнымъ воспитаніемъ чрезмѣрной подозрительности къ окружавшимъ его лицамъ.

Типичные антиподы, Вильгельмъ II и Николай II, остались таковыми и въ годину постигшихъ ихъ невзгодъ. Властный, самоувѣренный и хвастливый Вильгельмъ, при первыхъ неудачахъ окончательно теряется и спѣшитъ покинуть свою родину и свою семью, заботясь, главнымъ образомъ, о своей личной безопасности, которую онъ и обрѣтаетъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ Дорнскаго парка.

Кроткій и нерѣшительный во времена своего могущества, Императоръ Николай въ несчастіи поднимается внезапно на недосягаемую высоту. Онъ отказывается отъ предложенія искать спасенія внѣ Россійскихъ предѣловъ и, преисполненный довѣрія къ предавшему его народу, спѣшитъ къ своей семьѣ и раздѣляетъ съ нею ея трагическую участь. И, въ итогѣ, печальный обликъ Царя-Мученика, несомнѣнно, затмитъ въ безпристрастной исторіи театрально-внушительный силуэтъ германскаго монарха.

Но, такъ или иначе, темныя силы временно торжествуютъ. Монархическія Россія и Германія, покуда что, выбиты изъ строя и подпольныя организаціи спѣшатъ довершить свою разрушительную работу, направляя ее, главнымъ образомъ, нынѣ на тѣ изъ государствъ, которыя сохранили еще мо-

нархическій образъ правленія. Въ Японіи, бывшей еще недавно очагомъ самодержавія, мы видимъ цѣлый рядъ политическихъ убійствъ и присутствуемъ при небываломъ доселѣ распространеніи разрушительныхъ теорій. Италія разрушается междоусобіями и вѣковое зданіе англійской государственности уже также начинаетъ давать опасныя трещины. Парламентаризмъ, лежащій въ основѣ государственнаго устройства европейскихъ державъ, обнаруживаетъ признаки несомнѣннаго гніенія и подготовляетъ пути къ торжеству всемірной революціи и повсемѣстному крушенію существующихъ еще, покуда, европейскихъ троновъ. Формула — «король царствуетъ — но не управляетъ» — видимо устарѣла и нуждается въ замѣнѣ иной, болѣе подходящей къ современнымъ условіямъ. Какова будетъ эта новая формула, будутъ ли монархи управлять самостоятельно въ единеніи со своими народами, или же будутъ сами народы участвовать въ управленіи — предугадать довольно трудно. Ясно одно — во-первыхъ, что монархамъ необходимо будетъ не только царствовать, но и управлять и, во-вторыхъ, что, дабы удержать свои престолы отъ крушенія, монархамь надлежитъ теперь уже объединить свои усилія, дабы быть въ состояніи оказать надлежащій отпоръ надвигающимся грознымъ событіямъ.

Между тѣмъ, Англія, въ лицѣ, напр., Ллойдъ-Джорджа, затмѣвавшаго своего безгласнаго короля, работаетъ противъ возстановленія великодержавной, монархической Россіи, а италіанскій король — болѣе того — самъ Папа, — глава христіанскаго католическаго міра — пожимаютъ обагренныя кровью христіанскаго монарха руки московскихъ атеистовъ-интернаціоналистовъ.

Какое-то безуміе охватило представителей монархическихъ принциповъ.

Самоубійство монархій продолжается...

П. Красновъ.

Когда Богъ оставилъ.

Разсказъ.

Падаютъ осеннiе листья. Въ золотомъ багрянцѣ стелется у подножiя деревьевъ ихъ душистое кладбище. Шуршитъ подъ ногами лошадей. Пахнетъ крѣпко въ лѣсу сыростью, прѣлью и грибомъ. Солнце печетъ еще жарко. Синiй небесный куполъ чистъ. Хорошо, привѣтливо въ Божiемъ мiрѣ. Покой и бодрящая радость льются въ сердца съ теплымъ воздухомъ. Когда остановятся кони — звенитъ въ ушахъ торжественная осенняя тишина.

Казачiй разъѣздъ урядника Бокова вышелъ съ ночи и теперь путается по лѣсамъ. Ищутъ непрiятеля. Въ деревнѣ, гдѣ становились вчера на ночлегъ, жители говорили, что 4-й уланскiй полкъ долженъ быть въ этихъ лѣсахъ. Начальство потребовало доказательствъ; или плѣнныхъ, или убитыхъ. Послали казаковъ. Ищутъ казаки по лѣсамъ и фольваркамъ. Напрягаютъ слухъ и зрѣнiе, распрашиваютъ встрѣчныхъ. Давно проголодались, но до обѣда далеко. Мечтаютъ о краюхѣ хлѣба, о крынкѣ молока у добраго галичанина. Австрiйскiя кроны у каждаго найдутся. Командиръ сотни далъ, отправляя разъѣздъ. Далъ и сказалъ:

— Или плѣннаго, или убитаго. Поняли?

— Поняли — весело отвѣтили казаки и поѣхали искать непрiятеля.

Лѣсъ, какъ паркъ. Подчищенъ, прибранъ, окопанъ канавами. Прогалины поросли травой и цвѣтутъ осеннимъ цвѣтомъ. Мягко и споро ступаютъ по нимъ кони. Просятъ повода — хотятъ скакать. Война только началась. Корма хорошiе — еще не притомились казачьи кони.

— Глядите — Григорiй Петровичъ. Какъ-бы не они? — догоняя урядника и равняя съ нимъ своего коня, говоритъ казакъ Фоминъ. Онъ молодъ, красивъ и статенъ. Годъ тому назадъ, позднею осенью, въ полкъ провожала его мать. Ладонку съ родною землею и молитвою навѣшивала на грудь, горючими слезами обливалась. «Служи» — говорила, — «Царю и Родинѣ честно! Слушайся начальниковъ»...

«Поди, теперь на молотьбѣ, матушка» — думаетъ Фоминъ. — «На заднемъ базу въ двѣ молотилки бабы молотятъ. Писали: урожай хорошій, до Михайлова дня съ молотьбой не управятся»...

Думаетъ, а самъ пальцемъ уряднику показываетъ. За прогалиной, въ перелѣскѣ, мелькнуло, будто, двое. Конные. Лошади темныя, а сами, словно, въ красныхъ штанахъ и синихъ суконныхъ мундирахъ. Не иначе, какъ «они».

— Во — отъ, за копеночкой, гляньте, стоитъ. На насъ смотритъ. Тоже, поди, боится.

Смотритъ урядникъ. Строго усатое лицо. По щекамъ, вдоль, морщины легли. Сѣрые глаза въ бѣлыхъ рѣсницахъ прищурены. За бинокль взялся, но въ бинокль не смотритъ. Онъ своимъ глазомъ острѣе видитъ.

— Вы, вотъ что — шипитъ онъ казакамъ. — Окружить его надо. Такъ, чтобы живьемъ забрать. Панфиловъ съ Поповымъ заходите слѣва. Родивоновъ съ Быковымъ — тѣмъ лѣскомъ пробирайтесь, а мы съ Фоминымъ на перерѣзъ пойдемъ.

— Уйдутъ — говоритъ Фоминъ и вздыхаетъ.

Онъ винтовку съ плеча снялъ, курокъ съ предохранительнаго на боевой переставилъ. Глаза стали темные. Вотъ такъ-же билось у него сердце давно, когда былъ еще мальченкой и въ заросшей орѣшникомъ балкѣ зайца, или лисицу сторожилъ. Тряслось и прыгало въ рукахъ отъ волненія отцовское старое дробовое ружье.

— Намъ — бы ихъ, господинъ урядникъ, на чистое выгнать. На чистомъ догонимъ — живыми возьмемъ. Ихъ кони гладкіе. Наши живо настигнутъ — говоритъ худощавый Поповъ. Онъ третій годъ служитъ въ полку и имѣетъ два приза за скачку. Надѣется на своего «Коську».

— Чистаго-то не видать. Хоть-бы такъ подкрасться, чтобы стрѣлять было ловко — ворчитъ урядникъ и оглядывается. Кругомъ лѣсъ. Падаютъ съ буковъ и ясеней желтые листья. Въ золотомъ багрянцѣ земля подъ ногами лошадей.

Пошли... Поскакали по кустамъ. Видно — вѣтки клонятся. Звенитъ стальная пика въ рукахъ у Попова.

Отъ копны тѣ двое метнулись къ лѣсу. Рысью перебѣжали черезъ луговину и скрылись въ чащѣ. Когда перебѣгали было видно: синія шапки на нихъ высокія, колпакомъ, желтымъ обшиты. Синій съ малиновыми мундиръ. Штаны красные. Сабли съ боку сверкнули на солнцѣ. Въ стальныя ножны одѣты сабли.

Скрылись въ лѣсу.

Уйдутъ...

Боковъ съ Фоминымъ скачутъ по лѣсу. Наклоняются отъ вѣтокъ. Желтымъ пламенемъ мечется изъ-подъ ногъ лошадей душистая листва. Прыгаютъ лошади черезъ пни, рвутъ ногами цѣпкія вѣтви почернѣвшей ежевики. Доскакали до обрыва. У обрыва опушка. Внизу болото.

— Эхъ! Уйдутъ — чуть не стонетъ Фоминъ. Ружье поперекъ сѣдла держитъ, смотритъ впередъ, ни о чемъ не думаетъ. Мерещатся ему синіе высокіе колпаки и сытые, темные кони. — Уйдутъ!..

Вотъ они! — вскрикнулъ Боковъ и сорвался съ коня. Въ низинѣ, по болоту, перебирались австрійцы. Слѣзли съ лошадей, вели въ поводу. Оглядывались. Близко видны ихъ синія шапки, а подъ ними блѣдныя, точно мѣломъ намазанныя лица. Кони не идутъ на болото, шарахаются, вязнутъ. По голенище ушли въ бурый торфъ сапоги австрійцевъ.

Почти одновременно грянуло два выстрѣла. Лежа стрѣлялъ Боковъ. Стоя, примостившись за деревомъ, выпалилъ Фоминъ. Два австрійца, точно подрѣзанные, упали на болото. Бросились въ сторону сытыя, круглыя лошади. Неловко, болтая стременами, побѣжали отъ болота. Почуявъ свободу, задрали хвосты и понеслись, взбрыкивая, черезъ лѣсъ.

На зеленомъ мху, между кочекъ, лежало два человѣка. Одинъ молодой, почти мальчикъ. Усы темнымъ налетомъ пробиваются надъ губою. Другой, постарше, въ жесткихъ черныхъ усахъ, съ длиннымъ съ горбинкою носомъ.

Боковъ и Фоминъ подходятъ къ нимъ.

— Я, какъ вдарилъ, онъ и не вскрикнулъ — говоритъ Фоминъ. — Полагаю — на мѣстѣ. Мое ружье хорошо бьетъ.

— Тутъ что-же — снисходительно замѣчаетъ урядникъ, — и полтораста шаговъ не будетъ.

Не можетъ скрыть довольной улыбки. Разъѣздъ выполнилъ назначеніе. Сейчасъ возьметъ съ нихъ документы, если найдутся, книжки, номерные знаки. Начальство будетъ довольно.

Австрійцы убиты на мѣстѣ. Фоминъ шаритъ на груди, достаетъ зашитый въ мундирѣ знакъ и подаетъ его уряднику.

— 4-го уланскаго полка, Янъ Бржосекъ, изъ Хмѣльніова — читаетъ онъ. — Вотъ оно и доказательство.

Собравъ значки, сняли съ убитыхъ мундиры, карабины и сабли. Идутъ къ лошадямъ. Оба довольны. Разъѣздъ съѣзжается къ нимъ.

— Съ трохвеемъ, Григорій Петровичъ — говорятъ казаки и косятся на убитыхъ. Урядникъ раздалъ имъ карабины, сабли и мундиры.

— Ну, таперя и къ полку можно. Свое дѣло сдѣлали — говоритъ онъ. Въ усахъ играетъ довольная улыбка. — Ѣзжайте къ шоссе, а мы съ Фоминымъ на минутку въ фольварокъ заглянемъ. Хочу молочка поспрошать. Смерть пить хочется.

* *
*

Въ крайней избѣ чисто прибано. Въ углу подъ полотенцами висятъ иконы и литографированныя картины. Въ хатѣ двѣ женщины. Одна, совсѣмъ молодая, босоногая, только-что пришла съ поля. Еще дышетъ тяжело и зноемъ осенняго дня пышутъ ея щеки. Другая — постарше, лѣтъ сорока,

въ черномъ платкѣ, возилась на дворѣ и, когда подъѣхали казаки, вошла въ комнату.

Онѣ не испугались казаковъ. Встрѣтили ласково, привѣтливо. Обѣ говорятъ по русински, понимать казаковъ могутъ и казаки ихъ понимаютъ.

— Спаси, Христосъ — говорятъ казаки и смотрятъ по сторонамъ. Сняли защитныя, сѣрыя фуражки и положили на столъ.

— Спаси, Христосъ — отвѣчаетъ пожилая женщина и, сложивъ руки на груди, жалостливо смотритъ на нихъ. — Вы кто-же будете?

— Казаки.

— Козаци, козаци! — говорятъ женщины и вздыхаютъ. — А что вамъ здѣсь надо?

— Проголодались мы. Нельзя-ли хлѣба и молока.

— Есть, есть родимый — говоритъ пожилая и обѣ уходятъ.

Боковъ смотритъ иконы.

- Въ родѣ, какъ-бы и наши — говоритъ онъ. — Только у Христа серце пылающее на грудяхъ написано. Не по нашему. И Богородица въ коронѣ, какъ будто не подобаетъ.

— Царица небесная — вздыхаетъ Фоминъ. — Это не Ченстоховская-ли? Поляки завсегда такъ Ченстоховскую пишутъ.

— А чисто у нихъ. Справно живутъ — говоритъ Боковъ и, снявъ съ плечъ винтовку, садится за столъ.

Женщины принесли хлѣбъ и молоко, густое, сладкое, вкусное. Казаки пьютъ его изъ граненыхъ стакановъ. Пожилая, въ черномъ платкѣ, глазъ не сводитъ съ молодого Фомина. Любуется имъ, смахиваетъ съ темныхъ глазъ слезу и вздыхаетъ.

— Вы что-же — говоритъ Боковъ. — Однѣ-то безъ мужиковъ?

— Да забрали мужиковъ на войну — говоритъ пожилая. — Вотъ и моего сынка, а ея мужа забрали. И остались мы однѣ. То-ли увидимъ его когда, то-ли нѣтъ? Одному Богу извѣстно.

— Какъ-же вы насъ принимаете — говоритъ Боковъ, — когда мы враги.

— И, родимый! Враги, да не по своей волѣ. Вотъ и я думаю. И мой-то на чужой сторонушкѣ проголодается, испить молочка захочетъ, можетъ и ему кто подастъ. Христосъ-то видитъ. Онъ у меня такой-же молодой, вотъ, какъ товарищъ вашъ. Тоже, поди, мать осталась. Плачетъ, горюетъ. Вотъ, во имя ея я и кормлю. Что-же? развѣ тутъ грѣхъ? Что враги-то? О, Господи! Гдѣ враги-то? Всѣ одинако подъ Богомъ ходимъ.

— А гдѣ-же онъ, сынъ-то вашъ? Не знаете? — спрашиваетъ Фоминъ.

— Да недалече гдѣ-то отселева. Онъ въ 4-мъ уланскомъ полку служитъ. Недалече отселева стоятъ. Въ Ржешовѣ. Передъ войной на праздники прiѣзжалъ. Такой ласковый былъ...

— А, какъ его звать? — спрашиваетъ Фоминъ. Онъ всталъ. Дрожитъ почему-то его голосъ. Кусокъ хлѣба поперекъ горла становится... Надѣваетъ винтовку.

— Янъ Бржосекъ, звать его — охотно отзывается пожилая. — Бржосеки мы... Изъ Хмѣлюва...

— Такъ, такъ — хмуро говоритъ Боковъ. Тоже встаетъ и достаетъ плотный кожаный кошель. Не глядитъ на женщинъ. Достаетъ кроны... Отсчиталъ. Тяжело шагаетъ къ дверямъ.

— Не надо, родимый. Мы не за деньги. По доброму сердцу — говоритъ женщина и отталкиваетъ бумажки. Боковъ кладетъ ихъ на столъ и оба, молча, не прощаясь, уходятъ изъ избы.

* *
*

Падаютъ осенiе листья. Въ золотомъ багрянцѣ стелется у подножiя деревьевъ ихъ душистое кладбище. Шуршитъ подъ ногами лошадей.

Къ закату клонится солнце. Въ розовыхъ туманахъ болотная долина, гдѣ лежатъ два убитыхъ австрiйца.

Долго, молча, рядомъ ѣдутъ Боковъ и Фоминъ, нагоняя разъѣздъ. То припустятъ лошадей рысью, то ѣдутъ быстрымъ, просторнымъ шагомъ. Торопятся кони, знаютъ, что ѣдутъ домой.

На шоссе дикiя яблони и груши-кислицы потянулись аллеей съ краевъ. Вдали показались спины казаковъ разъѣзда. Звѣздочкой горитъ солнце на острiѣ пики у Попова. Шатается пика за плечомъ на петлѣ и звѣздочка, то вспыхнетъ, то угаснетъ. Шагомъ ѣдутъ Боковъ и Фоминъ. Не хотятъ, почему-то, нагонять товарищей.

— Такъ это, Григорiй Петровичъ — говоритъ, раздумчиво Фоминъ, — мать «его» была.

Не отвѣчаетъ Боковъ. Сердится на лошадь. Дергаетъ ее за поводъ. Ногами толкаетъ.

— Да мать-же! — наконецъ говоритъ онъ съ досадою.

Опять молчатъ. Тропотитъ гнѣдой конь подъ Боковымъ, сердится на него Боковъ, все шага не наладитъ. Торопится къ разъѣзду, ржетъ гнѣдой маштакъ.

— То-то горя будетъ, когда узнаютъ — чуть слышно говоритъ Фоминъ.

— Горя! — восклицаетъ со злобою Боковъ. — А то, что-же!.. Радости что-ль?.. Война... Ты понимаешь это! Война!.. Сегодня мы его. Завтра онъ насъ...

— А все молокомъ поила... Мать... И смотрила какъ... Ахъ, Господи! Надо-же этакому грѣху!

— У! Не скули! Чтобъ тебѣ!.. — кричитъ урядникъ. — Безъ тебя тошно!!..

Онъ пускаетъ вскачь свою лошадь. За нимъ скачетъ Фоминъ. Они нагоняютъ разъѣздъ. Подъ мышкой у Панфилова лежитъ синій съ малиновыми отворотами мундиръ. Темное кровяное пятно на немъ. У Родивонова на шашку прицѣплена тонкая австрійская сабелька въ желѣзныхъ ножнахъ. Болтается сбоку, звенитъ о стремя.

Непріятенъ видъ у трофеевъ. Жалкими и ненужными кажутся они Бокову и онъ, выскакивая на камень шоссе, спѣшитъ обогнать казаковъ.

Смутно и непонятно у него на душѣ. Какое-то, бывшее раньше, душевное равновѣсіе нарушено, какъ гигантское коромыслю, колеблется въ груди и раздираетъ ее страшнымъ вопросомъ: — «то-ли покинулъ ихъ Богъ совсѣмъ, отвернулся отъ грѣшной земли на долго, быть можетъ навсегда, — то-ли не было вовсе Бога?»

* * *

Такъ начиналась великая міровая война. Таковы были первые ростки того страшнаго растенія, что колючими, кровавыми вѣтвями опутало потомъ весь міръ и держитъ его и до сей поры въ своихъ анафемскихъ путахъ.

1923 года.

Д. И. Дорошенко.

Война и Революція на Украинѣ.

(Продолженіе) *)

V.

Еще находясь въ Петербургѣ и думая о предстоящихъ измѣненіяхъ въ составѣ галицко-буковинской администраціи, я рѣшилъ пригласить на посты уѣздныхъ комиссаровъ (вмѣсто прежнихъ начальниковъ уѣздовъ) представителей украинской интеллигенціи, по возможности, юристовъ и съ извѣстнымъ административнымъ опытомъ. Такихъ нашлось около десятка изъ украинской колоніи въ Петербургѣ. Среди нихъ были приватъ-доценты университета, присяжные повѣренные, судьи; ихъ всѣхъ интересовала работа среди населенія Галиціи и Буковины, новый родъ дѣятельности, новыя мѣста и жизнь вблизи фронта.

На посты губернскихъ комиссаровъ предполагалось представленіе Временному Правительству кандидатуръ: для Галиціи — И. И. Красковскаго, для Буковины — А. Г. Вязлова; когда же послѣдній отказался, ввиду назначенія его губернскимъ комиссаромъ родной ему Волынской губерніи, то я предложилъ поѣхать въ Буковину А. И. Лотоцкому, одному изъ виднѣйшихъ представителей украинскаго движенія, занимавшему значительный постъ въ государственномъ контролѣ въ Петербургѣ. Онъ согласился. Обѣ кандидатуры были представлены сначала Временному Правительству, а потомъ лично мною и главнокомандующему юго-западнымъ фронтомъ, ген. Брусилову. Утвержденіе состоялось недѣли двѣ спустя и оба они прибыли на мѣста въ половинѣ мая. Уѣздные же комиссары, приглашенные мною въ Петербургѣ, собрались немедленно и, почти одновременно со мной, прибыли въ Кіевъ, чтобы отсюда, вмѣстѣ со мной, ѣхать къ мѣстамъ своей новой службы.

Въ Кіевѣ я задержался очень недолго. Въ Галиціи и Буковинѣ царила полная анархія въ области администраціи.

*) См. Кн. I и II.

Старая администрація еще сидѣла на мѣстахъ, за исключеніемъ ген. Трепова, поспѣшившаго уѣхать изъ Черновцевъ въ Кіевъ, но съ ней уже мало кто считался. Во многихъ мѣстахъ образовавшіеся совѣты солдатскихъ депутатовъ не допускали уѣздныхъ начальниковъ исполнять свои обязанности, иногда даже смѣщали ихъ и ставили своихъ комиссаровъ. Въ С. уѣздѣ, на Буковинѣ, проходившая маршевая рота, увидѣвъ, что въ С. сидитъ еще «старорежимный» уѣздный начальникъ, арестовала его и посадила комиссаромъ одного изъ своихъ офицеровъ, какого то подпоручика, не имѣвшаго никакого понятія ни о странѣ, гдѣ ему предстояло дѣйствовать, какъ правителю уѣзда, ни о своихъ новыхъ обязанностяхъ.

Вообще стоялъ хаосъ и полная неразбериха. Потерянныя мною изъ-за петербургской волокиты двѣ недѣли внесли еще больше разстройства и неопредѣленности въ положеніи дѣлъ. Въ Кіевѣ обо всемъ этомъ подробно разсказалъ мнѣ начальникъ канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ при главнокомандующемъ, С. А. Базаровъ, который наканунѣ пріѣхалъ изъ штаба фронта, изъ Каменца-Подольскаго.

Чрезвычайно симпатичный и благородный человѣкъ, С. А. Базаровъ, сдѣлался моимъ добрымъ геніемъ: это былъ единственный человѣкъ во всемъ штабѣ, который относился ко мнѣ благожелательно — въ этомъ я очень хорошо убѣдился въ ближайшее же время; его разумнымъ совѣтамъ, указаніямъ и, вообще, дружеской помощи я былъ не разъ обязанъ тѣмъ, что благополучно выходилъ изъ тяжелыхъ положеній, въ какія попадалъ благодаря всевозможнымъ интригамъ въ штабѣ фронта. Хорошо знавшій всѣхъ старшихъ чиновъ штаба, С. А. охарактеризовалъ мнѣ каждаго изъ нихъ и давалъ совѣты, какъ съ кѣмъ вести себя и дѣйствовать. Все это, повторяю, чрезвычайно мнѣ пригодилось на первыхъ же порахъ.

Къ тѣмъ комиссарамъ, которыхъ я пригласилъ на службу въ Петербургѣ, въ Кіевѣ присоединилось еще около десяти человѣкъ, такъ что, въ общемъ, я уже располагалъ извѣстнымъ кадромъ новыхъ администраторовъ, относившихся къ своей службѣ идейно, а нѣкотрые — даже съ настоящимъ увлеченіемъ. Всего въ генералъ-губернаторствѣ было 33 уѣзда; въ каждомъ — одинъ начальникъ и два помощника.

Конечно, «не оставить камня на камнѣ», какъ рекомендовалъ мнѣ князь Львовъ, я не собирался, ибо понималъ, что удаливъ сотни людей (въ каждомъ уѣздѣ были еще начальники полиціи, а въ большихъ городахъ — полицеймейстеры), надо же кѣмъ то ихъ замѣтнить и, притомъ — лучшими, а не худшими людьми; добрую половину состава всей администраціи я зналъ лично по своей раобтѣ въ Союзѣ Городовъ и видѣлъ, что это были вполнѣ порядочные люди; нѣкоторые изъ нихъ очень хорошо относились къ населенію и съ этой стороны ихъ ни въ чемъ нельзя было упрекнуть; было не мало среди нихъ и прирожденныхъ украинцевъ. Поэтому я рѣшилъ уволить лишь часть — наиболѣе неподходящихъ

лицъ, о которыхъ я завѣдомо зналъ, какъ объ угнетателяхъ и самодурахъ. Но такихъ лицъ было меньшинство, равно какъ и малокультурныхъ представителей старой полиціи, которыхъ не слѣдовало бы держать ни при какомъ правительствѣ. Остальныхъ не было никакой надобности смѣщать. Труднѣе было поступить съ лицами, служившими тогда или до того времени по полиціи: по смыслу распоряженій новаго правительства ихъ надлежало немедленно уволить и отправить рядовыми на фронтъ. Такой мѣрѣ подлежали въ числѣ прочихъ и пожилые люди, бывшіе исправники, имѣвшіе уже чины надворнаго или же коллежскаго совѣтника. Большая часть ихъ, какъ я лично видѣлъ, совершенно не заслужила такой строгой и безжалостной расправы. Я напередъ уговорился съ губернскими комиссарами, по возможности, щадить этихъ людей, а хорошихъ служащихъ просто оставлять на мѣстахъ, производя лишь перемѣщенія въ другіе уѣзды и соотвѣтствующее переименованіе.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Кіева я зашелъ въ Центральную Раду, членомъ которой я состоялъ. Значеніе Рады увеличивалось съ каждымъ днемъ и уже можно было видѣть, что она скоро станетъ фактически высшей властью въ краѣ. Какъ разъ въ это время ушелъ въ отставку начальникъ Кіевскаго военнаго округа, ген. Ходоровичъ и вопросъ о его преемникѣ имѣлъ большое значеніе въ глазахъ украинскихъ дѣятелей.

Уже прошелъ слухъ о назначеніи К. М. Оберучева. Но Оберучевъ уже успѣлъ испортить отношенія съ украинцами. Вообще этотъ, лично безукоризненно честный и прямой, человѣкъ сыгралъ печальную роль въ исторіи революціи на Украинѣ и, какъ начальникъ военнаго округа, много способствовалъ разложенію арміи и распространенію анархіи своей демагогіей, своимъ непростительнымъ для военнаго человѣка расшатываніемъ дисциплины и порядка, которое онъ проявилъ съ первыхъ же своихъ шаговъ, какъ комиссаръ военнаго округа, а потомъ — какъ его начальникъ.

На засѣданіи Малой Рады, на которое я попалъ, обсуждался вопросъ о кандидатурѣ въ начальники округа. Присутствовавшій на засѣданіи пожилой полковникъ рекомендовалъ ген. Гл—го. Это былъ, какъ я узналъ потомъ, полковникъ Гл—й, (служившій впослѣдствіи при Гетманѣ) и рекомендовалъ онъ своего родственника. Такъ какъ участники засѣданія были мало знакомы съ военнымъ міромъ въ его верхахъ, то кандидатуру ген. Гл—го приняли. На другой день уже долженъ я былъ явиться въ Каменцѣ къ ген. Брусилову, поэтому проф. Грушевскій поручилъ мнѣ передать главнокомандующему отъ имени Центральной Рады пожеланіе видѣть ген. Гл—го на посту начальника Кіевскаго военнаго округа. Порученіе это я не считалъ для себя особенно пріятнымъ, но отказаться отъ него не могъ.

На другой день я, дѣйствительно, былъ уже въ штабѣ. Прямо съ поѣзда я отправился къ С. А. Базарову, который сообщилъ мнѣ, что для меня уже отведено купе въ поѣздѣ

главнокомандующаго (это было весьма кстати, ибо отвратительныя каменецкія гостиницы были переполнены) и что главнокомандующій ждетъ меня къ обѣду. Въ назначенный часъ я явился и представился генералу Брусилову. Послѣ обѣда, чтобы не утомить генерала, я старался вкратцѣ изложить ему мою программу, какъ я ее понималъ; говорилъ, что считаю своей первой задачей содѣйствовать укрѣпленію тыла арміи, а для этого необходимо поддерживать благоустройство и благополучіе въ оккупированныхъ провинціяхъ; говорилъ, что необходимо воспользоваться перемѣной настроенія большинства населенія края въ нашу пользу, въ связи революцией, и стремиться къ тому, чтобы украинское населеніе, остававшееся по ту сторону фронта, видѣло теперь въ русской арміи, при ея наступленіи, не поработителей, какъ бывало прежде, а освободителей; я показалъ Брусилову проектъ воззванія къ населенію, которое я собирался выпустить: здѣсь говорилось о томъ, что новая власть, сохраняя всѣ формы и виды устройства края, всѣ распоряженія, которыя вызываются интересами русской арміи и прифронтовымъ положеніемъ края, — считаетъ необходимымъ устранить всѣ стѣсненія въ области національной и религіозной жизни, что тѣ принципы, которые проводятся въ жизнь въ новой, свободной Россіи, будутъ примѣняться и къ населенію Галиціи и Буковины, по скольку это не будетъ противорѣчить прямымъ интересамъ и задачамъ русской арміи; наконецъ, что населенію будетъ предоставлено извѣстное самоуправленіе въ области хозяйственной и культурной жизни съ соблюденіемъ равнаго, справедливаго отношенія ко всѣмъ народностямъ края.

Проектъ мой Брусиловъ совершенно одобрилъ.

Затѣмъ я изложилъ свои соображенія о перемѣнахъ въ служебномъ персоналѣ генералъ-губернаторства: о томъ, что я предполагаю произвести лишь частичное измѣненіе въ составѣ гражданскихъ чиновъ и совершенно не думаю касаться чиновъ военныхъ, полагая, что если здѣсь и нужны какія-либо увольненія или перемѣны, то я просилъ бы произвести ихъ по усмотрѣнію самого главнокомандующаго. Брусиловъ, не перебивая, выслушалъ все, что я ему говорилъ и затѣмъ заявилъ, что онъ со всѣмъ этимъ тоже согласенъ и одобряетъ.

Тогда я передалъ ему пожеланіе Центральной Рады о назначеніи начальникомъ кіевскаго военнаго округа генерала Г-го. Брусиловъ отвѣтилъ, что онъ охотно исполнилъ бы полежаніе Ц. Рады, но что уже поздно, ибо вчера вечеромъ состоялось назначеніе полковника Оберучева.

Разстался я съ ген. Брусиловымъ буквально обвороженный его внимательностью, тактомъ, любезностью. Я не могъ тогда предположить, чтобы онъ, такъ со мной во всемъ соглашаясь и, повидимому, раздѣляя убѣжденіе въ правильности моей программы и моихъ предположеній, въ тоже время далъ разрѣшеніе нѣкоему А. Геровскому, вести какъ разъ обратную пропаганду. Этотъ Геровскій, принятый подъ особое покровительство штабовъ воинскихъ частей — согласно секретной инструкціи ген. Брусилова, получилъ воз-

можность появиться въ Черновцахъ и начать тамъ злостную агитацію противъ той системы, которая проводилась мной и была одобрена самимъ главнокомандующимъ. Обо всемъ этомъ мнѣ придется говорить подробно ниже, но что здѣсь скрыто дѣйствовала рука именно ген. Брусилова, я узналъ изъ документовъ уже значительно позже — въ концѣ 1917 года.

Изъ Каменца я отправилъ телеграмму всѣмъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ и уѣзднымъ начальникамъ края о приготовленіи дѣлъ къ сдачѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ предложить лицамъ, намѣченнымъ къ оставленію, занять мѣста вновь уже въ качествѣ уѣздныхъ комиссаровъ, или ихъ помощниковъ. Губернаторы же и вице-губернаторы должны были быть уволенными согласно обще-россійскому распоряженію.

На другой день послѣ принятія меня ген. Брусиловымъ я, вмѣстѣ съ С. А. Базаровымъ, выѣхалъ на автомобилѣ въ Черновцы. По прекрасной шоссейной дорогѣ, хорошо мнѣ знакомой по прежнимъ поѣздкамъ, въ три часа мы были на мѣстѣ и я сейчасъ же приступилъ къ знакомству со старшими чинами управленія.

Меня встрѣтилъ помощникъ генералъ-губернатора по военной части, ген. Усовъ, бывшій прежде начальникомъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ въ Петербургѣ. Теперь онъ откомандировался къ мѣсту своей прежней службы и его вакансія, пока, никѣмъ не замѣщалась. Взволнованный, испытавшій уже немало непріятностей со стороны разныхъ революціонныхъ учрежденій, всевозможныхъ «совдеповъ» и «исполкомовъ», онъ знакомилъ меня съ положеніемъ вещей. За нимъ явились другіе чины: начальникъ штаба, начальникъ интендантства, нач. инженернаго управленія, начальникъ финансоваго управленія, лѣсного управленія, контроля, врачебнаго и др. Явился и представитель протопресвитера арміи и флота, о. Т-въ, профессоръ Кіевской Академіи — ему было поручено управленіе дѣлами Православной церкви въ оккупированныхъ областяхъ.

Въ общемъ, генералъ-губернаторство было организовано на подобіе маленькаго государства, съ отдѣльными управленіями по всѣмъ отраслямъ жизни края; въ военномъ же отношеніи оно приравнивалось военному округу, поэтому имѣло свой штабъ, интендантство, свои войсковыя части (двѣ пѣшія дружины, нѣсколько казачьихъ сотенъ, противоаэропланныя батареи и военную стражу, переименованную теперь въ милицію). Аппаратъ былъ большой, сложный и, въ общемъ, хорошо налаженный; измѣнять его, переформировывать можно было лишь въ отдѣльныхъ частяхъ, спеціально — въ области мѣстной администраціи, но расформировать, «не оставить камня на камнѣ», какъ совѣтовалъ князь Львовъ, разумѣется, не представлялось никакой надобности.

Что касается лицъ, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ учрежденій центральнаго управленія, то противъ многихъ изъ нихъ велась усиленная травля со стороны разныхъ воротилъ изъ «совдепскихъ» учрежденій, травля, доходившая

уже до Кіева; эти господа разсчитывали, по «сверженіи» управляющихъ различными учрежденіями, самимъ сѣсть на ихъ мѣста: такъ, молодой врачъ изъ «исполнительнаго комитета» разсчитывалъ стать во главѣ Врачебнаго Управленія; помощникъ присяжнаго повѣреннаго, пристроившійся въ одномъ изъ тыловыхъ интендантскихъ учрежденій и всплывшій на верхъ въ одномъ изъ комитетовъ — мѣтилъ прямо въ начальники судебной части и т. д. Однако, всѣ остались на своихъ мѣстахъ, кромѣ начальника врачебнаго управленія, Б., ушедшаго по своей волѣ.

Изъ сообщеній служащихъ и, въ особенности, буковинскаго губернатора, Л—на (остававшагося все время, вплоть до самаго пріѣзда губернскаго комиссара, Лотоцкаго), я могъ представить себѣ картину положенія вещей, которое оказалось гораздо хуже, чѣмъ я себѣ представлялъ. Тянувшееся уже почти два мѣсяца безначаліе привело всѣ дѣла къ страшной путаницѣ; въ уѣздахъ царила анархія. Полиція была почти вездѣ расформирована, а, поставленная на ея мѣсто, милиція никуда не годилась; стали распространяться разбои и грабежи; самоуправство милиціи и возникшихъ повсюду солдатскихъ комитетовъ тяжело отражалось на населеніи края, совершенно беззащитномъ.

Въ Буковинѣ, во многихъ мѣстахъ, власть была захвачена мѣстными гарнизонными совѣтами, смѣстившими уѣздныхъ начальниковъ и назначившими своихъ комиссаровъ-прапорщиковъ, или военныхъ чиновниковъ. Управленіе въ этихъ уѣздахъ было совершенно дезорганизовано. Въ самыхъ Черновцахъ дѣйствовалъ «исполнительный комитетъ» изъ представителей разныхъ общественныхъ организацій и союзовъ, считавшій себя высшей властью во всей Буковинѣ. Рядомъ существовалъ «гарнизонный совѣтъ», также претендовавшій на власть, не только въ предѣлахъ воинскихъ частей гарнизона города Черновцевъ, но, и, вообще, въ городѣ и въ цѣломъ краѣ. Наконецъ, существовалъ еще и «армейскій комитетъ», единственный легализованный высшей военной властью комитетъ изъ всѣхъ трехъ; составленный изъ болѣе порядочныхъ и менѣе юркихъ людей, онъ въ своихъ дѣйствіяхъ оставался въ тѣни, не выходилъ изъ предѣловъ своей компетенціи и не прибѣгалъ къ такой наглой демагогіи, какъ заправилы первыхъ двухъ комитетовъ. Между армейскимъ — съ одной стороны и гарнизоннымъ комитетомъ — съ другой, шла рѣшительная борьба, въ которую вмѣшивался на сторонѣ послѣдняго и исполнительный комитетъ. Эта борьба нѣсколько облегчала мнѣ задачу освободиться отъ претензій на вмѣшательство въ управленіе городомъ и краемъ со стороны исполнительнаго и гарнизоннаго комитетовъ.

Какъ бы абсурдной ни представлялась сама мысль о томъ, чтобы оккупированнымъ краемъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій, могла заправлять кучка случайныхъ людей, демагоговъ изъ военныхъ фельдшеровъ, низшихъ интендантскихъ служащихъ и сотрудниковъ земскаго и городского союзовъ,

но обстоятельства революціи на фронтѣ, въ связи съ быстрымъ разложеніемъ арміи и упадкомъ дисциплины, вели къ тому, что съ этой кучкой считались въ штабѣ и смотрѣли на ихъ дѣйствія сквозь пальцы. Тѣмъ болѣе, что въ штабѣ существовалъ уже свой, «фронтовой комитетъ» и главнокомандующему, ген. Брусилову, приходилось выступать съ митинговыми рѣчами на разныхъ съѣздахъ, устраивавшихся этимъ комитетомъ, лобызаться на эстрадѣ съ его предсѣдателемъ, нѣкіимъ вольноопредѣляющимся Дашевскимъ и, вообще, играть роль не столько главнокомандующаго, сколько «главноуговаривающаго»...

Такъ скоро шла къ упадку еще недавно могучая и хорошо организованная армія. Со стороны было ясно, что съ такимъ оборотомъ революціи, какой она приняла на фронтѣ, воевать больше нельзя, что надо заключать миръ и этимъ спасти и армію, и государство отъ окончательнаго разложенія. Но люди, сдѣлавшіе переворотъ и свергшіе династію во имя «войны до побѣднаго конца», не могли рѣшиться дѣйствовать иначе, какъ стараться гальванизировать уже умершее тѣло россійской арміи, вдохнуть въ него живой духъ и повести на новое наступленіе. Думали, что это удастся сдѣлать при помощи комитетовъ. Нельзя отрицать, что среди комитетчиковъ попадались искренніе и честные люди, энтузіасты и идеалисты; многіе изъ нихъ, вскорѣ, поплатились и жизнью за свое стремленіе воскресить въ арміи угасшій духъ долга, но, большинство, были люди недобросовѣстные, демагоги, старавшіеся выдвинуться, спекулируя на чувствахъ и настроеніяхъ своихъ невѣжественныхъ избирателей или сочленовъ — солдатъ. Ихъ главнымъ стремленіемъ, было избавиться отъ фронтовой службы, получать суточные, или какіе-либо новоизмышленные оклады, сидѣть въ тылу, болтать и разыгрывать роль «спасителей революціи».

Съ такой публикой пришлось мнѣ встрѣтиться и въ черновицкихъ комитетахъ. Пока мнѣ не удалось взять въ руки административный аппаратъ, пока еще не прибыли мои ближайшіе помощники, губернскіе и уѣздные комиссары и я оставался совершенно одинъ и, не чувствуя, въ то-же время, надлежащей поддержки со стороны штаба фронта, я не могъ взять по отношенію къ комитетамъ рѣшительнаго тона и принужденъ былъ дѣлать видъ, будто бы въ нѣкоторыхъ вопросахъ нахожу ихъ сотрудничество полезнымъ и желательнымъ.

Я появлялся и въ исполнительномъ и въ гарнизонномъ комитетахъ и познакомился съ ихъ составомъ. Увидѣвъ, что въ исполнительномъ комитетѣ (особенно назойливомъ и вреднomъ), видными членами являются два господина съ высшимъ образованіемъ и причастные къ ученому міру, я предложилъ имъ мѣста уѣздныхъ комиссаровъ; еще двумъ-тремъ лицамъ я предоставилъ мѣста по милиціи; этимъ сразу былъ внесенъ соблазнъ и расколъ въ среду членовъ комитета, ибо, получившіе хорошо оплачиваемыя и интересныя мѣста и, такимъ образомъ, удовлетворенные — перестали играть роль

оппозиціи по отношенію къ генералъ-губернаторству, расформированія котораго они прежде весьма рьяно домогались; прочіе же, видя такой примѣръ, также поколебались въ своей тактикѣ.

Когда же прибыли, наконецъ, комиссары, когда закончилось переформированіе (а во многихъ случахъ — просто переименованіе) уѣздной администраціи и возстановилась ослабѣвшая было связь съ мѣстами, я почувствовалъ себя значительно тверже. Пользуясь распоряженіемъ штаба фронта о томъ, чтобы строевые офицеры не занимали тыловыхъ должностей, я избавился отъ самочинныхъ комиссаровъ, поставленныхъ проходящими маршевыми ротами, просто не возбудивъ ходатайства объ ихъ оставленіи, въ качествѣ «необходимыхъ лицъ» и они, автоматически, были откомандированы въ свои части.

Поддерживая наиболѣе ретивыхъ членовъ исполнительнаго комитета въ убѣжденіи, что они, при имѣющихъ наступить реформахъ управленія краемъ, получатъ достойныя ихъ заслугъ и высокихъ личныхъ качествъ мѣста и, время отъ времени, выдавая комитету небольшія денежныя субсидіи (своихъ средствъ онъ, какъ учрежденіе самочинное и, потому, лишенное штатовъ, не имѣлъ), я держалъ его въ такомъ состояніи, что онъ ограничивался лишь мелкими пакостями, не особенно мѣшавшими мнѣ и моимъ сотрудникамъ въ работѣ. Когда же началась распря между армейскимъ и гарнизоннымъ съ исполнительнымъ комитетами, то я принялъ передъ лицомъ высшаго командованія сторону перваго, чѣмъ еще болѣе ослабился размахъ претензій заправилъ исполнительнаго комитета. Высшее командованіе, однако, какъ я убѣдился, держало въ отношеніи меня и комитетовъ своего рода нейтралитетъ: ты, молъ, самъ — комиссаръ революціоннаго правительства, слѣдовательно одного съ ними поля ягода, такъ и распутывайся самъ, какъ знаешь, со своими комитетами. Можетъ быть, со своей точки зрѣнія, оно было право...

Въ началѣ мая 1917 года, когда я прибылъ въ Черновцы, развалъ арміи на фронтѣ, хотя еще не достигъ той степени, какъ въ тылу, но все же ясно давалъ себя чувствовать съ перваго же взгляда. Въ верхахъ командного состава шла непрерывная перетасовка; десятки генераловъ увольнялись въ запасъ; назначенія смѣнялись одно другимъ съ молніеносной быстротой. Говорили, что Брусиловъ хочетъ освѣжить и омолодить командный составъ.

Когда я пріѣхалъ въ Каменецъ, начальникомъ штаба былъ ген. Сухомлинъ, а генералъ-квартирмейстеромъ, ген. Духонинъ. Не прошло двухъ недѣль, какъ Брусиловъ сталъ верховнымъ главнокомандующимъ, его мѣсто занялъ ген. Гуторъ; Сухомлинъ ушелъ, начальникомъ штаба сдѣлался Духонинъ, а генералъ-квартирмейстеромъ — Раттель. Въ іюлѣ послѣдовали новыя перемѣны. Въ качествѣ командующаго 8-ой арміей я засталъ въ Черновцахъ ген. Каледина. Я поѣхалъ къ нему съ визитомъ и только началъ говорить о

дѣлахъ, какъ Калединъ замѣтилъ, что онъ уходитъ, а на его мѣсто назначается ген. Корниловъ.

Командующіе арміями, корпусами, не говоря уже о дивизіяхъ, смѣнялись какъ въ калейдоскопѣ и, начавъ дѣловыя сношенія съ однимъ лицомъ, никогда нельзя было быть увѣреннымъ, что продолжать ихъ доведется съ тѣмъ же самымъ лицомъ. Воинскія части не успѣвали привыкнуть къ своимъ начальникамъ, а тѣ — познакомиться съ подчиненными имъ частями. При такихъ условіяхъ шла дѣятельная подготовка къ наступленію. Подвозились снаряды, амуниція, шла перегруппировка частей. Надѣялись, что наступленіе увлечетъ армію, расчитывали, что разумными уговорами и пламенными рѣчами можно возбудить въ ней угасшій боевой духъ, дисциплину и чувство воинскаго долга.

VI.

Немного освоившись съ черновицкими дѣлами, я поѣхалъ въ Тарнополь — мѣстопребываніе галиційскаго губернатора, а теперь — губернскаго комиссара. И. Н. Красковскій еще не прибылъ, а, тѣмъ временемъ, мѣстный гарнизонный совѣтъ уже закусилъ удила. Я успѣлъ уже получить отъ него слѣдующую телеграмму: «Для гарнизоннаго совѣта необходимъ автомобиль; расчитываемъ на одинъ изъ автомобилей генералъ-губернаторства; просимъ немедленно выслать».

На это я отвѣтилъ: «Расчеты ваши неосновательны; автомобили генералъ-губернаторства необходимы областному комиссаріату для служебныхъ надобностей и, какъ казенное имущество, никому не могутъ быть уступаемы».

На этомъ пока нашъ обмѣнъ «нотами» и прекратился. Прибывъ въ Тарнополь и ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ губернаторствѣ, я отправился въ гарнизонный совѣтъ. Его я засталъ въ полномъ сборѣ и, какъ бы, приготовившемся для моей встрѣчи. Составъ его совершенно отличался отъ черновицкаго: тамъ почти поголовно засѣдали интеллигенты — офицеры, врачи, фельдшера, чиновники, сотрудники союзовъ; единственный нижній чинъ, нѣкій ефрейторъ, Шалитъ и тотъ оказался разжалованнымъ изъ офицерскихъ чиновъ; здѣсь же, въ Тарнополѣ, совѣтъ состоялъ изъ однихъ солдатъ, человѣкъ 25—30, самыхъ обыкновенныхъ сѣрыхъ солдатъ; кромѣ нихъ, былъ полковникъ, графъ Ржевусскій и одинъ военный фельдшеръ. Графъ Ржевусскій былъ человѣкъ уже немолодой, онъ состоялъ офицеромъ для порученій при тарнопольскомъ губернаторѣ. Онъ весь былъ увѣшанъ красными бантами, словно сибирскій шаманъ: на фуражкѣ — красная кокарда, на плечѣ и груди — по банту, на рукавѣ — красная повязка, однимъ словомъ — «правовѣрный революціонеръ».

Повидимому, по порученію совѣта, онъ привѣтствовалъ меня рѣчью, необычайно напыщенной и льстивой, произнесенной съ необычайнымъ пафосомъ и театральными жестами.

Сначала мнѣ сдѣлалось неловко, но, когда я поглядѣлъ на лица солдатъ, засѣдавшихъ въ собраніи, серьезныя и напряженныя, видимо, смотрѣвшія и на рѣчь, и на всю эту обстановку, какъ на какой-то необходимый ритуалъ — я попросилъ слова и, стараясь выражаться возможно проще и понятнѣе, объяснилъ имъ задачи новой власти въ оккупированномъ краѣ: не ослабляя силы арміи и стараясь всѣми средствами помочь ей исполнить свой долгъ и свои задачи — облегчить положеніе единокровнаго намъ населенія завоеванныхъ областей, дать и ему почувствовать преимущество новаго свободнаго режима обновленной Россіи.

Опять всталъ графъ Ржевусскій и, въ еще болѣе вычурныхъ и нелѣпыхъ выраженіяхъ, сталъ изъявлять мнѣ похвалы. На этомъ церемонія кончилась и я увидѣлъ, что съ тарнопольскимъ совѣтомъ И. И. Красковскому не будетъ большихъ затрудненій. Такъ оно потомъ и было. Лишь «красный графъ», по наслѣдству доставшійся Красковскому, надоѣдалъ ему своимъ раболѣпствомъ и аффишированной революціонностью. Позже Красковскій разсказывалъ мнѣ, что когда въ Тарнополь пріѣхалъ Керенскій, то графъ Ржевусскій при всѣхъ, на площади, поцѣловалъ ему руку, заявивъ, что въ его лицѣ родовая знать цѣлуетъ руку революціонной демократіи. Впослѣдствіи, въ 1918 году, я видалъ графа Ржевусскаго въ Кіевѣ, прогуливающимся въ польской военной формѣ. Кому-то и отъ чьего имени цѣлуетъ онъ теперь руки?

Вскорѣ послѣ меня пріѣхалъ И. И. Красковскій и вступилъ въ управленіе губерніей. Дѣла скоро наладились, администрація и милиція были приведены въ порядокъ.

Въ губернаторскомъ управленіи въ Тарнополѣ И. И. Красковскій почти всѣхъ служащихъ оставилъ на мѣстахъ. При этомъ выяснилось, что прежній губернаторъ, г. Ч—ій, былъ большой любитель пѣнія и въ составъ служащихъ своей канцеляріи принималъ исключительно людей съ хорошими голосами. Онъ любилъ устраивать пріемы, на которыхъ выступали съ номерами пѣнія его подчиненные. Справедливость требуетъ признать, что большинство пѣвцовъ оказалось и недурными чиновниками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ И. И. Красковскій оставилъ на службѣ и старыхъ чиновъ полиціи, напримѣръ, въ городѣ Станиславовѣ, лежавшемъ на самой фронтовой линіи и находившемся въ теченіе около года подъ непрерывнымъ непріятельскимъ обстрѣломъ. Служба здѣсь была тяжела и опасна. Между тѣмъ, какъ И. И. Красковскій лично убѣдился, всѣ служащіе прекрасно, часто даже съ полнымъ самоотверженіемъ, исполняли свои обязанности; смотрѣть имъ было не за чѣмъ, да и замѣнить ихъ кѣмъ-либо другимъ было трудно. Изъ-за этого вышли большія непріятности съ самимъ фронтовымъ комитетомъ, приславшимъ мнѣ телеграмму, что вотъ, дескать, «въ городѣ Станиславовѣ контръ-революція: старорежимная полиція — на мѣстахъ». И мнѣ пришлось спеціально ѣхать въ Каменецъ и, въ пространной

рѣчи, передъ лицомъ грознаго ареопага объясняться и оправдываться. Мои резоны были комитетомъ приняты во вниманіе, но меня просили, все-таки, «при первой возможности» уволить злополучныхъ станиславовскихъ полицейскихъ.

Прошло двѣ-три недѣли, пріѣхали уже всѣ новые комиссары, начиная съ губернскихъ, административный аппаратъ понемногу во всемъ краѣ вновь наладился и сталъ дѣйствовать. Къ населенію были выпущены обращенія, гдѣ разъяснялось отношеніе къ нему новой власти и оповѣщалось, что будутъ организованы особые совѣты изъ представителей самаго населенія и этимъ совѣтамъ и ихъ исполнительнымъ органамъ будетъ передано веденіе хозяйственныхъ и культурныхъ дѣлъ страны. Эти обращенія, напечатанныя для Галиціи на трехъ языкахъ — русскомъ, украинскомъ и польскомъ, а для Буковины даже на пяти — русскомъ, украинскомъ, нѣмецкомъ, румынскомъ и польскомъ — эти большіе зеленые плакаты запестрѣли по всѣмъ городамъ и селамъ оккупированнаго края. Онѣ произвели свое дѣйствіе, какъ я уже позже узналъ и по ту сторону фронта: ихъ перепечатывали нѣмецкія и другія газеты, а среди населенія той части Галиціи, которая была занята австрійцами, возникало большое раздумье: куда, собственно, тяготѣть — къ «своей» ли старой Австріи, съ ея Тайлергофами, системой національныхъ преслѣдованій слабѣйшаго сильнѣйшимъ, наконецъ, съ ноябрьскимъ указомъ 1916 года о дарованіи Галиціи полной автономіи безъ раздѣленія на украинскую и польскую части, указомъ, который похоронилъ всѣ надежды и чаянія украинцевъ, или же — къ «свободной Украйнѣ въ свободной Россіи».

За нѣсколько мѣсяцевъ существованія новой администраціи въ Галиціи и Буковинѣ, при возраставшемъ со дня на день развалѣ русской арміи, закончившемся опустошительнымъ для страны отступленіемъ этой арміи въ концѣ лѣта 1917 года, нельзя было сдѣлать для измученнаго края ничего особеннаго, что бы существенно измѣнило къ лучшему его положеніе; просто и времени для этого не хватило. Но уже одно то, что управляли краемъ люди, которые искренно входили въ положеніе населенія, стремились ему помочь, защитить отъ притѣсненій, это было понято и оцѣнено населеніемъ по обѣимъ сторонамъ фронта. Мнѣ передавали потомъ, что, однажды, во время аудіэнціи Карла группѣ парламентскихъ депутатовъ изъ Галиціи, Императоръ обратился къ одному изъ нихъ, избранному въ свое время уѣздомъ, который былъ теперь въ нашихъ рукахъ — со словами соболѣзнованія: «а вашъ округъ все еще томится подъ русской оккупаціей?» «Нѣтъ, Ваше Величество», возразилъ депутатъ — «не томится: тамъ теперь украинская администрація очень заботится о населеніи и оно отдыхаетъ отъ ужасовъ войны»...

Вообще, въ теченіе іюня-іюля, руссофильское настроеніе «зарубежной» Галиціи сильно возросло подъ вліяніемъ слуховъ о, якобы, наступившемъ благоденствіи той части, кото-

рая была занята русской арміей. Къ моменту нашего наступленія — а его ожидали по ту сторону фронта — населеніе прифронтовой полосы уже не собиралось бѣжать; оно ждало нашего наступленія, какъ настоящаго, уже на этотъ разъ, освобожденія. Нужны были ужасы Калиша, Галича и Тарнополя, чтобы его разочаровать — но объ этомъ дальше...

Въ сущности, при всемъ нашемъ желаніи, чтобы положеніе населенія, дѣйствительно, облегчилось, чтобы тѣ шумныя обѣщанія, которыя заключались въ моемъ обращеніи къ населенію — были исполнены, до этого было далеко. Главнымъ препятствіемъ была «революціонная армія». Прежде господствовала дисциплина и случаи мародерства, насилія, самоуправства, все-таки, такъ или иначе, преслѣдовались и карались. Теперь — дисциплина была отмѣнена; командная власть была лишена возможности преслѣдовать преступленія, наказывать или подтягивать. А солдатская масса держалась того взгляда, что «мы, молъ, васъ завоевали, покорили, такъ вы намъ и повинуйтесь, дѣлайте то, что намъ угодно».

Съ такимъ пониманіемъ отношеній къ населенію мнѣ постоянно приходилось сталкиваться въ разныхъ солдатскихъ совѣтахъ и комитетахъ. Очень трудно было растолковать, что провозглашенныя революціей свободы обязываютъ, что въ отношеніи Галиціи надо проводить политику привлеченія къ себѣ, а не застращиванія и угнетенія, ибо это единокровная съ нами страна. Съ солдатами-уроженцами юга, было въ этомъ отношеніи неизмѣримо легче: имъ просто стоило только указать или напомнить, что это, вѣдь, свои люди, наши же земляки-украинцы; но, для разноплеменной россійской арміи, для какихъ-нибудь казанцевъ или вятичей, этотъ аргументъ не существовалъ.

Не говоря уже о тѣхъ безобразіяхъ, которыя творила разнузданная солдатская масса надъ беззащитнымъ населеніемъ — о насиліяхъ надъ женщинами, о грабежѣ, о безсмысленномъ уничтоженіи садовъ, огородовъ, посѣвовъ — совершавшемся отдѣльными солдатами или группами, каждый день ко всѣмъ нашимъ комиссарамъ и ко мнѣ поступали жалобы на дѣйствія солдатскихъ комитетовъ. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ комитетъ рѣшилъ, что очищеніе одного лѣса, служившаго передъ тѣмъ позиціей, отъ остатковъ снарядовъ и колючихъ загражденій должны произвести не саперы, а жители ближайшаго села. Саперы снабжены специальными приспособленіями, обучены разряжанію снарядовъ; у крестьянъ ничего нѣтъ и вотъ, въ результатѣ такой принудительной очистки, получились десятки раненныхъ разорвавшимися снарядами, колючей проволокой и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ комитетъ потребовалъ, чтобы на подобную работу были согнаны непремѣнно женщины. Но послѣ того, какъ, дѣйствительно, согнаннымъ женщинамъ, спасая себя, пришлось провести ночь на вѣтвяхъ деревьевъ, стало понятно, почему комитетъ требовалъ именно женщинъ, а не мужиковъ.

Нашей администраціи, сплошь и рядомъ, приходилось выступать въ роли защитниковъ отъ собственнаго воинства. Вообще, галиційскому (преимущественно — сельскому) населенію, во время нашей оккупаціи, при всѣхъ ея формахъ, приходилось играть роль какихъ-то государственныхъ рабовъ, илотовъ; надъ нимъ тяготѣли всевозможныя повинности принудительнаго характера: починка дорогъ, закапываніе окоповъ, рубка лѣса, подводная повинность, постоянныя реквизиціи — хлѣба, скота и т. д. Конечно, пока это еще совершается при извѣстной закономѣрности, въ порядкѣ, съ этимъ поневолѣ, кое-какъ, приходится мириться: на то — война. Но, когда все это стало совершаться уже въ полномъ безпорядкѣ, при полнимъ произволѣ, тогда положеніе населенія стало нестерпимымъ.

А реквизиціи! Сколько пришлось мнѣ воевать изъ-за нихъ. Я засталъ такой порядокъ, что дѣло реквизицій хлѣба, травы и скота, находилось, главнымъ образомъ, въ рукахъ уполномоченнаго Министерства Земледѣлія, г. Гр-ка. Онъ производилъ мѣстныя заготовки для арміи. Между тѣмъ, П. К. Линниченко уже составилъ проектъ упраздненія «Минзема» (такъ сокращенно называлось учрежденіе г. Гр-ка) и замѣны его «Галицко-буковинскимъ продовольственнымъ комитетомъ»; этотъ проектъ былъ одобренъ въ Петроградѣ; предполагалось, что во главѣ комитета, организованнаго по типу такихъ же комитетовъ въ Россіи, станетъ самъ П. К. Линниченко. Канцелярская волокита, какъ всегда, затянулась а, тѣмъ временемъ, враги реформы и, прежде всего, самъ г. Гр-ка, энергично дѣйствовали. Имъ надо было доказать, что съ передачей дѣла въ руки новаго учрежденія пострадаютъ интересы арміи. Надо было дискредитировать въ этомъ отношеніи новую администрацію и областной комиссаріатъ, сочувствовавшій реформѣ. Система была избрана провокаціонная.

Составъ управленія г. Гр-ка состоялъ, въ значительной степени, изъ лицъ, спасавшихся въ учрежденіи, работавшемъ на оборону, отъ фронтовой службы. Здѣсь же пристроились и нѣкоторые изъ бывшихъ уѣздныхъ начальниковъ, которыхъ я не счелъ возможнымъ оставить на службѣ ввиду ихъ индивидуальныхъ качествъ. Эти люди, конечно, особенно злопыхательствовали противъ новой власти, новыхъ порядковъ. Вся эта компанія, вдругъ, съ необычайнымъ усердіемъ принялась выколачивать изъ населенія, путемъ реквизицій, всякіе запасы, нарушая при этомъ самымъ безбожнымъ образомъ всѣ предписанія и нормы. Такъ, напримѣръ, существовали у насъ оффиціальныя правила, что у жителей горныхъ уѣздовъ, почти не занимающихся хлѣбопашествомъ, нельзя реквизировать болѣе 50% скота, ибо у гуцуловъ скотъ — все достояніе. А тутъ стали брать 75—80%, а то и поголовно. И такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Конечно, посыпались жалобы уѣзднымъ комиссарамъ. Тѣ вступались за обиженныхъ. Тогда полетѣли теле-

граммы въ штабъ фронта, что, дескать, новая администрація, потакая австрійскиму насенію препятствуетъ снабженію арміи.

Главный начальникъ снабженій юго-западнаго фронта, генералъ Эльснеръ, взялъ во всей этой исторіи сторону г. Гр-ка. Нѣсколько разъ я писалъ ему и посылалъ пространныя телеграммы, въ которыхъ объяснялъ отдѣльные инциденты, показывалъ всѣ правонарушенія агентовъ «Минзена», ихъ провокаціонную дѣятельность; но все это не помогало и, въ одинъ прекрасный день, я получилъ длинную телеграмму отъ генерала Эльснера, въ которой онъ извѣщалъ меня, что «такъ какъ случаи препятствованія со стороны уѣздныхъ комиссаровъ дѣлу снабженія арміи, защищающей родину и революцію, не прекращаются, то онъ, генералъ Эльснеръ, вынужденъ будетъ въ дальнѣйшемъ просить главнокомандующаго объ арестѣ и преданіи суду виновныхъ комиссаровъ».

Дѣло переносилось въ ту плоскость, въ которой усердно работали нѣкоторыя лица, представляя меня въ штабѣ, вообще, чуть ли не агентомъ австро-германскаго командованія.

При такихъ обстоятельствахъ, я рѣшилъ обратиться непосредственно къ новому военному министру — А. Ф. Керенскому, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшему на фронтъ ренскому, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшему на фронтъ въ Галицію, гдѣ подготовлялось наступленіе русскихъ войскъ.

Получивъ телеграмму генерала Эльснера, я, въ автомобилѣ, поѣхалъ въ Тарнополь, гдѣ ко мнѣ присоединился И. И. Красковскій и мы направились къ позиціямъ, за м. Козову, гдѣ находился поѣздъ главнокомандующаго и гдѣ стоялъ также и поѣздъ Керенскаго.

Отъ Тарнополя до Козовы верстъ 40. Уже совсѣмъ смеркло, когда мы по отчаянной, разбитой дорогѣ объѣхали небольшое мѣстечко Козову и добрались до узкой лощины, поросшей кустами; на днѣ ея была проложена желѣзно-дорожная вѣтка и тамъ стоялъ поѣздъ «главкоюза», ген. Гутора. Гуторъ былъ боевой генералъ; онъ мало занимался въ своей ставкѣ, въ Каменцѣ, а большую часть времени проводилъ на самомъ фронтѣ. Я уже былъ знакомъ съ ген. Гуторомъ, но меня освѣдомилъ мой пріятель, С. А. Базаровъ, что новый «главкоюзъ» нерасположенъ ко мнѣ, ибо его уже успѣли настроить соотвѣтствующимъ образомъ. Въ штабѣ оставалось еще нѣсколько человѣкъ изъ прежняго гражданскаго управленія при главнокомандующемъ. Въ глазахъ этихъ дѣятелей стараго направленія русской политики въ Галиціи, я являлся, какъ бы, олицетвореніемъ «мазепинства» и они, не стѣсняясь, вели противъ меня отчаянную агитацію. А г. Б-чъ позволилъ себѣ открыто утверждать въ вагонѣ-столовой поѣзда главнокомандующаго, что я не болѣе и не менѣе, какъ агентъ германскаго штаба. Объ этомъ случаѣ было доведено до моего свѣдѣнія и мнѣ пришлось обратиться къ военному прокурору. Было начато дѣло и не знаю, какой бы оно приняло оборотъ, но г. Б-чъ вскорѣ былъ арестованъ. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Подобные господа воспользовались смѣной командованія, чтобы освѣтить мою дѣятельность передъ новымъ «главкоюзомъ», Гуторомъ, новымъ начальникомъ штаба, ген. Духонинымъ, и новымъ генералъ-квартирмейстеромъ, Раттелемъ — какъ, безусловно, опаснаго для интересовъ арміи человѣка.

Когда я явился къ ген. Гутору, онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно холодно, принялъ меня не отдѣльно, а въ присутствіи одного старенькаго генерала, бывшаго у него съ какими то докладами (это былъ, какъ оказалось, генералъ Глинскій, тотъ, назначенія котораго начальникомъ Кіевскаго военнаго округа добивалась, въ свое время, Центральная Рада) и, вынувъ часы и положивъ передъ собой на столъ сказалъ мнѣ: «даю вамъ въ распоряженіе десять минутъ».

Мнѣ предстояло изложить передъ главнокомандующимъ мое profession de foi и сдѣлать это такимъ образомъ, чтобы въ немъ заключалось и опроверженіе всѣхъ возводимыхъ на меня клеветъ и небылицъ. Я началъ говорить и, вѣроятно, съ большимъ жаромъ; Гуторъ меня не перебивалъ, я говорилъ около трехъ четвертей часа и, когда я уходилъ, то Гуторъ, видимо, немного смягчился.

Отъ Гутора я, по очереди, пошелъ къ Духонину и Раттелю и тоже, въ пространныхъ рѣчахъ, объяснялъ имъ мою программу въ Галиціи, мой взглядъ на задачи русской политики въ оккупированномъ краѣ, старался выяснить національныя взаимоотношенія въ краѣ и вытекающія изъ нихъ для насъ задачи. Не думаю, чтобы я убѣдилъ обоихъ генераловъ, но, по крайней мѣрѣ, разсѣялъ у нихъ наиболѣе дикія и фантастическія представленія о моей дѣятельности, сложившіяся въ ихъ головахъ подъ вліяніемъ агитаціи разныхъ лицъ. Такое у меня осталось впечатлѣніе послѣ моихъ съ ними бесѣдъ.

Теперь, когда противъ меня былъ пущенъ такой опасный снарядъ, какъ телеграмма ген. Эльснера, я не разсчитывалъ, что не встрѣчу со стороны ген. Гутора и его штаба ни защиты, ни, даже, просто пониманія. Поэтому, минуя ихъ и совершая, такимъ образомъ, нарушеніе дисциплины, я обратился прямо къ военному министру. Другого выхода я не видѣлъ. Проѣхавъ мимо поѣзда главнокомандующаго, мы съ И. И. Красковскимъ поѣхали немного дальше и, въ верстахъ 2—3 отъ него, нашли поѣздъ Керенскаго. Было уже темно и молодой адъютантъ, въ которомъ я узналъ одного изъ тѣхъ офицеровъ, которые неизмѣнно сопровождали Керенскаго въ Петроградѣ, когда онъ былъ еще министромъ юстиціи, сообщилъ, что министръ ужинаетъ и попросилъ насъ подождать въ сосѣднемъ салонъ-вагонѣ.

Черезъ четверть часа Керенскій вышелъ къ намъ. Теперь онъ былъ уже въ полу-военномъ платьѣ, въ френчѣ и высокихъ сапогахъ. Онъ встрѣтилъ насъ очень привѣтливо, какъ старыхъ знакомыхъ, съ которыми пришлось теперь свидѣться при такой необычной обстановкѣ и мы, одинъ за другимъ, изложили наши мысли. Здѣсь говорить было

легче, ибо чувствовалось, что имѣешь передъ собой человѣка не предубѣжденнаго уже заранѣе, понимающаго вещи просто, безъ подозрѣнія въ какихъ то заднихъ мысляхъ, а главное — вѣрившаго намъ обоимъ.

Мы очень подробно выяснили передъ Керенскимъ положеніе вещей въ краѣ, разсказали исторію съ «минземомъ» и происками г. Гр-ка, показали текстъ полученной мною отъ Эльснера телеграммы и просили повліять на штабъ въ томъ смыслѣ, чтобы тамъ перестали видѣть въ новой администраціи, облеченной довѣріемъ правительства, какихъ то измѣнниковъ и предателей. Керенскій внимательно насъ выслушалъ, задалъ нѣсколько вопросовъ, поговорилъ, потомъ, о нѣкоторыхъ нашихъ общихъ знакомыхъ, успокаивалъ насъ, когда мы нѣсколько взволнованно разсказывали о своихъ невзгодахъ и, наконецъ, отпустилъ насъ, сказавъ, что еще сегодня поговоритъ съ ген. Гуторомъ. Онъ просилъ насъ, однако, сейчасъ же отправиться къ ген. Гутору и поговорить также съ нимъ, обѣщавъ, что предупредитъ его по телефону и попроситъ насъ принять, несмотря на поздній часъ.

Мы такъ и сдѣлали. Часовъ около одинадцати вечера мы были въ вагонѣ ген. Гутора. Къ этому времени на позиціяхъ, вдругъ, началась оживленная орудійная стрѣльба. Подъ гроходъ орудій мы вели бесѣду съ ген. Гуторомъ. Онъ былъ оффиціально вѣжливъ, общихъ вопросовъ мы не казались, даже не говорили о телеграммѣ ген. Эльснера — а такъ, просто, о текущихъ мелочахъ.

Около полуночи мы откланялись, а скоро, затѣмъ, какъ мнѣ передавали, пріѣхалъ къ Гутору Керенскій и они бесѣдовали до трехъ часовъ ночи. Содержаніе ихъ разговора осталось для меня неизвѣстнымъ, но придирки ко мнѣ, со стороны штаба, прекратились и, когда я, вскорѣ послѣ этого, попалъ, какъ-то, въ Каменцѣ на прощальный обѣдъ, дававшійся въ столовой штаба одному переводившемуся на другой фронтъ генералу, то ген. Эльснеръ подсѣлъ ко мнѣ и, во все время обѣда, былъ крайне любезенъ.

VII.

Между тѣмъ, въ тылу, въ глубинѣ Украины, происходили большія событія. Въ связи съ разваломъ русской государственности, національное движеніе разросталось съ необычайной быстротой; въ Кіевѣ, въ теченіе мая и іюня, одинъ за другимъ, состоялись всеукраинскіе съѣзды — крестьянскій, рабочихъ организацій, войсковой. Въ то время, когда Временное Правительство теряло почву подъ ногами, центральная Рада опредѣленно уже чувствовала подъ собой крѣпкую основу и сочувствіе очень широкихъ круговъ населенія. Она уже фактически становилась украинскимъ парламентомъ. Представители не украинской «революціонной демократіи» въ странѣ (кадеты, меньшевики, эсеры), сначала яростно пробовали бороться съ украинскимъ движеніемъ и

выставленнымъ его руководителями лозунгомъ территоріальной автономіи, но, видя, что это имъ не удается, скрѣпя сердце, сами вошли въ составъ Центральной Рады, какъ представители «національныхъ меньшинствъ».

Самымъ импонирующимъ явленіемъ въ развитіи украинскаго движенія было національное движеніе среди арміи и стремленіе къ т. н. украинизаціи ея. Это было совершенно естественное и здоровое движеніе, которое, однако, не привело къ дѣйствительному созданію благодаря неумѣнію и неспособности самихъ руководителей. Вмѣсто того, чтобы поставить дѣло на твердую національно-историческую почву, использовать всѣ здоровые элементы арміи сверху до низу, организовывать дѣло на основахъ твердаго порядка и дисциплины — руководители, въ большинствѣ совсѣмъ юные люди, молодые прапорщики, или же военные чиновники, вели дѣло со всѣми пріемами дешевой демагогіи и сами же подрывали организацію арміи тѣмъ, что вносили въ нее разъединяющіе соціальные лозунги, а, главное — обнаружили полное отсутствіе дѣйствительнаго патріотизма и идеалистическаго увлеченія, необходимаго въ такомъ дѣлѣ: какъ всегда, всплыли на верхъ различные искатели приключеній и, просто, карьеристы, которые заботились, прежде всего, о себѣ. Къ тому же всѣхъ заѣдалъ страхъ передъ «контръ-революціей», во имя котораго не давали ходу дѣйствительно знающимъ, боевымъ генераламъ и офицерамъ, а отдавали высокіе, отвѣтственные посты въ руки прапорщиковъ или нестроевыхъ офицеровъ. Съ другой стороны и неукраинская «революціонная демократія», съ пѣной у рта, набросилась на эту украинизацію, совершенно не понимая и не учитывая того обстоятельства, что, при неудержимо развивавшемся процессѣ разложенія русской арміи, только здоровое національное чувство могло сохранить хоть часть ея отъ окончательной гибели и, въ формѣ территоріальной мѣстной арміи, получить силу, которая продолжала бы борьбу на фронтѣ и явилась бы опорой командованія при борьбѣ съ большевистской пропагандой.

Наиболѣе ожесточеннымъ противникомъ украинизаціи явился начальникъ кіевскаго военнаго округа, полковникъ К. М. Оберучевъ, лично очень порядочный и честный человѣкъ, но, удивительно, упрямый, стремившійся самымъ искреннимъ образомъ къ поддержанію порядка въ арміи и ея боеспособности, но, своими неумѣлыми и въ высшей степени бестактными дѣйствіями, какъ никто способствовавшій разложенію и гибели арміи.

До насъ на фронтъ долетали лишь отголоски того, что происходило въ Кіевѣ. Я, хотя и числился самъ членомъ Центральной Рады, но, поглощенный совершенно галицко-буковинскими дѣлами, совсѣмъ отошелъ отъ ея дѣятельности и о томъ, что дѣлалось въ Кіевѣ, узнавалъ, по большей части, лишь изъ газетъ. Съ половины іюня украинизація стала ощущаться на фронтѣ въ формахъ самыхъ благотворныхъ для поддержки духа и боеспособности фронта.

Эти свѣжія украинизированныя части первыми пошли въ наступленіе, приняли на себя первый ударъ непріятеля и десятки тысячъ сыновъ Украины полегли въ началѣ наступленія, обезпечивъ своимъ порывомъ его первоначальный успѣхъ.

Наступленіе дѣятельно подготовлялось. По фронту разъѣзжали комиссары и произносили рѣчи на тему о необходимости наступать, сокрушить врага и этимъ «закрѣпить завоеванія революціи».

Въ Черновцы пріѣхалъ комиссаръ 8-ой арміи, поручикъ Филоненко и обратился ко мнѣ съ просьбой пустить его и его «свиту» на одну ночь въ небольшой домъ — особнякъ, находившійся рядомъ съ тѣмъ домомъ, гдѣ я жилъ. Этотъ домъ я держалъ на случай пріѣзда въ Черновцы по дѣламъ службы нашихъ комиссаровъ. Домъ былъ чистенькій, вся мебель и бѣлье въ цѣлости и, для наблюденія за дальнѣйшей сохранностью дома, я попросилъ поселиться въ одной изъ комнатъ моего секретаря, г. П-го, пріѣхавшаго со мной изъ Кіева. Я согласился, чтобы компанія г. Филоненко, состоявшая изъ 8—10 человѣкъ, по большей части, солдатъ, переночевала, хотя мнѣ и жаль было дома. Конечно, остановившись «на одну ночь», вся эта братія такъ тамъ и застряла и выселить ее уже не было возможности. Домъ скоро загадили до неузнаваемости, а, когда, въ связи съ ожидавшимся съ часу на часъ наступленіемъ, штабъ арміи передвинулся впередъ, въ Коломыю, то и г. Филоненко снялся съ мѣста со своими помощниками.

На другой день утромъ господинъ П—кій прибѣжалъ ко мнѣ и сообщилъ, что почтенный комиссаръ 8-ой арміи, уѣзжая, захватилъ съ собой не только всѣ чужія подушки и одѣяла, бывшія въ домѣ, но его спутники даже срѣзали и увезли плотныя матерчатыя гардины, висѣвшія въ домѣ. Я сейчасъ телеграфировалъ въ догонку господину Филоненку, прося возвратить взятыя «по ошибкѣ» чужія вещи, но отвѣта не получилъ. Впослѣдствіи, этотъ Филоненко получилъ печальную извѣстность въ связи съ исторіей ген. Корнилова.

Наконецъ, наступленіе началось. Какъ извѣстно, оно было вначалѣ успѣшно. Послѣ ужасающей канонады, совершенно разрушившей непріятельскіе окопы, войска бросились впередъ и продвинулись верстъ на 30—40, захвативъ города Галичъ и Калушъ. Но, въ Калушѣ, немедленно былъ произведенъ ужасающій погромъ мѣстнаго населенія, исключительно украинцевъ и евреевъ — поляковъ не трогали. Погромомъ руководила чья-то опытная рука, указывавшая спеціально мѣстныя украинскія культурно-просвѣтительныя учрежденія. Польскія — остались невредимы. Впослѣдствіи, путемъ разслѣдованія и личнаго опроса бѣженцевъ изъ Калуша, было установлено, что погромъ былъ подготовленъ группой лицъ, издавна свившихъ себѣ гнѣздо при армейскихъ учрежденіяхъ. Губернскій комиссаръ Галиціи, Красковскій, при первыхъ свѣдѣніяхъ о творящемся въ Калушѣ,

полетѣлъ туда, бросился унимать громилъ, проявилъ необычайную смѣлость и самоотверженность, но ничего подѣлать не могъ: солдаты были пьяны, офицеры отъ нихъ прятались, австрійцы же жестоко обстрѣливали городъ и, вотъ-вотъ, готовы были ворваться въ Калушъ, что и случилось. Красковскій самъ едва успѣлъ выбраться изъ города подъ убійственнымъ огнемъ.

Въ моментъ начала наступленія, я былъ въ городѣ Бучачѣ, гдѣ находился штабъ 8-ой арміи и, какъ только русскія войска заняли Галичъ и Калушъ, я поѣхалъ туда черезъ Станиславовъ, спѣша поскорѣе ввести въ новозанятыхъ уѣздахъ наше административное управленіе. Отъ Станиславова до Галича, какихъ-нибудь, 28—30 верстъ. Ѣхать пришлось по только что захваченнымъ позиціямъ и ближайшему тылу непріятеля. Все носило слѣды ужаснаго разрушенія. Дѣйствіе русской артиллеріи было, по-истинѣ, ужасающе. Повсюду валялись неубранные трупы; два дня подъ рядъ шелъ дождь и все смѣшалось въ одну грязную массу, изъ которой торчали бревна — остатки разрушенныхъ укрѣпленій, желѣзные щиты, а порой и человѣческія тѣла. Безъ того разбитое шоссе обратилось въ какой-то кисель, по которому, съ большимъ трудомъ, продвигался автомобиль. Навстрѣчу попадались войсковыя повозки и отдѣльно ѣдущіе верховые. Наконецъ, среди деревьевъ мелькнулъ слѣва высокій холмъ, а на немъ каменныя развалины. Это и есть знаменитый Галичъ, когда-то столица могущественныхъ галицко-владимірскихъ князей — это ихъ замокъ на горѣ. Я не утерпѣлъ и слѣзъ съ автомобиля посмотрѣть остатки былого величія галицкой земли. Среди руинъ, на свободныхъ площадяхъ — грядки съ картофелемъ и прочей огородной зеленью: это стоявшіе здѣсь нѣмцы развели свои огороды. Внизу, у подножья холма, съ остатками замка расположился нынѣшній Галичъ и сверкала возлѣ серебряная полоса Днѣстра. Городъ былъ почти весь разрушенъ и пустъ. Населеніе разбѣжалось, или попряталось.

Я проѣхалъ въ близь лежащее село, Залухву, бывшее когда-то предмѣстьемъ Галича въ княжескія времена. Я хотѣлъ повидать кого-нибудь изъ мѣстныхъ людей, только что перешедшихъ къ намъ изъ-подъ австрійской власти. И точно — въ селѣ Залухвѣ я засталъ мѣстнаго священника, о. М—ка. Его домъ былъ набитъ русскими солдатами и старенькій батюшка ютился со всей семьей въ одной, оставленной ему, комнаткѣ. Узнавъ кто я, онъ очень обрадовался и сейчасъ-же далъ мнѣ послѣдніе номера украинскихъ газетъ, выходящихъ во Львовѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, какія настроенія были у нихъ по ту сторону боевой линіи, какъ ждали нашего наступленія, но теперь, кажется, приходится разочароваться... Старикъ горько жаловался, какъ его оскорбляли, толкали кулаками въ грудь солдаты, требовали денегъ, какъ громили лавки и частные дома въ Галичѣ. Матушка принялась готовить мнѣ и моимъ спутникамъ кофе, и была крайне огорчена, когда мы отказались воспользо-

ваться ея приглашеніемъ — я очень торопился въ Калушъ. Я обѣщалъ слѣдующій разъ заѣхать опять и посидѣть подольше и поспѣшилъ сѣсть въ автомобиль, чтобы двинуться дальше.

Съ большимъ трудомъ добрались мы до рѣчки Ломницы, почти въ виду Калуша, но тутъ приключилась аварія съ автомобилемъ. Пришлось остановиться въ пустой хатѣ на дорогѣ, починить машину и, потомъ, потихоньку возвратиться другой дорогой въ Станиславовъ, ибо переѣхать быструю Ломницу въ бродъ для испортившейся машины было слишкомъ рискованно, а всѣ мосты были уничтожены.

Со стороны Калуша слышалась безпрерывная стрѣльба. Все время мимо хаты, гдѣ я остановился, брели цѣлыя группы калушскихъ жителей, направляясь въ Станиславовъ. У нихъ былъ растерзанный видъ; перепуганные, съ блѣдными лицами шли по колѣни въ жидкой, липкой грязи, подъ безпрестаннымъ дождемъ — старики, женщины, дѣти. Видно, бѣжали отъ чего-то страшнаго, почти никто не имѣлъ съ собой въ рукахъ ничего и, изрѣдка, лишь тащили за собой повозочку съ дѣтьми, или съ какимъ-то жалкимъ скарбомъ. Наша форма возбуждала у нихъ страхъ и, проходя мимо, намъ робко и униженно кланялись. Я поручилъ одному изъ моихъ спутниковъ дождаться проѣзда кого-либо изъ офицеровъ, чтобы разузнать, въ чемъ дѣло.

Черезъ нѣсколько времени мнѣ сказали, что въ Калушѣ уже три дня идетъ погромъ, а, кромѣ того, несчастный городъ обстрѣливается теперь артиллеріей и, кажется, наши его не удержатъ...

Я поручилъ находившемуся со мной уѣздному комиссару Станиславова, сейчасъ же по пріѣздѣ нашемъ туда, собрать нѣсколько десятковъ своей стражи и ѣхать въ Калушъ, чтобы поддержать тамъ порядокъ. Я не зналъ, что въ Калушѣ, какъ разъ въ это время, находился самъ губернскій комиссаръ, проѣхавшій туда немедленно, какъ только получились тревожныя извѣстія. Станиславовскій комиссаръ успѣлъ также еще пробраться съ своими людьми въ несчастный Калушъ и помогалъ губернскому комиссару наводить порядокъ до самой послѣдней минуты, пока городъ оставался въ русскихъ рукахъ. Какъ разъ, удаленія этого комиссара и его служащихъ добивался фронтовой комитетъ солдатскихъ депутатовъ.

Распорядившись объ организаціи въ Станиславовѣ помощи калужскимъ бѣженцамъ, я, поспѣшно, возвратился въ Черновцы, гдѣ меня ждали неотложныя дѣла.

Потомъ опять я выѣхалъ, черезъ Коломыю, въ городъ Надвирну, чтобы оттуда проѣхать въ южную часть Богородчанскаго уѣзда, также только что отбитаго у австрійцевъ.

Три дня я былъ въ объѣздѣ и, глубокой ночью, возвратился въ Черновцы. Какъ всегда, меня ожидала цѣлая кипа телеграммъ. Уже улегшись въ постель, я началъ ихъ перечитывать и, вдругъ, наткнулся на одну, которая моментально

отогнала отъ меня уже начавшій одолѣвать меня, сонъ. Телеграмма была отъ губернскаго комиссара Галиціи, Красковскаго и гласила: «сегодня, по военнымъ обстоятельствамъ, началъ эвакуацію губернскихъ учрежденій въ Проскуровъ».

Если бы въ то время я прочелъ, что эвакуируется Черниговъ или Полтава, это произвело бы на меня не большее впечатлѣніе, чѣмъ вѣсть объ оставленіи Тарнополя. Съ первыхъ дней войны Тарнополь находился безпрерывно въ русскихъ рукахъ. Я привыкъ къ нему, какъ къ «своему» городу и, когда пріѣзжалъ въ него, то испытывалъ чувство, какъ будто попадалъ въ Глуховъ или Конотопъ. Вѣсть, что Тарнополь эвакуируется, поразила меня какъ громомъ. Значитъ, произошло крупное несчастіе на фронтѣ...

Рано утромъ я уже телеграфировалъ въ штабъ 8-ой арміи и узналъ, что въ районѣ (если не ошибаюсь) Козовой или Бережанъ, какія-то части отказались наступать и оставили позиціи. Произошелъ небольшой прорывъ, но что его надѣются ликвидировать.

Я собралъ старшихъ чиновъ генералъ-губернаторства и сообщилъ полученныя вѣсти. Рѣшили, что послѣ обѣда я поѣду въ штабъ фронта и попрошу разъясненій и инструкціи. Тогда же, по телефону, мнѣ сообщили изъ Каменца, что тамъ уже новый главнокомандующій — ген. Корниловъ.

Съ Корниловымъ я уже познакомился въ Черновцахъ, когда онъ командовалъ здѣсь, съ мѣсяцъ, 8-ой арміей. У насъ установились очень хорошія отношенія. Корниловъ мнѣ очень нравился; онъ всегда внимательно относился къ моимъ сообщеніямъ, удовлетворялъ просьбы, раздѣлялъ мои взгляды на политику въ отношеніи нашихъ черновицкихъ совдеповъ. Особенно меня расположило въ его пользу тактичное и гуманное отношеніе къ мѣстному населенію, проявившееся въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ. Теперь я ѣхалъ къ нему, какъ къ своему ближайшему начальнику.

Корниловъ меня немедленно принялъ, встрѣтилъ очень привѣтливо и сообщилъ, что положеніе очень серьезно, хотя и не безнадежно. «На всякій случай вы готовьтесь, не спѣша, къ разгрузкѣ Черновцовъ», добавилъ онъ.

Я ночью возвратился въ Черновцы и, подъѣзжая къ своему дому, не мало удивился, увидя свѣтъ во всѣхъ окнахъ. Оказалось, мои сослуживцы дожидались меня въ томъ составѣ, въ какомъ я созывалъ ихъ, еще днемъ, на совѣщаніе. Мы сѣли за столъ и, тутъ-же, вкратцѣ набросали схему эвакуаціи наиболѣе громоздкихъ учрежденій въ 8—10-дневный срокъ. На другой день утромъ мнѣ подали телеграмму отъ ген. Корнилова: «Начинайте эвакуацію въ спѣшномъ порядкѣ».

Съ этого момента началась у насъ невѣроятная суматоха. Въ учрежденіяхъ генералъ-губернаторства служило около 2500 человѣкъ, въ самихъ только Черновцахъ. Надо было увозить дѣла, архивы, склады, запасы. Это заняло почти цѣлую недѣлю.

Между тѣмъ, ко мнѣ примчался изъ Тарнополя И. И. Красковскій и изобразилъ всю картину происшедшихъ событій. Онъ видѣлъ жуткое зрѣлище бѣгущей арміи, уничтожавшей все на своемъ пути. Тщетно, рискуя собственной жизнью, пытался И. И. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остановить бѣгущихъ и, кое-гдѣ, ему на время это и удавалось. На него бросились озвѣрѣвшие солдаты и хотѣли его убить. Его спасали казаки изъ охранной сотни, находившиеся при немъ, но больше спасала смѣлость и мужество, которые импонировали потерявшимъ голову и деморализованнымъ солдатамъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ ему удалось остановить погромъ, какъ, напримѣръ, въ мѣстечкѣ Скалѣ, гдѣ пришлось разстрѣлять нѣсколько человѣкъ мародеровъ. И. И. просилъ у меня помощи — дать ему свободный автомобиль, такъ какъ свой онъ загонялъ и еще казаковъ. Пробывъ всего нѣсколько часовъ, онъ умчался обратно въ уѣзды своей губерніи.

Тѣмъ временемъ, я получилъ отъ штаба фронта распоряженіе «уводить съ собой всѣхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ, угонять коровъ и лошадей, уничтожать собранный уже хлѣбъ и посѣвы».

Это было ужасное для меня распоряженіе, которое, такъ сказать, однимъ росчеркомъ пера грозило уничтожить всѣ плоды послѣдней политики въ Галиціи и Буковинѣ и, вмѣсто расположенія и доброй памяти, оставить послѣ себя озлобленіе и проклятія. Кромѣ того, оно было фактически безцѣльно — отступленіе велось такъ спѣшно, солдатскія массы бѣжали такъ панически и безпорядочно, что не было никакихъ силъ произвести всѣ эти сгоны и уничтоженія сколько-нибудь планомѣрно и систематически, безъ того, чтобы это не обратилось въ сплошной грабежъ и дикое опустошеніе.

Что-же касается увода мужского населенія, то это было дѣло не шуточное — надо было подлежащихъ уводу людей собрать, организовать конвой, питаніе ихъ въ пути, а для этого не было рѣшительно никакихъ возможностей. Прифронтовые уѣзды очищались нами такъ спѣшно, что едва могли увести свои управленія и милицію, дабы не оставить ихъ въ плѣну. Дать распоряженіе объ уводѣ коровъ и лошадей и истребленіи посѣвовъ — значило санкціонировать самый разнузданный и дикій грабежъ, который производился бы отдѣльными частями, группами и просто отдѣльными лицами.

Получивъ телеграмму я немедленно поѣхалъ въ штабъ. Корниловъ принялъ меня, какъ всегда, любезно. Не смотря на катастрофическое положеніе его фронта, онъ сохранялъ полное спокойствіе и самообладаніе и сталъ распрашивать меня, какъ идетъ эвакуація. Я разсказалъ и затѣмъ, изложивъ свои соображенія относительно безцѣльности распоряженія объ уводѣ людей, угонѣ скота и пр., а также о тяжелыхъ моральныхъ послѣдствіяхъ, въ смыслѣ отношенія къ намъ населенія, просилъ отмѣнить свое распоряженіе, которое я

позволилъ себѣ, пока еще, не опубликовывать подчиненнымъ мнѣ учрежденіямъ и лицамъ. Тутъ Корниловъ нахмурился и сказалъ: «Я прошу васъ немедленно приступить къ исполненію моего распоряженія» и всталъ, давая понять, что разговоръ конченъ.

Въ отчаяніи я бросился къ вновь назначенному комиссару фронта, г. Савинкову. Я умолялъ его сжалиться надъ несчастнымъ населеніемъ, пощадить его отъ послѣдняго разоренія, доказывалъ, что больше здѣсь воевать намъ не придется, такъ зачѣмъ же оставлять по себѣ такое ужасное воспоминаніе послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда удалось установить нѣкоторое къ себѣ расположеніе, я говорилъ о политическихъ послѣдствіяхъ этой ужасной мѣры. Но и Савинковъ остался непреклоненъ — «этого требуютъ интересы нашей арміи», отвѣчалъ онъ и, сколько я его не убѣждалъ, мои доводы и просьбы остались безъ послѣдствій.

Вернувшись въ Черновцы, я пригласилъ А. И. Лотоцкаго и комиссаровъ изъ ближайшихъ уѣздовъ. Мы обсудили положеніе и пришли къ выводу, что исполненіе распоряженія главнокомандующаго, все равно, технически немыслимо, а, кромѣ того и безсмыслено разорять народъ, «во имя интересовъ арміи», уже перестающей быть организованной силой, охраняющей свою страну и явно перешедшей въ состояніе дикой орды. Но, не желая, ни малѣйшимъ образомъ, подрывать авторитетъ командованія, мы условились, что я протелеграфирую приказъ губернскимъ комиссарамъ, тѣ переведутъ его уѣзднымъ, а тѣ будутъ исполнять его «по мѣрѣ возможности», имѣя для этого полное оправданіе въ совершенной фактической невозможности его исполнять.

Намъ, дѣйствительно, удалось оповѣстить всѣхъ комиссаровъ еще не эвакуированныхъ уѣздовъ, за исключеніемъ одного, самаго отдаленнаго — въ Бродахъ; послѣдній успѣлъ вывезти въ предѣлы Россіи около 5000 человѣкъ, судьба которыхъ, въ виду наступившихъ, затѣмъ, у насъ событій, была очень плачевна.

Но, въ этомъ дѣлѣ, была еще одна сторона: многіе изъ мущинъ, подлежащихъ призыву въ австрійской арміи, сами желали бы уйти въ Россію. Поэтому я распубликовалъ въ этой части распоряженіе штаба, требуя, чтобы всѣ военнообязанные являлись на извѣстные пункты. Здѣсь имъ выдавались пропуски въ предѣлы Россіи и разрѣшалось слѣдовать съ нашими частями и учрежденіями. При всеобщей сумятицѣ, практически это осуществлялось только въ самихъ Черновцахъ, гдѣ я, губернскій и уѣздный комиссары рѣшились оставаться до послѣдняго момента.

Конечно, если чины генералъ-губернаторства не приступили къ уводу людей, угону скота, уничтоженію посѣвовъ, это еще не избавляло страну отъ всѣхъ бѣдствій — арміи, получившія такой же самый приказъ штаба фронта, исполняли его, но т. к. отступленіе велось безпорядочно и стихійно и лишь отдѣльныя части отступали съ боемъ, то приказъ этотъ просто развязалъ руки всѣмъ хищническимъ элемен-

тамъ разложившейся арміи; частямъ, еще сохранявшимъ боеспособность и дисциплину, было не до того, а мародеры могли грабить и разрушать все на своемъ пути уже «на законномъ основаніи». И это я наблюдалъ на каждомъ шагу. даже у себя, въ Черновцахъ.

Прибѣгаетъ ко мнѣ старенькій православный священникъ съ окраины города и горько жалуется, что солдаты забрали у него послѣднюю корову, да еще глумились надъ нимъ, заставляли самому бѣгать по огороду и ловить корову. Я сталъ объяснять бѣднягѣ, что таковы законы войны, что ничего не подѣлаешь, что онъ долженъ понять, что тутъ — не желаніе нанести вредъ населенію, а необходимость не допустить противника воспользоваться запасами страны. Священникъ слушалъ, слушалъ, потомъ покачалъ укоризненно головой и произнесъ: «да, вы, вотъ, уходите, а исторія то останется».

Фронтъ все ближе и ближе подходилъ къ Черновцамъ. Въ городѣ уже сталъ слышенъ отдаленный гулъ орудій, становившійся все болѣе отчетливымъ. Стали налетать непріятельскіе аэропланы и сбрасывать бомбы въ районѣ желѣзнодорожныхъ путей, забитыхъ безчисленными поѣздами. нагруженными эвакуируемымъ добромъ. Мы съ А. И. Лоцкимъ очень боялись, чтобы Черновцы, этотъ чудный. чистенькій городокъ, имѣющій совершенно западно-европейскій видъ (въ Черновцахъ съ 1875 года существуетъ университетъ), не пострадалъ при нашемъ отступленіи. Какъ я уже упомянулъ, мы рѣшили оставаться въ городѣ до самаго послѣдняго момента и употребить всѣ усилія, чтобы отстоять городъ отъ грабежа. Дѣйствительно, въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ Черновцахъ, разыгрались событія, вполнѣ оправдавшія наши опасенія. Объ этихъ событіяхъ стоитъ разсказать.

Я уже упоминалъ выше, что однимъ изъ злыхъ геніевъ Буковины являлся нѣкій г. А. Геровскій. Это былъ упрямый и обозленный фанатикъ, бѣжавшій въ Россію при самомъ началѣ войны (австрійское правительство объявило премію за его голову). Вернувшись вмѣстѣ съ вступающими русскими войсками въ Черновцы, онъ сдѣлался правою рукою помощника генералъ-губернатора, Евреинова и, по его указаніямъ, множество изъ мѣстной интеллигенціи попало въ Сибирь. Злой и мстительный человѣкъ, онъ сводилъ счеты со своими прежними политическими противниками. Неудивительно, что одно его имя внушало трепетъ Черновицкимъ жителямъ и служило своего рода пугаломъ. Точно также я упомянулъ уже, что генералъ Брусиловъ тайно отправилъ Геровскаго вслѣдъ за мной, для слѣжки. Уже въ первыя недѣли моего пребыванія, Геровскій устроилъ большой скандалъ. По его иниціативѣ въ Черновцахъ, безъ моего вѣдома и разрѣшенія, было созвано народное «віче» (митингъ), на которое съѣхалось нѣсколько тысячъ крестьянъ; собраніе должно было состояться въ большомъ дворѣ митрополичьяго дома. Въ Черновцахъ проживалъ митрополитъ

всей православной церкви въ Австро-Венгріи, митрополичій домъ — огромное, роскошное зданіе въ мавританскомъ стилѣ, главная достопримѣчательность города и на немъ, какъ мнѣ потомъ передавали, должна была быть предложена резолюція, что участвующіе «не хотятъ никакихъ новшествъ, что они стоятъ за старый порядокъ».

Затѣя была очень глупая и опасная. Прежде всего, она дала возможность пресловутому «исполнительному комитету» учуять въ этомъ контръ-революцію. Сколь ни смѣшной представлялась эта «контръ-революція» въ Черновцахъ, среди распропагандированной арміи, да еще со стороны мѣстныхъ жителей, но комитетъ всполошился не на шутку; предсѣдатель его вызвалъ по тревогѣ роту солдатъ и разогналъ собраніе, которое еще не успѣло приступить къ обсужденію какихъ-либо вопросовъ.

Меня въ эти дни не было въ Черновцахъ. Я возвратился, какъ разъ, въ день собранія, вечеромъ и мнѣ сейчасъ-же доложили, что «въ Черновцахъ была контръ-революція, но рѣшительными мѣрами исполн. комитета была подавлена».

Самъ Геровскій и его ближайшіе помощники исчезли. Это имъ было не трудно; какъ впослѣдствіи я выяснилъ, въ каждомъ штабѣ корпуса, или дивизіи, для нихъ былъ готовъ «и столъ и домъ», согласно тайной инструкціи Брусилова. На мою долю выпала ликвидація «движенія», т. е. надо было развезти скорѣе по домамъ нѣсколько тысячъ несчастныхъ крестьянъ, сбитыхъ съ толку и непонимавшихъ въ чемъ дѣло, почему одни «паны въ формѣ» ихъ созываютъ, а другіе — разгоняютъ.

Я снесся по телефону съ начальникомъ жел. дорогъ и тотъ, въ ту же ночь, далъ нѣсколько поѣздовъ, развезшихъ бѣдныхъ участниковъ «віча» по домамъ.

Исполнительный же комитетъ возгордился необычайно, сталъ присваивать себѣ еще больше претензій и поползновеній и, если генералу Брусилову съ Геровскимъ хотѣлось подорвать авторитетъ правительственнаго органа на счетъ совдеповъ, то этого они, въ извѣстной степени, достигли.

По разслѣдованіи дѣла, т. к. главный иниціаторъ затѣи скрылся, я, на основаніи своихъ правъ генералъ-губернатора, издалъ постановленіе о воспрещеніи Геровскому показываться въ предѣлахъ Галиціи и Буковины. Кромѣ того, по моей просьбѣ, генералъ Корниловъ отдалъ дополнительно распоряженіе о воспрещеніи Геровскому пребывать и въ районѣ расположенія 8-ой арміи, чтобы въ обходъ моего постановленія онъ не искалъ иммунитета въ армейскихъ учрежденіяхъ. Конечно, мое постановленіе послужило неисчерпаемымъ матеріаломъ для агитаціи противъ меня въ штабѣ фронта, гдѣ Геровскій нашелъ пріютъ, но, въ самой Галиціи и Буковинѣ, о немъ одно время забыли.

И вдругъ, въ дни эвакуаціи, я узнаю, что Геровскій — въ Черновцахъ и, кромѣ того — ведетъ агитацію, чтобы въ моментъ оставленія нами города, устроить погромъ мѣстныхъ учрежденій. Мнѣ донесли, что какіе-то подозрительныя лица,

въ компаніи съ Геровскимъ, обходятъ и замѣчаютъ помѣщенія украинскихъ клубовъ, библіотекъ, книжныхъ магазиновъ, частныя квартиры, слѣдятъ за всѣми, кто входитъ и выходитъ. Въ городѣ поднялась паника и не только среди украинцевъ, но и среди евреевъ и нѣмцевъ.

Ко мнѣ пришли взволнованные представители магистрата и умоляли о защитѣ. Всѣ мои успокаиванія на нихъ мало дѣйствовали, ибо они были убѣждены, что «сильнѣе кошки звѣря нѣтъ». Въ то-же время, всполошился и затихшій, было, исполнительный комитетъ, почуявшій, что наступаетъ для него опять подходящій моментъ для борьбы съ «контръреволюціей». Мнѣ не оставалось ничего иного, какъ, по разслѣдованіи, давшемъ вполнѣ уличающій матеріалъ, распорядиться объ арестѣ Геровскаго и еще нѣсколькихъ человѣкъ, какъ нарушившихъ постановленія генералъ-губернатора и командующаго арміей и нарушающихъ общественное спокойствіе въ такой тяжелый и важный моментъ.

Аресты были быстро осуществлены. Въ числѣ арестованныхъ оказались и три агента контръ-развѣдокъ — французской, румынской и русской. Ихъ, по удостовѣреніи личности, сейчасъ же выпустили, а Геровскаго, съ тремя другими лицами, я выслалъ по этапу въ Кіевъ. Изъ этого дѣла былъ потомъ созданъ большой шумъ и прямое обвиненія меня въ ... германофильствѣ.

Приближался день оставленія Черновцовъ русскими властями и русской арміей. Эвакуація шла полнымъ ходомъ. Станція и всѣ пути около Черновцовъ были забиты вагонами со всякимъ добромъ. Поѣзда вытянулись по всему пути, отъ Коломыи до Новоселицы, въ одну линію, «въ затылокъ» и, казалось, что эта линія стоитъ неподвижно, нисколько не двигаясь впередъ. Начали налетать непріятельскіе аэропланы и бросать бомбы на станціонныхъ путяхъ; раньше этого не было, т. к. Черновцы лежали далеко отъ фронта. Теперь фронтъ приближался съ каждымъ днемъ; съ сѣверозапада доносилось глухое рокотаніе, словно гдѣ-то далеко непрерывно гремѣлъ громъ. Раскаты его доносились все явственнѣй и явственнѣй. Вотъ онъ уже у Коломыи, вотъ приближается къ Снятину, а это значитъ, что непріятель уже въ 50 верстахъ отъ насъ.

Я отправилъ имущество канцеляріи на нѣсколькихъ грузовикахъ впередъ, въ Новоселицу, а самъ оставилъ при себѣ три автомобиля и нѣсколько ближайшихъ ко мнѣ человѣкъ служащихъ, чтобы уѣхать въ послѣдній моментъ. Уже всѣ телефоны въ городѣ были сняты и меня соединили полевымъ телефономъ со штабомъ арміи, съ которымъ я условился, что меня предупредятъ, когда настанетъ пора уѣзжать. Многочисленныя учрежденія генералъ-губернаторства, весь личный составъ и имущество были погружены въ вагоны и три, или четыре поѣзда съ ними стояли на путяхъ, «въ затылокъ», ожидая своей очереди.

Отъ И. И. Красковскаго, съ сѣвера, приходили очень неутѣшительныя вѣсти: отступающая армія катилась, какъ

лавина, все уничтожая и разрушая на своемъ пути. Разыгрывались дикія сцены насилія и грабежа, во многихъ мѣстахъ выливавшіяся въ отвратительные погромы мирнаго населенія. Авторитетъ начальства и дисциплина совершенно исчезли, уже появлялись случаи расправы съ офицерами.

Красковскій дѣлалъ героическія усилія сохранить порядокъ и добиться сколько-нибудь организованной эвакуаціи, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ складовъ и наиболѣе цѣннаго имущества. И тамъ, гдѣ уже не дѣйствовалъ авторитетъ военнаго начальства, часто дѣйствовалъ еще авторитетъ «комиссара» Временнаго Правительства, а главное — его необыкновенная энергія и исключительная, почти безумная смѣлость. Сплошь и рядомъ, рискуя собственной головой, онъ задерживалъ, устраивалъ бѣгущія части, леталъ со своей сотней казаковъ отъ одного села къ другому, останавливалъ погромы, разгоняя громилъ и, часто, разстрѣливая ихъ на мѣстѣ преступленія. Этотъ благородный человѣкъ дѣлалъ героическія усилія, гдѣ только можно, спасать государственное имущество и честь уходящей русской арміи и русской администраціи новой, обновленной Россіи. Конечно, справиться со стихіей было немыслимо и, лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, удавалось спасти кое-что и пріостановить безобразія для того, чтобы онѣ вновь вспыхивали у него за спиной, лишь только онъ удалялся.

Между прочимъ, ему во многихъ мѣстахъ приходилось наталкиваться на саботажъ и прямую измѣну желѣзнодорожныхъ служащихъ — поляковъ. Дѣло въ томъ, что управленіе галицко-буковинскихъ желѣзныхъ дорогъ было укомплектовано, въ значительной степени, бывшими служащими желѣзныхъ дорогѣ въ Польшѣ, эвакуированными еще въ 1915 году. Эти служащіе эвакуировались, по большей части, насильственно, у многихъ изъ нихъ остались подъ нѣмецкой оккупаціей семьи. Впослѣдствіи ихъ перевели въ Галицію и Буковину. И вотъ, теперь представлялся имъ случай «остаться» на мѣстѣ и соединиться со своими въ Польшѣ. А чтобы попасть не просто на положеніе военно-плѣнныхъ, а въ качествѣ «идейныхъ» союзниковъ, казалось полезнымъ оставаться съ русскимъ военнымъ и, вообще, казеннымъ имуществомъ, чтобы передать его въ руки непріятельскихъ войскъ.

И чѣмъ больше растерянности, хаоса и безпорядка было при нашемъ отступленіи, тѣмъ смѣлѣе и наглѣе держали себя поляки-желѣзнодорожники. Напримѣръ, въ Тарнополѣ Красковскому удалось вывезти четыре поѣзда съ имуществомъ лишь пригрозивъ разстрѣломъ машинистовъ и главныхъ кондукторовъ.

Во многихъ мѣстахъ, въ тылу отступленія уничтожались желѣзнодорожные мостики и, такимъ образомъ, отрѣзывался путь къ вывозу цѣлыхъ составовъ, нагруженныхъ боевымъ и всякимъ инымъ матеріаломъ поѣздовъ. У меня въ рукахъ набралось нѣсколько десятковъ документальныхъ свидѣтельствъ такихъ случаевъ и я готовилъ ихъ для сообщенія

новому начальнику штаба фронта, генералу Духонину. Такія же проявленія саботажа видѣлъ я и у себя подъ Черновцами и вынужденъ былъ самъ ѣздить по путямъ отъ одного блокъ-поста къ другому, чтобы понудить желѣзнодорожниковъ скорѣе продвигать безконечное число нашихъ поѣздовъ.

Всѣ служащіе генералъ-губернаторства, какъ я упомянулъ, уже были посажены въ вагоны и, при мнѣ, осталось всего 4—5 лицъ, которые съ утра до вечера занимались тѣмъ, что писали и выдавали пропуска въ Россію тѣмъ лицамъ изъ мѣстнаго населенія, которые не хотѣли оставаться при приближеніи австро-германцевъ. Это были почти исключительно военно обязанные — украинцы и румыны. Хотя я и распубликовалъ на всѣхъ мѣстныхъ языкахъ объявленіе, чтобы мужчины въ возрастѣ 16—45 лѣтъ являлись въ наши управленія на предметъ эвакуаціи въ Росссію, но приводить это распоряженіе въ исполненіе — нечего было и думать. Однако, въ виду того, что находились сотни лицъ, сами не желавшіе остаться, дабы не попасть въ ряды австрійской арміи и такія лица добровольно хотѣли уходить, то надо было выдавать имъ пропуски. Въ виду, уже почти полной, эвакуаціи чиновъ нашей администраціи, пришлось самимъ заняться выдачей такихъ пропусковъ, то-же происходило и въ квартирѣ губернскаго комиссара Буковины, А. И. Лотоцкаго.

И вотъ, среди такихъ хлопотъ, вдругъ, узнаемъ мы съ А. И. Лотоцкимъ о массовыхъ арестахъ мѣстныхъ жителей, произведенныхъ контръ-развѣдками 1-ой и 8-ей армій. Были ночью арестованы десятки людей самаго разнообразнаго состоянія, возраста и положенія, между прочимъ — стариковъ, старухъ, подростковъ. И ко мнѣ, и къ Лотоцкому бросились толпы перепуганныхъ родственниковъ и умоляли спасти арестованныхъ и не допустить ихъ увоза въ Россію.

Я прекрасно понималъ ужасъ положенія этихъ арестованныхъ: если до революціи, при господствовавшемъ порядкѣ и закономѣрности, такимъ арестованнымъ грозило путешествіе по этапамъ въ Сибирь, то теперь, при всеобщемъ развалѣ, имъ угрожали еще худшія бѣдствія. Для меня не менѣе ясно было, что всѣ эти арестованные — вовсе не какіе-нибудь шпіоны, или, вообще, прямо опасные для русской арміи лица, о такихъ у меня не было бы никакихъ основаній или побужденій заботиться, но я понималъ, что все это — жертвы мести со стороны людей изъ компаніи Геровскаго, близко прикосновенныхъ къ нашимъ контръ-развѣдкамъ.

Узнавъ о происшедшемъ, А. И. Лотоцкій и я отправились въ помѣщеніе одной изъ контръ-развѣдокъ, затѣмъ — другой; ни здѣсь, ни тамъ — ни души; слѣды поспѣшныхъ сборовъ въ путь, почти бѣгства: на полу разбросана бумага, шкафы раскрыты настежь, ни признака живой души... Отъ сосѣдей узнали, что чины обоихъ учрежденій ночью уложили вещи и, чуть свѣтъ, уѣхали на станцію. Дѣло, дѣйствительно, походило на бѣгство — арестовали около сотни людей, упрятали ихъ куда-то среди тысячъ грузившихся вагоновъ и сами поспѣшно убрались.

Мы послали на станцію разыскивать слѣдъ бѣжавшихъ контръ-развѣдокъ, а, тѣмъ временемъ, я, нисколько не разсчитывая на помощь и содѣйствіе штабовъ обоихъ армій, рѣшился на шагъ, являвшійся нарушеніемъ дисциплины и субординаціи — я обратился съ телеграммой непосредственно къ военному министру, жалуясь на беззаконныя дѣйствія контръ-развѣдокъ 1-ой и 8-ой армій, прося немедленно разслѣдованія дѣла и освобожденія арестованныхъ, если-бы оказалось, что для ареста и высылки не было достаточныхъ основаній. Къ вечеру того же дня пришелъ отвѣтъ: А. Ф. Керенскій обращался къ штабамъ обѣихъ армій съ очень категорическимъ приказаніемъ немедля разслѣдовать дѣло, назначивъ, въ срочномъ порядкѣ, чрезвычайную комиссію. Копія телеграммы была доставлена мнѣ.

Часовъ около 10 вечера, когда городъ совершенно уже затихъ и замеръ, ко мнѣ пріѣхалъ генералъ-квартирмейстеръ 1-ой арміи, полковникъ С—ій и предложилъ принять участіе въ засѣданіи слѣдственной комиссіи. Мы поѣхали въ зданіе городской думы и тамъ я засталъ засѣданіе, состоявшее изъ военныхъ прокуроровъ обѣихъ армій, членовъ армейскихъ комитетовъ, (оба — юристы), А. И. Лотоцкаго; къ нимъ прибавилось насъ двое съ полковникомъ Л—мъ. Тутъ же были на лицо и «подсудимые» — представители обѣихъ контръ-развѣдокъ, имѣвшіе очень смущенный и растерянный видъ. Оказалось, уѣхать они еще не успѣли изъ-за пробки на путяхъ подъ Черновцами, были разысканы среди безконечной массы поѣздныхъ составовъ и приведены на нашъ импровизированный судъ.

Полковникъ Л—ій, предсѣдательствовавшій въ комиссіи, прямо поставилъ вопросъ объ основаніяхъ для арестовъ. И вотъ тутъ-то и обнаружилассь полная несостоятельность этихъ основаній, единогласно признанная всѣми участниками комиссіи. Среди этихъ основаній, помню, фигурировало слѣдующее.

Еще въ началѣ войны, австрійскій штабъ разослалъ всѣмъ городскимъ управамъ циркулярное предложеніе: въ случаѣ занятія города русскими войсками, тщательно собирать свѣдѣнія о количествѣ войскъ, составѣ частей и проч., т. е., попросту, исполнять шпіонскія функціи. Каждый городъ Галиціи и Буковины получилъ экземпляръ этого циркуляра, сразу ставшаго извѣстнымъ русской контръ-развѣдкѣ. Врядъ ли можно думать, что какой-либо изъ магистратовъ исполнялъ предложеніе австрійскаго штаба и циркуляры преспокойно лежали въ архивахъ. Городъ Черновцы три раза переходилъ, послѣдовательно, изъ рукъ въ руки. Архивъ его магистрата трижды просматривался чинами русской контръ-развѣдки и трижды зарегистровывался злополучный циркуляръ. И вотъ, теперь понадобилось вытащить его на свѣтъ Божій и, на основаніи факта полученія этого циркуляра составомъ Черновицкаго магистрата 1914 года — арестовывать членовъ магистрата 1917 года, уже послѣ того, какъ магистратъ много разъ измѣнялся въ своемъ составѣ, а, главное — большинство

членовъ его состояли таковыми по назначенію русскихъ властей.

Другимъ основаніемъ для многочисленныхъ арестовъ было «знакомство» съ полковникомъ Фишеромъ. Фишеръ — былъ австрійскій жандармскій полковникъ, начальникъ Черновицкаго жандармскаго отдѣленія. Онъ организовывалъ шпіонажъ въ краѣ наканунѣ эвакуаціи его австрійскими войсками. И вотъ, десятки людей арестовывались по доносу какого-либо личнаго недоброжелателя, сводящаго счеты.

Когда наши контръ-развѣдки исчерпали всѣ свои аргументы, то комиссія единогласно признала ихъ незаслуживающими ни малѣйшаго вниманія и постановила немедленно освободить всѣхъ арестованныхъ — а ихъ оказалось болѣе ста человѣкъ — за исключеніемъ одного, о которомъ надо было произвести еще дознаніе. Генералъ-квартирмейстеръ утвердилъ постановленіе, а къ пристыженнымъ агентамъ контръ-развѣдки обратился съ краткой, но выразительной фразой: «а съ вами я раздѣлаюсь».

Къ утру арестованные были освобождены и вернулись къ своимъ семьямъ. Страхъ былъ, однако, наведенъ на весь городъ и, кто могъ — прятался. На улицахъ все, какъ бы, вымерло. Днемъ были видны только сѣрыя шинели, да простонародье.

Ко мнѣ явился комендантъ города, ген. Г. и предложилъ, передъ самымъ моментомъ оставленія нами города, взорвать электрическую станцію, городскую водокачку, мосты и проч. Я категорически воспротивился взрывать что-либо, кромѣ мостовъ, считая совершенно безсмысленнымъ и ненужнымъ для нашей арміи дѣломъ уничтожать водопроводъ, или электрическую станцію и этимъ причинять вредъ лишь мирному населенію. Но генералъ не утерпѣлъ и, уже по моемъ отъѣздѣ, кромѣ моста черезъ Прутъ, взорвалъ еще . . . почтовую контору въ самомъ центрѣ города. Была еще попытка, неизвѣстно кѣмъ произведенная, поджечь городскую полицію. Но пожаръ былъ прекращенъ усиліями губернскаго комиссара, Лотоцкаго, въ самые послѣдніе часы его пребыванія въ городѣ.

Кромѣ этихъ учрежденій — почты и полиціи, Черновцы при нашемъ послѣднемъ отступленіи больше не пострадали. Спустя недѣлю, уже вернувшись въ Кіевъ, я прочелъ въ «Новомъ Времени» такую телеграмму: «перехвачено германское радіо, сообщающее, что городъ Черновцы не пострадалъ при отступленіи русскихъ войскъ, благодаря усердію областного комиссара, Дорошенко»; къ телеграммѣ было сдѣлано примѣчаніе: «какъ извѣстно, Дорошенко — ярый мазепинецъ, находящійся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ германскимъ генеральнымъ штабомъ».

Немного спустя, въ томъ же «Новомъ Времени», появилась и цѣлая корреспонденція «изъ Черновцовъ», изображавшая меня, какъ лицо, стоявшее во главѣ «еврейско-германскаго заговора» противъ русскихъ интересовъ и дѣйствовавшее въ интересахъ этого заговора въ Черновцахъ.

Но, вотъ, наступилъ моментъ, когда мнѣ нужно было уже покинуть Черновцы. Раннимъ утромъ выѣхалъ я съ ближайшими ко мнѣ служащими по направленію Новоселицы, а на другой день выѣхали изъ города Лотоцкій и уѣздный комиссаръ, Багрій. Спустя нѣсколько часовъ послѣ ихъ отъѣзда, въ городъ вошли австрійцы.

Я поѣхалъ на автомобилѣ прямо на Кіевъ, рѣшивъ по пути остановиться въ Бердичевѣ, куда былъ перенесенъ штабъ юго-западнаго фронта изъ Каменца.

Необычайное зрѣлище представляло изъ себя шоссе изъ Черновцовъ до русской границы и, далѣе, на сотню верстъ вглубь: отступала милліонная армія и, казалось, что это какое-то великое переселеніе народовъ. Первая паника уже улеглась, части арміи были снова, кое-какъ, организованы, отступленіе прикрывали болѣе надежныя и стойкія части, отходившія съ боемъ. Да и порывъ наступленія непріятеля уже значительно выдохся.

По шоссе тянулись нескончаемые обозы, какъ воинскіе, такъ и различныхъ административныхъ учрежденій. На возахъ ѣхали бабы, дѣти. Въ перемежку съ простыми телегами, ѣхали фургоны, брички, шарабаны, экипажи всѣхъ возможныхъ сортовъ и видовъ; пыхтѣли тяжелые грузовики; все это тянулось среди ужасающей грязи послѣ недавно прошедшаго дождя.

Улицы въ деревняхъ и мѣстечкахъ, по пути, представляли изъ себя озера невылазной, кофейнаго цвѣта грязи; параллельно шоссе пролегала линія желѣзной дороги и на ней, въ затылокъ, стояли на десятки верстъ и, казалось, не двигались безконечные составы поѣздовъ. По обѣимъ сторонамъ шоссе брели, или останавливались для роздыха толпы пѣшеходовъ. И впрямь — «переселеніе народовъ»! Кого тутъ только не было: вотъ сарты въ своихъ цвѣтныхъ халатахъ, съ верблюдами; ихъ прислали на Буковину еще зимой 1916—1917 года изъ средней Азіи для нестроевой обозной службы; вотъ китайскіе кули, также доставленные сюда съ востока для земляныхъ работъ; вотъ группа калмыковъ, казаковъ съ Дона; вотъ затесавшійся, невѣдомо какъ, отрядъ румынскихъ солдатъ въ своихъ смѣшныхъ двурогихъ колпакахъ со смуглыми, цыганскими лицами; а далѣе — безъ конца сѣрыя шинели, мужики-погонщики и форшпаны при обозѣ...

Съ трудомъ, чрезвычайно медленно, приходилось обгонять этотъ движущійся людской потокъ; стало немного легче, когда миновали Новоселицу и въѣхали въ сѣверную Бессарабію; но еще цѣлую сотню верстъ обгоняли отступающіе обозы, грузовиковъ, отдѣльныя части, почти до самаго Могилева на Днѣстрѣ.

Въ Бердичевѣ я засталъ новую перемѣну въ командованіи: «главкоюзомъ» назначенъ ген. Деникинъ, а ген. Корниловъ уѣзжалъ въ Могилевъ, на постъ верховнаго главнокомандующаго. Мой единственный доброжелатель въ штабѣ

юго-западнаго фронта, покойный С. А. Базаровъ, предупредилъ меня, что въ штабѣ страшное раздраженіе противъ меня и отчаянная агитація со стороны компаніи Геровскаго. Самъ Геровскій, оказалось, былъ освобожденъ въ Бердичевѣ, вопреки моему распоряженію о доставленіи его въ Кіевъ и теперь фигурировалъ въ качествѣ жертвы за свои «русскія убѣжденія» со стороны «мазепинца» и «германскаго агента». Я хотѣлъ, было, итти представляться ген. Деникину, какъ новому своему начальнику, но С. А. Базаровъ отсовѣтовалъ, говоря, что ген. Деникинъ уже крайне возстановленъ противъ меня. Я ограничился визитомъ къ ген. Духонину, теперь начальнику штаба фронта, чтобы сообщить ему о дѣяніяхъ поляковъ — желѣзнодорожниковъ. Но Духонинъ отнесся совершенно недовѣрчиво къ предложенному мною матеріалу, говорилъ, что все это преувеличено и раздуто, но, что если я такъ уже настаиваю, то онъ передастъ этотъ матеріалъ генералъ-квартирмейстеру и т. д.

Я видѣлъ, что и ген. Духонинъ, предубѣжденный противъ меня ранѣе и на этотъ разъ смотритъ на меня глазами своихъ контръ-развѣдокъ. Я откланялся и отправился еще къ новому комиссару фронта, нѣкоему Гобеччіа, грузинскому соціалисту-революціонеру. Онъ произвелъ на меня очень странное впечатлѣніе; ни съ того, ни съ сего принялся бранить Кіевскую Центральную Раду и заявилъ, что одна изъ главныхъ причинъ нашихъ послѣднихъ неудачъ — это «австрофильство новой русской администраціи въ Галиціи и Буковинѣ», а отнюдь не «углубленіе революціи» и, дальше, несъ тому подобную чушь на ломанномъ русскомъ языкѣ, съ характернымъ восточнымъ акцентомъ. Когда я пробовалъ, было, возражать и принялся объяснять характеръ украинскаго національнаго движенія, причемъ замѣтилъ, что мнѣ странно слышать такія сужденія со стороны грузина, который, казалось бы, долженъ былъ понимать стремленія украинцевъ. Гобеччіа заявилъ, что онъ, прежде всего, русскій соціалистъ-революціонеръ, а потомъ уже — грузинъ. «Да что вы мнѣ тутъ толкуете — добавилъ онъ — вотъ, часъ тому назадъ, у меня былъ Геровскій и обстоятельно разсказалъ мнѣ о вашихъ дѣяніяхъ.» Я увидалъ, что препираться съ Гобеччіа не имѣетъ ни смысла, ни практической цѣли и ушелъ отъ него.

Такъ, имѣя противъ себя весь Бердичевскій штабъ и ожидая дальнѣйшаго развитія сложившихся отношеній, оставилъ я Бердичевъ и направился въ Кіевъ, гдѣ надо было подумать о размѣщеніи эвакуированныхъ учрежденій Галиціи и Буковины. Этотъ вопросъ предстояло рѣшить совмѣстно съ начальникомъ Кіевскаго военнаго округа, каковымъ въ это время былъ полковникъ, К. М. Оберучевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ник. Бережанскій.

Четыре съ половиной мѣсяца латышскаго большевизма.

Комиссаръ Виннингъ.

Въ концѣ октября и началѣ ноября 1918 года состояніе 8-ой германской арміи, оккупировавшей Псковскую область и Прибалтійскій край, по внѣшности и по духу, нисколько не отличалось отъ состоянія «революціонной» 12-ой русской арміи, годъ тому назадъ съ небольшимъ, добровольно сдавшей Ригу и отдавшей въ оккупацію Прибалтику и Псковскій край. «Нервы» германской «желѣзной» арміи оказались такими-же слабыми, какъ и нервы «женственно-славянской» *) арміи русской. Въ Псковѣ и Островѣ германскіе солдатскіе совѣты и комитеты активно боролись со своимъ начальствомъ, препятствуя формированію ими русскихъ добровольческихъ полковъ Сѣвернаго корпуса (впослѣдствіи злополучной сѣверо-западной арміи) и часто самовольно отмѣняли приказы и распоряженія высшаго германскаго командованія, касающіеся снабженія и вооруженія русскихъ добровольческихъ полковъ.

Въ Рѣжицѣ солдатскій совѣтъ открыто братался съ русскими красноармейцами, стоявшими на пограничной полосѣ подъ Рѣжицей.

Съ занятіемъ Пскова большевиками, поѣзда, слѣдовавшіе на Ригу, были переполнены дезертирами до той-же самой нормы, до какой наполнялись въ свое время вагоны съ русскими товарищами, «уставшими» воевать.

Кое-какой относительный порядокъ наблюдался лишь въ самой Ригѣ. Образовавшійся здѣсь, въ концѣ октября, совѣтъ германскихъ солдатскихъ депутатовъ, въ составъ котораго вошелъ значительный процентъ интеллигентныхъ штабныхъ солдатъ, фельдфебелей и младшихъ офицеровъ, насколько возможно поддерживалъ расшатанную дисциплину и порядокъ. Если-бы въ этотъ моментъ составъ германскаго

---

*) Характеристика ген. Гинденбурга.

солдатскаго совѣта въ Ригѣ былъ нѣсколько лѣвѣе и, если-бы, вмѣсто энергичнаго, съ желѣзной волей, правительственнаго комиссара при 8-ой германской арміи, соціалъ-демократа Виннинга, былъ какой-нибудь неврастеничный «птенецъ гнѣзда Керенскаго» — переполненная соблазнительными магазинами, биткомъ набитыми товарами, Рига, навѣрное, еще разъ повергласъ бы такому-же разгрому, какой ей учинили уже разъ русскіе солдаты.

Рижскому солдатскому совѣту пришлось не только обуздывать своихъ распускавшихся солдатъ и спѣшно эвакуировать ихъ изъ Риги, но ему пришлось, одновременно, заняться чужой внутренней политикой, очень сложной, очень запутанной, въ которой борющимися элементами были: справа — прибалтійскіе бароны, въ центрѣ — латышскія буржуазныя и демократическія группы, одинаково враждебно настроенныя, какъ къ мѣстымъ баронамъ, такъ и къ нѣмцамъ-оккупантамъ, и терпѣвшія тѣхъ и другихъ по политическимъ соображеніямъ, что называется, «до поры до времени» и слѣва — мѣстные латышскіе коммунисты, находившіеся въ тѣснѣйшемъ контактѣ съ русскими большевиками, отъ которыхъ они получали инструкціи, директивы и, разумѣется, деньги.

Бароны мечтали о Балтійскомъ Королевствѣ, находящемся въ личной уніи съ Пруссіей; латыши мечтали о собственной независимой республикѣ; коммунисты работали на благо русскаго коммунизма, уже назначившаго въ Петербургѣ спеціальное совѣтское правительство для совѣтской Латвіи подъ предсѣдательствомъ латышскаго адвоката безъ практики, Петера Стучки.

Солдатскому совѣту въ Ригѣ, однако, посчастливилось найти совершенно правильный политическій курсъ.

Совершенно игнорируя баронскія группы, поддерживая латышскія буржуазныя партіи, рижскій солдатскій совѣтъ, едва-ли не черезъ недѣлю послѣ своего сформированія, вступилъ въ энергичную борьбу съ мѣстными латышскими коммунистами, которые тогда офиціально называли себя еще соціалъ-демократами.

Насколько рижскій совѣтъ германскихъ солдатскихъ депутатовъ рѣшительно расправлялся съ мѣстными коммунистами, лучше всего свидѣтельствуетъ нижеприводимая жалоба Центральнаго Комитета латышской соціалъ-демократической партіи, посланная въ письмѣ, отъ 5 декабря 1918 года, изъ Пскова на имя берлинскаго, гамбургскаго, мюнхенскаго и др. совѣтовъ германскихъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и составленная на основаніи донесеній мѣстныхъ большевистскихъ комитетовъ.

Въ виду значительнаго историческаго интереса этого документа, передаю его въ наиболѣе характерныхъ выдержкахъ:

«В этом письме мы хотим Вас информировать о положении в Латвии в связи с немецкой революцией.

«Так называемое время «революционирования» Германии, в течение которого милостью Вильгельма правил принц Макс

и Шейдеман, прошло без изменений для курса, применяемого в Латвии.

«Та-же варварская политика притеснения и подавления, те-же тюрьмы и мучения арестованных рабочих, разграбление страны, несмотря на то, что в Риге в правительстве сидели социалисты (их имена держались в тайне: местные жители называют Ленга и имена нескольких руководителей профессиональных союзов), которые вели тайные переговоры с палачами и притеснителями рабочего класса Латвии — балтийскими баронами. Они хотели с балтийскими баронами, латышской буржуазией и открытыми сторонниками немецкого империализма и с помощью шейдеманцев «урегулировать положение восточных народов сообща с местным населением». Положение было урегулировано таким образом, что варварская политика, которая велась до сих пор, абсолютно не изменилась, за исключением того, что немецким оружием и деньгами была организована белая гвардия (северная армия).

«Поэтому ясно, что среди рабочих масс Латвии господствует открытая ненависть к немецким шейдемановским социал-совещателям и что эта ненависть, несмотря на противодействовавшую тому работу социал-демократии Латвии, была в некоторых местах Прибалтийского края перенесена и на немецких солдат. Известие о происшедшей в Германии революции вызвало неописуемый энтузиазм и надежды у рабочих масс Латвии. Казалось, что пришел конец жандармской политике и режиму виселицы. Однако, уже первые дни показали, что в Латвии обстоит совсем иначе. Был учрежден совет немецких солдат, и наиболее ответственные места заняли офицеры и фельдфебеля. Этот солдатский совет об'явил, что демократическая свобода на большевиков не распространяется и «немецкий солдат» впредь, также, как и до сих пор, всякое большевистское движение подавит силою оружия.

«Само собой разумеется, что это нас не остановило. 17 ноября рижским комитетом социал-демократии Латвии была нелегально об'явлена рабочая демонстрация. Немецкий солдатский совет и, только что приехавший уполномоченный немецкого правительства в Прибалтийском крае, Виннинг, пригрозили разогнать демонстрацию оружием. Однако, после того, как рабочие им раз'яснили, что они от демонстрации не откажутся, эти господа сочли за благо «уступить» и разрешили социал-демократии Латвии устроить два маленьких собрания. Чтобы избегнуть кровавых жертв, наша партия постановила временно отказаться от демонстрации и приняла компромисс к великому страху буржуазии. Социал-демокраия Латвии созвала 17 ноября собрания, на которых участвовало до 5000 человек (при чем около 10000 рабочим, вследствие переполнения помещений, пришлось слушать ораторов с улицы, где они были разогнаны полицией).

«В то-же самое время, 17 ноября, в Риге начались работы по организации Совета Раб. Деп. Каждому было ясно,

что этот Совет будет большевистским, ибо влияние социал-предателей на рабочие массы Латвии поверхностно и незначительно (в партию меньшевиков со времени легализации поступило не более 200 человек, из которых собрания посещали лишь каких-нибудь 70). Такое положение дел причинило начальникам оккупационной власти сильные головные боли, и они всеми возможными средствами старались помешать работе организации. Выборные собрания для выборов членов Рижского совета рабочих депутатов были осложнены недопустимой агитацией против советов, внесшей дезорганизацию в ряды рижских рабочих. На этом эпизоде политика оккупации и тех властей оказала свое истинное лицо. Солдатский совет, Виннинг, и только что учрежденное Временное Правительство, издали постановление о запрещении всех собраний. Здание совета было занято полицией. Рижский пролетариат принял этот грубый вызов. Несколько десятков рижских рабочих устроили демонстрацию. Полиция была изгнана из помещения совета депутатов и члены рабочего совета заняли свои места.

«Далее произошло короткое заседание под охраной тысяч рабочих, звучали революционные песни и безпрестанные крики: «Да здравствует рижский совет рабочих депутатов!» Несмотря на большое возбуждение, демонстрация была мирная, носила организованный характер. Не взирая на то, или даже именно потому, тотчас на них были выпущены пьяные жандармы и полицейские банды. С ружейными выстрелами, штыками и обнаженными шашками слуги Виннинга очистили себе путь к месту заседания совета рабочих депутатов. В боевой готовности ворвались они в помещение и там также буйствовали прикладами ружей.

«Тогда совет рабочих депутатов начал работать нелегально..

«Теперь мы вкратце опишем позицию, которую занял уполномоченный германского правительства, Виннинг, по отношениш к рабочим Латвии и к правительству, которое во главе с инструктором для скота К. Ульманом об'явило себя «Временным Правительством Латвии».

«Первой делегации от рабочих, которая явилась к нему 17 ноября по делу о демонстрации, он пояснил, что послан сюда позаботиться о том, чтобы рабочему классу Латвии стали доступны все те завоевания свободы, которые достигнуты германским пролетариатом. На вопрос, признает ли германское правительство буржуазный народный совет Латвии, он ответил категорически: «нет!» Виннинг также отрицал, что германское высшее командование раздает местной буржуазии и белой гвардии оружие. Однако, вскоре оказалось, что этот господин безстыдно лгал. Он сам запретил организацию рижского совета депутатов и послал своих агентов разогнать собравшихся депутатов.

«Потом он открыто об'явил, что не допустит широких организаций советов. Затем он вступил в официальные переговоры с народным советом, который беспрестанно молил о

полицейской помощи у английских и американских империалистов и заключил с ним, как с высшей властью Латвии договор.

«Параллельно с поддержкой народного совета, он допустил организацию железных батальонов, которые вместе с вооруженной немецким оружием белой гвардией были посланы в бой против красных стрелков Латвии и русской социалистической армии. Таким образом, революционный уполномоченный сознательно укрепил контр-революционные организации Латвии — народный совет и Временное Правительство — которые открыто пошли в услужение американскому империализму. Безумнейшая реакция праздновала свою победу в «демократической Латвии».

«Тюрьмы, которые не оставались пустыми ни на минуту, опять переполнены арестованными рабочими-большевиками, сотнями людей, которые арестованы лишь на основании подозрения. Хулиганы в форме немецких солдат, окружали в Риге целые кварталы и обыскивали каждого встречного в поисках за оружием. Честные немецкие солдаты не хотели этого делать, и Виннинг, вместе с фельдфебелями — солдатским советом, спокойно позволил возмутительное переодевание в солдатскую форму. В железных батальонах находятся лишь местные бароны и «Selbstschutz'ы». Они были снабжены деньгами и оружием немецкой республики и носили форму немецких солдат. Эти-то люди возмутительным образом обстреляли в Либаве мирное собрание рабочих и арестовали в Риге и Лифляндии членов рабочих депутатов. Они-то выступили против войск советской России, пришествие которых большинством неимущего населения давно ожидалось.

«Ваша задача, уважаемые товарищи, произвести давление в том направлении, чтобы немецкие войска скорее оставили Россию и русская армия могла скорее продвигаться вперед. Далее, чтобы белая гвардия не снабжалась оружием и деньгами, и чтобы Виннинг и компания, от имени германской революции, приостановили бы свою контр-революционную политику. Об остальном тогда позаботится латышский пролетариат. Он считает вооруженное возстание против своего национального предательского правительства своею обязанностью, чтобы социалистическая советская Латвия смогла стать крепким мостом между социалистической Россией и теперешней социалистической Германией.»

Такъ характеризовали образъ дѣйствія, поведеніе и роль германскаго солдатскаго совѣта въ Ригѣ и правительственнаго комиссара, соц.-дем. Виннинга, въ эти сугубо отвѣтственные дни, латышскіе большевики.

Но, все-же, силъ солдатскаго совѣта въ Ригѣ и энергіи комиссара Виннинга было далеко не достаточно въ обстановкѣ стихійнаго революціоннаго движенія въ странѣ. Положеніе осложнялось еще категорическимъ ультимативнымъ требованіемъ побѣдительницы-Антанты о беззамедлительной и полной эвакуаціи Прибалтійскаго края германскими войсками.

Мстительные побѣдители совершенно не учитывали обстановку и не желали считаться съ тяжкими послѣдствіями для несчастнаго края, на который изъ Петербурга и Пскова катился уже страшный большевистскій валъ въ лицѣ латышской красной арміи, слѣдовавшей, буквально, по пятамъ за уходящими германскими войсками, которая, не терпя рѣшительно никакихъ потерь, только усиливалась по пути, подбирая военное снаряженіе и оружіе, брошенное, вслѣдствіе поспѣшной и принудительной эвакуаціи края, нѣмецкими войсками, и несла съ собой терроръ, смерть и кошмаръ въ мирные до сихъ поръ города и деревни Прибалтики.

Къ серединѣ декабря латышской красной арміей были уже заняты города Верро, Валкъ, Люцинъ, Рѣжица, Креславль. Вокругъ Риги смыкалось тѣсное красное кольцо.

Безпомощность Ульманиса. Прибытіе англичанъ.

Безсильное, неопытное латышское Временное Правительство, избранное лишь 18 ноября, составленное изъ людей по части политики, что называется, «отъ сохи», не располагало ни авторитетомъ, ни какой-либо реальной силой, если не считать нѣсколькихъ сотъ добровольцевъ изъ нѣмецкой молодежи, организованной Виннигомъ подъ названіемъ Балтійскаго ландсвера. Правительство пыталось бороться противъ катившейся лавины красной арміи единственнымъ доступнымъ для него оружіемъ: воззваніями, разсчитанными на патріотическое чувство красныхъ латышскихъ стрѣлковъ: «Независимая Латвія зоветъ васъ, гордыхъ латышскихъ стрѣлковъ, въ свое молодое отечество, твердо вѣря, что вы явитесь его достойными и благородными сынами. По васъ давно скучаютъ ваши отцы и матери, ваши братья и сестры. Всѣ латыши — въ одну дружную латышскую семью.»

Таковъ былъ смыслъ патріотическихъ воззваній правительства Ульманиса, агронома по профессіи. Но «гордые латышскіе стрѣлки» и «достойные сыны отечества» шли на Ригу, безпощадно истребляя по пути своихъ «соскучившихся» отцовъ, братьевъ и соотечественниковъ вообще.

Только къ 18 декабря Временное Правительство, окончательно оріентировавшееся на Антанту, разочаровавшисъ въ силѣ своихъ патріотическихъ воззваній, обезкураженное проваломъ обязательной мобилизаціи, рѣшило, если не спасти положеніе, то хотя бы временное оттянуть неминуемую катастрофу паденія Риги. Въ этихъ видахъ и цѣляхъ предсѣдатель правительства, Ульманисъ, по уполномочію своихъ коллегъ — министровъ, заключилъ съ комиссаромъ Виннигомъ договоръ, согласно котораго, германскіе солдаты, желающіе активно оборонять Ригу отъ большевиковъ, получать въ Лифляндіи и Курляндіи земельные участки, отъ 20

до 30 десятинъ, въ полную ихъ собственность, кромѣ посуточнаго жалованья въ размѣрѣ 13 руб. 50 коп. въ сутки.

Договоръ былъ подписанъ Ульманисомъ и Виннигомъ, въ присутствіи члена народнаго совѣта и члена балтійско-нѣмецкой прогрессивной партіи, барона Розена.

Черезъ два или три дня, на основаніи этого договора, Виннигомъ былъ сформированъ, такъ называемый, «Желѣзный батальонъ» изъ числа надежныхъ германскихъ солдатъ, наименѣе поддавшихся разложенію. Это обстоятельство, конечно, стало извѣстно союзникамъ и въ Ригу, въ сочельникъ Рождества, прибыли сразу два англійскихъ крейсера, «Виндзоръ» и «Принцесса Маргеритъ», (впослѣдствіи удостоенная чести везти большевистскаго посла Литвинова, изъ Ревеля въ Лондонъ).

Командующій эскадрой привезъ рѣшительный приказъ объ ускореніи очищенія Риги отъ нѣмцевъ, съ увѣдомленіемъ, что охрану Риги отнынѣ беретъ въ свои руки онъ со своей эскадрой.

Но такова, вѣроятно, провиденціальная роль англичанъ-приносить несчастье тамъ, гдѣ только они появляются. На другой же день, въ воинскихъ казармахъ на Матвѣевской улицѣ, гдѣ помѣщались мобилизованные латышскіе солдаты, вспыхнулъ мятежъ. Двѣ латышскія роты, избивъ своихъ офицеровъ, отказались выступить на фронтъ.

Бунтъ вспыхнулъ еще въ 4 часа ночи, но, такъ какъ хозяевами Риги оффиціально числились англичане, никто не осмѣлился самовольно приняться за его усмиреніе. Только въ 7 часовъ утра, когда англійскіе офицеры и матросы проснулись и позавтракали, загрохотали выстрѣлы съ крейсера «Виндзоръ», направленные на казармы, уже окруженные частями желѣзнаго батальона и ландсвера. Холостые выстрѣлы свѣтящихся снарядовъ съ ракетами произвели на бунтовщиковъ достаточное впечатлѣніе и они были обезоружены и, подъ сильнымъ конвоемъ, препровождены въ тюрьму. Англичане же, пострѣлявъ въ воздухъ, сочли за благо въ этотъ день съ корабля не сходить. И, только на другой день, когда «гордые бритты» убѣдились, что порядокъ болѣе не нарушается, они спустили на берегъ нѣсколько патрулей.

Подъ предсѣдательствомъ англійскаго адмирала, въ цитадели состоялся судъ надъ зачинщиками бунта, изъ коихъ 12 человѣкъ были присуждены къ смертной казни и разстрѣляны.

Въ то время англичане еще были въ фаворѣ и имъ еще вѣрили. Въ газетахъ почти каждый день печатались огромныя ликующія статьи съ основнымъ лейтмотивомъ: англичане — рыцари своего слова; англичане, разъ взявшіеся за оружіе, не вложатъ его въ ножны до полной побѣды; англичане — историческіе защитники всѣхъ малыхъ народовъ; ergo — Рига можетъ быть спокойна за свою судьбу, разъ въ ея порту стоятъ англійскіе корабли, вслѣдъ за которыми черезъ часъ, черезъ два, черезъ день, послѣдуетъ 40 тысячный дессантъ.

На набережной, съ ранняго утра до сумерекъ, тысячными толпами шатались легкомысленные рижане и любовно глядѣли на пушки, повернутыя дулами на востокъ, въ направленіи движенія краснаго врага, стоявшаго, увы, уже подъ Хинценбергомъ, въ 42 верстахъ отъ Риги. Когда на усиленіе пѣшихъ патрулей изъ англійскихъ матросовъ, на автомобиль была посажена какая-то завалящаяся скорострѣльная пушченка, сопровождаемая артиллерійской прислугой на платформѣ, привязанной въ автомобилю съ пушкой, это вызвало бурю восторга у зѣвакъ, не замѣчавшихъ всей пошлости и комичности этой своеобразной «защиты» Риги.

Но въ англичанъ, повторяю, еще вѣрили и имъ легкомысленно отдавались сердца, измѣнившія нѣмцамъ, обозы которыхъ безконечными вереницами тянулись за Двину.

Смущала только развѣ таинственная загадочность въ поведеніи англійскаго консула въ Ригѣ, Бозанкета, который на нетерпѣливые разспросы о времени прибытія дессанта, отговаривался какими-то туманными фразами и общими мѣстами, не давая прямыхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ. Настроеніе портилось еще и тѣмъ, что Бозанкетъ предложилъ всѣмъ англійскимъ подданнымъ въ Ригѣ, «на всякій случай», заблаговременно пересѣсть на корабль. Оффиціально же Бозанкетъ сообщалъ любопытнымъ, что англійскія дамы не любятъ зрѣлища уличныхъ боевъ и, «для спокойствія», онѣ перебрались изъ своихъ городскихъ квартиръ, въ которыхъ, какъ въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, до сего времени находятся ихъ мужья.

31 декабря Ригу охватило тревожное настроеніе. Утромъ были получены свѣдѣнія, что подъ Хинценбургомъ, латышская красная армія разбила германскій «желѣзный баталіонъ» и балтійскій ландсверъ и стремительно продвигается къ Ригѣ. Вѣра въ англичанъ, въ ихъ пушку съ патрулями и ихъ дессантъ впервые дрогнула. Стали запираться магазины, банки и нѣкоторыя правительственныя учрежденія. Благоразумные люди съ чемоданами стали направляться на вокзалъ. Но вечеромъ того же дня, для поднятія настроенія, на всѣхъ улицахъ были расклены большія объявленія, датированныя, почему-то, 1 января 1919 года и подписанныя предсѣдателемъ Временнаго Правительства, Ульманисомъ и англійскимъ адмираломъ съ сообщеніемъ, что злонамѣренные люди и большевики распространяютъ провокаціонные слухи о неудачѣ нашихъ войскъ подъ Хинценбергомъ; что хотя сраженіе и бой, дѣйствительно, были, но большевики разбиты и отступили и городу не угрожаетъ ни малѣйшей опасности; что правительство, не имѣя права разглашать военныя тайны, проситъ населеніе вѣрить, что Рига находится внѣ всякой опасности и, въ скоромъ времени, получитъ серьезную и основательную помощь.

Воззваніе было составлено въ сильныхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ.

Но вѣры въ безопасность Риги все же не было. Страстно ожидаемый англійскій дессантъ не появлялся и новый годъ

былъ встрѣченъ рижанами въ подавленномъ настроеніи. Новогоднее настроеніе еще больше упало, когда въ Ригѣ было получено сообщеніе, что совѣтское правительство Стучки, перебравшись изъ Валка въ Венденъ, начало уже законодательствовать. Къ тому же на рижскихъ улицахъ, рядомъ съ воззваніями Ульманиса, оказались наклеенными воззванія стучкинаго правительства съ обращеніемъ «Къ латышскимъ стрѣлкамъ».

1 января, несмотря на праздничный день, комиссаръ Виннигъ явился къ Ульманису и сообщилъ ему, что силъ германскаго «желѣзнаго батальона» для борьбы съ красной арміей недостаточно и что необходимо усилить этотъ батальонъ вербовкой новыхъ добровольцевъ. При этомъ Виннигъ подчеркнулъ два важныя обстоятельства. Первое — это то, что солдатъ желѣзнаго батальона крайне нервируетъ нахожденіе въ Ригѣ англичанъ и солдаты не увѣрены, что результаты ихъ борьбы за Ригу не будутъ впослѣдствіи аннулированы Антантой.

Второе, не менѣе важное обстоятельство, это то, что на германское правительство сильно насѣдаютъ революціонные совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ Германіи и, подъ давленіемъ нотъ русскаго и латышскаго совѣтскихъ правительствъ, настаиваютъ на немедленномъ очищеніи Риги отъ германскихъ войскъ.

Однако, Временное Правительство, откровенно флиртовавшее съ англичанами, не обратило должнаго вниманія на предупрежденіе Виннига и совѣщаніе, на которомъ настаивалъ Виннигъ, не состоялось.

2 января эвакуировались послѣдніе нѣмецкіе штабы. Ушелъ за Двину и желѣзный батальонъ. Въ городѣ остались только разрозненные и мародерски настроенные солдаты, занявшіеся грабежомъ складовъ и пакгаузовъ. Къ нимъ вскорѣ присоединилась и мѣстная чернь.

Вечеромъ огромное зарсво, сразу съ двухъ концовъ, освѣтило весь городъ. Это горѣли хлѣбные пакгаузы и 1-ый городской театръ, гдѣ, во время оккупаціи, работала отличная нѣмецкая оперная труппа. Какъ возникъ пожаръ и по какой причинѣ — неизвѣстно. Къ счастью, погибъ не весь театръ и пострадала лишь сцена и складъ декорацій, оцѣнивавшихся въ 50 тысячъ остъ-рублей.

Цѣлую ночь пьяные солдаты пускали свѣтящіяся ракеты и стрѣляли въ воздухъ. Прожектора англійскихъ кораблей бороздили небо до полночи. Патрули балтійскаго ландвера были безсильны прекратить уличное безобразіе. Англійскіе патрули уже въ 7 час. вечера убрались на корабль.

Вообще, вся эта ночь была жуткая и кошмарная. Врядъ-ли въ Ригѣ нашелся хотя одинъ человѣкъ, который спалъ бы въ эту ночь спокойно. Утромъ, 3 января, когда едва забрезжилъ свѣтъ, толпы рижанъ тревожно бросились на набережную, чтобы убѣдиться собственными глазами — стоятъ-ли еще англійскіе корабли?..

Бѣгство англичанъ.

Увы, рыцари слова, англійскіе джентльмены, оказались большими трусами и невѣжами. Они, не попрощавшись съ рижанами, подъ покровомъ тьмы, въ ночь на 3 января, исчезли во избѣжаніе могущихъ быть непріятностей, увезя съ собой своихъ подданныхъ и незначительную часть рижскихъ бѣглецовъ, имѣвшихъ личную протекцію г. Бозанкета.

Ночью же, на англійскихъ корабляхъ уѣхало, также не попрощавшись и само Временное Правительство Ульманиса, обѣщавшее Ригѣ только третьяго дня помощь и безопасность.

Сообщить рижанамъ непріятную вѣсть о бѣгствѣ правительства выпало на долю секретаря газеты «Рижское Слово». Такъ какъ въ эту ночь типографіи не работали и газеты не вышли, онъ вывѣсилъ въ окнѣ конторы газеты на Известковой большой плакатъ, написанный отъ руки:

«Сегодня ночью на англійскомъ крейсерѣ изъ Риги неизвѣстно куда уѣхало Временное Правительство».

Около конторы, въ теченіе какого-нибудь часа, перебывало, навѣрное, нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, комментировавшихъ событія прошлой ночи.

Когда въ контору явился какой-то небольшой, но патріотически настроенный латвійскій чиновникъ и потребовалъ у секретаря снять плакатъ на томъ основаніи, что сообщеніе о бѣгствѣ правительства ложно, секретарь распахнулъ дверь и вытолкалъ патріота на улицу. Возмущенный чиновникъ пошелъ за полиціей, но, конечно, не нашелъ ее нигдѣ.

Временными носителями власти объявили себя рижскій совѣтъ Рабочихъ депутатовъ и Революціонный Комитетъ, открыто расклеивавшіе прокламаціи, отпечатанныя ночью въ типографіяхъ, уже захваченныхъ большевиками.

Несмотря на призывы рижскихъ революціонныхъ организацій, «беречь пролетарское добро», городская чернь съ самаго утра занялась дограбленіемъ недограбленнаго наканунѣ ночью. Мужчины, женщины, дѣти, обливаясь потомъ, тащили на рукахъ и на салазкахъ мѣшки съ мукой, крупой, пакеты съ сахаромъ, боченки съ масломъ и сельдями. Запоздавшіе отнимали добычу у болѣе предусмотрительныхъ и запасливыхъ. На улицахъ разгорались драки, происходила стрѣльба, падали раненые и убитые. Послѣдніе, совѣтскимъ правительствомъ, черезъ пять дней были объявлены «борцами за свободу» и, въ качествѣ таковыхъ, торжественно похоронены въ общей могилѣ на Эспланадной площади, у самыхъ стѣнъ русскаго Кафедральнаго Собора, въ сопровожденіи массовыхъ демонстрацій, съ лѣсомъ знаменъ и плакатовъ, подъ звуки интернаціонала.

Около полудня, 3 января, военно-революціонный комитетъ, выпустилъ экстренный выпускъ латышской коммунистической газеты «Zihna» («Борьба»), до сихъ поръ выходившей нелегально, съ требованіемъ къ рабочимъ и всѣмъ

неконтръ-революцiоннымъ элементамъ выходить навстрѣчу красноармейской армiи, чтобы привѣтствовать ея вступленiе въ городъ, и украсить всѣ дома красными флагами.

Такъ какъ почти никому изъ рижанъ не улыбалось заранѣе и авансомъ зачислиться въ «контръ-революцiонеры», то встрѣча красныхъ «героевъ» вышла, по внѣшности, достаточно внушительной и импозантной.

Такъ какъ магазины съ новаго года стояли закрытыми и не раскрывались и модную красную матерiю на флаги срочно достать было нелегко, то, вѣчно-проспособляющiеся, обыватели, не долго задумываясь, смастерили революцiонные флаги, повырывавъ бѣлые полосы изъ латышскихъ нацiональныхъ красно-бѣлыхъ-красныхъ флаговъ, еще вчера украшавшихъ дома по случаю пребыванiя въ Ригѣ дорогихъ англiйскихъ гостей.

Ждать прихода «героевъ» пришлось очень долго. Вмѣсто назначеннаго революцiоннымъ комитетомъ срока въ 1 часъ пополудни, они явились только въ четвертомъ часу вечера.

Первыми показались конные разъѣзды красной кавалерiи. Это были все здоровые, хорошо откормленные и хорошо одѣтые парни въ казачьихъ папахахъ и широкихъ шароварахъ съ казачьими красными лампасами. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ всадниковъ лампасы были серебряные и розовые, но въ два раза шире нормальныхъ казачьихъ лампасъ.

Минутъ черезъ двадцать прослѣдовали четыре эскадрона красной конницы. Многiе изъ солдатъ, увидавъ на тротуарахъ своихъ родственниковъ, моментально слѣзали съ лошадей, обнимались. При этомъ характерно было то, что и родные, и знакомые красныхъ стрѣлковъ большей частью не походили на пролетарiевъ, а были либо хорошо и даже нарядно одѣтыя барышни и барыни, либо «господа» изъ числа тѣхъ, которыхъ всегда можно было видѣть на, такъ называемой, «черной биржѣ» на Песочной. Какъ, впослѣдствiи, показала статистика, едва ли не половина стрѣлковъ принадлежала къ мелко-буржуазному классу: это были сыновья зажиточныхъ ремесленниковъ, торговцевъ или латышскихъ фермеровъ, по большевистской терминологiи — «сѣрыхъ бароновъ».

Тутъ же, при первой встрѣчѣ, помню, произошли два трагическихъ случая.

Какая-то барынька — латышка, цѣлуясь съ своимъ братомъ, неожиданно замѣтила по близости «переодѣтаго шпiона» и указала на него «герою». Напрасно старый нѣмецъ доказывалъ и клялся, что онъ не сыщикъ и не шпiонъ и что его личность можетъ удостовѣрить населенiе всего дома на такой-то улицѣ.

Бравый парень, улыбаясь, приказалъ несчастному нѣмцу «молиться Богу». Пока нѣмецъ, валяясь въ ногахъ стрѣлка, молилъ его о пощадѣ, палачъ вынулъ палашъ и раскроилъ несчастному черепъ на глазахъ толпы. Затѣмъ спокойно вытеръ полой палашъ, театрально-эффектно поцѣловалъ его,

вложилъ обратно въ ножны и, какъ будто ничего не произошло, смѣясь принялся опять обнимать барыньку, гордую тѣмъ, что она сдѣлалась на время «героиней дня».

Черезъ нѣсколько времени на углу Александровской и Романовской разыгралась другая отвратительная сцена.

На сцену встрѣчи красныхъ стрѣлковъ глазѣли два, отставшіе отъ своихъ, германскіе солдата, чисто товарищескаго пошиба, растрепанные, съ запухшими отъ пьянства глазами, безъ погонъ и кушаковъ. Не совсѣмъ протрезвившіеся германскіе камрады махали своими изжеванными безкозырками и кричали «ура» и «hoch». Однако, ихъ присутствіе въ толпѣ показалось уличнымъ мальчишкамъ подозрительнымъ и они, задержавъ пятерыхъ кавалеристовъ, стали что-то быстро-быстро лопотать имъ, все время указывая пальцами на нѣмцевъ. Солдаты спѣшились, схватили нѣмцевъ и, не вступая съ ними ни въ какіе разговоры, поставили къ стѣнѣ одного изъ домовъ на боковой, Романской, улицѣ и выпустили въ нихъ нѣсколько залповъ. Вмѣсто подвыпившихъ веселыхъ камрадовъ на улицѣ остались лежать два окровавленныхъ трупа.

Встрѣча героевъ затянулась до поздняго вечера.

Въ солдатъ бросали живые цвѣты, ихъ угощали папиросами, конфектами, въ руки совали бутылки водки. На каждомъ перекрестѣ всадники останавливались, снимали фуражки, снимала ихъ и толпа, гремѣла Марсельеза и интернаціоналъ. Затѣмъ эскадронъ, надѣвъ шапки, кричалъ «ура», ѣхалъ дальше. На слѣдующемъ перекресткѣ происходила та же церемонія.

Встрѣча, повторяю, была очень торжественная и на половину, пожалуй, даже искренняя.

Для большинства латышской интеллигенціи и мелкой буржуазіи, все таки, большевики-стрѣлки были ближе и роднѣе, нежели недавніе оккупанты — нѣмцы. Если стрѣлки звѣрствовали и палачествовали тамъ, въ чуждой имъ Россіи и истребляли чужихъ, не родныхъ имъ, русскихъ, то дома они, эти краснощекіе, рослые красавцы, по отношенію къ своимъ роднымъ по крови, латышамъ, не будутъ звѣрьми. Такъ разсуждала латышская интеллигенція. Эти разсужденія интеллигенціи я слышалъ еще до прихода большевиковъ въ Ригу, слышалъ и въ день ихъ прихода. Слышалъ ихъ и потомъ, въ теченіе первыхъ двухъ недѣль владычества Стучки, когда латышская интеллигенція цѣликомъ, сразу же пошла на совѣтскую службу служить не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Въ обоснованіе этой своей національной тактики, латышская интеллигенція приводила доводы, недалекіе и фальшивые, въ пользу того, что въ красномъ террорѣ въ Совѣтской Россіи и искаженіи большевизма повинна исключительно русская интеллигенція, идеалистическая и теоретизировавшая, предпочевшая сотрудничеству съ болшевистской властью — бойкотъ и саботажъ. Какъ доказательство отъ противнаго, должно-де показать сотрудничество

практической латышской интеллигенціи съ своими большевиками, изъ которыхъ она, латышская интеллигенція, сдѣлаетъ патріотовъ и націоналистовъ во славу своего молодого отечества. Характернымъ откликомъ на эти оптимистическія настроенія, впослѣдствіи, явилась статья Стучки въ «Ziņ'ѣ», въ которой онъ хвалилъ поведеніе латышской интеллигенціи, «рвеніе которой на совѣтскую службу было такъ велико, что правительство совершенно не въ состояніи использовать трудъ этихъ желающихъ послужить на пользу совѣтской Латвіи.»

Заявленіе это тѣмъ болѣе интересно, что, уже мѣсяцемъ раньше, уѣхавшій на англійскомъ крейсерѣ Ульманисъ, тоже благодарилъ и отмѣчалъ исключительное рвеніе латышской интеллигенціи, желающей послужить молодому государству и сожалѣлъ, что «у правительства не хватало возможности использовать весь предложенный трудъ.»

Злая практика, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, жестоко насмѣялась надъ теоріей «практической» интеллигенціи и ея вѣрой въ порядочность своихъ красныхъ компатріотовъ. Но объ этомъ потомъ.

Пріѣздъ совѣтскаго правительства.

Само совѣтское правительство переѣхало изъ Вендена въ Ригу только черезъ два дня, 5 января, когда всякая опасность для совѣтскихъ сановниковъ абсолютно исключалась и отдохнувшіе въ Ригѣ въ теченіе сутокъ стрѣлки заняли Туккумъ и, приближаясь къ Митавѣ, посылали, чуть ли не съ каждой версты, побѣдоносныя реляціи, съ указаніемъ количества взятыхъ въ плѣнъ бѣлогвардейцевъ, пушекъ, пулеметовъ, ружей, гранатъ и проч. вещей, о которыхъ принято говорить въ военныхъ реляціяхъ.

Не хотѣли уходить только «Степаны», т. е. наши русскіе красноармейцы, плохо одѣтые, въ потертыхъ, замызганныхъ шинеляхъ, въ старыхъ рваныхъ сапогахъ, не рѣдко въ лаптяхъ, являвшіе разительный контрастъ по сравненію съ отлично экипированными латышскими стрѣлками. Къ тому же, русскіе «Степаны» встрѣтили въ Ригѣ со стороны латышей не особенно радушный пріемъ и очень мало предупредительности по части расквартированія и продовольствія. Оттого русскіе красноармейцы и не изъявляли особенной охоты завоевывать счастье для красной совѣтской Латвіи.

5 января два батальона русскихъ, придя съ оружіемъ на вокзалъ, стали требовать отъ желѣзнодорожныхъ чиновниковъ подать имъ вагоны для отправки домой, въ Россію. На станцію прибыли агитаторы, взявшіеся углублять и расширять классовое самосознаніе русскихъ пролетаріевъ въ солдатскихъ шинеляхъ, но, когда русскіе пролетаріи выразили опредѣленное желаніе избить латышскихъ агитаторовъ, на станцію прибыло два взвода латышской пѣхоты съ пулеметами.

Эта пропаганда оказалась внушительнѣе. «Степаны» примирились, отказались отъ мысли поѣхать домой, но затаили злобу противъ латышей. И этотъ постоянный антагонизмъ между русскими и латышскими частями не разъ ставилъ армію совѣтской Латвіи въ критическое положеніе и дважды былъ причиной ея пораженія.

Первымъ декретомъ, который опубликовало правительство въ Ригѣ, это былъ декретъ объ уничтоженіи дворянства, прочихъ сословій и чиновъ и орденовъ въ Латвіи, уже дѣйствовавшій въ Лифляндіи, но неизвѣстный до сихъ поръ въ Ригѣ и Курляндіи. Декретъ былъ короткій:

1. Упраздняются все существующие поныне въ Латвии сословные, привилегии и ограничения, сословныя организации и учреждения, сословные деления граждан, а равно и все чины и ордена.

2. Всякие звания и чины (как-то: дворянина, купца, мещанина, приписанного к рабочему окладу; духовенства — с одной стороны; князя, барона, фона, тайного, статского и проч. советника — с другой стороны) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения Латвии наименование — граждан республики.

3. Имущества дворянских и городских сословных учреждений национализируются и немедленно передаются советам.

4. Не подчиняющиеся этому декрету передаются суду революционного трибунала.

Вторымъ дѣломъ правительства, остановившагося сначала въ лучшихъ рижскихъ отеляхъ, а потомъ перебравшагося въ наилучшіе буржуазные дома, изъ которыхъ всѣ жильцы выбрасывались на улицу въ теченіе 6 часовъ, было организація торжественныхъ похоронъ «борцовъ за свободу», т. е. тѣхъ мелкихъ грабителей, которые громили лавки и склады послѣ ухода нѣмцевъ, и третьимъ — «восшествіе на престолъ», т. е. принятіе власти отъ рижскаго совѣта рабочихъ депутатовъ и объявленіе «диктатуры пролетаріата», олицетворяемаго Петеромъ Стучкой, маленькимъ латышскимъ адвокатомъ безъ практики, и «горячимъ русскимъ патріотомъ», который въ 1897 году въ газетѣ «Deeras Сара» по поводу эмиграціи латышей въ Америку писалъ: «Развѣ тамъ есть русскій царь? Развѣ тамъ есть русскій законъ? Только подъ сильными крыльями мощнаго русскаго двухглаваго орла мы, латыши, можемъ чувствовать себя въ безопасности». И вотъ этотъ самый Стучка, или, какъ выражались рижане «штучка», который въ 1906 году, посредствомъ доноса на латышскаго поэта Райниса въ жандармерію, разгромилъ редакцію «Сара» и заставилъ 18 латышскихъ писателей бѣжать изъ Риги въ Швейцарію, этотъ Стучка теперь, въ качествѣ первѣйшаго революціонера Латвіи и коммуниста, готовился быть президентомъ, «отцомъ народа» и карателемъ враговъ пролетаріата. Уже первая

рѣчь Стучки надъ могилами «борцовъ за свободу» показала, какой кровавой штучкой будетъ Стучка!

«Кровь, месть, убить, раздавить, казнить, истребить», въ его получасовой рѣчи заняли почти три четверти всѣхъ его словъ. И, конечно, въ первую очередъ всѣ эти ужасы должны были обрушиться на голову нѣмецкаго населенія, независимо отъ пола, возраста, классоваго и сословнаго состоянія.

Но «совѣтское правительство рабочихъ, стрѣлковъ и безземельныхъ крестьянъ» не хотѣло довольствоваться ролью самозваннаго анонимнаго правительства.

Но для этого необходимо было продѣлать нѣсколько формальностей, нужно было, чтобы правительство было «оффиціально и всенародно» избрано и утверждено «волею пролетаріата».

Для сей цѣли на 13 января былъ назначенъ съѣздъ совѣтовъ Латвіи, который долженъ былъ утвердить правительство, назначенное Ленинымъ и Зиновьевымъ еще въ Петроградѣ. Для того, чтобы съѣзду придать наиболѣе импозантный видъ, Стучка, кромѣ своихъ «чумазыхъ», пригласилъ на съѣздъ и важныхъ персонъ коммунистической бюрократіи. Изъ бюллетеня № 5 рижане узнали, что «совѣтское правительство послало приглашенія слѣдующимъ вождямъ и дѣятелямъ III Интернаціонала»:

Ленину — вождю международнаго революціоннаго пролетариата и другу пролетариата Латвии.

Троцкому — вдохновителю Красной Армии Республики, который своею вооруженною рукою помог освободить трудовой народ Латвии.

Свердлову — представителю Советской России.

Товарищу *Вацетис* — главнокомандующему всеми вооруженными силами России и Латвии.

Каменеву — представителю Московского пролетариата.

Зиновьеву — представителю Северной Коммуны и Красного Петрограда.

Пятакову — представителю советского правительства Украины.

Капсукасу — представителю советского правительства Литвы.

Анвельту — представителю эстонского пролетариата.

Даже Розѣ Люксембургъ и Карлу Либкнехту по радио было послано отдѣльное приглашеніе.

Тѣмъ временемъ, въ ожиданіи съѣзда депутатовъ, правительство занялось заготовкой соотвѣтствующаго матеріала для будущихъ боенъ. Безпорядочныхъ и случайныхъ обысковъ, арестовъ, разграбленій квартиръ, скоропалительныхъ разстрѣловъ, производимыхъ кустарнымъ способомъ рижскимъ совѣтомъ, конечно, было недостаточно для Стучки и его присныхъ, которымъ было необходимо заставить заговорить о себѣ, если не міръ, то, во всякомъ случаѣ, хотя бы всю Латвію, заставить содрогаться, чувствовать, что въ Ригѣ существуетъ сильное и могущественное

правительство, которое можетъ приказать сразу, въ одинъ моментъ, убить 5—10 тысячъ человѣкъ и ихъ убьютъ и никто не пожалѣетъ и не дерзнетъ сказать правительству: «нельзя».

Стучкѣ и его компаніи былъ нуженъ организованный массовый терроръ для эффекта, для устрашенія, для демонстраціи силы правительства.

Предлогъ для террора былъ эффектный, кричащій, поражающій умы черни: «Благодаря энергичной работе комендатуры, во многих домах гор. Риги найдены громадные запасы оружия. В некоторых домах найдены даже скорострельные орудия мелких калибров. Расследование этих случае доказало несомненное участие в вооружении домов белой гвардии, решившей отстаивать Ригу до последней возможности.»

Но въ этомъ очередномъ провокаціонномъ сообщеніи совѣтскаго бюллетеня не было ни слова правды.

Никто изъ рижанъ не собирался защищать Ригу. Рига занята была безъ боя. Но «громадные запасы оружія», «скорострѣльныя пушки», «вооруженіе домовъ», «защита Риги до послѣдней возможности», весь этотъ наборъ эффектныхъ жупеловъ звучалъ громко и это служило отличнымъ предлогомъ для массовыхъ казней. Вслѣдъ за симъ, началась форменная вакханалія арестовъ и обысковъ и, въ первую очередь — въ нѣмецкихъ домахъ. Въ дѣло были пущены сотни спеціалистовъ, прошедшихъ сложное искусство въ чрезвычайкахъ Урицкаго. Вскрывались полы, взламывались стѣны, рубилась по кускамъ драгоцѣнная мебель, переворачивались вверхъ дномъ спальни, кухни, ванны, отопленіе, выбрасывались цвѣты изъ горшковъ, разбирались піанино и рояли въ поискахъ оружія, секретной переписки, брилліантовъ и золота. Арестовывалось населеніе не только отдѣльныхъ квартиръ, но и цѣлыхъ домовъ, отъ 80-лѣтнихъ стариковъ до грудныхъ дѣтей и отправлялось въ тюрьмы безъ права захватить съ собой подушку, одѣяло, или пару бѣлья.

До поры до времени чувствовала себя въ безопасности лишь латышская интеллигенція, открыто сочувствовавшая погрому нѣмцевъ и не допускавшая мысли, что съ латышской головы когда нибудь упадетъ латышскій волосъ.

Черезъ мѣсяцъ, однако, летѣли не только волосы, но и цѣлыя латышскія головы, уравненныя съ нѣмецкими подъ общимъ знакомъ интернаціонала

Отношеніе къ иностранцамъ.

Въ горячкѣ повальныхъ арестовъ и обысковъ пострадали и иностранцы: шведы, датчане, голландцы и др., нейтралы. Но, въ отношеніи къ иностранцамъ, въ задачу стучкинаго правительства не входила ссора съ нейтралами, которыхъ Стучка намѣревался использовать въ своихъ цѣляхъ. Для вѣрности Стучка, однако, телеграфировалъ въ Москву объ инструкціяхъ и получилъ оттуда наказъ — до поры до времени не

задираться съ иностранцами. Поэтому, арестованные нейтралы и, въ частности, германскій вице-консулъ, не успѣвшій своевременно уѣхать, были освобождены подъ честное слово, что они не будутъ заниматься никакой контръ-революціонной дѣятельностью.

Голландскій же и шведскій консулы получили изъ канцеляріи Стучки по слѣдующей бумагѣ:

> Немецкий, голландский и шведский консулы при временном правительстве Латвии обратились к председателю советского правительства с просьбою выдать им удостоверения в том, что они состоят представителями своих государств в Риге.
>
> Им было замечено, что посольства, существовавшия до издания манифеста советского правительства и признания независимости Латвии со стороны России от 25-го декабря 1918 года, должны быть признаны ныне несуществующими, ибо после аннулирования Брестского мирного договора все Балтийские провинции считаются принадлежищими к России, дипломатические сношения с которой были вышеупомянутыми державами прерваны. Ныне им не остается ничего иного, как уехать и в случае, если эти державы находят это нужным, прислать дипломатических представителей и признать независимость Латвии. Председатель советского правительства обещал им до их от'езда возможность свободного проживания и неприкосновенность личности, как и каждому гражданину. Вместе с тем председатель советского правительства обещал посланникам содействовать к их от'езду через Двинск.
>
> В беседе с немецким посланником было отмечено, что военные материалы также, как и оставленное государственное имущество в будущем не могут быть отправлены из пределов Латвии. Этот вопрос также, как и вопрос о возмещении убытков за увезенные и разрушенные собственности, может лишь разрешить третейский суд, если между двумя социалистическими правительствами в этом вопросе наследия империалистической войны возникли разные мнения. Относительно вопроса о положении подданных чужих стран в Латвии, председатель советского правительства заявил, что советская Латвия признает одинаковые права всего рабочего края, также как и законы распространяются одинаково на всех жителей Латвии. Вместе с тем распространяются также общие декреты о национализации и монополизации и на иностранцев. Об исключениях в смысле возмещения убытков может итти речь лишь на основании особого международного договора. Этим самым иностранцы не могут попасть в худшее положение, чем жители Латвии.

Москва, зорко слѣдившая за каждымъ шагомъ назначеннаго ею правительства для Латвіи, осталась крайне недовольна дипломатической дѣятельностью Стучки, т. к. она не одобряла излишнюю самостоятельность, проявленную

Стучкой въ столь тонкомъ и деликатномъ дѣлѣ, какъ дипломатія и ей не нравилось предложеніе Стучки послать пословъ для независимой Латвіи, которая являлась самостоятельной только условно, а фактически и юридически входила въ составъ Совѣтской Россіи.

Кромѣ того, болѣе предусмотрительное Московское правительство не желало давать потачки иностранцамъ, резонно допуская съ ихъ стороны всякія контръ-революціонныя гадости.

Поэтому Москва заставила Стучку точно регламентировать права и обязанности иностранцевъ въ спеціальномъ разъясненіи.

Вопросъ о независимости Латвіи.

Дѣло тутъ, собственно, было не въ иностранцахъ, хотя опасения Москвы въ отношеніи «контръ-революціонеровъ», какъ я говорилъ выше, играли не послѣднюю роль, сколько въ желаніи Москвы взять латышей подъ свой контроль, чтобы они «не отбивались отъ рукъ» и не слишкомъ увлекались «завирательными» идеями о своей самостоятельности.

Это недовѣріе Москвы къ латышскому правительству чувствовалось на протяженіи всѣхъ 4½ мѣсяцевъ на каждомъ шагу и тренія, возникшія на этой почвѣ, безъ сомнѣнія, сыграли не послѣднюю роль въ срокѣ существованія совѣтской Латвіи.

Внушительное разъясненіе объ иностранцахъ, продиктованное цѣликомъ изъ Москвы, произвело на стучкину братію такое охлаждающее впечатлѣніе и такъ обозлило ее, что Стучка запросилъ по телеграфу Свердлова, какъ предсѣдателя Цика, существуетъ-ли независимая совѣтская Латвія, или не существуетъ, а если существуетъ, то въ какомъ видѣ.

Отвѣтъ Свердлова былъ мало утѣшителенъ потому, что гласилъ:

> На запрос советского правительства Латвии народные комиссары заявляют:
>
> 1. Российское правительство признает независимость советской республики Латвии. Высшим государственным учреждением Советское правительство России признает советскую власть Латвии, но, до с'езда советов — власть рабочих, безземельных крестьян и стрелков Латвии, с товарищем Стучкою во главе.
>
> 2. Советское правительство России обязывает все военные и гражданские учреждения российской республики, входящие при своей деятельности в сношения с советским правительством Латвии, оказывать советскому правительству Латвии и его войскам всевозможную поддержку в борьбе за освобождение Латвии от ига буржуазии.

3. Народный комиссар продовольствия и высший совет Народного хозяйства обязаны войти в сношения с соответствующими учреждениями советской республики Латвии для урегулирования товарообмена между обеими республиками. *В. Свердлов.*

Такимъ образомъ, признавая въ принципѣ независимость совѣтской Латвіи, русскіе комиссары признавали «власть рабочихъ, безземельныхъ крестьянъ и стрѣлковъ» лишь въ идеѣ и въ лицѣ только тов. Стучки. Иными словами, Стучка былъ, такъ сказать, генералъ-губернаторомъ, намѣстникомъ, но не президентомъ независимаго государства.

Эта телеграмма Свердлова сыграла, между прочимъ, на руку рижскому совѣту депутатовъ, которому, повидимому, не улыбалась задача передать власть въ руки пріѣзжихъ правителей. Такъ какъ Свердловъ разъяснилъ, что московское правительство признаетъ власть рабочихъ, крестьянъ и стрѣлковъ, то рижскій совѣтъ, желая напомнить рижскому пролетаріату, что, до созыва съѣздовъ, единственной, фактической властью является онъ, совѣтъ, а не правительство, ждущее «коронаціи», то онъ выпустилъ безтактное воззваніе къ рабочимъ и стрѣлкамъ, страшно озлобившее Стучку и его компанію. Хотя въ воззваніи никто изъ правительства лично поименованъ не былъ, но люди, бывшіе въ курсѣ закулисныхъ интригъ, знали истиную подкладу этого воззванія, выпущеннаго всего только за три дня до созыва съѣзда.

По окончаніи съѣзда, на которомъ рижскій совѣтъ депутатовъ передалъ власть совѣтскому правительству, оно жестоко расправилось съ совѣтомъ, допустившимъ такое возмутительное нарушеніе партійной дисциплины, какъ дискредитированіе власти правительства. По распоряженію совѣтскаго правительства былъ арестованъ и отстраненъ отъ должности членъ рижскаго совѣта, Карклинъ, за то, что состоя комендантомъ до переѣзда правительства, будто бы, бралъ взятки съ арестованныхъ спекулянтовъ и освобождалъ ихъ. Противъ членовъ совѣта, состоявшихъ также членами правленій различныхъ кооперативовъ, было начато слѣдствіе по обвиненію въ расхищеніи народнаго достоянія въ кооперативахъ. Оффиціозъ рижскаго совѣта, газета «Рижская Правда», былъ отнятъ у совѣта, переименованъ въ «Нашу Правду» и переданъ центральному комитету латышской коммунистической партіи.

Съѣздъ совѣтовъ Латвіи состоялся съ 13 по 16 января. Къ сожалѣнію, у меня, по независящимъ обстоятельствамъ, не сохранилось протоколовъ этого интереснаго съѣзда. Но интересно отмѣтить, что делегаты-коммунисты отъ Латгаліи (бывш. русскіе Люцинскій, Рѣжицкій, Креславскій, Дриссенскій и Двинскій уѣзды) съ пестрымъ населеніемъ, состоящимъ изъ великоросовъ, бѣлорусовъ, поляковъ, евреевъ, энергично протестовали уже въ первый день съѣзда противъ рѣчей и преній на латышскомъ языкѣ и заявили рѣшительное сопротивленіе противъ присоединенія Латгаліи къ Латвіи,

предпочитая, чтобы она входила въ составъ Россіи и чтобы для Латгаліи административнымъ центромъ считалась не Рига, а Витебскъ.

Однако, съѣздъ, большинствомъ голосовъ противъ 30, торжественно декларировалъ «единую и недѣлимую» совѣтскую Латвію со включеніемъ въ нее и Латгаліи.

Однако, этотъ провинціальный имперіализмъ красныхъ латышскихъ шовинистовъ на практикѣ постоянно встрѣчалъ сопротивленіе на мѣстахъ, латгальцы саботировали всѣ распоряженія правительства Стучки, не подчинялись распоряженіямъ о мобилизаціи, о реквизаціяхъ, бойкотировали Стучкину валюту вплоть до дня паденія Риги и пр.

Изъ числа именитыхъ гостей изъ за рубежа, приглашенныхъ на съѣздъ, конечно, никто не пожаловалъ. Карлъ Либкнехтъ и Роза Люксенбургъ позабыли даже поблагодарить за любезное приглашеніе. Изъ числа русскихъ комиссаровъ, только Чичеринъ и Свердловъ прислали привѣтственныя телеграммы съѣзду, составленныя въ обычныхъ трафаретныхъ выраженіяхъ.

Это, конечно, не означало, что русскіе комиссары не интересовались съѣздомъ. Наоборотъ, Москва зорко слѣдила за ходомъ съѣзда и совѣтская Роста въ Ригѣ, по прямому проводу, ежедневно сообщала въ Москву всѣ подробности засѣданій съѣзда. Насколько Роста добросовѣстно относилась къ своему порученію, можно судить хотя бы по тому факту, что Данишевскій, расшаркавшись передъ гласностью, на второмъ же засѣданіи съѣзда потребовалъ удаленія корреспондента Росты по причинѣ его «слишкомъ субъективной информаціи».

Въ результатѣ трехъ-дневныхъ работъ, была выработана и утверждена конституція совѣтской Латвіи, управленіе которой было возложено на комиссаріаты внутреннихъ дѣлъ, военныхъ, путей сообщенія, земледѣлія, просвѣщенія, труда, соціальнаго обезпеченія, контроля, продовольствія, финансовъ и юстиціи. Всѣ комиссаріаты, кромѣ военнаго, были самостоятельны, военный же былъ подчиненъ русскому совѣтскому правительству, дававшему военному комиссаріату Латвіи непосредственныя приказанія и инструкціи. Такъ какъ московское правительство не разрѣшило латышамъ имѣть собственнаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ, считая внѣшнюю политику Латвіи своимъ собственнымъ русскимъ дѣломъ, то съѣздъ удовольствовался организаціей «Секретаріата по иностраннымъ дѣламъ при предсѣдателѣ совѣтскаго правительства Латвіи», т. е. простымъ столомъ, или отдѣломъ при канцеляріи Стучки.

Много и долго дебатировавшійся на съѣздѣ вопросъ о независимости Латвіи нашелъ себѣ выраженіе въ слѣдующей резолюціи совѣта, опубликованной 16 января въ видѣ декрета:

> В виду того, что вместе с аннулированием Брест-Литовского мирного договора, Латвия снова считается составной частью России, каковая связь была окончательно

прервана лишь 25 декабря 1918 года, об'явлением о признании независимости Латышской советской республики, Латышское советское правительство постановляет:

Все до 25 декабря 1918 года изданные правительствомъ российской социалистической федеративной советской республикой декреты имеют силу и в границах советской республики Латвии, поскольку они не были отменены или изменены декретами и распоряжениями советского правительства Латвии.

Для применения декретовъ российской соц. фед. сов. республики к местным условиям и мотивированным требованиям и для изменения этих декретов особыми местными декретами и распоряжениями, следует учредить под председательством комиссара юстиции, или его заместителя, постоянную комиссию из председателей советов народного хозяйства, революционной борьбы, народного здравия, социального обезпечения и комиссара народного просвещения, которая представит свой проект советскому правительству Латвии для санкции.»

Теперь, облеченное «довѣріемъ» пролетаріата, безземельныхъ крестьянъ и стрѣлковъ, получившее санкцію съѣзда правительство могло, уже не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, приняться за массовыя убійства.

Предсѣдателемъ революціоннаго трибунала былъ назначенъ печникъ, Вилксъ (въ переводѣ на русскій языкъ — Волкъ), пьяница и воръ-рецидивистъ, дюжій, рыжій, малограмотный дѣтина, всей своей фигурой оправдывающій свою фамилію. Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль трибуналъ выносилъ исключительно одни только смертные приговоры. Списки приговоренныхъ къ разстрѣлу не публиковались, родственникамъ убитыхъ не давалось никакихъ справокъ о судьбѣ подсудимыхъ, какая-бы то ни было защита была устранена.

Приговоренныхъ сначала разстрѣливали во дворахъ тюремъ и въ тюремныхъ сараяхъ, а когда всѣ удобныя для казней мѣста при тюрьмахъ были черезъ-чуръ загрязнены кровью и мозгами, осужденныхъ, каждую ночь по 50-60 человѣкъ, увозили для разстрѣла на грузовыхъ автомобиляхъ за городъ, въ Царскій Лѣсъ.

Никакіе подкупы, взятки, просьбы, мольбы не могли искусить прославленныхъ дѣятелей чрезвычайки и трибунала, уже прошедшихъ прекрасный курсъ подъ руководствомъ такихъ спеціалистовъ, какъ Лацисъ и Петерсъ.

Въ теченіе двухъ недѣль было убито въ одной только Ригѣ 2800 человѣкъ, по преимуществу нѣмецкихъ фамилій, выданныхъ дворниками, швейцарами, кухарками, горничными, лакеями, а также по проскрипціоннымъ спискамъ, ведшимся мѣстными коммунистами во время оккупаціи. Если въ отношеніи какого-либо арестованнаго нѣмца не было конкретнаго обвинительнаго матерьяла, на фабрикацію котораго была такъ искусна чрезвычайка, революціонный трибуналъ, нежелавшій разставаться со своей жертвой, просто ставилъ отмѣтку пе-

редъ фамиліей присужденнаго: «За 1905 годъ», т. е. за участіе въ подавленіи революціи въ Прибалтійскомъ краѣ карательными экспедиціями, безразлично — участвовалъ-ли, или неучаствовалъ, имя рекъ, въ этомъ подавленіи революціи. Такихъ жертвъ «1905 года» въ эти первыя недѣли были разстрѣляно довольно много.

Когда нервы буржуазіи были достаточно потрясены послѣ массового убоя, тюрьмы нѣсколько разгрузились, настала эпоха «законнаго» террора, причемъ, въ числѣ арестованныхъ, стали попадаться также и лица съ чисто латышскими фамиліями.

Но теперь трибуналъ позволилъ себѣ роскошь либерализма. Къ защитѣ были допущены, такъ наз. правозаступники, вся роль которыхъ, впрочемъ, сводилась къ тому, что они имѣли возможность сообщать родственникамъ своихъ подзащитныхъ одно и тоже роковое слово — «разстрѣлянъ». Къ суду стали вызываться свидѣтели, но такъ какъ десятка полтора такихъ свидѣтелей, говорившихъ въ пользу подсудимыхъ, были признаны «сообщниками» и, затѣмъ, тоже разстрѣляны, то охотниковъ въ свидѣтели больше не находилось и, такимъ образомъ, этотъ «либерализмъ» трибунала не принесъ никакой пользы подсудимымъ.

Списки разстрѣлянныхъ, съ указаніемъ ихъ преступленій, хотя и неполные, стали регулярно помѣщаться въ оффиціозѣ Правительства: »Ƶihn'ѣ« и «Нашей Правдѣ».

Смѣлые, или слишкомъ отчаявшіеся, или, просто, наивные люди пробовали, было, «доходить» до самого Стучки, благо онъ въ эту эпидемію массовыхъ убійствъ лично помиловалъ одного мелкаго спекулянта, родственника своей жены. Но эти люди не догадывались, что легче тронуть волчье сердце Вилкса, нежели добраться до «самого» Стучки. Потому что революціонный диктаторъ былъ, фактически, жалкій трусъ, не показывавшійся ни на митингахъ, ни на улицѣ, безъ спеціальнаго конвоя вѣрныхъ и испытанныхъ чекистовъ, большей частью изъ своихъ родственниковъ и не пускалъ къ себѣ въ кабинетъ даже своихъ второсортныхъ сотрудниковъ.

У дверей своего кабинета Стучка поставилъ вооруженныхъ до зубовъ четырехъ гайдуковъ.

Если какой-либо назойливый посѣтитель, все же, приходилъ и просилъ гайдуковъ о докладѣ Стучкѣ, ревностные янычары, не докладывая Стучкѣ, или безцеремонно выпроваживали посѣтителей собственной властью, или, если посѣтитель слишкомъ упорствовалъ, отправляли его въ Елизаветинскую № 17 (чрезвычайка), какъ это, въ частности, случилось съ сотрудникомъ «Петербургской Правды», Сосновскимъ, пріѣхавшимъ въ Ригу для какой-то ревизіи.

О характерѣ преступленій, каравшихся смертной казнью, можно судить, хотя бы, по слѣдующему списку, опубликованному за одинъ только день: 1. за противодѣйствіе распоряженіямъ совѣтскаго правительства; 2. за критику дѣйствій совѣтскаго правительства; 3. за спекуляцію; 4. за поддѣлку документовъ; 5. за грабежъ; 6. за предательство; 7. за службу

въ охранной полиціи; 8. за неисполненіе распоряженій совѣтскаго правительства; 9. за взяточничество; 10. за убійство; 11. за кражу; 12. за тайное винокуреніе; 13. за уклоненіе отъ мобилизаціи; 14. за дезертирство; 15. за присвоеніе сахара; 16. за активную контръ-революціонную дѣятельность; 17. за преступленія противъ рабочаго класса; 18. за отказъ брать керенки; 19. за предательство рабочихъ оккупаціоннымъ властямъ; 20. за преступленія по должности; 21. за попытку обмануть совѣтскую власть; 22. за укрывательство дезертировъ; 23. за участіе въ 1905 году; 24. за повышеніе цѣнъ на хлѣбъ съ 1 рубля до 2 руб. 20 коп.; 25. за провокацію и проч.

Трудовая повинность. Контрибуція. Голодъ.

Но трибуналъ, при всей своей энергичной работѣ, могъ казнить только тысячи и, при всемъ желаніи, не могъ снять головы со всей «контръ-революціонной и буржуазной» Риги. Тогда, для этой категоріи «недорѣзанныхъ буржуевъ», была изобрѣтена принудительная трудовая повинность. Въ опубликованномъ по сему поводу декретѣ говорилось: «Какъ представители трудового пролетаріата, мы должны использовать также лицъ, никогда не работавшихъ. Въ соціалистическомъ государствѣ всѣ должны быть заняты производительнымъ трудомъ. Но такъ какъ буржуазія, по своему классовому положенію, органически неспособна къ производительному труду, мы дадимъ буржуазіи самую непріятную, самую грязную работу. Въ виду недостатка лошадей и разстройства городскихъ транспортныхъ средствъ, буржуазія будетъ использована для перевозки тяжестей. 8-ми часовый рабочій день, это священное завоеваніе трудового пролетаріата, на буржуазію не будетъ распространенъ. Въ отношеніе лицъ, такъ называемыхъ, интеллигентныхъ профессій будетъ изданъ дополнительный декретъ о національной трудовой повинности. Какъ для буржуазіи, такъ и для интеллигенціи будутъ введены особыя трудовыя книжки, безъ коихъ выдача продуктовъ питанія не должны производиться. Эти трудовыя книжки будутъ единственнымъ документомъ, служащимъ въ качествѣ удостовѣреній личности. Лица, неимѣющія трудовыхъ книжекъ, будутъ задерживаться и, какъ уклоняющіеся отъ труда, предаваться суду революціоннаго трибунала. Совѣтское правительство заставитъ работать всѣхъ безъ исключенія.»

Однако, на практикѣ, къ трудовой повинности были привлечены не только буржуи, но и всѣ тѣ, кто казался «буржуемъ» дворнику или швейцару.

Отъ «трудовой повинности» не спасали ни медицинскія удостовѣренія, ни тяжелыя физическія недостатки. Сплошь и рядомъ можно было видѣть дряхлыхъ сѣдыхъ стариковъ, занятыхъ безсмысленной перекладкой старыхъ заржавѣвшихъ рельсовъ съ одного мѣста на другое, наряду съ 16—17 лѣтними мальчиками; или старухъ, запряженныхъ, вмѣстѣ съ

молоденькими дѣвушками, въ оглобли зловонной ассенизаціонной цистерны. По части надругательства надъ женщинами товарищи вообще были необыкновенно изобрѣтательны.

Принудительныхъ работъ не избѣжали и иностранные подданные, потому что даже вывозъ нечистотъ, подвозъ воды, очищеніе отхожихъ мѣстъ, мытье половъ въ казармахъ, колка и рубка дровъ и проч. совѣтскимъ правительствомъ трактовались какъ стратегическія работы, отъ которыхъ никто не имѣлъ права уклониться подъ страхомъ преданія суду революціоннаго трибунала и, конечно, разстрѣла въ результатѣ.

Впрочемъ, въ отношеніи къ иностранцамъ, больше примѣнялся шантажъ, нежели надругательство.

Потому что всякій разъ, какъ только ту или другую группу иностранцевъ наряжали на обязательную «стратегическую» работу и соотвѣтствующій консулъ обращался къ правительству съ ходатайствомъ объ освобожденіи отъ работы его компатріотовъ, правительство всегда обѣщало освобожденіе отъ повинностей, но подъ условіемъ, что консулъ не замедлитъ обратиться къ своему правительству съ требованіемъ признать совѣтское правительство Латвіи и аккредитовать этого консула при совѣтскомъ правительствѣ въ качествѣ полномочнаго и оффиціальнаго представителя соотвѣтствующаго государства. Чтобы, хотя временно, избавить своихъ соотечественниковъ отъ грязной и абсолютно непроизводителей работы, консула, конечно, обѣщались ходатайствовать о признаніи совѣтской Латвіи. Но, когда отвѣта не получалось, иностранцы опять, наравнѣ съ совѣтскими подданными, впрягались въ мусорныя телѣги впредь до новаго ходатайства консула и новаго требованія совѣтскаго правительства о признаніи.

При такомъ положеніи вещей, правительство, однако, имѣло настолько безстыдства, что въ обзорѣ своей дѣятельности за первый мѣсяцъ сообщало въ Москву:

«Необходимо упомянуть, что все иностранцы заявляют, что до сих пор в Риге царит порядок; они выразили уверенность в том, что их правительства безусловно будут иметь определенные желания вступить в дипломатическіе сношения с советским правительством.»

Но всѣхъ этихъ жестокостей правительству было недостаточно. Для новаго потрясенія нервовъ буржуазіи, была назначена контрибуція въ такой умопомрачительной суммѣ, что если бы продать всю движимость и недвижимость буржуазной Риги, то вырученной суммы далеко было бы не достаточно для покрытія даже половины суммы контрибуціи. Я сейчасъ не помню точной цифры, но сумма контрибуціи выражалась какимъ-то восьмизначнымъ числомъ. Не нужно забывать, что тогда остъ-рубль еще равнялся полутора рублямъ царскимъ.

Такъ какъ обложенные имущіе классы Риги были не въ состояніи покрытьппричитающейся на долю каждаго буржуа обложенія, то начался настоящій и повсемѣстный «сухой» погромъ.

Въ теченіе трехъ-четырехъ недѣль неисчислимое количество возовъ развозили по совѣтскимъ складамъ комоды, шкафы, зеркала, ковры, бронзу, мѣха, одежду, бѣлье, подушки, матрацы, кровати, живыя растенія, піанино, рояли, грамофоны, посуду и проч.

Уже черезъ недѣлю не хватало ни совѣтскихъ складовъ, ни складочныхъ помѣщеній. Чтобы нѣсколько разгрузить амбары и склады и отдѣлить болѣе цѣнное отъ менѣе цѣннаго, часть мебели, вещей и одежды была предложена рижскимъ рабочимъ для «временнаго пользованія». Но, къ чести рижскихъ рабочихъ, уже охладѣвшихъ къ коммунизму, любителей чужого добра среди нихъ нашлось очень мало. Поэтому награбленное пришлось разсовывать по безчисленнымъ комиссаріатамъ, отдѣламъ, управленіямъ и пр. Лучшая часть вещей, мебели и одежды попала въ собственность правящихъ совѣтскихъ и коммунистическихъ верховъ. Поэтому, всѣ тѣ, кто до объявленія контрибуціи ходилъ въ потрепанныхъ шинеляхъ и курткахъ, теперь щеголяли въ отличныхъ новыхъ шубахъ, пальто и дорогихъ шапкахъ. Любовницы, жены, сестры комиссаровъ ходили одѣтые, какъ на модныхъ картинкахъ.

Съ теченіемъ времени вся, эта «контрибуція» стала уплывать въ деревню, къ «сѣрымъ баронамъ», которые за каравай хлѣба, или за 2—3 фунта масла, или творогу пріобрѣтали у хранителей складовъ цѣлую обстановку спальни съ матрацами и горой подушекъ.

Власть обратила вниманіе на расхищеніе складовъ только тогда, когда съ фронта стало поступать большое количество раненныхъ и понадобилось экстренное открытіе новыхъ госпиталей и лазаретовъ. Излишки, оставшіеся послѣ оборудованія лазаретовъ были зачислены въ «фондъ натуральнаго обмѣна» и для отправки ихъ въ Россію и на Украину для обмѣна на хлѣбъ. Едва-ли не каждый день на вокзалѣ грузилось до 20—30 вагоновъ отобраннаго у рижской буржуазіи имущества. Но вещи гдѣ то безслѣдно исчезали и въ «натуральный обмѣнѣ» на нихъ изъ Россіи не поступило, буквально, ни одного вагона съ зерномъ.

Между тѣмъ, насколько сильно голодало населеніе Риги, особенно неимущеніе классы, можно судить, напр., по тому, что въ январѣ мѣсяцѣ хлѣбъ выдавался только три раза въ мѣсяцъ изъ расчета ¼ фунта на ѣдока по 1 категоріи и по ⅛ фунта по 2 категоріи; въ февралѣ мѣсяцѣ хлѣбъ выдавался уже два раза; въ мартѣ и въ апрѣлѣ — по одному разу. Въ частной продажѣ хлѣбъ, съ 1 руб. 20 коп. до занятія Риги большевиками, стоилъ въ январѣ мѣсяцѣ уже 7 руб. до 7 руб. 50 коп., въ февралѣ 10—12 руб., въ мартѣ 20—25 руб., въ апрѣлѣ уже 40 руб., причемъ продавался исключительно за царскіе или остъ-рубли. Голодъ царилъ невѣроятный. Россія въ томъ году сама страшно голодала и не могла ссудить гражданскому неселенню Латвіи ни одного фунта. Попытки раздобыть хлѣбъ въ Лифляндіи, у «сѣрыхъ бароновъ», раззоренныхъ войной, кончились неудачей, такъ

какъ крестьяне подняли возстаніе и, соединившись съ бѣлыми отрядами эстонцевъ, къ серединѣ марта отодвинули красный фронтъ въ сѣверной Лифляндіи вплоть до самого Вольмара. Сравнительно, богатая хлѣбомъ Латгалія тоже, либо уничтожала продовольственныя экспедиціи, посылавшіеся изъ Риги, либо бойкотировала приказы рижскаго правительства о разверсткахъ и хлѣбныхъ поставкахъ, опираясь на поддержку фронтовыхъ и тыловыхъ военныхъ властей русской красной арміи, расквартированной въ Латгаліи.

Курляндія, наиболѣе пострадавшая отъ великой войны и представлявшая собой активный фронтъ, въ данный моментъ не только не могла что-либо удѣлить для пропитанія Риги, но, наоборотъ, сама требовала продовольствія извнѣ. Поэтому, единственной пищей населенія, въ теченіе всѣхъ этихъ кошмарныхъ 4½ мѣсяцевъ, служилъ супъ, выдававшійся по ½ литра въ день изъ общественныхъ кухонь, дрянная голая бурда, въ которой лишь разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, попадались микроскопическіе кусочки конскаго мяса. Черезъ мѣсяцъ не хватило даже этого лакомства и тогда, тайно отъ потребителей, коммунистическія городскія кухни стали употреблять для супа трупы убитыхъ на войнѣ лошадей, или лошадей, издошихъ отъ сапа. Когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ среди населенія необыкновенно увеличилось число сапныхъ заболѣваній и врачи, изслѣдовавшіе совѣтскій супъ, обнаружили, что источникомъ заболѣванія людей сапомъ являются исключительно общественныя столовыя, мясо опять исчезло изъ «меню».

Даже снабженіе арміи, несмотря на героическія усилія комиссаріата продовольствія, производилось неаккуратно, съ большими перебоями и армія жила впроголодь. Недостатокъ пищи, естественно, дѣйствовалъ угнетающе на стрѣлковъ, находившихся въ Россіи въ продовольственномъ отношеніи въ исключительно привиллегированномъ положеніи, какъ наиболѣе цѣнная физическая сила коммунизма. Въ связи съ этимъ, понижалась боеспособность стрѣлковъ, появились случай дезертирства, особенно въ сѣверной Лифляндіи.

Въ цѣляхъ успокоенія населенія, чрезвычайкой, время отъ времени, въ обращеніе пускались слухи, что спекулянты, особенно евреи, ожидая обратнаго возвращенія нѣмцевъ, спрятали хлѣбъ и продукты, но, что послѣ обысковъ, хлѣбъ найденъ и скоро будетъ раздаваться населенію, которое обязано помогать совѣтской власти разыскивать спрятанный спекулянтами хлѣбъ. Характерно, что слухи эти всегда почти сопутствовали выдачамъ хлѣба и у голоднаго населенія невольно являлась мысль, что причиной голода является, дѣйствительно, не совѣтская власть, а спекулянты-евреи. Совершенно излишне говорить, какъ пышно разцвѣталъ на этой почвѣ антисемитизмъ и погромныя настроенія. Даже, изъ всѣхъ силъ приспособлявшійся Бундъ, изловчившійся провести въ рижскій совѣтъ двухъ своихъ депутатовъ, въ концѣ концовъ не вытерпѣлъ и перешелъ въ оппозицію къ властямъ. Когда, однажды, рижскій совѣтъ потребовалъ отъ Бунда

«подтянуть» еврейскихъ рабочихъ, которые, по мнѣнію совѣта, лодырничали и мало работали, а праздновали два раза въ недѣлю (субботу и воскресенье) и проэктировалъ отмѣнить субботу, бундовскіе депутаты вышли изъ собранія подъ громкій свистъ и смѣхъ членовъ совѣта — латышей.

Когда вѣсти о казенномъ антисемитизмѣ дошли до свѣдѣнія совѣтскаго правительства въ Москвѣ, оно поручило совѣту петроградской коммуны разслѣдовать на мѣстѣ дѣйствія латышскихъ служителей интернаціонала. Въ концѣ марта, по спеціальному порученію совѣта петроградской коммуны, въ Ригу выѣхалъ членъ петербургскаго совѣта Оцупъ, который, несмотря на противодѣйствіе латышскаго правительства и угрозы чрезвычайки, собралъ такой огромный матеріалъ объ оффиціальномъ антисемитизмѣ въ Латвіи, что петербургскій совѣтъ, заслушавъ докладъ вернувшагося Оцупа, принялъ крайне рѣзкую резолюцію протеста противъ антисемитскихъ дѣйствій и тенденцій латышскаго совѣтскаго правительства.

Переломъ на фронтѣ. Латышскій сепаратизмъ. Борьба за Латгалію.

Къ началу марта, положеніе на всѣхъ фронтахъ красной арміи сдѣлалось настолько неустойчивымъ и тревожнымъ, а мѣстами и критическимъ, что понадобился рядъ срочныхъ мобилизацій, однако, не отразившихся на устойчивости фронта. Въ сѣверной Лифляндіи, красная армія давно перешла въ состояніе обороны и напрасно комиссары расточали свое краснорѣчіе, чтобы рижскіе пролетаріи «смыли позоръ».

Связь съ литовской красной арміей была потеряна и латышамъ, въ виду малочисленности литовской красной арміи, пришлось удѣлить часть своихъ силъ и для защиты Литвы отъ нападеній литовскихъ бѣлогвардейцевъ.

Въ Курляндіи наступленіе, въ теченіе всего января не встрѣчавшее ни малѣйшаго сопротивленія нѣмцевъ, начиная съ февраля, стало замедляться, по мѣрѣ приближенія красныхъ стрѣлковъ въ Либавѣ и имъ все чаще пришлось принимать атаки желѣзной дивизіи и балтійскаго ландвера.

Наконецъ, 2 или 3 марта, побѣдная до сего времени оперативная сводка краснаго штаба омрачились первымъ непріятнымъ сообщеніемъ: «Въ штрунденскомъ направленіи, послѣ упорнаго ожесточеннаго боя, красныя войска вынуждены были оставить мызу Штрунденъ, что въ 40 верстахъ юго-восточнѣе Либавы».

Съ этого времени начался переломъ военнаго счастья для красной арміи.

Слѣдовавшіе одна за другой мобилизаціи давали лишь пушечное мясо, требовавшее пищи и одежды, но не склонное жертвовать своей жизнью для торжества міровой революціи, которая «либо будетъ, либо нѣтъ». Съ другой стороны и стрѣлки, почувствовавъ, что война, бывшая до сихъ поръ

только пріятной военной прогулкой съ незначительными осложеніями, затянулась, стали томиться затяжкой и тоской по роднымъ пенаттамъ. Москва же, на всѣ отчаянные вопли и крики по телеграфу о помощи деньгами, хлѣбомъ, людьми, предпочитала, вмѣсто помощи, дѣлать телеграфные же начальническіе выговоры, требовала подтянуть красныхъ стрѣлковъ, рекомендуя упразднить уже ликвидированные въ русской красной арміи солдатскіе комитеты, ввести командным языкомъ р у с с к і й языкъ и проч.

Натянутость взаимоотношеній между красной Москвой и красной Ригой, по мѣрѣ того, какъ латышское правительство, не получая военной поддержки отъ Москвы, проникалось сепаратизмомъ — стала еще рѣзче.

Первая острая размолвка произошла на почвѣ выпуска латышскимъ совѣтскимъ правительствомъ собственной валюты, притѣсненія русскихъ совѣтскихъ служащихъ въ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ непосредственно самой Москвѣ (Центроплѣнбѣжъ, Красный Крестъ и др.) и по все обострявшемуся вопросу о принадлежности Латгаліи. Вопреки неоднократнымъ протестамъ московскаго совѣтскаго правительства противъ печатанія латышскимъ правительствомъ собственныхъ денегъ, подкрѣпленнымъ неоднократной присылкой достаточнаго количества керенокъ и думскихъ, стучкино правительство, все же, отпечатало въ мартѣ мѣсяцѣ огромное количество собственныхъ денежныхъ знаковъ такъ называемыхъ »macnas scnas« или, какъ окрестило ихъ рижское населеніе «стучкины солнца», благодаря аляповатому рисунку въ три краски «съ восходящимъ солнцемъ совѣтской соціалистической Латвійской Республики».

Послѣ выпуска этихъ выкрашенныхъ кусочковъ бумаги плохого качества, стоимостью въ 1, 3, 5, 10, 15, 25, 50, 100 и 250 рублей, московское правительство совершенно прекратило высылку керенокъ и думскихъ и закрыло счета въ рижскомъ и двинскомъ народныхъ банкахъ.

Немало чернилъ съ той и другой стороны было пролито и по вопросу о подчиненности русскихъ служащихъ въ русскихъ учрежденіяхъ. Такъ какъ латыши не принимали въ свои учрежденія русскихъ, то и русскія учрежденія, по принципу взаимности, не принимали латышей, отдавая преимущество русскимъ, вели дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ, подчинялись контролю и директивамъ Москвы и передъ ней одной и отчитывались, игнорируя всѣ попытки латышей установить свой контроль въ русскихъ учрежденіяхъ.

По странной ироніи судьбы, русскіе интернаціоналисты оказались защитниками русскаго національзма передъ лицомъ воинствующаго шовинизма интернаціоналистовъ латышскихъ. Въ пику латышамъ, московское правительство не нашло даже возможнымъ уравнять оклады своихъ служащихъ въ Ригѣ съ окладами московскими, на чемъ настаивали латыши, т. к. русскіе оклады были значительно выше окладовъ въ латышскихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ и организаціяхъ. Сторожъ или разсыльный, напримѣръ, въ латышскомъ учрежденіи

получалъ 315 рублей въ мѣсяцъ, въ русскомъ — 380 рублей, русскій конторщикъ — 420 рублей, латышскій — 360 рублей, русскій врачъ — 830 рублей, латышскій — 525 рублей. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ русскихъ учрежденіяхъ служащимъ по интендатскимъ цѣнамъ отпускался красно-армейскимъ паекъ.

Конечно, такой административный порядокъ, положеніе Государства въ Государствѣ, не могло нравиться латышскому правительству. Такъ какъ всѣ легальные способы борьбы были обречены на неудачу, то Стучкѣ пришлось прибѣгнуть къ старымъ испытаннымъ способамъ борьбы по методамъ чрезвычайки, которая, съ цѣлью скомпрометировать личный составъ независимыхъ русскихъ организацій, дважды спровоцировала «бѣлогвардейскіе заговоры». Но и въ этомъ случаѣ, русскіе большевики, не довѣряя латышамъ, прислали изъ Петербурга своихъ слѣдователей, установившихъ наличность провокаціи рижской чрезвычайки и громкія, какъ казалось, дѣла кончились пуфомъ.

Третій заговоръ, въ который рижская чрезвычайка вмѣшала 61 человѣка изъ Риги, Двинска, Рѣжицы и Пскова не удалось довести до цѣли и желаннаго конца, такъ какъ неожиданное занятіе Риги нѣмцами спутало всѣ карты.

Еще острѣе стоялъ вопросъ о принадлежности Латгаліи.

Когда московское совѣтское правительство условно признало независимость совѣтской Латвіи, вопросъ о томъ, считать ли Латгалію, входящей въ составъ Россіи или Латвіи, совершенно не возбуждался, какъ, вообще, не поднимался вопросъ о границахъ. Вопросъ о Латгаліи былъ практически разрѣшенъ самими латышскими большевиками въ порядкѣ анексіи, которая, однако, не одобрялась ни Москвой, ни мѣстнымъ латгальскимъ населеніемъ, не любившимъ ни тѣхъ, ни другихъ большевиковъ, но по обстоятельствамъ національнымъ, хозяйственнымъ и бытовымъ, предпочитавшихъ имѣть дѣло съ русскими большевиками, а не латышскими.

Уже, кажется, въ концѣ января, въ Москву къ Чичерину, Свердлову и Ленину стали поступать телеграммы съ протестомъ латгальскаго населенія противъ хозяйничанія латышскихъ властей въ русской области, затѣмъ стали отправляться спеціальные ходоки и цѣлыя депутаціи отъ латгальцевъ съ сотнями приговоровъ и резолюцій, подписанныхъ наравнѣ съ «мелко-буржуазными» деревенскими и городскими элементами, также и партійными русскими коммунистическими организаціями.

На это, между прочимъ, есть ссылка и въ письмѣ коммуниста Гайлиса Стучкѣ, печатаемаго въ приложеніи: «Чичеринъ по поводу своей телеграммы только разводитъ руками. Говоритъ, что пріѣзжали депутаты отъ латгальской бѣдноты, которые все это говорили. Какая эта бѣднота, онъ, конечно, не поинтересовался узнать . . .»

Да и самъ Стучка, оправдываясь передъ Чичеринымъ, въ своемъ письмѣ на имя Чичерина пишетъ: «Повѣрьте мнѣ, менѣе сепаратистами, и болѣе централистами, чѣмъ мы сейчасъ, Вы никогда насъ не найдете. Но если пойдутъ эти

дрязги съ Витебскомъ по поводу какихъ то неизвѣстно кѣмъ и на какихъ основаніяхъ заявленныхъ претензій, то отношенія могутъ значительно испортиться. Я не дипломатъ, пишу все откровенно. Прошу это письмо передать и Владимиру Ильичу...»

Болѣе рѣшительно и прямолинейно въ латгальскомъ вопросѣ дѣйствовали русскія военныя власти. Опираясь на активную поддержку латгальскаго населенія и симпатіи русскаго правительства, русскій комиссаръ западнаго фронта, своимъ распоряженіемъ, отъ 18 февраля, запретилъ латышскимъ войсковымъ частямъ реквизиціи лошадей и продовольствія у латгальскихъ крестьянъ, а генералъ (ст. службы) Раттель приказомъ, отъ 12 марта, собственной властью запретилъ мобилизацію латгальцевъ, производившуюся по распоряженію рижскаго военнаго комиссаріата. Когда же латыши, все-таки, продолжали мобилизовать латгальцевъ, Раттель распорядился, чтобы Двинскій народный банкъ не выдавалъ ни одной копѣйки по ордерамъ латышскаго совѣтскаго правительства. Борьба за Латгалію заняла значительную часть времени и на 6 конгрессѣ латышской коммунистической партіи въ Ригѣ. Такъ, касаясь въ своемъ докладѣ вопроса о Латгаліи, Стучка говорилъ:

«Я раньше высказался против присоединения Латгалии к Латвии, ибо обстоятельства там другие, нежели в Латвии, — особенно в аграрном отношении. Но все же, раз Латгалия высказалась за присоединение — мы ничего не можем иметь против этого. Когда появились трения между тамошними Ревкомами, Россия предложила нам уладить дело. Теперь часто приходят сообщения из Латгалии, высказывающиеся против нас. Они требуют посылки следственных комиссий.

Посланы были тов. Викснин от комиссариата внутренних дел и тов. Суковский от ЦК. Они подтвердили, что на некоторых конференциях нас называли Черновским правительством, на что указал вчера тов. Викснин, упрекая нас, что мы и действительно являемся Черновским правительством. Если то так, — ставьте нас к стенке и расстреляйте.

Теперь латгальский вопрос разрешен: три уездных конференции высказались за об'единение с нами. По некоторым сообщениям, борьбу против нас ведут спекулянты, с которыми мы боремся. Нужно послать туда наших работников, но они неохотно едут туда. Это неправильно, ибо советское правительство везде одно и то же...»

Въ числѣ резолюцій 6 коммунистической конференціи Латвіи, особенно интересна была резолюція о Латгаліи:

«Ознакомившись с докладом тов. Стучки и узнав, что советское правительство Латвии ни от ВЦИК., ни от комирасса по иностраннымъ делам, Чичерина, не получило никакого извещения об аннулированни ВЦИК. своего постановления от 24 декабря 1918 года о самостоятельности Латвии, с'езд считает очень странным, что столь важные сообщения приходят в Латвию через военного комиссара западного фронта. С'езд обращает особенное внимание председателя

совета обороны, товарища Ленина, на вносящую крайнюю дезорганизацию работу военного комиссара западного фронта, Раттеля, каковая проявилась в отмене об'явленной на территории Латвии мобилизации. С'езд категорически заявляет ЦКРКП. и вместе с тем и всем учреждениям Российской Федеративной Советской Республики, что Латвия признана самостоятельной, что Латгалия неотделимая часть ее, что все уезды Латгалии, как: то: Люцинский, Двинский и Режицкий на с'ездах советских и партийных признали себя входящий в состав Латвии. Отмена мобилизации, особенно в настоящий критический для советской Латвии момент — преступление. Красная Латвия, как выразился тов. Троцкий в своем приветствии с'езду — «осажденная крепость, рабочий класс Латвии — ее гарнизон.»

Красные стрелки и рабочие Латвии, недоедащие и полуодетые, в невероятных условиях, вместе с товарищами, русскими рабочими и красноармейцами, ведуг постоянный бой, очищая и защищая красную Латвию от банд белогвардейцев. 6 с'езд от имени пролетариата и армии Латвии требует, чтобы интриганы не ставили им на пути мин, не мешали организационной работе по созданию армии. С'езд уверен, что ЦКРКП. ликвидирует дезорганизационную работу агентов военного комиссара западного округа и даст Латгалии возможность устроиться согласно собственному ее желанию, выраженному в резолюціях о присоединении к Латвии. Латгальцы те-же латыши. Это нужно принять во внимание. Представители рабочих Латгалии принимают участие в с'езде и принимали участие и на с'езде советов 13 января; латгальские стрелки вместе с латышскими стрелками идут в бой за советскую Латвию.

Шестой с'езд коммунистической партии Латвии предлагает ЦКРКП. спешно приказать всем партийным организациям — не мешать освободительной работе и войне латышского пролетариата, и считает, что акт 24 декабря во всех отношениях признает самостоятельность нашей деятельности в Латвии. Для нас акт этот не отменен; дезорганизаторов на территории Латвии мы не потерпим.»

Президіумъ 6 съѣзда КП. Латвіи: Стучка, Розинь, Данишевскій, Ленцманъ, Бейка, Баузе, Зедонъ, Янсонъ-Браунъ, Земель, Винтеръ послали въ Москву слѣдующую телеграмму:

«В Москву — Ленину, Свердлову, Троцкому, комиссару западной области, Алибегову.

«Основываясь на двукратном решении населения Режицкого, Люцинского и Двинского округов (в апреле и октябре 1918 года) — об'единиться с остальной Латвией, центры партии Латвии и России и советские центры решили присоединить эти уезды к Латвии. Недоразумения, происшедшие по поводу этого, были окончательно разрешены на с'ездах советов: Режицком — 23 февраля, Люцинском — 20 февраля, Двинском — 25 февраля, на которых пролетариат Латгалии почти единогласно подтвердил решение центров.

партийные учреждения должны возвратить и помощь армии. Приказы и распоряжения военных властей должны быть исполнены безпрекословно, без колебаний. Все квартиры, все передаточные средства и средства сообщения в случае надобности должны быть переданы в распоряжение армии. Телефоны в волостях и имениях должны быть сняты только по приказу соответствующей части или в случае появления неприятеля совсем близко. Такой порядок должен быть установлен. Тогда ряды стрелков станут крепкими и смелее будут действовать.

«Чем ближе бароны, тем безпощаднее мы должны действовать. Рижская буржуазия и остатки баронократии — суть заложники в таком случае. Пусть знают они, что рабочий класс не знает пощады для долголетних угнетателей. И тогда исчезнут радость и улыбки с уст буржуазии, прекратятся слухи, буржуазия перестанет радоваться вторжению баронских пособников в Латвию.»

Въ соотвѣтствіи съ требованіями этого лозунга — «надо заставить не радоваться», вновь усилились массовые аресты, трибуналъ вновь заработалъ съ такой энергіей, что засѣдалъ даже по ночамъ, вынося одни только смертные приговоры. Правительство наглядно показало, что его новый лозунгъ объ истребленіи радующихся не пустой звукъ и не фраза.

Но оттого, что въ тылу щедро лилась буржуазная кровь, положеніе на фронтѣ не сдѣлалось болѣе устойчивымъ и кровь не послужила сперминомъ, возбуждающимъ храбрость красныхъ стрѣлковъ.

17 марта въ Ригѣ началась необыкновенная паника. Это было видно, какъ изъ настроенія комиссаровъ средняго и малаго калибра, снисходившихъ до непосредственнаго общенія съ публикой, но прекратившихъ въ этотъ день пріемъ посѣтителей, такъ и по ряду чрезвычайныхъ приказовъ, выпущенныхъ въ этотъ день властями.

Первымъ приказомъ, всѣ, безъ исключенія, большія сквозныя улицы, ведущія отъ Двинскаго моста къ Александровскимъ воротамъ на Петербургскомъ шоссе, было приказано, въ теченіе 6 часовъ, очистить для проѣзда; изъ домовъ улицъ Александровской, Суворовской, Маріинской, Дерптской, Николаевской, Известковой, Грѣшной и Ткацкой должны быть немедленно удалены всѣ буржуазные и интеллигентскіе жильцы, за исключеніемъ лицъ, состоящихъ на совѣтской службѣ; выселяемые не имѣютъ права ничего уносить съ собою изъ дому, за исключеніемъ продовольствія на трое сутокъ; для населенія выселяемыхъ буржуевъ опредѣляются — «заячій островъ» (островъ на Двинѣ у желѣзнодорожнаго моста) и окраины на Гризенгольмѣ и Московскомъ форштадтѣ; выселяемая интеллигенція можетъ устраиваться по собственному усмотрѣнію, но не въ районѣ выселяемыхъ улицъ; остающіеся жильцы, подъ страхомъ стрѣльбы въ окна, обязуются не раскрывать оконъ, держать ихъ занавѣшенными и не глядѣть на улицу.

Вторымъ приказомъ, свободное движенiе публики разрѣшалось только до 6 часовъ вечера.

Всѣ эти исключительныя и экстренныя мѣропрiятiя убѣдительно свидѣтельствовали, что на фронтѣ разыгрываются, или уже разыгрались событiя исключительной важности и товарищи намѣреваются бѣжать.

Но во фронтовой сводкѣ, ежедневно вывѣшиваемой въ кiоскѣ Росты на углу Известковой и Театральнаго бульвара, абсолютно не было никакихъ тревожныхъ свѣдѣнiй и лишь сообщалось, что въ районѣ Альтъ-Ауца, въ 18 верстахъ отъ Митавы, происходятъ бои «съ явнымъ успѣхомъ для красной армiи».

Но, тѣмъ не менѣе, выселенiе буржуазiи и интеллигенцiи изъ квартиръ началось; вооруженныя красныя амазонки на улицѣ отнимали лошадей, предоставляя извозчикамъ тащить пролетки на себѣ домой; по улицамъ бѣшено галопомъ мчались взадъ и впередъ кавалерiйскiе разъѣзды; куда то тащились грязныя, давно нечищенныя пушки съ расхлябанными колесами; къ вокзалу тянулись обозы, перегруженные мѣшками съ мукой.

18 марта, уже съ 9 часовъ вечера, улицы Риги огласились страшнымъ грохотомъ огромнаго количества повозокъ, бѣшеннымъ галопомъ направлявщихся къ Петербургскому шоссе. Черезъ два, или три часа, съ такимъ же грохотомъ, помчались взмыленныя, загнанныя лошади, везшiе пушки. Это въ паникѣ и безпорядкѣ отступали обозы и артиллерiйскiе парки красной армiи. Отступленiе продолжалось всю ночь и сравнительно тихо стало лишь на разсвѣтѣ.

Утромъ стало извѣстно, что ночью уѣхало все правительство, не исключая и самого Данишевскаго, только что издавшаго приказъ о разстрѣлѣ комиссаровъ, уходящихъ ранѣе послѣдней воинской части. Изъ тюремъ было уведено 380 заложниковъ мужчинъ и женщинъ. Власть въ городѣ была передана военно-революцiонному комитету, въ составѣ Ленцмана, Томашевича и Бейки, находившихся на вокзалѣ, въ поѣздѣ, съ паровозомъ подъ парами. Цѣлый день 19 марта Рига была, буквально, мертва. Только въ 2, или 3 часа по улицамъ опять помчались обозы, сообщившiе, что взятъ городъ Туккумъ (38 верстъ отъ Риги) и что Митава уже окружена и, навѣрное, не удержится.

Въ 5 часовъ вечера въ Ригу прибыла партiя заложниковъ изъ Митавы, въ количествѣ 164 человѣкъ митавскихъ нѣмокъ и нѣмцевъ, прошедшихъ 18 часовъ пѣшкомъ подъ конвоемъ, причемъ у нѣсколькихъ нѣмокъ на рукахъ были дѣти. Всего изъ Митавы было уведено 180 человѣкъ, но изъ нихъ 16 человѣкъ, уставшихъ и не могшихъ идти, были пристрѣлены конвоемъ, неподалеку отъ Риги. Вмѣстѣ съ заложниками прибыли 18 германскихъ плѣнныхъ солдатъ, крупныхъ, рослыхъ молодцовъ со стальными шлемами на головахъ, своимъ гордымъ видомъ представлявшихъ рѣзкiй контрастъ по сравненiю съ дрожащей отъ холода и страха жалкой толпой гражданскихъ заложниковъ. Ночью

всѣ эти 18 германскихъ плѣнныхъ были разстрѣляны во дворѣ Центральной (на Матвѣевской улицѣ) тюрьмы молодыми латышскими коммунистками.

Отходъ разрозненныхъ красныхъ латышскихъ частей, слѣдовавшихъ черезъ Ригу пѣшимъ порядкомъ, потому что на вокзалѣ уже не было ни одного поѣздного состава, кромѣ лишь поѣзда военно-революціоннаго комитета, продолжался и 19-го марта. Большевики не только угнали всѣ паровозы и вьюки, но захватили съ собой большую часть желѣзнодорожныхъ служащихъ обоихъ вокзаловъ. Старые и больные вагоны, находившіеся въ ремонтѣ, были сброшены съ рельсъ и сожжены.

Но революціонная тройка, повидимому, рѣшила защищать Ригу, такъ какъ на улицахъ видѣли воззванія военно-революціоннаго комитета съ жирнымъ заголовкомъ — «Революціонная Рига въ опасности», переполнившія сердца рижканъ одновременно и страхомъ, и нетерпѣніемъ, и дикой радостью.

Революционная Рига в опасности.

Товарищи! Рабочие!

Вечером 18 марта наши красноармейские части под давлением белой гвардии оставили Митаву. Баронские банды под председательством Ливена и Раденов совершают новые зверства в Митаве, истязая и вешая всех, имеющих мозолистые руки, наружность рабочего.

Товарищи! Революционные рабочие Риги! Неужели еще раз впасть нам в рабство и очутиться под гнетом феодально-юнкерских бантитов. Неужели еще раз смиренно склонить нам головы под острие юнкерских палачей. Неужели нам, нашим семьям, нашим детям послушно погибать на виселице или под пулеметом.

Нет, сто крат нет! Революционные рабочие Риги обязаны уважать свою свободу, отстаивать свои завоевания.

Поэтому

к оружию, рабочие!

Да, явитесь все, кому дорога его свобода и у кого революционное сердце рабочего стучит в груди. Никто не смеет воздержаться.

У кого есть оружие, пусть явится с оружием. У кого оружия нет, пусть явится за получением его. Пусть явятся все, кто имеет мужество положить свою жизнь.

За себя самого, за свою семью, за свой класс, за рабочую красную Ригу, за Красный Коммунистический Интернационал.

Долой палачей-юнкеров и буржуев!

Да здравствует красная армия рабочей Риги!

Примечание: Явка для всех Николаевская № 5, в 10 часов утра.

Военно-Революционный Комитет обороны Рижского района.

Ленцман. Бейка. Томашевич.

Теперь причина чрезвычайныхъ мѣръ и паническаго настроенія была совершенно ясна: была взята Митава. И всѣмъ казалось, что пройдетъ нѣсколько часовъ и на спинахъ разбитыхъ латышскихъ стрѣлковъ ворвутся долгожданные освободители и спасутъ несчастную Ригу отъ затянувшагося слишкомъ долго кошмара. Такъ, вѣроятно, разсуждали и поспѣшившіе скрыться правители.

Но проходили томительные часы, освободителей не было.

Къ вечеру настроеніе нѣсколько упало, такъ какъ всѣ отлично сознавали, что если освободителями не будетъ сразу же и безъ промедленій использованъ моментъ паники, то, оправившись, большевики взорвутъ Двинскіе мосты и будутъ оборонять Ригу до послѣдней возможности и спасеніе, можетъ быть и не придетъ вовсѣ.

Упавшее настроеніе скоро превратилось въ паническое, когда въ Ригѣ узнали, что Туккумъ, взятый наканунѣ германцами, опять попалъ въ руки красныхъ. Но, какъ это выяснилось впослѣдствіи, дѣло было иначе, чѣмъ оно представлялось въ Ригѣ. Нѣмцы заняли Туккумъ коннымъ отрядомъ въ 40 человѣкъ. Занявъ покинутый совдепомъ городъ, нѣмцы разстрѣляли 12 большевистскихъ милиціонеровъ, неуспѣвшихъ скрыться и, не получая долго подкрѣпленій, ушли изъ города, забравъ съ собою телефонный аппаратъ. Объ уходѣ нѣмцевъ изъ Туккума узнала одна изъ партизанскихъ бандъ крестьянъ и, въ отмѣстку за разстрѣлъ милиціонеровъ, разстрѣляла 28 «шпіоновъ и предателей» изъ числа туккумцев, особенно радушно встрѣтившихъ нѣмцевъ. Черезъ нѣсколько часовъ нѣмцы уже болѣе крупными силами взяли городъ обратно.

Взятіе Митавы.

Почему такъ скоро пала Митава, это, навѣрное, досконально извѣстно архивамъ совѣтскаго правительства, но, кромѣ тѣхъ причинъ, о которыхъ говорилось въ приведенномъ выше воззваніи Данишевскаго, не послѣднюю роль сыграла измѣна русскихъ красноармейскихъ частей, самовольно ушедшихъ съ позиціи у Альтъ- и Ней-Ауца. Такъ какъ въ поводахъ къ враждѣ между русскими и латышскими красноармейцами никогда не было недостатка и открытая вражда началась на другой же день послѣ занятія Риги большевиками, то и въ данномъ случаѣ, долго не получавшіе продовольствія, Вологодскій и Новгородскій полки, Интернаціональная дивизія и Витебскій полкъ имени Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи, въ критическій моментъ забрали съ собой свои пулеметы и бросили позиціи, поспѣшно отступивъ къ Двинску и Фридрихштадту. Внезапный уходъ русскихъ внесъ дезорганизацію и разстроилъ военные планы латышей, чѣмъ и воспользовались нѣмцы, смявъ латышскихъ стрѣлковъ.

Когда стоявшія за Митавой, латышскія резервныя части попробовали было остановить и вернуть русскихъ и от-

крыли по нимъ пулеметный огонь, русскія войска сами открыли огонь по латышскимъ резервамъ и, пользуясь численнымъ перевѣсомъ, пробили себѣ дорогу впередъ. Такая же исторія повторилась и подъ Двинскомъ, гдѣ латышскій гарнизонъ не хотѣлъ впустить въ городъ русскихъ дезертировъ съ фронта.

Отступленіе красныхъ стрѣлковъ, разбитыхъ подъ Альтъ-Ауцемъ, было настолько стремительно, что, въ догонку за ними, была пущена сначала нѣмецкая кавалерія, потомъ бронированные автомобили, которые, врѣзавшись въ ряды отступавшихъ, продолжали осыпать стрѣлковъ пулями даже на улицахъ Митавы. Другая часть броневиковъ зашла въ тылъ отступавшихъ, къ самому желѣзнодорожному мосту. Но мостъ былъ уже взорванъ отступавшими передовыми отрядами и, притомъ, съ такой поспѣшностью, что шедшія за ними позади свои же войска уже не могли попасть на эту сторону рѣки Аа Курляндской и должны были безпорядочно разсыпаться въ Фридрихштадтскомъ направленіи.

По той же причинѣ черезъ мостъ не могли пробраться и германскіе броневики.

Ночная темнота спасла красныхъ стрѣлковъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, а затѣмъ, въ Митавѣ, произошли серьезныя осложненія, вслѣдствіе которыхъ, ожидаемое съ часа на часъ, а потомъ со дня на день, освобожденіе Риги задержалось больше, чѣмъ на два мѣсяца. Пріостановка нѣмецкаго наступленія ободрила не только отступавшую армію латышскихъ стрѣлковъ, но и рижскій военно-революціонный комитетъ, принявшійся за приведеніе Риги въ состояніе активной обороны: на крыши и чердаки высокихъ домовъ приказано было втаскивать пулеметы; на высотахъ Гризенгольма и у вокзала были разставлены пушки; у зданій, гдѣ помѣщались совѣтскія учрежденія, были выставлены сильные караулы коммунистокъ, вооруженныхъ автоматическими ружьями, револьверами и ручными гранатами.

Всѣмъ совѣтскимъ служащимъ было приказано немедленно явиться на службу, непосѣщавшуюся уже въ теченіе двухъ дней. Явившимся служащимъ-мужчинамъ было объявлено, что они должны выбрать отъ каждаго отдѣла по 20 процентовъ добровольцевъ для формированія «Краснаго полка рабочихъ г. Риги». Такъ какъ «избраніе» происходило съ большими треніями, наборъ «добровольцевъ» былъ произведенъ жеребьевкой. Изъ этихъ, никогда не воевавшихъ «добровольцевъ», да и изъ принудительно снятыхъ съ фабрично-заводскихъ предпріятій рабочихъ и былъ сформированъ «Красный рабочій полкъ», за недостаткомъ оружія вооруженный старыми винтовками со сломанными курками и веревками, вмѣсто ремней, берданками, а кое-кто и просто охотничьими дробовиками, извлеченными изъ полицейскихъ участковъ.

Скопище этихъ бородатыхъ, штатскихъ оборванцевъ, среди которыхъ было едва ли не 30% стариковъ, вооруженныхъ чертъ знаетъ чѣмъ и шагавшихъ по улицамъ подъ

звуки жидкаго пожарнаго оркестра, являло видъ столько же комическій, сколько и трагическій.

Часть этого необученнаго и наскоро собраннаго военнаго суррогата, усиленнаго для чего то военно-революціоннымъ комитетомъ мобилизованными для окопной повинности обывателями, была отправлена на «фронтъ», хотя сидѣвшій въ вагонахъ красный тріумвиратъ врядъ-ли самъ имѣлъ какое-нибудь представленіе о тогдашнемъ фронтѣ. Неудивительно, что вскорѣ это воинство вернулось обратно въ Ригу, не найдя ни фронта, ни тѣхъ, кто могъ бы указать дорогу на этотъ «фронтъ».

И все-таки, эту безполезную массу штатскихъ людей военно-революціонный комитетъ не распускалъ, а, чтобы они не разбѣжались, держалъ ихъ взаперти, въ холодныхъ, нетопленныхъ казармахъ, разрѣшая имъ только свиданіе съ родными по часу въ день, да и то, вѣроятно, потому, что ихъ нечѣмъ было кормить, а родные приносили этимъ горе-борцамъ за III Интернаціоналъ ѣду.

Такъ какъ паденіе Митавы, повидимому, произвело на Москву извѣстное впечатлѣніе, изъ Пскова прибыло нѣсколько эшелоновъ русскихъ красноармейцевъ. Во избѣжаніе «контръ-революціонныхъ» кривотолковъ и для огражденія отъ зараженія трусостью, на почвѣ неутихшей еще паники, военно-революціонный комитетъ распорядился часть солдатъ упрятать въ казармы подъ замокъ, а часть оставить на вокзалѣ въ вагонахъ, тоже подъ замками и охраной изъ карауловъ коммунистокъ.

Среди русскихъ солдатъ поднялся ропотъ, войска громко выражали свое возмущеніе тѣмъ, что ихъ снова заставляютъ воевать за какую-то Латвію, вовлекшую совѣтскую Россію въ войну съ Германіей, съ которой Россія уже помирилась въ Брестѣ. Безконечно возмущало солдатъ и то обстоятельство, что ихъ, какъ арестантовъ, держали подъ замкомъ и подъ карауломъ «бабъ».

Такъ какъ военно-революціонный комитетъ не имѣлъ, кромѣ коммунистокъ, никакихъ силъ для примѣрнаго подавленія «бунта», то солдатъ разрѣшено было освободить изъ казармъ и имъ было предоставлено право свободнаго передвиженія по городу. Но, все же, чтобы охранить солдатъ отъ тлетворной контръ-революціонной пропаганды и предостеречь ихъ отъ зловредныхъ нашептываній, военно-революціонный комитетъ опубликовалъ агитаціонный приказъ по гарнизону, заканчивающійся словами:

«Дружно вперед! И банды белогвардейцев будут смяты.

«К позорному столбу трусов и предателей!»

Настроеніе рижанъ и безъ того оставлявшее желать много лучшаго, совершенно упало, когда 20-го марта по городу, съ быстротой молніи, распространились слухи, что Митава взята обратно большевиками и нѣмцы отброшены далеко за Митаву.

Населеніе меньше всего ожидало такого исхода, но, судя по тому, что нѣмцы изъ Митавы въ теченіе двухъ дней не

давали о себѣ ничѣмъ знать, а у коммунистовъ просвѣтлѣли лица, вѣсти объ обратномъ завоеванiи Митавы приняты были безъ особаго скептицизма. И слухи эти, дѣйствительно, имѣли подъ собой основанiя.

Ободренные прекращенiемъ наступленiя, вслѣдствiе ночной темноты, полковые комиссары и политруки, отойдя вмѣстѣ со своими частями на приличное разстоянiе отъ Митавы и убѣдившись, что наступленiе нѣмцевъ прекратилось, собрали наиболѣе смѣлыхъ стрѣлковъ, изъ членовъ коммунистическихъ ячеекъ при полкахъ и рѣшили предпринять развѣдку.

Въ митавскомъ направленiи были отправлены развѣдчики, которые, убѣдившись, что вблизи Митавы нѣмцевъ нѣтъ, потребовали подкрѣпленiя, чтобы произвести болѣе детальную и обстоятельную развѣдку. Дальнѣйшей развѣдкой было установлено, что Митава совершенно мертва, что на улицахъ Митавы не видно ни жителей, ни солдатъ. Чтобы разгадать это таинственное явленiе, къ Митавѣ были посланы сильные дозоры, снабженные пулеметами. Вплоть до самого города стрѣлки не обнаружили ничего подозрительнаго. Но, едва они вступили на взорванный мостъ, какъ на нихъ посыпался ураганный градъ пуль, сыпавшихся съ крышъ, чердаковъ и церковныхъ башенъ. Понеся большiя потери, развѣдывательные отряды удалились; преслѣдованiя со стороны нѣмцевъ не было и на этотъ разъ. Полагая, что нѣмцевъ въ Митавѣ нѣтъ, или ихъ тамъ очень мало, большевики, въ сопровожденiи развѣдчиковъ, подогнали къ мосту свой броневой поѣздъ, изъ котораго открыли сильный огонь по Митавѣ. Но нѣмцы, съ своей стороны, тоже открыли артиллерiйскiй огонь по большевистскому поѣзду, который, пострѣлявъ четверть часа, удалился. Этотъ-то, въ сущности незначительный эпизодъ и далъ матерiалъ для торжествующей фронтовой сводки краснаго штаба:

«Так как по стратегическим обстоятельствам в нашу задачу не входило занятие Митавы, то наши лоблестные красные стрелки, превратив город в груду развалин, отошли къ своимъ прежним позициям.»

Но, отбивъ наступленiе красныхъ, бѣлые и теперь остались сидѣть въ Митавѣ. Только потомъ, черезъ два мѣсяца, когда уже была взята Митава, стали извѣстны всѣ тѣ обстоятельства, которыя помѣшали анти-большевистскимъ войскамъ продолжать дальнѣйшее наступленiе, несмотря на исключительно, казалось бы, благопрiятную обстановку, создавшуюся для нихъ 18 марта.

Осложненiя въ тылу бѣлыхъ.

Оказывается, что недостатка въ причинахъ, прервавшихъ наступленiе, не было. Но главнѣйшiя изъ нихъ были слѣдующiя.

По мѣрѣ удаленiя германскихъ войскъ и ландсвера отъ своей базы въ Либавѣ, пути сообщенiя войскъ и тылъ

оказались въ опасности отъ расплодившихся въ курляндскихъ лѣсахъ коммунистическихъ партизанскихъ шаекъ, составившихся изъ числа добровольно оставшихся въ тылу латышскихъ коммунистовъ, съ цѣлью вредить врагу. Въ задачу этихъ партизанскихъ отрядовъ, численностью около 15—20 человѣкъ каждый, хорошо вооруженныхъ и имѣющихъ даже пулеметы, входила всяческая дезорганизація непріятельскаго тыла путемъ разрушенія желѣзнодорожнаго полотна, взрыва мостовъ, порчи телефонныхъ и телеграфныхъ проводовъ, нападенія на обозы и мелкіе непріятельскіе отряды.

Такихъ шаекъ, орудовавшихъ въ Тальсенскомъ, Гольдингенскомъ, Баудскомъ и Фрауэнбургскомъ уѣздахъ, насчитывалось 18. Одна изъ наиболѣе сильныхъ шаекъ, въ 75 человѣкъ, находилась подъ руководствомъ бывшаго предсѣдателя Тальсенскаго революціоннаго трибунала, Кретуля, другая, въ составѣ 60 человѣкъ, была подъ управленіемъ предсѣдателя Виндавскаго совдепа, Грицмана.

Кретуль былъ сынъ тальсенскаго сапожника, до революціи уѣхалъ въ Петербургъ, служилъ разсыльнымъ при Петроградскомъ трибуналѣ, предсѣдателемъ котораго одно время былъ Стучка и возвратился въ Латвію вмѣстѣ съ стрѣлками.

Грицманъ былъ лѣсникъ средненскаго лѣсничества Тальсенскаго уѣзда. И тотъ, и другой вожаки проявляли недурныя стратегическія партизанскія способности. Шайки эти, въ составъ которыхъ входило нѣсколько женщинъ, дѣлившихъ рискъ и опасность со своими любовниками, были совершенно неуловимы, такъ какъ сплошь состояли изъ курляндскихъ жителей, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью и, въ районѣ своихъ дѣйствій, имѣли родственниковъ и друзей, укрывавшихъ банды, предупреждавшихъ ихъ объ опасности и снабжавшихъ ихъ продовольствіемъ. Дѣятельность этихъ партизанскихъ бандъ настолько вредила антибольшевистскимъ войскамъ, что они, временно, рѣшили прекратить наступленіе, чтобы очистить свой тылъ отъ этихъ шаекъ.

Но была еще и другая причина.

Совершенно неожиданно, еще до взятія Митавы, германское командованіе обнаружило среди своихъ войскъ свыше 400 солдатъ-спартакистовъ, устроившихъ 10 марта путчъ, выразившійся въ томъ, что эти смѣлые нѣмецкіе коммунисты, проникшіе на фронтъ подъ видомъ солдатъ-добровольцевъ, устроили нѣсколько митинговъ подъ лозунгами: «Долой душителей русскаго пролетаріата, долой нѣмецкихъ бароновъ, да здравствуетъ всеобщее братство и всемірная соціальная революція!»

Митинги были, конечно, разогнаны, ораторы были разстрѣляны, спартакисты же разоружены и отправлены обратно въ Германію. Въ день занятія Митавы, въ тылу произошло новое осложненіе. Спартакисты-матросы, вооруженные до зубовъ, вѣроятно, знавшіе о заговорѣ, но почему

то запоздавшіе къ путчу, пытались перейти черезъ литовско-германскую границу. Съ большимъ трудомъ матросовъ удалось спровадить домой, но эти, непредвидѣнныя германскимъ командованіемъ, экстра-ординарныя выступленія спартакистовъ переполошили, какъ самихъ нѣмцевъ, такъ и контролировавшую ихъ дѣйствія Антанту. Послѣдовалъ рядъ запросовъ съ одной стороны и отписокъ съ другой.

Эти-то всѣ обстоятельства въ совокупности и сорвали нѣмецкое наступленіе на Ригу изъ Митавы.

Когда совѣтское правительство окончательно убѣдилось, что наступленія нѣтъ и оно затормозилось, когда красная армія, оправившись отъ митавскаго перепуга, вновь была приведена въ относительный порядокъ, а изъ Россіи прибыли новыя подкрѣпленія, оно вернулось обратно въ свою красную столицу, повидимому, не въ плохомъ настроеніи духа, потому что тотъ самый Стучка, который недѣлю тому назадъ бѣжалъ безъ оглядки на автомобилѣ изъ Риги, теперь писалъ въ »Ziņ'ѣ« статью съ приглашеніемъ: «Не бойтесь призраковъ».

«Ныне нас, как детей, пугают трупом баронской власти и тенью Гинденбургского империализма. Вызывают панику не только в отдельных полках, но даже в целых городах, ловко составленными известиями о больших силах баронских полков и регулярных армиях Гинденбурга. Какой-нибудь барон нанимает за счет дворянства группу добровольцев, напаивает их и на подводах лихо в'езжает с ними в советские города или нападает на отдельные части, которые в панике бегут сломя голову. Или какой-нибудь майор Флетчер переодевается в костюм Гинденбурга, одевает своих добровольцев или просто мобилизованных курляндских кресгьян в форму немецких солдат, и под фирмою немецкой регулярной армии наводит страх даже на иного храброго товарища. Это не сказано в виде упрека. Паника — явление слишком человеческое. Но пора очнуться. Долой страх перед призраками.

«Перехвачено радио, по которому тот самый храбрый Флетчер из Туккума или Виндавы собирается ехать в Либаву на какое-то совещание. Это ничего. Но он озабоченно спрашивает: «Нет-ли срочных телеграмм из родины? Вы понимаете, что вопрос этот означает, как обстоит дело с коммунистами в Германии: не будут-ли они, по примеру Венгрии, скоро у власти? Вот вам страшная регулярная армия, в ее настоящем облике, со взглядом, озабоченно направленным в тыл на свою базу милитаризма, на Германию. Ну, а баронские полки? Вы знаете, что число баронов ограничено. Если под Туккумом пал даже известный патриот и немецкий публицист Эрнст Серафим (его труп тщательно разыскивает немецкое радио), то вы поймете, что их пало не мало. Но с баронами ныне обстоит, как с слепнями после Иванова дня, ибо больше не прибывает, но, напротив — по народному поверью, с каждым убитым слепнем падает сотня других.

«В том-то и беда и проклятие нашей новой, красной армии, что у нее нет соответствующего технического аппарата. У нее нет своих коммунистических вождей, которые, движимые и вдохновляемые высокими идеалами, не только сами смело двинулись в бой, но и сумели бы вдохновить свои полки на смелую и геройскую борьбу. Она должна довольствоваться старым аппаратом, который не соответствует новому фронту гражданской войны. Я опять никого в отдельности не виню, — но это все-таки факт. Так небольшая шайка контр-революционных бандитов умеет нагонять страх на гораздо большие полки красной армии, не говоря уже о массе рабочих. Против паники оказываются бессильными величайшее мужество и самопожертвование.

«Но пора паники прошла. В Риге ее больше нет. Без излишнего оптимизма красная Рига и вслед за нею красная Латвия идут навстречу близкой борьбе. И в этот самый момент у нас открываются глаза на все эти, рожденные слухами и паникою десятитысячные армии и стотысячные запасные полки Гинденбурга. Нет, против нас не стоят Гинденбурги, а только майоры Флетчеры. Нет, на нас нападают не регулярные немецкие полки, а только ее бывшие фельдфебеля и старые немецкие мундиры (какое в их содержимое, немец-ли, латыш, или швед, эстонец — это безразлично, лишь бы был пьян). Очнитесь и убедитесь сами. Смело вперед. Не бежать, а обратить в бегство неприятеля.

«Тыл неприятеля в Курляндии начинает испытывать тревогу. Даже газетченка либавских меньшевиков поднимает свой тоненький голосок. И опять перехваченная радио-телеграмма спрашивает из Туккума, когда-же, наконец, вернутся подводы, ибо крестьяне Гольдингенского округа начинают уже выражать недовольствие. Или в самом деле гольдингенским крестьянам придется взяться за свои цепы и сделать то, чего не может достигнуть регулярное войско с винтовками и пулеметами.

«Прошла пора страхов и колебаний. Наступает время серьезной борьбы. Бросьте верить слухам о стотысячной немецкой армии. Надо признаться, что наши противники — бароны ведут отчаянную борьбу на жизнь или на смерть со всеми средствами и притом с лучшими техническими средствами, чем мы. Но не забудем — что за нами идет пролетариат всего мира и стоит будущее всего человечества. Между тем, как против нас стоят воспоминания старины и тени и призраки прошлого. Не бойтесь призраков.»

Съ переѣздомъ правительства, взбудораженная на время жизнь опять стала входить въ коммунистическую колею и покрылась сѣрыми буднями. Выселеннымъ жителямъ было разрѣшено вернуться въ свои квартиры, возстановились нормальныя занятія въ комиссаріатахъ, «добровольцы» «Рабочаго полка красной Риги» были распу-

щены по домамъ. Изъ Петербурга и Москвы наѣхало множество русскихъ ревизоровъ, инструкторовъ, делегатовъ, ожидался даже пріѣздъ самого Троцкаго, но, вмѣсто него, прибылъ поѣздъ-выставка «имени тов. Ленина», состоящій изъ 28 пестро-разрисованныхъ товарныхъ вагоновъ съ плакатами, афишами, діаграммами и граммофонами, исполнявшими пластинки съ рѣчами Троцкаго и Дыбенко. Во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и отдѣлахъ образовались коммунистическія тройки и ячейки, забравшіе въ свои руки не только надзоръ за политической благонадежностью служащихъ, но и управленіе дѣлами, отстранивъ отъ руководства завѣдывающихъ спеціалистовъ. Отъ служащихъ теперь требовалось обязательное вступленіе въ число членовъ коммунистической партіи, служащіе регистрировались по какимъ-то хитрымъ анкетамъ, выработаннымъ комиссаріатомъ внутреннихъ дѣлъ, причемъ уклонявшіеся отъ вступленія въ партію и отъ регистраціи безпощадно увольнялись и посылались на принудительныя работы. Отсрочки по мобилизаціи для отвѣтственныхъ служащихъ не-коммунистовъ были отмѣнены.

Но, не смотря на внѣшнее спокойствіе, все же чувствовалось, что совѣтская власть тревожится и что вся эта работа по возвращеніи въ Ригу похожа на судороги, что все ея вниманіе поглощено фронтомъ, отстоявшимъ отъ Риги на разстояніи, всего, 38 верстъ. Спѣшно происходило переформированіе красныхъ частей, сведеніе четырехъ-батальонныхъ полковъ въ трехъ-батальонные; высшимъ управляющимъ органомъ въ арміи былъ объявленъ комитетъ стрѣлковъ-коммунистовъ, подъ предсѣдательствомъ Данишевскаго, узурпировавшаго всѣ права и власть не только командкаго состава, но и военнаго комиссаріата. Въ кругъ задачъ коммунистическаго комитета стрѣлковъ, кромѣ политическаго руководства арміей, входили и чисто оперативныя задачи, за неисполненіе, или неточное исполненіе которыхъ, комитетъ судилъ офицеровъ собственнымъ судомъ и разстрѣливалъ, не отчитываясь ни передъ кѣмъ.

Въ цѣляхъ пропагандированія и революціонированія германскихъ войскъ, коммунистическій комитетъ арміи неоднократно предпринималъ братанія на фронтѣ, переодѣвалъ стрѣлковъ въ нѣмецкую форму, распространялъ прокламаціи и листовки и т. д.

Но братальщики разстрѣливались изъ пулеметовъ, а захваченныхъ пропагандистовъ вѣшали, причемъ нѣмцы неукоснительно сообщали большевикамъ объ именахъ казненныхъ и о времени приведенія приговора въ исполненіе.

Впрочемъ, какъ на характерный курьезъ, слѣдуетъ указать на попытку «братанія», предпринятую по иниціативѣ самихъ бѣлыхъ: оффиціально — для того, чтобы передать черезъ совѣтское правительство находящимся въ Ригѣ германскимъ подданнымъ деньги на ихъ содержаніе, неоффиціально — по соображеніямъ высокой дипломатіи германскаго

комиссара Виннига, вынужденнаго лавировать между различными политическими теченіями, исходящими, съ одной стороны, отъ прибалтійскихъ бароновъ, съ другой — отъ Временнаго Правительства Ульманиса, съ третьей — отъ антантовскихъ представителей въ Либавѣ и, съ четвертой — отъ соціалистическаго германскаго правительства Носке-Шейдемана, на которое, въ свою очередь, давили различные германскіе совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и партіи германскихъ независимыхъ соціалистовъ и коммунистовъ, настойчиво требовавшихъ увода германскихъ войскъ изъ Латвіи и Литвы.

Но фактъ былъ таковъ, что 13 апрѣля, въ 9 час. 20 мин. утра, въ Ригѣ было получено слѣдующее сенсаціонное радіо изъ Митавы:

Рига. Президенту Советского Правительства Латвии.

14 апреля в 10 час. утра будет президенту советского правительства Латвии, Стучке, от германского государственного комиссара вручена бумага по поводу денежного пособия гражданам Германского государства, находящимся в Риге, на несколько месяцев. Когда будет замечено приближение со стороны противника с белым флагом, как условным знаком, на Рижской улице со стороны Скуена, тогда и на мосту через Экау появится белый флаг. Военные действия в этом районе с обеих сторон будут немедленно прекращены. Бумага будет вручена на мосту Экау. Получатель бумаги должен сообщить, когда можно ждать ответа с другой стороны.

Командующий германскими полками в Митаве
майор *Флетчер*.

Одновременно въ Москву изъ Кенигсберга полетѣла другая радіо-телеграмма, перехваченная рижской радіостанціей:

Радио — Кенигсберг — Москва, 15 апреля 1919 г. № 86.

Советскому правительству Москва.

Немецкий парламентер, господин Либринг, будет находиться для переговоров относительно поддержки германских подданных, находящихся въ Риге, вместе с переводчиком 14 апреля от 10 часов утра до 12 часов дня по немецкому времени на Экауском мосту 5 километров северо-восточнее Митавы. Просим выслать парламентера по возможности с полномочиями на шоссе Рига—Митава с белым флагом; при появлении белого флага военные действия будут прекращены с немецкой стороны и будет также выслан белый флаг в качестве условного знака. Правительственный комиссар Винниг.

Не трудно представить себѣ какую бурю ликованія вызвали обѣ эти телеграммы. Для обсужденія предложенія

майора Флетчера и комиссара Виннига тотчас же было созвано экстренное засѣданіе всего правительства съ участіемъ рижскаго совдепа и представителей латышской коммунистической партіи. Засѣданіе продолжалось свыше пяти часовъ непрерывно. Мнѣнія участниковъ совѣщанія расходились. Въ то время, какъ одна часть участниковъ высказывалась за бойкотъ германскаго предложенія и называла его опредѣленно провокаціоннымъ и указывала, что еще только вчера нѣмцы изъ своихъ аэроплановъ разстрѣливали похоронную процессію въ Ригѣ, съ тѣлами комиссаровъ Пенеса и Асиня, убитыхъ рѣжицкими крестьянами, другая часть, наоборотъ, усматривая изъ радіо Виннига слабость германскихъ войскъ и потерю потенціи къ наступленію и желаніе ихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, уйти безъ помѣхи по добру, по-здорову nach Vaterland, предлагали вступить въ сношеніе съ германцами.

Но болѣе значительная часть собранія, исходя изъ апріорнаго сужденія о слабости германцевъ, настаивала на безцѣльности мирныхъ переговоровъ. «Насъ приглашаютъ въ Митаву съ бѣлой тряпкой», восклицалъ Стучка, «но на это можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ: не только въ Митаву, но и въ Либаву, и въ Виндаву, но только съ краснымъ знаменемъ. И несомнѣнно, наши товарищи-стрѣлки, вооруженные рабочіе, постараются, чтобы это красное знамя въ ближайшіе-же дни развѣвалось надъ Митавой и всей Курляндіей».

Въ результатѣ этихъ преній былъ выработанъ слѣдующій отвѣтъ Виннигу:

Кенигсберг—Виннигу, Правительственному комиссару.

Приглашение на переговоры о поддержке германских подданных в Риге нам непонятно и неприемлемо, когда одновременно германские полки в Митаве бомбардируют полки Латвии ядовитыми газами и с германских аэропланов в Риге стреляют из пулеметов по мирному похоронному шествию, — есть тяжело раненные. В случае повторения таких жестокостей примем репрессивные меры против местных немцев. Мы не разделяем рабочих по национальностям и делим с германскими рабочими работу и хлеб, сколько у нас его осталось, после того, как уходящие германские войска все увезли или уничтожили. Попытки переговоров возможны лишь при условии прекращения перечисленных подобных жестокостей и ухода из Курляндии германских полков.

Председатель Советской Республики Латвии: Стучка.

Переворотъ въ Либавѣ.

Отвѣтъ былъ посланъ 14 апрѣля, а, ровно черезъ два дня, въ Ригу пришло новое сенсаціонное сообщеніе о томъ, что въ Либавѣ произошелъ государственный переворотъ и что правительство Ульманиса свергнуто.

На глазахъ у антантовскихъ агентовъ, бѣлые, съ помощью нѣмецкихъ войскъ и балтійскаго ландсвера, низложили правительство Ульманиса. Латышскія части, несмотря на заявленный нейтралитетъ и аполитичность, были разоружены. Въ тотъ же день объявлено новое правительство, подъ предсѣдательствомъ пастора и популярнаго латышскаго писателя Андрея Нѣдры, въ составъ котораго вошли правые латышскіе политическіе дѣятели: д-ръ Ванхинъ, магистръ Купче, инженеръ Кемпе, магистръ Сесковъ, отъ курляндскаго дворянства — коммерсантъ Шварцъ и профессоръ Соколовскій и отъ нѣмецкой прогрессивной партіи — д-ръ Эрхардъ и прис.-пов. Магнусъ. Министры Ульмановскаго правительства, д-ръ Вальтеръ и инженеръ Германовскій, были арестованы и отправлены въ либавскую тюрьму. Самъ предсѣдатель успѣлъ избѣгнуть ареста, скрывшись въ помѣщеніе военной англійской миссіи, откуда, затѣмъ, подъ охраной англійскихъ матросовъ, для безопасности перебрался на англійскій военный крейсеръ.

Переворотъ произошелъ совершенно безкровно.

Ульмановское правительство, сильное только словесными обѣщаніями и моральной поддержкой антантовскихъ офицеровъ въ Либавѣ, не было поддержано ни войсками, ни либавскими латышскими газетами. Новое правительство встрѣтило оппозицію только со стороны городской думы, состоявшей сплошь изъ соціаль-демократовъ и возглавляемой городскимъ головой, тоже соціалъ-демократомъ, Бушевицымъ, (кстати сказать — обладателемъ пятимилліоннаго недвижимаго имущества), да либавскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, помѣщавшагося въ зданіи городской думы. Но новое правительство скрутило соціаль-демократическую думу, либавскій же совдепъ, состоявшій болѣе, чѣмъ на половину изъ коммунистовъ, былъ разогнанъ ландсверомъ.

Поводомъ къ перевороту послужили слѣдующія ближайшія основанія:

Пріостановка наступленія и замедленіе въ освобожденіи остальной Курляндіи и Лифляндіи совершенно не устраивала бароновъ, старавшихся какъ можно скорѣе и, во всякомъ случаѣ, не позже начала весеннихъ полевыхъ работъ, попасть въ свои имѣнія и предохранить ихъ отъ дальнѣйшаго расхищенія. Бездѣйствіе не устраивало и молодежь балтійскаго ландсвера, волновавшуюся за своихъ родныхъ и близкихъ, которыхъ терроризовали большевики, арестовывая ихъ, разстрѣливая и отправляя въ концентраціонные лагеря совѣтской Россіи.

Но овладѣніе Ригой баронами и антантофобскимъ правительствомъ пастора Нѣдры, съ помощью германскихъ войскъ, было не въ интересахъ Антанты, вполнѣ резонно опасавшейся, что, въ случаѣ вторичнаго занятія Риги нѣмцами и укрѣпленія въ Прибалтикѣ, Латвія или будетъ присоединена къ Германіи, или, если останется самостоятельной, то будетъ въ дружбѣ съ нѣмцами, которые оказались един-

ственнымъ народомъ, спасшимъ отъ кровавого коммунизма жизнь цѣлаго края.

Поэтому, подъ разными предлогами, антантовскіе представители искусственно создавали множество причинъ и поводовъ для задержанія бѣлыхъ въ Митавѣ. Германское командованіе, давно ликвидировавшее большевистскія шайки въ тылу и справившееся со спартакистами, тоже томилось бездѣйствіемъ и, вмѣсто живого дѣла, отчитывалось передъ представителями Антанты въ Либавѣ, увѣряя ихъ въ своей полной лойяльности. Но самолюбіе германскаго командованія было въ конецъ задѣто, когда безсильное правительство Ульманиса заявило претензіи, чтобы германское командованіе находилось въ полномъ подчиненіи правительства Ульманиса, получало отъ него директивы и указанія, германскія же войска считались бы вспомогательными войсками.

Естественно, что такое положеніе вещей не могло считаться нормальнымъ и, подъ грудой бумажекъ, которыми обмѣнивались Ульманисъ, комиссаръ Виннигъ, майоръ Флетчеръ и антантовскіе агенты, медленно разгоралось пламя неизбѣжнаго переворота.

И вотъ, германское командованіе, съ цѣлью подготовить войска къ перевороту, обратилось черезъ посредство Виннига къ Ульманису за подтвержденіемъ договора, заключеннаго въ декабрѣ 1918 года, по поводу надѣленія землей германскихъ добровольцевъ, борющихся за освобожденіе Латвіи отъ большевизма.

Подъ давленіемъ и по настоянію антантовскихъ агентовъ, французскаго полковника Дюпарке и англійскаго майора Грантъ Уотсона, Ульманисъ отвѣтилъ Виннигу, что никакого договора имъ не заключалось.

Этотъ отказъ Ульманиса, признать имъ же подписанный договоръ, страшно враждебно настроилъ германскихъ солдатъ противъ Ульманиса.

На большевиковъ либавскій переворотъ произвелъ двоякое впечатленіе. Съ одной стороны, совѣтское правительство резонно полагало, что съ низложеніемъ импотентнаго, но тормозившаго дѣло освобожденія, Ульманисовскаго правительства, заглохшее, было, наступленіе можетъ развиться и итти болѣе интенсивно, чѣмъ это было до сихъ поръ. Но, съ другой стороны, разсуждали большевики и, тоже не безъ основанія, что переворотъ въ Либавѣ для ихъ существованія является нѣкоторымъ плюсомъ, въ цѣляхъ агитаціи среди латышскихъ крестьянъ.

Такая метаморфоза въ настроеніи населенія въ свое время произошла на Украинѣ во время гетманства Скоропадскаго. Это могло повториться и въ Латвіи.

Первомайское торжество.

Но, въ общемъ, либавскій переворотъ былъ принятъ совѣтской властью скорѣй съ чувствомъ удовлетворенія, нежели опасенія, потому что съ 18 апрѣля населенію было

предоставлено право хожденія по улицамъ безъ спеціальныхъ пропусковъ до 11 часовъ вечера.

Разумѣется, что тогда, въ моментъ переворота, отчаявшееся рижское населеніе совершенно не знало и не предполагало, что переворотъ былъ устроенъ именно съ цѣлью ускоренія освобожденія Риги. Но, когда въ Ригѣ были получены свѣдѣнія о переворотѣ, отчаянію населенія не было ни границъ, ни предѣла.

Власти теперь настолько успокоились, что 20 апрѣля объявили всеобщую мобилизацію по организаціи «грандіознаго празднованія 1 мая». Такъ какъ въ предстоящемъ праздненствѣ должны были участвовать абсолютно всѣ служащіе, рабочіе, учащіеся среднихъ и низшихъ школъ, студенты, то всѣ будущіе участники должны были оставаться послѣ занятій на 1⅓ часа для устройства спѣвокъ и разучиванія революціонныхъ пѣсенъ. За малѣйшее уклоненіе грозило одновременно и увольненіе отъ службы и арестъ, а саботирующіе школьники лишались права ѣсть ржаной тумъ. Спѣвки происходили подъ надзоромъ коммунистовъ, выражавшихъ порицаніе или одобреніе, въ зависимости отъ старанія исполнителей.

За недѣлю до 1 мая началось украшеніе города. Началось съ того, что рижане, проснувшись, однажды, утромъ узнали, что ихъ улицы съ историческими названіями: «Песочная», «Грѣшная», «Известковая», «Сарайная», «Кузнечная», «Большая и Малая Монетная» внезапно оказались улицами и проспектами «Карла Маркса», «Карла Либкнехта», «Розы Люксенбургъ», «III интернаціонала», «Стучки», «Ленина», «Свердлова» и т. п.

Затѣмъ цѣлыми потоками полилась красная, вѣрнѣе грязно-кирпичная краска, въ которой утонули фасады домовъ, рѣшетки, садовыя ограды, мосты и фонарные столбы. Сотни мобилизованныхъ доморощенныхъ Рафаэлей просто швабрами расписывали какими-то фантастическими рисунками и орнаментами заборы, вывѣски, окна и витрины. На площадяхъ съ лихорадочной быстротой выдвигались футуристическіе памятники, конечно, не изъ благородной бронзы, или мрамора и даже не изъ гипса, а изъ досокъ, фанеры, стараго желѣза и другихъ «полезныхъ» матеріаловъ.

На главныхъ улицахъ, по которымъ должно было направиться первомайское шествіе, художниками разставлялись многосаженныя картины сверхъ-футуристическаго пошиба, изображавшія, то желтаго рабочаго въ красномъ пиджакѣ съ однимъ глазомъ тамъ, гдѣ у человѣка помѣщается носъ, то крестьянина съ двумя головами, но съ тремя ушами, то работницу съ краснымъ флагомъ, всунутымъ въ животъ. На нѣкоторыхъ картинахъ въ руку рабочаго, свернутую спиралью, художникъ всовывалъ настоящій молотокъ, ноги другого персонажа упирались въ настоящія чугунныя колеса товарнаго вагона. На уличные фонари, надѣвались какія-то деревянные колпаки съ наушниками, разрисованные серебрянными звѣздами. На Эспланадной площади, изъ картона

«Принимая во внимание, что телеграммы начальника всероссийского главного штаба, Раттеля, и комиссара западного фронта, Алибегова, являются следствием полного незнания условий, мы, надеемся, что ЦК. партии и ВЦИК. предпримет нужные шаги к устранению недоразумений в этом вопросе.

«В связи с постановлением уездных с'ездов, пополнение армий является первой задачей Латгалии и препятствия к мобилизации недопустимы. Перерыв без промедления должен быть устранен, чтобы избегнуть эксцессов в массах рабочих, — и в защите Латгалии — ворот Федеративной Советской Республики...»

Та часть этой интересной резолюціи, въ которой 6 коммунистическій съѣздъ, между прочимъ, ссылается на «двукратное рѣшеніе населенія Рѣжицкаго, Люцинскаго, Двинскаго округовъ объединиться съ остальной Латвіей», требуетъ существенныхъ поправокъ. Во-первыхъ, ни въ апрѣлѣ, ни въ октябрѣ 1918 года никакой Латвіи не было — до этого времени существовали лишь Лифляндія и Курляндія, губерніи россійскаго государства. Независимость Латвіи была прокламирована лишь 18 ноября 1918 года на обще-латвійскомъ съѣздѣ латышскихъ политическихъ партій. Такимъ образомъ, ссылка латышскихъ большевиковъ на желаніе населенія русскихъ уѣздовъ присоединиться въ апрѣлѣ 1918 года къ Латвіи, тогда еще не существовавшей въ природѣ, являлось попыткой обмануть московское совѣтское правительство, въ надеждѣ, что оно не имѣло возможности слѣдить за событіями мѣстной жизни въ условіяхъ германской оккупаціи.

Что касается второго случая, желанія населенія русскихъ уѣздовъ присоединиться къ Латвіи въ октябрѣ 1918 года, то и здѣсь товарищи позволили себѣ совершить маленькій историческій подлогъ. Дѣло же происходило такъ: Когда, въ началѣ октября 1918 года, Антанта потребовала очищенія западныхъ областей Россіи отъ германскихъ войскъ, латгальскіе помѣщики, слѣдуя примѣру лифляндскихъ и курляндскихъ бароновъ, собрались на съѣздъ въ Рѣжицѣ и, съ цѣлью продолженія оккупаціи германскихъ войскъ, 14 октября прокламировали независимость отъ Россіи латгальской области. Тутъ же, на съѣздѣ, былъ избранъ, такъ называемый, латгальскій ландтагъ во главѣ съ президентомъ Залѣсскимъ, агрономомъ Рѣжицкаго уѣзднаго земства, утвержденный высшимъ военнымъ командованіемъ 8-ой оккупаціонной германской арміи. Чтобы продолжить германскую оккупацію и тѣмъ сдержать наступленіе красной арміи отъ Петербурга, Залѣсскій обратился съ телеграфнымъ ходатайствомъ къ германскому правительству и антантовской миссіи въ Копенгагенѣ о продленіи оккупаціи. Когда латгальскій ландтагъ не получилъ отвѣта, Залѣсскій обратился по телеграфу къ принцу Вюртембергскому съ просьбой принять Латгалію подъ свое покровительство съ тѣмъ, чтобы онъ, со своей стороны, поддержалъ ходатайства латгальскаго ландтага о неочищеніи латгальскаго края отъ нѣмецкихъ войскъ. Но эта просьба,

подтвержденная дополнительно высшимъ командованіемъ 8-ой арміи, тоже не удостоилась отвѣта.

Вотъ на это то постановленіе и просьбу латгальскихъ помѣщиковъ и ссылался теперь въ своей резолюціи президіумъ коммунистической конференціи Латвіи. Какъ видно изъ моего поясненія, этотъ фактъ говоритъ не о желаніи латгальцевъ присоединиться къ Латвіи, а объ объявленіи независимой Латгаліи, какъ средствѣ спастись отъ этой самой совѣтской Латвіи, къ которой, будто бы, такъ льнули... латгальскіе помѣщики и землевладѣльцы въ апрѣлѣ и октябрѣ 1918 года.

Коммунизированіе Латвіи.

Само собой разумѣется, что при сложной обстановкѣ, какъ на фронтѣ, такъ и во внѣшней политикѣ, совѣтскому правительству было не до внутреннихъ реформъ, ни, тѣмъ наипаче, до насажденія коммунистическаго строя.

Несмотря на то, что помѣщичья и баронская земля была конфискована еще венденскимъ декретомъ, отъ 25 декабря 1917 года, въ теченіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ правительство не успѣло, или не умѣло, хотя бы въ самыхъ общихъ и грубыхъ чертахъ, намѣтить планъ пользованія землей. Все было отдано на потокъ и разграбленіе мѣстнымъ волостнымъ совѣтамъ, которыхъ аграрный вопросъ интересовалъ лишь постольку, поскольку вчерашняя «голь кабацкая» могла съ наивящей выгодой использовать скотъ и продукты сельского хозяйства для своего личнаго прокормленія и обогащенія.

Насколько центральная власть не интересовалась дѣятельностью на мѣстахъ, можно судить по тому, что за 4 мѣсяца не было ни одного случая, чтобы тотъ или другой народный комиссаръ, не исключая и комиссара земледѣлія, когда-нибудь выѣхалъ, если не въ деревню, то, хотя бы, въ ближайшій уѣздный городъ. Центральная власть вполнѣ довольствовалась донесеніями мѣстныхъ властей, что «все обстоитъ благополучно».

О промышленности и торговлѣ приходится говорить тѣмъ меньше. Когда то одинъ изъ крупнѣйшихъ фабрично-заводскихъ центровъ западной Россіи, Рига, послѣ двукратныхъ генеральныхъ эвакуацій въ 1915 и 1917 годахъ, уже ко времени окупаціи ея нѣмцами представляла собой настоящее фабричное кладбище, съ безчисленнымъ количествомъ недымящихъ трубъ, вмѣсто крестовъ. Одновременно съ эвакуаціей фабрично-заводскаго имущества, происходила и эвакуація рабочихъ, такъ что, ко времени занятія Риги большевиками, въ городѣ насчитывалось не болѣе 8—10 тысячъ рабочихъ, треть которыхъ, за время оккупаціи, деклассировалась и превратилась въ лумпенъ-пролетаріатъ. Поэтому, кромѣ чисто бумажной націонализаціи несуществующей промышленности, да праздныхъ разговоровъ о поднятіи произво-

дительности силъ совѣтской латышской республики «силами революціоннаго пролетаріата», дѣло не пошло.

Но, какъ на курьезѣ, слѣдуетъ остановиться на первомъ опытѣ электрофикаціи, идея которой принадлежитъ не Ленину и не Кржановскому, а Стучкинымъ спецамъ, которые разработали проэктъ утилизаціи даленскихъ пороговъ на Двинѣ. Для этой цѣли была организована грандіозная бюрократическая махина, подъ названіемъ «Двинострой». Но за все время существованія этого «Двиностроя», поглотившаго огромное количество средствъ, дѣятельность его ограничилась подсчетомъ количества энергіи, какую дадутъ даленскіе пороги для Латвіи. Было, между прочимъ, подсчитано, что даленскіе пороги дадутъ энергію въ 120 тысячъ лошадиныхъ силъ, помощью которой можно пустить въ ходъ всѣ рижскіе заводы и фабрики и дать населенію дешевое освѣщеніе по цѣнѣ отъ 1 руб. 28½ коп. въ мѣсяцъ за лампочку.

И хотя, какъ я уже говорилъ раньше, заводы и фабрики пустовали, но къ каждому предпріятію были прикомандированы комиссары съ подобающимъ штатомъ и вся эта честная компанія кормившихся молодыхъ людей, имѣющихъ къ промышленности такое же касаніе, какъ и къ египтологіи, разрабатывала способы и проэкты утилизаціи фабрично-заводскихъ предпріятій...

Частная торговля, съ первыхъ же дней, была убита спеціальнымъ запрещеніемъ свободной торговли. Всѣ магазины и лавки были объявлены «собственностью революціоннаго народа» и городъ, переполненный товарами ко времени занятія Риги большевиками, уже черезъ мѣсяцъ оказался въ товарномъ отношеніи буквально нищимъ, такъ что въ свободной продажѣ можно было получить только коробочку сахарина, пачку доморощеннаго табаку, кофэ-эрзатцъ и пр.

Всѣ мануфактурные магазины были запечатаны, причемъ вся матерія и сукно цѣлыми вагонами отправлялись по желѣзной дорогѣ въ Россію, взамѣнъ платы за хлѣбъ, доставляемый въ небольшомъ количествѣ Москвой, исключительно для нуждъ красной арміи.

Когда магазины были дотла опустошены, они были названы «совѣтскими лавками», но купить въ этихъ лавкахъ можно было только... кружева разныхъ фасоновъ, рисунковъ и ширины, корсеты, ленты, подвязки, запонки, сапожныя колодки, ваксу и прочія полезныя для разутаго и раздѣтаго рижскаго гражданина предметы, въ какомъ угодно количествѣ, дѣйствительно, по баснословно дешевой цѣнѣ и, притомъ, даже за «стучкины солнца» — единственное мѣсто, гдѣ безъ скандала принимали эту замѣчательную валюту.

Даже базары и толкучки во всѣ эти кошмарно-голодные мѣсяцы — постигла участь магазиновъ. Въ первые дни всѣ базарные товары арестовывались вмѣстѣ съ торговцами и покупателями; впослѣдствіи для надзора за рынками былъ организованъ спеціальный институтъ изъ сыщиковъ, получавшихъ хорошее жалованье, которымъ иногда удавалось

конфисковать на базарѣ у тайнаго торговца ведро квашенной капусты, или полъ-боченка соленыхъ огурцовъ. Лишь иногда базарные шпики разрѣшали продавать отбросы, остававшіеся послѣ выгонки ворвани, добывавшейся изъ особой мелкой несъѣдобной рыбешки. Комья этихъ отбросовъ въ ведрахъ, похожіе на кучи сырой черной грязи, были единственнымъ продуктомъ, который можно было иногда получить въ свободной продажѣ. Но у потребителей этого отвратительнаго на видъ и вкусъ мѣсива развивался кровавый поносъ и въ желудкѣ появлялись глисты...

Въ области просвѣщенія дѣло обстояло еще болѣе безнадежно.

Здѣсь, въ красной Латвіи, принципъ «демократизаціи» просвѣщенія былъ проведенъ до конца. Политехническій институтъ былъ объявленъ «Первымъ пролетарскимъ университетомъ совѣтской Латвіи», для поступленія въ который требовалось одно только доброе желаніе. Такіе буржуазные предразсудки, какъ аттестатъ, или, хотя-бы, знаніе элементарной грамоты, были необязательны.

По мысли комиссара образованія, въ каковой должности состояла бывшая учительница начальной школы въ Рѣжицѣ, Е. Данишевская, жена товарища предсѣдателя, пролетарскій университетъ долженъ былъ служить такой школой для пролетаріата, чтобы онъ, поднимаясь съ самой низшей ступени образованія, шагъ за шагомъ «получалъ всю ту сумму общихъ и практическихъ знаній, которыхъ не давала и не дастъ спеціализированная буржуазная наука».

Что хотѣла выразить этими словами скромная учительница рѣжицкой начальной школы, кончившая только люцинскую прогимназію, я не знаю. Но, слава Богу, въ политехникумѣ дѣло не дошло до обученія кройкѣ сапогъ профессорами химіи и вся демократизація и пролетаризація политехникума ограничилась только тѣмъ, что, благодаря отмѣнѣ какихъ бы то ни было стѣсненій въ смыслѣ грамотности, 11 тысячъ молодыхъ и почтеннаго возраста людей обоего пола украсили свои фуражки, кепи и шляпы значкомъ студентовъ политехникума: два крестъ-на-крестъ сложенныхъ молоточка. Но, уже черезъ двѣ, или три недѣли, изъ 11 тысячъ «пролетарскихъ студентовъ» въ демократизированномъ политехникумѣ осталось только 800, такъ какъ обѣщанное ежемѣсячное пособіе «студентамъ въ размѣрѣ 540 руб. и ежедневный студенческій» паекъ оказались только посулами на бумагѣ.

Демократизація среднихъ и низшихъ школъ ограничилась изгнаніемъ преподаванія Закона Божьяго и тѣхъ мѣстъ изъ исторіи, гдѣ говорилось «о царяхъ» и организаціей классныхъ комитетовъ, въ предсѣдатели которыхъ нерѣдко избирался мальчишка-хулиганъ 11—12 лѣтъ, преподаватели же были только членами школьнаго комитета съ совѣщательнымъ голосомъ.

Объ ученіи, занятіяхъ и дисциплинѣ эти комитеты безпокоились меньше всего и вся практическая дѣятельность

комитетовъ свелась къ варкѣ тума изъ ржаной муки на завтраки и распредѣленіе этого тума между голодными школьниками.

Однако, и эта глупая затѣя провинціальной учительницы со школьными комитетами скоро провалилась, благодаря такту учителей, мало по малу забравшихъ возжи въ свои руки. Единственнымъ оставшимся новшевствомъ въ низшихъ школахъ Латвіи было введеніе обязательнаго преподаванія латышскаго языка, на которомъ, вмѣсто русскаго, Данишевская предполагала впослѣдствіи ввести преподаваніе всѣхъ учебныхъ предметовъ.

Меньше отъ коммунистическаго законодательства пострадала церковь. Правда, церковь была отдѣлена отъ государства, церковныя зданія, земли и недвижимое имущество церквей были реквизированы и объявлены собственностью государства, но вѣрующимъ, объединеннымъ въ церковныя и вѣроисповѣдныя общины и группы, было предоставлено право безпрепятственнаго пользованія церковными и молитвенными зданіями и церковно-богослужебнымъ имуществомъ съ разрѣшенія рижскаго совѣта рабочихъ депутатовъ и подъ поручительство приходовъ и общинъ, что церкви не будутъ использованы для контръ-революціонныхъ цѣлей. Единственно кощунственнаго, что позволяли себѣ большевики, это было занятіе протестантскихъ храмовъ для устройства митинговъ. Во время митинговъ большевики сидѣли въ шапкахъ, курили, ораторы выступали съ пасторской вышки для проповѣдей, а на возвышеніи алтаря, спиной къ запрестольному распятію, располагался президіумъ митинга, тоже въ шапкахъ и съ папиросами въ зубахъ.

Были также единичные случаи, когда латышскіе стрѣлки заходили въ кирхи и православныя церкви въ фуражкахъ и закуривали папиросы отъ иконныхъ лампадъ. Но, наряду съ этимъ, были нерѣдко случаи, когда, наоборотъ, въ православныя церкви цѣлыми толпами заходили русскіе красноармейцы, которые набожно и истово крестясь, ставили передъ иконами большія свѣчи, горячо молились на колѣняхъ, нерѣдко стоя въ слезахъ и клали на тарелку церковнаго сторожа крупныя для красноармейскаго бюджета кредитки.

Такъ какъ подобный «развратъ» не могла терпѣть дисциплина и доктрина латышскихъ коммунистовъ, то, по ихъ требованію, комендантомъ города Риги былъ изданъ приказъ по рижскому гарнизону съ воспрещеніемъ посѣщенія красноармейцами храмовъ; конечно, этотъ приказъ остался только на бумагѣ. Коммунистическое правительство было такъ либерально, что оффиціально разрѣшило даже празднованіе Пасхи, издавъ спеціальный «Декретъ о празднованіи Пасхи».

«В виду того, что для Латвии еще не утвержден особый декрет о соблюдении праздников в Латвии, советское правительство постановило: «Праздновать в текущем году 20 день апреля месяца и прекратить занятия в субботу, 19 апреля,

в 12 час. дня. Четверг, 17 апреля, и пятница, 18 апреля, с. г. не празднуются.»

Искусство также оказалось внѣ заботъ и попеченій совѣтскаго правительства, если не считать всеобщей мобилизаціи всѣхъ художественныхъ и артистическихъ силъ 1-го мая и шовинизма, проявленнаго въ отношеніи спеціально русскаго театра.

Русскимъ театрамъ не только было отказано въ какой либо матеріальной помощи, но они были даже выселены изъ тѣхъ помѣщеній, которыя они занимали при оккупаціи города нѣмцами и загнаны въ неудобныя, во всѣхъ отношеніяхъ, помѣщенія. Но въ этихъ театрахъ нашли себѣ убѣжище сотни русскихъ интеллигентовъ, догадавшихся открыть въ себѣ драматическіе, вокальные и хореографическіе таланты, когда была объявлена всеобщая трудовая повинность.

Организація анти-большевистскихъ силъ въ Либавѣ.

Начало контръ-наступленія.

Такъ въ неусыпныхъ трудахъ и заботахъ совѣтскаго правительства о благѣ рижскаго пролетаріата, подъ сѣнью коммунизма, прошло два мѣсяца. Но, такъ какъ ничто не вѣчно подъ луной, а тѣмъ паче луной коммунистической, то наступилъ конецъ и незначительнымъ внутреннимъ коммунистическимъ реформамъ. Военныя осложненія, о которыхъ уже упоминалось раньше, прикончили «мирные эксперименты».

Въ Либавѣ, значеніе которой красная стратегія въ самомъ началѣ недостаточно оцѣнила и немедленному занятію которой быстрымъ обходнымъ движеніемъ, предпочла эффектное занятіе Риги прямо съ фронта, зашевелилась настоящая контръ-революція.

На третьемъ мѣсяцѣ стучкиной диктатуры, либавскій горизонтъ покрылся зловѣщими мрачными тучами, изъ которыхъ глухо гремѣлъ громъ, отзвуки котораго долетали до Риги.

Пока латышское правительство ссорилось съ московскимъ правительствомъ изъ за Латгаліи, собственной валюты, гонялось за базарными торговками, шумѣло уличными манифестаціями и перерывомъ занятій, чествовало провозглашеніе венгерской совѣтской республики, безграмотно демократизировало политехникумъ, боролось съ людьми, не принимавшими «стучкиныхъ солнцъ» и свирѣпо и безпощадно подавляло контръ-революцію у себя дома, въ это время дѣйствительная контръ-революція не дремала, не сидѣла сложа руки, а развила энергичную дѣятельность. Эта контръ-революція не только не оставила Либаву, но, сдѣлавъ ее своей военной и политической базой, укрѣпила подступы къ ней настолько, что не встрѣчавшая почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ никакого сопротивленія арміи красныхъ стрѣлковъ, вдругъ, сначала, остановилась, потомъ стала топтаться на

мѣстѣ, а спустя короткое время, получивъ первый сильный ударъ оправившаго ландсвера, попятилась назадъ, къ Ригѣ.

Произошло это непредвидѣнное латышскими большевиками обстоятельство по цѣлому ряду сложныхъ и важныхъ причинъ.

Уѣхавъ изъ Риги и остановившись въ Либавѣ, предсѣдатель Временнаго Правительства, Ульманисъ, сразу же разослалъ своихъ министровъ и членовъ народнаго совѣта къ Антантѣ и нейтральнымъ государствамъ просить помощи и поддержки для освобожденія Латвіи отъ красныхъ окупантовъ. Самъ Ульманисъ тоже отправился въ Копенгагенъ, гдѣ повелъ переговоры съ посланниками англійскимъ, французскимъ и американскимъ. Союзные послы проявили къ докладамъ Ульманиса много интереса и вниманія, но чего либо конкретнаго не обѣщали. Приблизительно такимъ же разультатомъ кончилась поѣздка лидеровъ соціаль-демократовъ-меньшевиковъ въ Парижъ и Лондонъ.

Болѣе ощутительные результаты получились отъ поѣздки Ульманиса въ Ревель и Гельсингфорсъ. Финны обѣщали ему активную помощь, эстонцы же, уже очистившіе вмѣстѣ съ русскимъ сѣверо-западнымъ добровольческимъ корпусомъ свою область отъ эстонской красной арміи, немедленно отправили свои войска въ сѣверную Лифляндію, которыя энергично принялись очищать эту часть Латвіи отъ латышскихъ красныхъ стрѣлковъ. Правда, эта военная помощь эстонцевъ не дешево обошлась Латвіи и она за освобожденіе сѣверной Лифляндіи уплатила Эстоніи такой дорогой цѣной, какъ потеря Латвіей города Валка. Но тогда некогда было думать о цѣнѣ и никакая плата не казалась высокой, тѣмъ болѣе, что эстонцы отогнали латышскихъ стрѣлковъ къ ст. Стакельнъ, въ 38—40 верстахъ сѣверовосточнѣе Риги.

Но главную и рѣшительную роль въ борьбѣ съ большевиками сыграло не правительство Ульманиса, а, надо отдать въ данномъ случаѣ полную справедливость — курляндское и лифляндское баронство.

Пользуясь старыми связями въ Германіи, бароны получили не только значительные денежные кредиты, но и помощь войсками, путемъ вербовки ихъ въ различныхъ германскихъ городахъ. Особенно большую энергію въ этомъ отношеніи развили бывш. лифляндскій ландмаршалъ, баронъ фонъ Стрикъ, баронъ фонъ Раденъ и командующій балтійскимъ ландсверомъ, баронъ Мантейфель.

Но у невольныхъ союзниковъ, связанныхъ общей бѣдой, взаимныя отношенія не были настолько гладки, чтобы скоро освободить Латвію отъ свирѣпствовавшаго въ ней коммунизма и кроваваго безумія.

Латышское ульманисовское правительство, шедшее съ перваго дня своего существованія на поводу у безпомощной въ отношеніи большевизма Антанты и безсильное само, имѣя 3—4 роты бѣлыхъ латышей, съ тревогой смотрѣло на

усиленіе баронскаго вліянія въ Либавѣ, подкрѣпляемаго еженедѣльно прибывающими изъ Германіи войсками, отлично снаряженными и вооруженными. Такимъ образомъ, освобожденіе Латвіи баронами и съ помощью германскихъ войскъ, несомнѣнно должно было завершиться ликвидаціей независимой буржуазно-демократической Латвіи, вмѣсто которой, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ причинъ и обстоятельствъ, была бы или русская, или германская провинція.

Съ другой стороны и баронство тяготилось нахожденіемъ въ Либавѣ антантофильскаго и враждебнаго Германіи латышскаго правительства Ульманиса, которое, по освобожденіи Латвіи, провозгласило бы Латвію только для латышей, конфисковало въ пользу латышскихъ крестьянъ баронскія земли и имѣнія и, надѣлавъ глупостей въ стилѣ Керенскаго, (чѣмъ это правительство уже отличилось за недолгіе дни своего правленія въ Ригѣ), подготовило бы опять рецидивъ большевизма.

До поры до времени, пока ни одна изъ сторонъ не чувствовала себя достаточно сильной, отношенія были внѣшне, сравнительно, корректны, однако, каждая изъ сторонъ втайнѣ мечтала подставить ножку другъ другу.

Случай съ обыскомъ на шведскомъ пароходѣ «Рунеборгъ» значительно испортилъ внѣшнія хорошія отношенія правительства Ульманиса и бароновъ и, не будь этого случая, многострадальная Митава и Рига были бы освобождены, безъ сомнѣнія, на 1½—2 мѣсяца раньше.

Поводомъ же къ первой открытой враждѣ послужилъ слѣдующій случай:

На шведскомъ пароходѣ «Рунеборгъ», прибывшемъ въ Либаву 19 февраля, чиновникъ Временнаго Правительства, Кайминь, нашелъ у шведскаго офицера, Эдмунда, подозрительный пакетъ. На вопросъ чиновника, что это за пакетъ, Эдмундъ отвѣтилъ, что пакетъ ему передало какое-то лицо для отправки въ Либаву. Но онъ не сумѣлъ отвѣтить, кому поручено передать пакетъ. Поэтому пакетъ былъ задержанъ и направленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ его вскрыли въ присутствіи прокурора палаты и нѣсколькихъ чиновниковъ.

Въ пакетѣ оказалось много разныхъ частныхъ писемъ, манускриптовъ, а также много документовъ важнаго политическаго содержанія.

Послѣ болѣе близкаго ознакомленія съ документами, оказалось, что всѣ они относятся къ детально разработанному плану заговора противъ правительства Ульманиса. Задумано было коренное измѣненіе демократическаго государственнаго устройства Латвіи и введеніе монархіи въ Прибалтійскомъ краѣ. Былъ уже составленъ списокъ кабинета министровъ.

Для изслѣдованія таинственнаго пакета немедленно была созвана слѣдственная комиссія, во главѣ съ прокуроромъ

палаты, Квелбергомъ. Слѣдственная комиссія допросила нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ шведскаго офицера Эдмунда и д-ра фил. Галльстремъ. На основаніи обслѣдованныхъ документовъ, прокуроромъ былъ арестованъ баронъ фонъ-Стрикъ.

Однако, вслѣдствіе энергичнаго протеста командующаго балтійскимъ ландсверомъ, барона Мантейфеля и командира германской «Желѣзной Дивизіи», майора Флетчера, фонъ-Стрикъ былъ немедленно освобожденъ. Съ этого момента, бароны уже перестали церемониться съ правительствомъ Ульманиса и иниціатива дѣйствіи перешла въ руки военныхъ властей.

Что происходило за все это время въ Либавѣ, въ Ригѣ никто ничего не зналъ толкомъ. Ходили лишь неопредѣленные слухи о треніяхъ между баронами и Ульманисомъ, но никто не придавалъ имъ серьезнаго значенія. И только, когда въ Ригу стали пробираться германскіе развѣдчики, прибывавшіе подъ видомъ перебѣжавшихъ спартакистовъ, слухи о треніяхъ въ Либавѣ пріобрѣли уже болѣе конкретный характеръ.

Но, такъ или иначе, открытая ссора нѣмцевъ съ Ульманисомъ имѣла ту положительную сторону, что нѣмцы въ первыхъ числахъ марта отъ сидѣнія въ Либавѣ и пассивной обороны перешли къ активнымъ дѣйствіямъ на курляндскомъ фронтѣ. Объ этомъ именно и сообщала красная фронтовая сводка, отмѣчавшая первое пораженіе красныхъ стрѣлковъ въ районѣ Штрундена.

Къ началу наступленія противники большевиковъ располагали слѣдующими силами: балтійскій ландсверъ, численностью около 3 тысячъ, германская желѣзная дивизія, около 11 тысячъ, латышская бригада полковника Баллода, около 1500 человѣкъ и русскій отрядъ подъ командой свѣтлѣйшаго князя Ливена.

Русскій отрядъ, численностью въ 950 человѣкъ, образовался изъ двухъ ячеекъ — изъ Либавскаго стрѣлковаго добровольческаго отряда и роты капитана Дыдорова.

Всего анти-большевистскія силы при началѣ активныхъ дѣйствій имѣли 14—15 тысячъ штыковъ и сабель, имѣя противъ себя 23—25 тысячную армію красныхъ стрѣлковъ.

Въ теченіе двухъ недѣль анти-большевистскія войска очистили отъ большевиковъ уже половину Курляндіи. Совѣтское правительство въ Ригѣ, насколько было возможно, скрывало отъ населенія переломъ на фронтѣ въ пользу анти-большевиковъ краткими сообщеніями о бояхъ съ перемѣннымъ успѣхомъ на латвійско-литовской границѣ, но, однажды, не выдержало и устроило форменную истерику, къ огромной радости ничего не знавшихъ и ни о чемъ не догадывавшихся рижанъ.

Казалось бы, ни съ того, ни съ чего, вдругъ, въ красныхъ газетахъ появилась копія съ радіо-телеграммы, посланная

совѣтскимъ правительствомъ въ Москву. Курляндское небо вчера оффиціально было безоблачно, но телеграмма протеста впервые показала въ немъ сильныя грозовыя тучи.

Вотъ эта телеграмма:

Москва Наркоминдел Чичерину копия Кремль Ленину.

Рига, 13 марта.

Прошу срочно послать следующие радио-протесты правительству и трудовому народу Германии двоеточие.

Германский трудовой народ, без различия партий, высказывается против войны, соглашаясь даже на самые тяжелые мирные условия Антанты точка. Однако, существует, повидимому, течение, желающее всеми способами вовлечь Германию в новую войну на востоке, не считаясь с тем, что это будет началом войны со всеми советскими государствами востока точка. Распространяя через Науэн заведомо ложные известия о намерениях советских войск, военное ведомство Германии в то же время начало регулярное наступление против трудового народа Латвии точка. Прежде оно только содействовало вербовке добровольцев в Латвии с обещанием им дать земель для колонизации точка. Ныне, в начавшемся с Либавы наступлении на заведомо не германской территории, появились регулярные германские части, как то: гвардейские егеря, пионерный батальон, полк бессмертных гусаров и другие, причем из Штеттина присылаются в Либаву части второго армейского корпуса точка. Очевидно, милитаристические сферы действуют здесь вопреки воли трудового народа, неосведомленного о происходящем точка. Трудовой народ Латвии протестует против подобного поведения и заявляет, что он до последней капли крови будет бороться против подобного империалистического нападения регулярных войск социалистической Германской Республики, расчитывая целиком на поддержку их в этом со стороны германского трудового народа точка.

Стучка. Данишевский.

Но истерика не ограничилась посылкой этой телеграммы. Вслѣдъ за симъ, испуганное правительство объявило мобилизацію послѣднихъ годовъ, 38, 39 и 40-лѣтняго возрастовъ, съ отмѣной почти всѣхъ статей инвалидности и назначило всеобщую мобилизацію коммунистовъ, не исключая и женщинъ.

Очевидно, положеніе на фронтѣ было далеко не блестящее, если понадобились такія экстра-ординарныя мѣры.

Изумленіе рижскаго обывателя еще болѣе усилилось, когда были опубликованы воззванія къ арміи и рабочимъ.

Эти воззванія настолько характерны для обанкротившагося физически и морально латышскаго коммунизма, что я нахожу нелишнимъ привести одно изъ нихъ:

«Товарищи! Начался решительный бой за судьбу Латвии. Или свобода, только что завоеванная свобода, — или рабство, никогда невиданное рабство. Уже в одной из первых телеграмм протеста, отосланных советским правительством за границу, мы заявили, что в Латвии может быть или советское правительство, или правительство немецких баронов. Другого пути нет. И теперь это подтверждается с каждым днем все более и более. Пока шла борьба лишь против Временного Правительства Ульмана, Вальтера и проч., — борьба была легкая, и мы быстро шли от победы к победе. Но положение изменилось, как только руководящая роль в борьбе перешла к баронам. Теперь, когда в окрестностях Туккума против нас стоят целые полки баронов, когда и на других фронтах главные силы находятся под руководством баронов, в этом нет сомнения. И действительно, и у баронов нет другого выхода: победить или умереть, править, как ранее, или стать преследуемыми «лесными братьями», как наши товарищи в борьбе 1906 года. У них нет другой защиты. Нет другого исхода. Вот почему они собрали последние силы.

«Они организовывают свои боевые единицы или из друзей и детей баронов, или из подкупленных и спаенных баронским правительством, и храбро идут в последний решительный бой с рабочим народом. Но вместе с тем они об'единились и с темными силами Германии прошлого — с Гинденбургами и прочими прусскими юнкерами, которые и там, укрываясь за демократизм Шейдемана, ведут последний бой с поднявшимся рабочим классом и ищут базы для дальнейшей борьбы, надеясь устроить ее у нас, на балтийском побережьи.

«Как 700 лет тому назад у берегов Риги высадились вооруженные немцы, которые вели с собой банды преступников, которым они обещали прощение и даровую землю, так и теперь современные рыцари империализма опять высаживаются у берегов Либавы и Виндавы. Газета спартаковцев в Берлине напечатала тайный циркуляр по армии, по которому добровольцам в Балтии обещается: «Кроме того немецко-балтийские землевладельцы обещают тем добровольцам, которые хотят остаться в Балтии, землю, так что всякий сможет устроить себе новую жизнь в стране, которую они так полюбили во время войны, если только они помогут спасти Балтию и вместе с тем и отечество от нашествия большевизма.» И как 700 лет тому назад, так и теперь в Германии появляются банды авантюристов, которые надеются спастись от голода, банкрота и революции в Германии.

«Как в 1916 году немецкие бароны вели в Латвии русские контр-революционные карательные экспедиции, чтобы опять укрепить здесь свою власть, так и теперь они зовут германскую контръ-революцию на новую карательную экспедицию, как о том заявляет и Либавская газета покровителей Ульмановского правительства — меньшевиков.

«И все-же кое-кто у нас еще не оценивает всю серьезность момента. Еще один-другой жалуется на продолженіе гражданской войны и бредит о каких-то мирных договорах. Правда, не открыто, но потихоньку, шопотом. Кое-кто еще думает, что имеет дело с теми же бессильными Ульманами, которых как бы то ни было, разобьют наши храбрые стрелковые полки, без участия всего рабочего народа, не прекращая ни на минуту остальную работу, возрожденья хозяйства.

«Они все ошибаются, ужасно ошибаются. Силы англо-французского империализма обезпокоены развалом у себя дома. Они с удовольствием и удовлетворением заключат союз со всяким, кто только возьмется подавить большевиков. И с ними сумеют сговориться наши баронские дипломаты. Совершенно ясно, что рабочему народу Латвии на этот раз действительно приходится бороться не за «землю отцов своих», которой у него не было, но за собственную, только что освобожденную из рабства, которую банды балтийских и прусских юнкеров хотят отнять в самом буквальном смысле слова.

«Истребление передовых советских работников, т. е. расстрел исполнительных комитетов и их работников, организация баронской охраны, угнетение всего остального трудового народа (независимо, крестьянина или батрака); властвовать над трудовой Латвией при помощи подручных и мастеров и прочих холопских душ из немецкой отборной плутократии, восстановляя прежнее рабство и гнет — вот основные задачи новейшего немецкого наступления. Трудовой народ Латвии должен принять эту решающую битву, дабы довести ее до победоносного конца.

«Мы не отрицаем трудности этой борьбы, но победа достижима и осуществима. Мы не должны забывать, что регулярные немецкие войска, прибывающие на Курляндский фронт, не открыто, а тайно для немецкого революционного пролетариата, спешат на помощь баронам. Они прибывают в ограниченном количестве, ибо Гинденбургу достаточно работы у себя на дому, где революция разростается, новые революционные волны периодически размывают устой режима, под развалинами которого похоронит революция Шейдемана и Гинденбурга с его полками. В борьбе мы чувствуем себя не одинокими, мы никогда не останемся одинокими.

«Надо только учесть серьезность положения. Вопрос идет о том — быть ли Латвии свободной или пребывать в рабстве. И победа заслуживает того, чтобы принять бой на жизнь и на смерть, ибо мы боремся не только за свое благополучие, но и за благополучие и свободу нашего поколения, всего человечества.»

Всѣ эти откровенія совѣтскаго правительства были совершенной новостью для рижскаго населенія, въ своемъ осадномъ положеніи даже не знавшаго до сихъ поръ, что бѣлые уже возлѣ Митавы. Теперь стало совершенно ясно, что сводки красной арміи о бояхъ «на литовско-латвійской границѣ съ перемѣннымъ успѣхомъ», просто на просто,

скрывали невыгодную для власти правду о положенiи дѣлъ на фронтѣ...

Итакъ, слѣдовательно, бѣлый врагъ былъ уже у воротъ Митавы.

При такомъ положенiи вещей, практическая польза отъ вышеприведенныхъ истерическихъ выкриковъ для армiи и власти была лишь та, что красная армiя, наслушавшись страховъ, которыми были обильно уснащены оба воззванiя, стала терять остатки боеспособности. Посылавшiеся изъ Риги подкрѣпленiя доходили до фронта съ потерей 40—75 процентовъ отставшихъ и дезертировавшихъ. Немногочисленные до сихъ поръ списки дезертировъ и укрывающихся, теперь замелькали въ газетахъ сотнями строкъ ежедневно. Отдѣльныя войсковыя части бродили по фронту и, не имѣя связи, или самовольно возвращались въ Ригу, или уходили въ Россiю.

Красныя амазонки. Митавскiй переполохъ.

Но если храбрость, мужество и спокойствiе измѣнило латышскимъ мужчинамъ, эти качества нашлись у латышскихъ женщинъ.

Выступленiе молодыхъ латышскихъ женщинъ въ рядахъ активныхъ борцовъ за коммунизмъ — это одно изъ интереснѣйшихъ бытовыхъ явленiй латышскаго коммунизма, на которомъ слѣдуетъ, вкратцѣ, остановиться.

Когда красный фронтъ впервые дрогнулъ и сталъ подаваться назадъ къ Ригѣ, когда увеличилось количество раненыхъ, убитыхъ и симулянтовъ, а изъ истощеннаго за два мѣсяца непрерывныхъ мобилизацiй людского запаса уже почти нечѣмъ было затыкать прорѣхи на фронтѣ, туда, на фронтъ, въ качествѣ послѣднихъ рессурсовъ, были отправлены всѣ милицiонеры, несшiе наружную полицейскую службу.

Мѣста этихъ милицiонеровъ заняли молодыя латышскiя коммунистки, которыя до сихъ поръ, вѣроятно, или скрипѣли перьями гдѣ-нибудь въ канцелярiяхъ, или сидѣли въ ожиданiи жениховъ на шеѣ многосемейныхъ папашъ. Было бы ошибкой считать, что кадры коммунистокъ комплектовались исключительно изъ пролетарскихъ рядовъ. Конечно, въ составъ ихъ входилъ и нѣкоторый процентъ темпераментныхъ и экспансивныхъ пролетарокъ. Но главные кадры формировались, приблизительно, изъ тѣхъ же соцiальныхъ круговъ, откуда вышли ихъ братья по кровавому ремеслу. Это были дочери мелкихъ и среднихъ торговцевъ, домовладѣльцевъ средней руки и проч. Меньше всего, конечно, вся эта публика руководилась интересами коммунизма и революцiи и въ основѣ ихъ поступковъ лежала все та же жажда легкой и быстрой наживы и скорѣйшаго обогащенiя за чужой счетъ, какая обуревала и красныхъ стрѣлковъ, принесшихъ изъ Россiи не только пуды презрѣнныхъ царскихъ, думскихъ и керенскихъ бумажекъ, но и

золото, и серебро, и бриллiанты погибшихъ въ чрезвычайкахъ и концентрацiонныхъ лагеряхъ русскихъ буржуа.

Этимъ я и объясняю внезапный коммунизмъ всѣхъ засидѣвшихся латышскихъ невѣстъ, однажды появившихся на улицахъ въ шляпахъ и съ винтовками черезъ плечо.

По мѣрѣ того, какъ красныя амазонки отъ наружной постовой и караульной службы переходили къ службѣ чекистской и увлекались обысками и арестами, внѣшнiй ихъ видъ выигрывалъ съ каждымъ днемъ. Эти особы уже щеголяли на улицахъ въ котиковыхъ и каракулевыхъ сакахъ, въ лакированныхъ ботинкахъ, съ бриллiантами въ ушахъ и драгоцѣнными перстнями на наманикюренныхъ пальцахъ (маникюромъ увлекались рѣшительно всѣ коммунисты, начиная отъ правителей, кончая рядовыми стрѣлками), но попрежнему съ винтовкой черезъ плечо, дуломъ внизъ.

Это была одна изъ омерзительнѣйшихъ картинъ латышскаго коммунизма.

Притомъ, эти молодыя мегеры отличались исключительной и чисто дьявольской жестокостью.

Если какому-нибудь несчастному обывателю, подвергнувшемуся чекистскому обыску иногда удавалось тронуть сердце чекиста-мужчины и онъ, поддаваясь на слезы дѣтей, начиналъ производить обыскъ поверхностно и формально (такiе случаи бывали), то женщину-коммунистку такими сантиментальностями, какъ дѣтскiя слезы и истерика, тронуть было невозможно. У женщинъ-чекистокъ было всегда какое-то верхнее чутье, благодаря которому имъ удавалось откапывать спрятанное золото и драгоцѣнности даже въ такихъ квартирахъ, которыя уже не разъ обыскивались специалистами, обладавшими солиднымъ стажемъ.

Эти особы, забирая чужое добро, никогда не составляли ни протоколовъ, ни актовъ обыска, что все всегда продѣлывали чекисты-мужчины. Въ руки же этихъ милыхъ созданiй, послѣ паденiя Митавы, перешла вся палаческая часть. Когда была занята Рига, было совершенно точно установлено, что всѣ казни «контръ-революцiонеровъ» были совершены исключительно коммунистками. Поэтому, если въ бояхъ ландсверъ или нѣмцы брали въ плѣнъ коммунистокъ, ихъ немедленно разстрѣливали. И потому же, такъ жестока и безчеловѣчна была расправа съ этими человѣческими выродками и по занятiи Риги...

Итакъ, врагъ стоялъ подъ Митавой...

Успѣшность продвиженiя анти-большевистскихъ войскъ теперь, послѣ совѣтскихъ воззванiй, стала несомнѣнна. И, какъ всегда водится, уличные обывательскiе слухи раздули наступленiе до предѣловъ, граничащихъ съ фантастикой. Говорили о сотняхъ тысячъ германскихъ войскъ, предводительствуемыхъ ни больше, ни меньше, какъ самимъ Гинденбургомъ, тысячахъ танковъ, сотняхъ аэроплановъ и проч. въ этомъ родѣ. Но эти слухи дѣйствовали и на психику властей. Поэтому, стоило небольшому нѣмецкому отряду въ 60—80 человѣкъ подойти къ какому-нибудь курляндскому городку

или мызѣ, какъ цѣлые красные батальоны стремительно удирали.

Различные волостные и городскіе совдепы и исполкомы съ ихъ трибуналами, чрезвычайками, комендантурами, земельные комитеты, комбѣды, храбрые въ убійствѣ безоружнаго населенія, бѣжали сломя голову при одномъ только извѣстіи, что нѣмецкіе отряды находятся въ 30—40 верстахъ. При этомъ, бѣгущія мѣстныя власти забирали съ собой всѣхъ лошадей, повозки, продовольствіе, рѣзали телефонные и телеграфные провода, снимали аппараты, лишая впереди стоящихъ на фронтѣ стрѣлковъ средствъ передвиженія и оставляя ихъ, буквально, безъ всякой связи.

Передъ паденіемъ Митавы, Рига съ каждымъ днемъ переполнялась этими своеобразными бѣженцами, на десяткахъ возовъ привозившихъ съ собою не только свое дѣлопроизводство, архивы, имущество, но и обстановку своихъ помѣщеній, начиная отъ шкафовъ и столовъ, кончая табуретками, швабрами и метлами. Къ 18 марту этихъ бѣглыхъ властей съ ихъ имуществомъ настолько было уже много, что въ Ригѣ наступилъ настоящій жилищный кризисъ и жилищному отдѣлу рижскаго совѣта пришлось выселить еще нѣсколько сотъ буржуазныхъ и интеллигентскихъ семействъ изъ квартиръ. И каждое такое прибытіе курляндскихъ бѣглецовъ радовало сердца рижанъ несказанной радостью и въ глубинѣ своей души они отсчитывали дни и часы приближающагося освобожденія.

Само собой разумѣется, что это радостное нетерпѣніе рижанъ не было секретомъ для правительства, но оно, безсильное остановить наступленіе бѣлыхъ, было безсильно и уничтожить праздничное настроеніе горожанъ. И вотъ, едва ли не самый кровожадный изъ комиссаровъ, Данишевскій, въ этотъ моментъ выдвинулъ «лозунгъ» — «Надо заставить не радоваться!». Этотъ кошмарный лозунгъ, предписывавшій убивать на мѣстѣ каждаго распространителя слуховъ, полонъ такого психіатрическаго интереса и такъ характеренъ для оцѣнки настроенія власти, передъ паденіемъ Митавы, что я приведу небольшіе выдержки:

«Товарищи!

«Буржуа и остатки баронократии радуются и с надеждой взирают на Курляндские поляны, где в отчаянной борьбе против трудовой Латвии, мечутся полки баронов и их пособников. Все те, которые имеют какую-либо связь с частной собственностью, все домовладельцы, финансисты, собственники земли и даже мелкие владельцы нервозно ожидают в'езда баронов в Ригу. Они в восторге от временных неудач рабочей армии, слухами и небылицами вселяют сомнение в легкомысленных и малодушных, дабы созданной паникой разложить ряды армии и вооруженных рабочих. Отчасти это им удается. Рабочие не встречают так часто старых и ответственных работников, ибо одни раскомандированы для вершения особо важных задач, другие дни и ночи заняты по делам обороны. Этим пользуются агенты буржуазии и

баронов, распространяя слухи, что ответственные работники уже оставили Ригу, что пора бросить винтовку, ибо «немец», т. е. барон, уже у ворот Риги. Распространители слухов в восторге от частых успехов своих небылиц, ибо слабых и малодушных хватает, они всегда готовы верить самым безрассудным слухам. И самое главное, малодушные становятся самыми энергичными распространителями слуховъ, от одного к другому и вместе с тем самыми лучшими и надежными агентами буржуазии и баронов. Поэтому, невозможно отличить сознательных распространителей от несознательных, и те и другие вредны; против тех и других необходимо принять самые строгие меры. Радостная улыбка с уст буржуазии должна исчезнуть. Распускание слухов нужно прекратить. Распускатели и распространители слухов должны быть наказаны наравне с неприятельскими шпионами и провокаторами. Тут пощады быть не может. Если надо, их следует расстрелять на месте перед глазами легкомысленных слушателей. Точно также следует отнестись к малодушным беглецам. Они часто вызывают большие несчастья, как партизаны противника в нашем тылу. И даже тут мы не должны остановиться ни перед тем, ни перед другим, ни перед коммунистом, ни некоммунистом, ответственным или неответственным работником советов или партий. В условиях сражения, малодушие и неряшливость — самое большое преступление. В моем распоряжении имеются сведения о многих волостных и уездных исполнительных комитетах, прекративших работу в момент, когда неприятель в 30—40 верстах от них, покидают свои посты при первом появлении отступающих обозных частей. Даже больше, малодушные беглецы забирают с собой лошадей, телефонные аппараты, портят телефонные и телеграфные провода. И когда являются воинские отряды, часто уставшие от битвы или долгого пути, оказывается, что нет Исполнительнаго Комитета, который мог бы заботиться о продовольствии, отдыхе, отсутствуют телефонные аппараты, нельзя установить связь. Очень часто это побуждает части отступать еще дальше и вызывает тревогу и панику в рядах красноармейцев. И, таким образом, те, которые своей выносливостью и хладнокровием должны были бы поднять боеспособность армии, превращаются в врагов армии, и становятся ее дезорганизаторами и лучшими и надежнейшими агентами баронов. Это нужно прекратить. Не один раз я заявлял, что советские и партийные работники могут оставить свои сторожевые посты последними, когда все средства обороны испытаны и ни в коем случае раньше воинских отрядов. Исполнительные комитеты и ответственные работники партий могут оставить свои посты самое скорейшее с последним стрелком. Это мы должны напомнить Исполнительным Комитетам самым категорическим образом. Кто противится этому, или не принимает к сведению то, того надо расстрелять, как дезертира, покидающего бой в самый критический момент. Исполнительные Комитеты и

и фанеры воздвигалось безчисленное множество красныхъ пирамидъ, изукрашенныхъ невѣдомыми для простыхъ смертныхъ кабалистическими знаками.

Но верхомъ безвкусицы, вѣрнѣе художественнымъ хулиганствомъ, являлась фигура Карла Маркса у Окружнаго суда, сдѣланная изъ глины, выкрашенной бѣлой краской и поставленная на томъ самомъ пьедесталѣ, на которомъ, во время германской оккупаціи, стоялъ большой бронзовый памятникъ германскому солдату. Послѣ увоза нѣмцами этого памятника въ Германію, вакантное мѣсто теперь занялъ Карлъ, больше похожій на соборнаго протодьякона, чѣмъ на себя.

Кошмарны по своему отвратительному уродству были также вырѣзанныя изъ картона и раскрашенныя въ красный цвѣтъ фигуры, изображавшія различныя эмблемы труда и мира, поставленныя на крышѣ и у колоннъ нѣмецкой оперы. Издали казалось, что на крышѣ поставлены люди, съ которыхъ только что была снята кожа. Это жуткое и ужасное зрѣлище вызывало тошноту даже у людей съ очень крѣпкими нервами...

Въ этихъ лихорадочныхъ хлопотахъ по подготовкѣ къ великому пролетарскому празднику незамѣтно подошло и 1 мая. Всѣ были увѣрены, что, хотя въ этотъ-то день, совѣтская власть, истратившая по хвастливому заявленію комиссаріата финансовъ на украшеніе Риги и празднество 5 милліоновъ рублей (царскихъ), выдастъ населенію хлѣбъ, который не выдавался уже въ теченіе трехъ недѣль. Но хлѣбъ выданъ не былъ. За то «всѣ жители, отъ мала до велика, подъ страхомъ суроваго наказанія, обязаны были участвовать въ первомайскомъ шествіи, дабы передъ лицомъ всего міра и стоящаго у воротъ Риги врага, демонстрировать сплоченность и солидарность красной Риги, въ ея желаніи побѣдить или умереть за стучкину власть, интернаціоналъ и міровую соціальную революцію». Такъ, по крайней мѣрѣ гласили лозунги на плакатахъ и знаменахъ манифестантовъ.

Хотя первомайское шествіе должно было открыться въ 10 часовъ утра, но, по распоряженію комиссіи по организаціи праздненства, участники должны были быть на мѣстѣ уже съ 6 часовъ утра, чтобы строиться въ ряды, занимать очереди и идти сначала на Гризенгольмъ, одну изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ Риги и, уже оттуда, черезъ весь городъ на Эспланадную площадь къ могиламъ «борцовъ».

Трудно было опредѣлить количество манифестантовъ, но въ шествіи участвовало почти все населеніе Риги. Въ то время, какъ первыя колонны манифестантовъ прошли по Эспланадной площади въ 11 часовъ утра, заднія имѣли удовольствіе склонить свои знамена передъ могилами «борцовъ за свободу» лишь въ 4 часа дня.

Обѣщанное комиссаріатомъ продовольствія улучшеніе супа изъ городскихъ кухонь на 200 коллоріевъ выразилось въ томъ, что, вмѣсто обычной капусты, въ супѣ попадался картофель и на заправку была положена ржаная мука.

Торжество, до нѣкоторой степени, было омрачено, пареніемъ надъ манифестантами съ самаго ранняго утра, двухъ германскихъ аэроплановъ. Всякій такой полетъ въ другіе дни сопровождался бросаніемъ бомбъ на зданія комиссаріатовъ и другихъ совѣтскихъ организацій, но, на этотъ разъ въ планы нѣмцевъ не входилъ обстрѣлъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, силой вытащенныхъ на улицу. Но, однако, это пареніе аэроплановъ настолько нервировало совѣтскихъ ораторовъ, выступавшихъ на площади, что рѣчи ихъ были скомканы и не говорены, а прочитаны, а, обязанные выступать по программѣ торжествъ, Стучка, комиссаръ пропаганды, Бангъ, комиссаръ юстиціи, Бейка и нѣкоторые другіе присяжные златоусты, не явились вовсе, очевидно находя, что «береженаго Богъ бережетъ».

Вечеромъ взоры рижскаго пролетаріата прельщали фейерверки и иллюминація на площадяхъ, главныхъ улицахъ, бульварахъ и на Двинѣ.

Затѣмъ опять наступили будни, въ которыхъ погасли послѣднія надежды. Вскрылась Двина, прошелъ ледъ и унесъ въ море остатки сладкой мечты о спасеніи: если нѣмцы не сумѣли и не успѣли занять Ригу до ледохода и перейти черезъ ледъ въ любомъ мѣстѣ, то теперь, со вскрытіемъ Двины, большевики получили прочную и надежную естественную преграду, которой нѣмцамъ уже не преодолѣть. Такъ говорило отчаяніе.

Взятіе Риги.

Поэтому выходъ германскихъ войскъ изъ Митавы и продвиженіе ихъ до станціи Олай, на полпути между Митавой и Ригой, совершившееся въ десятыхъ числахъ мая, не произвели особеннаго впечатлѣнія на рижанъ. Эти военныя демонстраціи, по очищеніи Двины ото льда, казались уже запоздалыми. Теперь даже оптимисты, даже самые упорные и уклонявшіеся отъ совѣтской службы заставили сломить себя и пойти на поклонъ къ большевикамъ. Насколько мало было вѣры въ избавленіе можно было судить по тому, что даже бросавшіе бомбы германскія аэропланы теперь вызывали злобу и ненависть у людей, недавно мысленно ихъ благодарившихъ.

И все же спасеніе было ближе, чѣмъ говорило отчаяніе. Оно пришло какимъ то чудомъ и произошло съ такой стремительной быстротой, какая возможна только въ кинематографѣ. Почему нѣмцы, послѣ мѣсячной стоянки въ Митавѣ, вышли къ Олаю и, занявъ его, стояли тамъ еще двѣ недѣли, почему они вдругъ, заторопившись, оказались черезъ нѣсколько часовъ въ Ригѣ, я не знаю; не знаютъ объ этомъ до сихъ поръ и двѣ сотни тысячъ спасенныхъ рижанъ. Если кто и знаетъ правду о неожиданномъ занятіи Риги, то это только архивъ штаба желѣзной дивизіи, поскольку онъ сохранился у майора Флетчера. Но хронологически это происходило такъ:

Въ теченіе послѣднихъ двухъ дней, предшествовавшихъ взятію Риги, ежедневные гости — аэропланы, прилетавшіе въ день два-три раза, вовсе перестали появляться надъ Ригой. Но 22 мая, несмотря на пасмурное утро, въ отличіе отъ общаго правила, аэропланы появились надъ городомъ въ 6 часовъ утра и парили на такомъ неприлично близкомъ разстояніи, что простымъ глазомъ можно было видѣть не только черный крестъ, но и пулеметы на носу и груши бомбъ. Такой предупредительно ранній визитъ аэроплановъ въ пасмурную погоду и ихъ усиленный интересъ къ рижскимъ улицамъ на этотъ разъ показались не простыми и не случайными. На смѣну однихъ аэроплановъ прилетали другіе, такіе же смѣлые и безстрашные, игнорирующіе бѣшенный огонь зенитныхъ батарей большевиковъ, разставленныхъ кругомъ города и потоки свинца, лившіеся изъ пулеметовъ, еще съ мартовскаго переполоха водруженныхъ на крышахъ рижскихъ домовъ.

Но занятія во всѣхъ учрежденіяхъ открылись своимъ чередомъ и абсолютно не было больше никакихъ внѣшнихъ признаковъ, на основаніи которыхъ можно было бы сказать, что сегодня послѣдній день большевистской власти. Движеніе на улицахъ было нормальное, вышли во-время газеты, наполненныя обычнымъ сѣрымъ матеріаломъ, если не считать краткой телеграммы изъ Науэна объ окончательномъ рѣшеніи германскаго правительства отозвать свои войска изъ Прибалтики, подъ заголовкомъ — «Побѣда близка».

Дѣйствительно, побѣда была близка, но только съ другого конца и не для большевиковъ.

Въ $2^1/_2$ часа дня, кто-то позвонилъ по телефону нашему комиссару «Плѣнбѣжа», инженеру Алксне, что нѣмцы подъ Олаемъ прорвали фронтъ. Объ этомъ намъ, служащимъ «Плѣнбѣжа», откровенно разсказалъ самъ Алксне, оттого-ли, что онъ притворился, или просто не вѣрилъ этому сообщенію, отнесясь, повидимому, къ нему какъ къ чьей-то провокаціи. Занятія продолжались.

Черезъ полчаса Алксне опять вызвали къ телефону, но на этотъ разъ онъ, блѣдный и взволнованный, сталъ быстро собираться и, не сказавъ никому ни слова, ушелъ изъ «Плѣнбѣжа».

Въ четыре часа, когда уже занятія кончились и служащіе пошли домой, они были остановлены у подъѣзда окриками: «Стой! Маршъ назадъ! Закрыть окна, иначе будемъ стрѣлять.»

Перепуганные служащіе, не зная въ чемъ дѣло, пробовали все-таки итти домой, но, увидя на улицѣ цѣлыя толпы солдатъ съ винтовками на изготовку, принуждены были вернуться наверхъ и изъ оконъ увидѣли слѣдующую картину: по Большой Королевской бѣжала огромная толпа латышскихъ стрѣлковъ, безъ шинелей, въ однихъ гимнастеркахъ, нѣкоторые даже безъ фуражекъ, нѣкоторые со слѣдами крови на лицѣ, съ винтовками, направленными на окна. Когда

одинъ изъ храбрыхъ служащихъ спросилъ бѣгущаго солдата, что за причина паники, онъ успѣлъ крикнуть: «спасайтесь, нѣмцы уже въ городѣ».

Конечно, это дикое сообщеніе, панически настроенныхъ солдатъ, было абсурдомъ. Было совершенно невѣроятно, чтобы спустя какой-нибудь часъ послѣ сообщенія комиссару Алксне о прорывѣ фронта подъ Оландомъ, въ 18 верстахъ отъ Риги, нѣмцы могли уже войти въ городъ.

Набравшись храбрости, я и еще одна изъ служащихъ «Плѣнбѣжа», рѣшили пойти убѣдиться собственными глазами, что происходитъ въ городѣ. О настроеніи властей лучше всего можно было убѣдиться въ военномъ комиссаріатѣ, куда мы и направились.

Около зданія военнаго комиссаріата была настоящая паника. У подъѣзда стояло три грузовика, нагружавшіеся ящиками, бумагами, машинами, чемоданами комиссаровъ, четыре пулемета, обращенные дулами къ Двинѣ, вооруженныя до зубовъ коммунистки, свирѣпо разгонявшія любопытныхъ, все это свидѣтельствовало, что военный комиссаріатъ экстренно эвакуируется.

Но на улицахъ не было замѣтно ни массовой суетни, ни отступающихъ толпъ солдатъ, ни обозовъ, какъ это происходило при взятіи Митавы; поблизости не слышно было даже стрѣльбы изъ пушекъ. Только продолжали кружиться нѣмецкіе аэропланы, выпускавшіе то короткія струйки чернаго дыма, соотвѣтствовавшія знакамъ азбуки Морзе, то выбрасывавшіе яркія блестящія ракеты краснаго и зеленаго цвѣта.

Только уже въ половинѣ пятаго, когда мы подходили къ зданію духовной семинаріи, противъ Цитадели, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ разорвалось четыре снаряда, пущенныхъ со стороны Двины, а со стороны таможни посыпалась частая пулеметная стрѣльба. Когда мы завернули за уголъ семинаріи, вдоль Пушкинскаго бульвара также разсыпалось нѣсколько ружейныхъ залповъ. Кто стрѣлялъ и по комъ, мы не знали.

Но когда я поднялся къ себѣ въ комнату, находящуюся на третьемъ этажѣ духовной семинаріи и взглянулъ въ окно на зданіе Цитадели, я былъ ошеломленъ страшнымъ, сильнымъ, не передаваемымъ никакими человѣческими словами крикомъ, скорѣе воемъ, нѣсколькихъ сотъ людей. Одновременно, черезъ заборъ тюрьмы, сверху укрѣпленной колючей проволокой, стали перепрыгивать какіе-то люди. Въ моемъ сознаніи мелькнула ужасная мысль: это большевистскіе тюремщики выводятъ заключенныхъ для разстрѣла, это онч кричатъ послѣднимъ звѣринымъ воемъ, убѣгающіе же черезъ заборъ — смѣльчаки, рискнувшіе спастись отъ разстрѣла бѣгствомъ.

Звѣриный вопль смолкъ и когда мы съ женой стали вглядываться въ происходившее во дворѣ Цитадели, то

ясно увидѣли двухъ германскихъ солдатъ, совершенно спокойно расхаживающихъ взадъ и впередъ по тюремному двору, въ типичныхъ сѣро-зеленыхъ мундирахъ и стальныхъ шлемахъ на головѣ. Ходили они съ такимъ спокойнымъ видомъ, словно здѣсь появились не сейчасъ, а такъ таки никуда и никогда не уходили. Мы съ женой едва не лишились сознанія отъ радости и неожиданности. Появленіе нѣмецкихъ солдатъ во дворѣ Цитадели было настолько дико, фантастично, что когда мы предложили вошедшему въ нашу комнату комиссару-студенту, никогда не разстававшемуся съ краснымъ бантомъ въ петлицѣ студенческаго сюртука, посмотрѣть на тюремный дворъ, онъ сухо оборвалъ насъ и заявилъ: «это наши часовые въ шлемахъ»; а на вопросъ: что это за стрѣльба, онъ отвѣтилъ: «въ городѣ взбунтовались нѣкоторыя части, но онѣ уже успокоились».

Но намъ все уже было ясно. Жена, чтобы скрыть чувство дикой радости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боясь свирѣпаго студента, бросилась лицомъ на кровать и забилась въ истерикѣ.

Но когда студентъ-коммунистъ увидѣлъ, что нѣмцы, подъ прикрытіемъ кирпичей, стали стрѣлять въ большевистскихъ солдатъ, выбѣжавшихъ изъ таможни и бросившихъ свои ружья, а на набережной разорвалось еще два снаряда, онъ поблѣднѣлъ, растерянно улыбнулся, моментально сорвалъ свой красный бантъ и спряталъ его въ карманъ.

Теперь было совершенно ясно, что пять минутъ тому назадъ кричали отъ радости спасенные въ Цитадели заключенные, черезъ заборъ же бѣжали тюремщики. Но показывать свою радость, несмотря на очевидность, мы не рѣшались, потому что не знали, что происходитъ въ остальныхъ частяхъ города, за предѣлами нашего района. Даже когда черезъ четверть часа по занятію тюрьмы, десятка два нѣмецкихъ солдатъ повели въ тюрьму около сотни гдѣ-то арестованныхъ красныхъ солдатъ съ поднятыми вверхъ руками, мы все-же не отваживались дать волю своимъ чувствамъ и переживаніямъ. До того все это было феерично и сказочно быстро. Только уже въ седьмомъ часу вечера, когда мимо семинаріи, вдоль Пушкинскаго бульвара и Царско-Садовой промчались три броневыхъ автомобиля и прошли гуськомъ двѣ роты германскихъ солдатъ, мы дали волю своему счастію. Оно казалось теперь тѣмъ болѣе надежнымъ, что къ таможнѣ подошли четыре обитыхъ желѣзомъ буксирныхъ парохода, вооруженныхъ легкими скорострѣльными пушками и пулеметами. Это была рѣчная флотилія балтійскаго ландсвера, только что пришедшая изъ рѣки Аа Курляндской.

Уже спасенные и радущіеся, живя на набережной Двины, мы не предполагали что на противоположной сторонѣ города борьба еще продолжалась. Мы слышали пулеметную и ружейную стрѣльбу, въ которую временами вливалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Поздно вечеромъ стрѣльба слышна была уже глуше и отдаленнѣе.

Все это предыдущее описаніе внѣшнихъ событій 22 мая пока относилось лишь къ тѣмъ отдѣльнымъ моментамъ, которые попали въ полѣ моего личнаго зрѣнія. Исторически же объективный ходъ событій былъ слѣдующій:

Приказъ о наступленіи на Ригу былъ подписанъ графомъ фонъ деръ Гольцемъ вечеромъ 21 мая въ 11 часовъ и объявленъ войскамъ въ 1 часъ ночи 22 мая. Военная тайна была соблюдена въ полной мѣрѣ и этимъ объясняется тотъ расплохъ, въ какой попало красное большевистское командованіе.

Наступленіе изъ центра, изъ Олая, было начато германской желѣзной дивизіей, которая въ 2 часа ночи уже прорвала фронтъ и форсированнымъ маршемъ перешла въ стремительное наступленіе. Ударъ былъ настолько силенъ, что красные стрѣлки сразу же отошли на пять верстъ. Фланговое наступленіе поддерживали со стороны Тукума балтійскій ландсверъ и части свѣтлѣйшаго князя Ливена, латышская бригада полковника Баллода должна была наступать со стороны Шлока. Но по какому то недоразумѣнію, фланговое наступленіе ландсвера со стороны Туккума запоздало и желѣзная дивизія, опасаясь за свои фланги тоже остановилась. Это непредусмотрѣнное обстоятельство дало возможность стрѣлкамъ оправиться и дать контръ аттаку германской желѣзной дивизіи. Сраженіе приняло очень горячій характеръ и латыши ввели въ бой самые лучшіе свои и болѣе надежные полки — 3, 10, 21 и 16-й. Но около 12 часовъ дня въ районѣ Олая прибыли балтійскій ландсверъ и ливенскія части, смявшіе противника на туккумскомъ направленіи. Благодаря подоспѣвшей помощи ландсвера и латышской бригады полковника Баллода, всѣ четыре красныхъ полка были разбиты и понесли большой уронъ людьми и оружіемъ; остатки разбитыхъ полковъ уже не думали о сопротивленіи и стали спасаться бѣгствомъ.

Съ разгромомъ наиболѣе стойкаго и крѣпкаго ядра красной арміи, часть стрѣлковъ, болѣе значительная, не довѣряя двинскимъ мостамъ, разсыпалась въ направленіи Двинска и Фридрихштадта, другая бросилась въ лѣса и болота, третья сдалась на милость побѣдителей и четвертая поспѣшно отступила кь Ригѣ, бросая обозы, пулеметы, артиллерію. Отступленіе, вѣрнѣе — бѣгство, въ Ригу носило такой стремительный характеръ, что никому изъ красныхъ солдатъ, или офицеровъ не пришло въ голову взорвать, или развести мосты черезъ Двину. Если бы отступавшія части не потеряли голову и взорвали бы мосты, нѣмцы надолго остались бы по ту сторону Двины и, кто знаетъ — была бы, вообще, взята Рига, принимая во вниманіе не столько даже стратегическую, сколько сложную политическую обстановку того времени, когда Антанта взирала на рижскій походъ воистину со скрежетомъ зубовнымъ.

Что Рига не могла бы быть взята нѣмцами, въ случаѣ своевременнаго взрыва мостовъ, объ этомъ можно судить

по аналогичному примѣру во время Бермондтовскаго наступленія въ октябрѣ 1920 года. Когда 8 октября латышскія войска были разбиты Бермондтовцами и отступали черезъ мостъ въ Ригу, группа отважныхъ латышскихъ студентовъ развела мосты, сожгла часть пролетовъ и Бермондтовская армія, бывшая уже въ пригородѣ Торенсбергѣ, осталась на томъ берегу Двины. Бермондтовская армія въ теченіи шести недѣль разстрѣливала изъ пушекъ Ригу, но взять ее такъ и не могла.*)

Красные товарищи не только не подумали о порчѣ мостовъ, но, удирая безъ оглядки, не позаботились даже о временной ихъ оборонѣ, чтобы выиграть время для эвакуаціи комиссаріатовъ. Эта оборона мостовъ тѣмъ болѣе имѣла основанія, что освободительныя войска должны были итти по мостамъ безъ всякаго прикрытія и большевики могли стрѣлять безъ промаха на выборъ.

И, опять таки, въ этотъ моментъ всеобщей растерянности мужчинъ, женщины — коммунистки, взяли на себя защиту мостовъ и открыли бѣшенный огонь изъ винтовокъ и пулеметовъ по мосту. Промчавшіеся по Любекскому мосту германскіе броневики разогнали красныхъ амазонокъ. Но, когда вслѣдъ за броневиками по мосту помчалась кавалерія, красныя амазонки изъ засады во дворахъ домовъ на набережной принялись стрѣлять и одной изъ пуль коммунистокъ былъ убитъ командующій балтійскимъ ландесверомъ, баронъ Мантейфель и ранены четыре офицера. Даже когда кавалеристы начали истреблять оставшихся коммунистокъ, то послѣднія еще успѣвали бросать ручныя гранаты подъ ноги лошадей.

Вслѣдъ за кавалеріей по мостамъ побѣжала усталая и запыленная пѣхота. Началось очищеніе набережной. Въ первую очередь была занята Цитадель, въ которой находилось свыше 600 заключенныхъ, преимущественно нѣмцы, потомъ таможня и дома, гдѣ находились совѣтскія учрежденія. Приблизительно черезъ часъ былъ уже занятъ рядъ улицы, ближайшихъ къ центру, захваченъ замокъ, гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе Стучка, домъ нѣмецкихъ рыцарей, гдѣ помѣщался весь латышскій совнаркомъ, помѣщеніе чрезвычайки на Елизаветинской и революціонный трибуналъ въ зданіи Окружного суда. Одновременно съ занятіемъ домовъ, производились обыски и аресты подозрительныхъ лицъ, причемъ лица, у которыхъ находили оружіе, или которые не успѣли уничтожить свои коммунистическіе билеты, разстрѣливались на мѣстѣ и къ трупамъ убитыхъ прикладывали партійные билеты.

Коммунистокъ разстрѣливали безпощадно съ особымъ удовольствіемъ, мстя имъ за чекистскую и палаческую работу. Съ расправой надъ коммунистками торопились еще потому, что кто-то пустилъ слухъ, что латышскіе офицеры бригады Баллада спасли нѣсколько коммунистокъ путемъ взятія ихъ на поруки.

Когда былъ освобожденъ центръ, первымъ рефлективнымъ движеніемъ рижанъ явилось устремленіе на Эспланадную площадь, къ могиламъ «борцовъ за свободу», гдѣ красовались еще не убранные съ майскихъ праздненствъ фанерчатые обелиски, пирамиды, деревянныя трибуны и помосты, словомъ все то, что въ совокупности рижане называли «Циркомъ Нерона».

Въ одно мгновеніе огромная толпа людей, преимущественно женщины и дѣти, явилась, точно по сговору, на площадь, разрушила всѣ сооруженія пролетарскихъ архитекторовъ, сложила все въ огромную кучу. Откуда-то появились банки съ керосиномъ, котораго до сихъ поръ не достать было за большія деньги и весело и ярко запылалъ костеръ. Высокія могилы «борцовъ» были въ одинъ моментъ разнесены и сравнены съ землею, а цвѣты, вѣнки и ленты полетѣли въ огонь. Зрѣлище было грандіозное.

Такая же участь постигла и архитектурныя и скульптурныя украшенія въ скверѣ передъ революціоннымъ трибуналомъ у Окружнаго суда. Протодьяконская голова Карла Маркса, разбитая на мельчайшія куски, топталась ногами, деревянная обшивка цоколя облита керосиномъ и сожжена. Сюда же кто-то притащилъ нѣсколько тюковъ свѣже отпечатанной «Стучкиной валюты», сдѣлавшейся также жертвой огня.

Пока происходили эти веселыя развлеченія, на противоположномъ концѣ города еще происходила борьба. Въ задачу освободительныхъ войскъ входило не только очищеніе города отъ большевиковъ до темноты, но и скорѣйшее освобожденіе заключенныхъ, находившихся въ центральной тюрьмѣ на Матвѣевской улицѣ, потому что всякое промедленіе въ освобожденіи грозило имъ разстрѣломъ, или увозомъ изъ Риги. Эту тактику, безъ сомнѣнія, понимали большевики изъ числа наиболѣе хладнокровныхъ. Поэтому желѣзная дивизія и ландесверъ, по мѣрѣ приближенія къ восточной части города, стала встрѣчать болѣе упорное сопротивленіе коммунистовъ. На углу Суворовской и Столбовой, а также на углу Столбовой и Александровской были сооружены баррикады, снабженныя пулеметами и эти баррикады приходилось разрушать броневиками и пушками, поставленными на картечь.

Артиллерійскимъ огнемъ пришлось громить и табачную фабрику Мюнделя, въ окнахъ которой были поставлены пулеметы. Орудіями пришлось дѣйствовать и при очищеніи засады въ огромномъ домѣ правленія «Проводника», съ крышъ и чердаковъ котораго стрѣляли пулеметы, втащенные туда еще во время митавскаго переполоха. И вотъ, эта временная задержка антибольшевистскихъ войскъ оказалась роковой для заключенныхъ въ центральной тюрьмѣ.

Первоначально комиссары тюрьмы намѣревались увести заключенныхъ изъ Риги, въ качествѣ заложниковъ. Но такъ какъ явилось опасеніе, что заключенные по дорогѣ могутъ быть перехвачены и освобождены преслѣдовавшими изъ Риги,

то ихъ рѣшили разстрѣлять. Заключенные были выведены группами по 4 человѣка и разстрѣляны на тюремномъ дворѣ администраціей и коммунистами. Покончивъ кровавую работу и сѣвъ на стоявшій грузовикъ, палачи быстро умчались въ Венденъ.

Когда тюрьма была занята ландесверомъ, освободители нашли на тюремномъ дворѣ огромную кучу еще теплыхъ тѣлъ, сочащихся кровью. Всего въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ Матвѣевской тюрьмѣ было разстрѣляно 254 человѣка, изъ нихъ 11 женщинъ и 29 пасторовъ. Количество разстрѣлянныхъ было-бы несравненно больше, но за 4 дня до взятія Риги, въ Москву, въ Андрониковскій лагерь, изъ центральной тюрьмы было отправлено 300 человѣкъ заложниковъ.

И такъ несчастная, кошмарившая 4 мѣсяца и 19 дней, Рига была освобождена; тамъ, гдѣ еще висѣли недавно вылинявшія красныя тряпки, весело трепетали бѣлые флаги.

Ликвидація коммунизма.

Проснувшаяся на другое утро Рига, съ истиннымъ наслажденіемъ внимала сладкимъ звукамъ артиллерійской канонады, грохотавшей гдѣ-то далеко. Какъ оказалось, большевики были прогнаны за 20 верстъ отъ Риги.

Конечно, въ этотъ день рижанамъ было ни до работы, ни до занятій. Рига праздновала свое воскресеніе изъ мертвыхъ. Всѣ улицы, особенно набережная и центръ, кишѣли радостно настроенной прифранченной публикой, которая какъ-будно бы еще не вѣрила въ спасеніе и должна была лично убѣдиться, что событія вчерашняго дня не миражъ и не сонъ. И это не былъ сонъ, потому что какіе-то досужіе контръ-революціонеры, снимали красныя вывѣски съ совѣтскихъ учрежденій, срывая уличныя таблички съ обозначеніемъ свердловскихъ и марксовскихъ улицъ. Народъ глазѣлъ на партію арестованныхъ коммунистовъ, которыхъ вели со скрученными за спиною руками, связанными телефонной проволокой. Подсчитывали возы военной добычи, доставленной изъ-за Двины, щупали и гладили брошенные красными стрѣлками патронные и зарядные ящики, въ томъ числѣ — двѣ отличныя тяжелыя батареи, захваченныя въ Усть-Двинской крѣпости, присланныя недавно изъ Москвы, но изъ которыхъ большевики не слѣлали ни одного выстрѣла. Покупали у нѣмецкихъ солдатъ сахаринъ, электрическіе фонари, ножи и платили не торгуясь, желая хоть чѣмъ нибудь выразитьь свою признательность освободителямъ.

Но въ этой праздничной обстановкѣ меня поразила одна чрезвычайно харектерная психологическая черта.

Когда большевики на своихъ митингахъ, стращая и пугая рабочихъ бѣлымъ терроромъ, для иллюстраціи бѣлогвардѣйскихъ звѣрствъ приводили примѣры изъ французской революціи и картинно описывали, какъ буржуазныя женщины втыкали зонтики въ раны коммунистовъ, я мало вѣрилъ

описаніямъ всѣхъ этихъ ужасовъ и относилъ ихъ за счетъ «олеографическаго» ораторскаго искусства большевистскихъ ораторовъ. Но сцены, которыя я лично наблюдалъ на улицахъ Риги въ день освобожденія, убѣдили меня, что большевики не лгали. Я самъ видѣлъ, какъ десятки добрыхъ и гуманныхъ людей, съ которыми навѣрное дѣлалось дурно въ мирное время, когда они видѣли кровь на порѣзанномъ пальцѣ, теперь спокойно ходили по окровавленнымъ улицамъ и разглядывали разбитые черепа, изъ которыхъ вываливались мозги и проколотыя ножемъ ноги, съ которыхъ хозяйственные нѣмцы успѣли снять сапоги. Также хладнокровно подходили къ трупамъ прикрытымъ рогожами, приподнимали ихъ и, съ омерзеніемъ плюнувъ, отходили возмущенные. Впрочемъ, можетъ быть, нельзя было осуждать этихъ людей, потому что въ Ригѣ буквально не было ни одной семьи, не потерявшей кого либо изъ родныхъ, или близкихъ и которыя только теперь получили возможность носить трауръ безопасно.

Трупы убитыхъ на улицѣ, уже начавшіе разлагаться и покрытые большими зелеными мухами, лежали три дня. Только на четвертый день, по распоряженію военнаго командованія, трупы приказано было убрать. По улицамъ потянулись простыя деревянныя дроги, въ которыя безпорядочно складывались трупы, до верху переполненныя телѣги не вмѣщали всего груза и, иногда, трупы падали на мостовую, оставляя за собой слѣды стекавшей крови и сукровицы.

Зрѣлище, долго не забываемое.

Послѣ трехдневнаго управленія Ригой военнымъ командованіемъ, гражданская власть перешла въ руки спеціальной военной полиціи, прибывшей изъ Германіи въ количествѣ 600 человѣкъ, подъ начальствомъ капитана Фурмана, бывшаго нѣмецкаго полицеймейстера Риги во время оккупаціи. Фурману были подчинены тюрьмы, политическая жандармерія и комендатура.

Продовольственное положеніе города было отчаянное, но жители мужественно переносили привычныя лишенія. Первые дни солдаты подкармливали населеніе изъ своихъ продовольственныхъ складовъ. 28 мая въ портъ прибылъ огромный американскій пароходъ, привезшій бѣлую муку и сало. Уже на другой лень изголодавшемуся населенію изъ городскихъ лавокъ раздавался великолѣпный бѣлый хлѣбъ по $1^1/_2$ фунта на человѣка въ сутки по цѣнѣ ... 2 рубля 10 коп. за фунтъ.

Многіе плакали получая этотъ драгоцѣнныя даръ.

Черезъ нѣсколько дней германское интендантство доставило изъ Митавы сахаръ, соль, ржаную муку и макароны. На рынкахъ и базарахъ появилась дешевая рыба, стремига, годовое блюдо небогатаго рижскаго населенія.

29 мая въ Ригу прибылъ генералъ фонъ-деръ Гольцъ, торжественно встрѣченный рижскими депутаціями, явившимися съ выраженіемъ благодарности за спасеніе. Вслѣдъ за генераломъ фонъ-деръ Гольцомъ въ портъ прибылъ

англійскій крейсеръ, встрѣченный на набережной свистками толпы. Озлобленіе противъ предавшихъ Ригу и убѣжавшихъ англичанъ настолько было сильно, что вышедшіе съ корабля матросы были избиты толпой. Били англійскихъ матросовъ также въ чайныхъ, трактирахъ и скверахъ. Вслѣдствіе этого командиръ крейсера отдалъ приказъ не спускать на берегъ команду.

Вѣроятно результатомъ этого англійскаго визита въ Ригу и явился запросъ Кельворти въ англійскомъ парламентѣ 2 іюня 1919 года извѣстно ли правительству, что войска фонъ-деръ Гольца заняли Ригу и что намѣрено дѣлать правительство, чтобы побудить нѣмецкія войска оставить Ригу. О психологическомъ эффектѣ, какой вызвалъ этотъ запросъ у только что спасшихся рижанъ распространяться не буду, онъ болѣе чѣмъ понятенъ.

Какъ и когда бѣжало изъ Риги совѣтское правительство, осталось невыясненнымъ. Но извѣстно только, что оно прибыло въ Рѣжицу 25-го мая утромъ и остановилось въ вагонахъ на вокзалѣ. Въ тотъ же день былъ опубликованъ декретъ съ сообщеніемъ, что борьба за коммунизмъ продолжается, что временно выѣхавшее правительство, скоро возвратится обратно въ Ригу, такъ какъ время, международный пролетаріатъ и раздоры буржуазныхъ имперіалистовъ работаютъ на совѣтскую власть въ Латвіи. Рѣжица была объявлена временной соціалистической столицей Латвіи.

По дѣлу о паденіи Риги была назначена слѣдственная комиссія, арестовавшая въ Рѣжицѣ и Двинскѣ нѣсколькихъ красныхъ командировъ, неудачно оборонявшихъ Ригу. Въ составѣ самаго совѣтскаго правительства произошли перемѣны, такъ какъ часть «правительства», въ частности — комиссары Бейка, Линде и Лонцманъ, по пути изъ Риги, подверглись нападенію партизанъ, дѣйствовавшихъ въ тылу красныхъ войскъ. Перепуганные комиссары сбились съ дороги и, вмѣсто Рѣжицы, попали въ Псковъ, а затѣмъ уѣхали въ Петроградъ, откуда рѣшили не возвращаться до болѣе счастливыхъ временъ.

М. Ив.

Чайковскій и Ратгаузъ.

Кто не знаетъ пѣсенъ Чайковскаго? Кто не пѣлъ ихъ и не поетъ понынѣ? Не только русскіе и иностранные пѣвцы и пѣвицы, но и каждый нашъ доморощенный пѣвунъ или пѣвунья увлекаются романсами Чайковскаго.

Любителямъ поэзіи хорошо знакомы стихи Ратгауза. Давно уже они читаются и съ эстрады артистами, и заучиваются наизусть чуткой частью молодежи.

Рѣдко кому неизвѣстны романсы Чайковскаго на слова Ратгауза: «Мы сидѣли съ тобой», «Снова, какъ прежде одинъ», «Въ эту лунную ночь», «Меркнетъ слабый свѣтъ свѣчи» и много другихъ?...

Но врядъ-ли многимъ извѣстна трогательная исторія взаимоотношеній композитора и поэта. Мы имѣемъ возможность привести выдержки изъ писемъ Петра Ильича Чайковскаго къ Ратгаузу. Сколько неподдѣльной глубокой симпатіи и сердечности заключаютъ въ себѣ строки великаго композитора, возгорѣвшагося искренней симпатіей къ незнакомому ему лично, тогда еще молодому поэту. Незнакомыхъ лично, никогда не видавшихъ другъ друга въ глаза композитора и поэта — по сродству ихъ душъ, по интенсивности ихъ постоянной грусти, по томящей ихъ чуткія сердца мировой скорби — сразу непреодолимо повлекло другъ къ другу. Словами Ратгауза жалуется на свою разбитую жизнь Чайковскій: «Ахъ, зачѣмъ я тебѣ ничего не сказалъ...» Музыкой Чайковскаго грустить Ратгаузъ: «Снова, какъ прежде одинъ...»

Въ августѣ 1892 года молодой поэтъ, подобно многимъ другимъ своимъ товарищамъ по перу, послалъ Чайковскому нѣсколько своихъ стихотвореній. Петръ Ильичъ отвѣтилъ слѣдующее:

30 августа 1892 года, Москва.

Простите нѣкоторую запоздалость моего отвѣта. Я долженъ отозваться самымъ одобрительнымъ образомъ о симпатичныхъ пьесахъ Вашихъ. Не могу въ точности указать время, когда мнѣ удастся написать музыку ко всѣмъ, или къ нѣкоторымъ стихотвореніямъ Вашимъ, — но могу положительно сказать, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ напишу. Одно изъ нихъ особенно напрашивается на музыку: «Мы сидѣли съ тобой». Вообще, я долженъ откровенно сказать, что весьма часто и много

получая писемъ, подобныхъ Вашему (т. е. съ приложеніемъ стихотвореній для музыки), я едва-ли не въ первый разъ имѣю возможность отвѣтить съ полною благодарностью и выраженіемъ искренняго сочувствія.

Мнѣ кажется, что Вы обладаете истиннымъ талантомъ и льщу себя надеждой, что лица, болѣе меня авторитетныя въ дѣлѣ литературной критики, подтвердятъ мое искреннее мнѣніе.

Будьте здоровы.

Искренно преданный *П. Чайковскій.*

Въ письмѣ, помѣченномъ «5 мая 1893 года, г. Клинъ», П. Чайковскій пишетъ:

Милый Даніилъ Максимовичъ!

Спѣшу Васъ увѣдомить, что я только-что написалъ 6 романсовъ на Ваши стихотворенія. Въ непродолжительномъ времени они будутъ напечатаны.

Мнѣ бы очень хотѣлось имѣть Вашу карточку. Если Вы мнѣ пришлете таковую, то я вышлю Вамъ свою. Сегодня вечеромъ уѣзжаю не надолго въ Лондонъ и Кэмбриджъ. Вернусь въ началѣ іюня.

Искренно преданный *П. Чайковскій.*

Въ письмѣ изъ Лондона, отъ 15—3 іюня 1893 года, Петръ Ильичъ, между прочимъ, пишетъ:

Дорогой Даніилъ Максимовичъ!

Я теперь поглощенъ разнаго рода дѣломъ и особенно обязательнымъ бездѣліемъ, т. е. кочеваніемъ съ одного конца Лондона въ другой, вслѣдствіе приглашеній. Засимъ я былъ въ Кэмбриджѣ на церемоніи возведенія въ докторское достоинство, очень сложной и утомительной. Не знаю, какова будетъ судьба нашихъ романсовъ, но знаю, что писалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Зимой, дастъ Богъ, буду въ Кіевѣ и познакомлюсь съ Вами лично. *)

Приводимъ еще два письма Петра Ильича Чайковскаго къ Ратгаузу, чрезвычайно характерныхъ для великаго композитора:

19 іюня 1893 года, г. Клинъ (Моск. губ.).

Милый другъ!

Вчера я вернулся изъ трехмѣсячнаго путешествія и поспѣшаю исполнить обѣщаніе. Только здѣсь получилъ я Ваше письмо съ новой серіей стихотвореній, которыми, какъ и прежде присланными, я обязательно воспользуюсь. Получилъ я и двѣ Вашихъ карточки. Я не могу не признаться, что та таинственная симпатія, которою я возгорѣлся къ Вамъ сразу послѣ перваго письма Вашего и первой присылки стихотвореній — удвоилась послѣ этого Вашего письма и созерцанія Вашихъ портретовъ. Думаю, что ничего не скажу Вамъ новаго, если назову Васъ молодымъ человѣкомъ, одареннымъ, кромѣ симпатичнаго таланта, еще и не менѣе симпатичной наружностью.

Меня заинтересовалъ слѣдующій вопросъ. Вы талантливы, красивы, судя по изящному костюму имѣете средства, вѣроятно всѣ Васъ любятъ — словомъ Вы имѣете всѣ элементы для того, чтобы быть счастливымъ. Между тѣмъ тонъ Вашихъ стихотвореній минорный, лира Ваша настроена на очень печальный ладъ. Отчего это? Неужели внѣ исключительно сладкихъ минутъ, Вы ощущаете вѣчную «тоску бездѣльной суеты». Отчего Ваша жизнь

*) Композиторъ и поэтъ такъ и не познакомились. Осенью 1893 года. Чайковскаго не стало.

«горестна и съ тоской неразлучна». Если отвѣты на мои вопросы возможны, т. е. Si je ne commets aucune indiscretion дайте мнѣ ихъ . . .

Вообще не скорю, что Вы меня очень интересуете и что мнѣ пріятно было-бы лично познакомиться съ Вами. Возможно-ли это? Обязательно-ли должны Вы зимой пребывать въ Кіевѣ? Если да, то проѣздомъ въ Одессу осенью, я заѣду къ Вамъ. Романсы наши уже въ печати готовы. Нѣмецкій переводъ сдѣланъ, кажется, хорошо.

Вашъ *П. Чайковскій.*

На это письмо Ратгаузъ послалъ Чайковскому отвѣтъ и Петръ Ильичъ немедленно откликнулся слѣдующими строками:

1 августа 1893 года, г. Клинъ (Моск. губ.).

Милый другъ!

Не знаю, застанетъ-ли еще Васъ это письмецо. Спѣшу написать Вамъ нѣсколько словъ, чтобы успокоить Васъ. Я ни на секунду не усумнился въ Вашей искренности. Дары природы и фортуны вовсе не обуславливаютъ жизнерадостности. Меня просто заинтересовалъ вопросъ, почему Вы склонны къ грусти и печали. Есть-ли это слѣдствіе темперамента, или какихъ-либо особенныхъ причинъ? Въ сущности я, кажется, поступилъ не деликатно. Ненавижу, когда ко мнѣ залѣзаютъ въ душу — а самъ залѣзъ въ Вашу очень нахально и грубо.

Но мы потолкуемъ обо всемъ этомъ устно. Будьте здоровы и не сердитесь на меня, а главное, будьте увѣрены, что я въ искренности Вашей ни мало не сомнѣваюсь. Я имѣю претензію быть въ музыкѣ своей очень искреннимъ; между тѣмъ, вѣдь, я тоже преимущественно склоненъ къ пѣснямъ печальнымъ и тоже, подобно Вамъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, не знаю нужды и вообще могу считать себя человѣкомъ счастливымъ.

Искренно преданный *П. Чайковскій.*

Такова исторія романсовъ Чайковскаго на слова Ратгауза. Приведенныя выдержки изъ писемъ композитора къ поэту, подчеркиваютъ нѣжность и чуткость сердца П. И. Чайковскаго и его любовь къ истинной поэзіи, къ чистой лирикѣ.

Критика и библіографія.

Ѳ. Винбергъ. Крестный путь. Часть первая. „Корни зла“. Второе изданіе. Мюнхенъ 1922.

Предлагаемая, еще только І-ая часть, повидимому, очень широко задуманнаго труда, представляетъ книгу около 400 стр. очень убористой печати и заключаетъ въ себѣ массу матеріала, не имѣющаго, въ сущности, никакого отношенія къ тому «пути», который намѣтилъ себѣ авторъ. Все произведеніе носитъ характеръ сборника набросковъ отдѣльныхъ мыслей, которыя случайно заносились авторомъ на отрывныхъ листкахъ записной книжки. Тутъ есть анекдоты изъ автобіографіи автора и его воспоминаній о полковой жизни, случайные разговоры въ вагонѣ желѣзной дороги, діалогъ съ извощикомъ, новогодній разсказъ, перепечатанный изъ (вѣчной памяти) покойнаго «Призыва», еще нѣсколько

статей оттуда же и изъ другихъ газетъ, нѣсколько стихотворенiй, экскурсiя въ область отечественной исторiи, начиная отъ Рюрика, французская революцiя и принцесса де-Ламбаль, русскiй писатель Толстой и его другъ Чертковъ, мысли о соединенiи церквей, именной списокъ коммунистическихъ комиссаровъ и еще очень, очень много всякаго матерiала, одно перечисленiе котораго заняло бы не мало мѣста. Руководящей мыслью автора является желанiе посвятить свой трудъ описанiю страданiй погибшей императорской семьи. Однако въ I-ой части этого труда, доискиваясь пока еще только «корней зла», авторъ, въ сущности, своей основной темы такъ и не затронулъ.

Г. Ѳ. Винбергъ, повидимому, совершенно искренно и твердо убѣжденъ въ томъ, что «корни зла» всѣхъ тѣхъ несчастiй, которыя обрушились на Россiю, заключаются только въ «Великомъ и маломъ заговорѣ» еврейства, заговорѣ генiально задуманномъ въ мiровомъ масштабѣ и уже отчасти осуществленномъ въ отношенiи поверженной въ прахъ Россiи. Всѣ наши нестроенiя, поэтому, онъ относитъ только за счетъ еврейства и, по его мнѣнiю, не будь этой подпольной, крамольной работы — не было бы и нашей катастрофы и помѣщики и по сей день сидѣли бы спокойно на своемъ необработанномъ черноземѣ. Его детализацiя въ этомъ отношенiи доходитъ иногда до курьеза. Въ своемъ одностороннемъ увлеченiи, онъ объясняетъ еврейскими интригами, напр., даже извѣстный, въ свое время, приказъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, согласно которому наши кавалерiйскiе полки выдѣлили часть избытка своихъ людскихъ запасовъ для образованiя пѣшихъ полковъ, которые, наравнѣ съ пѣхотой, занимали наши окопы во время позицiонной войны. Тѣми же интригами онъ объясняетъ также появленiе при дворѣ Распутина и то громадное влiянiе, которымъ пользовался этотъ проходимецъ. Въ своемъ пристрастiи онъ выступаетъ также ярымъ защитникомъ Сухомлинова, Воейкова и... даже разстрѣляннаго за шпiонство жандарма Мясоѣдова и жестоко нападаетъ на такихъ русскихъ генераловъ, какъ Алексѣевъ, Корниловъ и Деникинъ, не говоря уже объ очень многихъ другихъ. Эпитеты «негодяй» и «мерзавецъ» остаются при этомъ не безъ употребленiя. Большая часть русскихъ генераловъ и едва ли не весь генеральный штабъ полностью тоже, по мнѣнiю автора, былъ участникомъ заговора и состоялъ на службѣ у еврейства, являясь лишь его послушнымъ орудiемъ.

Объ астралѣ, сатанизмѣ и Антихристѣ, которымъ также не мало мѣста удѣлено въ книгѣ г. Винберга, говорить не стоитъ. Это все слишкомъ уже не серьезно.

Итакъ «Крестный путь» г. Винберга пока привелъ насъ только къ ряду хвалебныхъ акафистовъ, воспѣтыхъ имъ тѣмъ людямъ, которые лично ему почему нибудь симпатичны и, въ сущности, къ погромной литературѣ и даже инсинуацiямъ въ отношенiи его политическихъ противниковъ и, главнымъ образомъ, въ отношенiи еврейства. Очевидно ни война,

ни революція, ни печальной памяти продолжительный опытъ довоеннаго времени — все это насъ такъ ничему и не научило. Къ еврейству, конечно, можно относиться какъ угодно — это дѣло личнаго взгляда. Но въ нашихъ собственныхъ національныхъ интересахъ пора уже, наконецъ, совершенно ясно понять и твердо это запомнить, что относить всѣ свои неудачи только за счетъ коварства противника — это, по меньшей мѣрѣ, непрактично.

Жизнь есть борьба и въ ней право — право сильнаго. Если еврейство дѣйствительно идетъ по пути завоеванія міровой власти, то это его право, но это право принадлежитъ также и не еврейству. Если еврейство завоюетъ эту власть, то-горе побѣжденнымъ, а если мы не хотимъ быть въ числѣ этихъ побѣжденныхъ, то для этого надо не обвинять соперниковъ, а бороться съ ними. Но при этомъ, конечно, орудіемъ борьбы нельзя избирать одни обвиненія евреевъ. Этихъ обвиненій еврейство нисколько не боится и смѣется надъ ними. Нельзя бороться съ еврействомъ и погромами, подъ какимъ бы соусомъ эти погромы не преподносились. Уже пора понять, что погромъ всегда приноситъ пользу не намъ, а тому же еврейству. Борьба между еврействомъ и нееврействомъ ведется уже не одну тысячу лѣтъ. Евреевъ когда-то лишили отечества, т. е. еще нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ устроили имъ первый грандіозный погромъ. И чего же добились въ результатѣ? Еврейство почти въ каждой точкѣ земного шара чувствуетъ себя дома, оно абсолютно не поддается ассимиляціи, сохраняя этимъ полную чистоту своей рассы и нѣтъ ни однаго сообщества въ мірѣ, которое было бы такъ сильно и такъ умно организовано и сплочено, какъ лишенное территоріи, родины и государства, такъ называемое, «гонимое племя». Правильность сказаннаго не требуетъ особыхъ подтвержденій — весь міръ свидѣтельствуетъ это каждый день и на каждомъ шагу. Слѣдовательно есть же, значитъ, у еврейства нѣчто такое, что способствуетъ его побѣдному наступательному движенію на пути къ завоеванію міровой власти, ибо природа наша отъявленная аристократка: она любитъ только сильныхъ и только сильнымъ даетъ дорогу. Вотъ это, такъ для насъ до сихъ поръ неуловимое «нѣчто», эту тактику, это умѣнье быть всегда сильнымъ и твердо знать чего ты хочешь, надо найти, надо его понять, надо его изучить и... надо не поносить евреевъ, а учиться у нихъ, хотя бы только до тѣхъ поръ пока мы не придумаемъ чего нибудь своего, самобытнаго, но непремѣнно равноцѣннаго, а можетъ быть и лучшаго.

Это вопросъ не спеціально русскій. Это — вопросъ міровой. И съ разрѣшеніемъ его надо очень торопиться, ткк. до сихъ поръ мы уже дали еврейству слишкомъ много фору.

Влад. Яковлевъ.

Издательница:
О. Л. Дьякова.

Редакторъ-Издатель:
И. П. Петрушевскій.

„ИСТОРИКЪ И СОВРЕМЕННИКЪ"

Историко-литературный сборникъ

ТОМЪ I. Содержаніе:

НИК. БЕРЕЖАНСКІЙ — П. Бермондтъ въ Прибалтикѣ въ 1919 году. МОРИСЪ ПАЛЕОЛОГЪ — Императорская Россія въ эпоху Великой Войны. И. И. СТЕБЛИНЪ-КАМЕНСКІЙ — Ютландскій бой (31 мая 1916 г.). Д. И. ДОРОШЕНКО — Война и революція на Украинѣ. Р. Р. КЕЛЛЕЙ — Промышленное производство въ Совѣтской Россіи. Бар. ВЛАД. ПЛОТО — Три года въ русскомъ плѣну. Критика и библіографія.

ТОМЪ II. Содержаніе:

Кн. С. П. МАНСЫРЕВЪ — Мои воспоминанія о Государственной Думѣ (1912—1917). МОРИСЪ ПАЛЕОЛОГЪ — Императорская Россія въ эпоху Великой Войны. (Продолженіе.) НИК. БЕРЕЖАНСКІЙ — Польско-совѣтскій миръ въ Ригѣ. (Изъ записокъ редактора.) Е. Н. ШЕЛЬКИНГЪ—Самоубійство монархій. Императоры Вильгельмъ II и Николай II. ЛЕВЪ УРВАНЦОВЪ — Театральныя воспоминанія. Маіоръ Г. ФРАНЦЪ —Очеркъ эвакуаціи германскихъ войскъ съ Украины. Критика и библіографія.

ТОМЪ III. Содержаніе:

Кн. С. П. МАНСЫРЕВЪ — Мои воспоминанія о Государственной Думѣ (1912—1917). (Окончаніе.) МОРИСЪ ПАЛЕОЛОГЪ — Императорская Россія въ эпоху Великой Войны. (Продолженіе.) НИК. БЕРЕЖАНСКІЙ — Польско-совѣтскій миръ въ Ригѣ. (Окончаніе:) Н. В. ГЕРАСИМЕНКО — Махно. Е. Н. ШЕЛЬКИНГЪ — Самоубійство монархій. Императоры Вильгельмъ II и Николай II. (Продолженіе.) А. ЛЯСКОВСКІЙ — М. Е. Салтыковъ въ ссылкѣ. ЛЕВЪ УРВАНЦОВЪ — Театральныя воспоминанія (Комиссаржевская, Савина, Миронова). Актъ разслѣдованія о взрывѣ бомбы на пароходѣ „Ріонъ". М. Г. — Петръ Конашевичъ-Сагайдачный.

ТОМЪ V. Содержаніе:

М. К. МАРЧЕНКО — Политика Россіи въ вопросѣ объ аннексіи Босніи и Герцоговины. МОРИСЪ ПАЛЕОЛОГЪ — Императорская Россія въ эпоху Великой Войны. ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО — У союзниковъ. (Поѣздка русскихъ писателей въ 1916 г. въ Англію, Францію и Италію.) Н. В. САБЛИНЪ III. — Три года въ красномъ флотѣ. Д. И. ДОРОШЕНКО — Война и революція на Украинѣ. Л. В. ИСЛАВИНЪ — Императоръ Николай I и католическій вопросъ въ Россіи. А. ЛЯСКОВСКІЙ — М. Е. Салтыковъ въ ссылкѣ. Н. ГРИГОРОВИЧЪ — Изъ страницъ жизни А. А. Танѣевой (Вырубовой). Критика и библіографія.

Типографія І. ВИЗИКЕ, Бранденбургъ на Гавелѣ

